

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 1 (29) | 2023

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 1 (29)

Киров
2023

Главный редактор

В. Т. Юнглод, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 1 (29)

Kirov
2023

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philol. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philol. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal «Herald of humanitarian education» is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal «Vyatka State University»

Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

---

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Шадрина Анна Васильевна. Опера В. И. Мурадели «Великая дружба»: апология и критика в г. Молотове</i>	9
<i>Тряхов Илья Сергеевич. Хищения продовольствия и борьба с этим явлением в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ивановской и Владимирской областей)</i>	20
<i>Баканов Дмитрий Константинович. Деятельность Литовского комиссариата Наркомнаца РСФСР</i>	31
<i>Михеев Михаил Викторович, Бедель Александр Эмануилович. Экономические последствия функционирования предприятий атомной промышленности СССР для машиностроения Южного и Среднего Урала 1940-х – 1950-х гг.</i>	44

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Яковкин Евгений Васильевич. К истории одной судьбы русского эмигранта. Николай Борисович Коссов – участник боев на Халхин-Голе</i>	53
<i>Сенников Алексей Иванович. Обострение холодной войны на Ближнем Востоке: советско-египетский идеологический конфликт 1958–1959 гг.</i>	60
<i>Мищенко Нина Сергеевна. Эволюция образа М. С. Горбачева в восприятии руководства США и Франции (1985–1991 гг.)</i>	78

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Парланова Айла Тельман кызы. Эволюция турецко-йеменских отношений 2005–2020 гг.</i>	92
--	----

ИСТОРИОГРАФИЯ

<i>Гончарова Екатерина Викторовна, Павлова Мария Михайловна. Социальная история второй половины XVIII в. в поле изучения дореволюционной историографии</i>	100
<i>Тихомиров Никита Вадимович. Дискурс о патриотизме в советском историческом образовании послевоенного периода</i>	109

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Шмуратко Дмитрий Владимирович. Радиоуглеродные даты курганного могильника эпохи Великого переселения народов у деревни Митино Пермского края</i>	118
---	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Курьянова Валерия Викторовна. «Непротивление», «проповедничество» и «толстовство» как мифологемы толстовского мифа в творчестве М. Горького</i>	129
--	-----

<i>Мокеева Галина Ивановна. Музыкальное мировосприятие Александра Грина: экзистенциальный смысл, ценностные основания, художественное воплощение .....</i>	136
<i>Хе Ци. Женские образы в прозе Н. Д. Телешова конца XIX – начала XX в. ....</i>	145

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Москвин Артем Сергеевич, Бушкова-Шиклина Эльвира Васильевна, Кушова Ирина Андреевна. Социальная сеть «ВКонтакте» как «культурный преемник» жалобной книги (на примере интернет-сообщества «ЗК – злой кировчанин») .....</i>	151
<i>Пудов Глеб Александрович. Вятский сундучный промысел на российских выставках (конец XIX – начало XX в.) .....</i>	160
<i>Осипова Нина Осиповна, Голенок Марина Петровна. Харбин: культурный код города в контексте судеб русской эмиграции .....</i>	167

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

- Shadrina Anna Vasilyevna*. V. I. Muradeli's opera "The Great Friendship":
apology and criticism in Molotov city..... 9
- Tryahov Ilya Sergeevich*. Food theft and the fight against
this phenomenon during the Great Patriotic War
(based on the materials of the Ivanovo and Vladimir regions) 20
- Bakanov Dmitry Konstantinovich*. Activities of the Lithuanian Commissariat
of the People's Commissariat of the RSFSR..... 31
- Mikheev Mikhail Viktorovich, Bedel Alexander Emanuilovich*. Economic consequences
of the functioning of the USSR nuclear industry enterprises
for the engineering industry of the Southern and Middle Urals 1940s – 1950s. 44

GENERAL HISTORY

- Yakovkin Evgeny Vasilyevich*. To the story of one fate of a Russian emigrant.
Nikolay Borisovich Kossov – participant of the battles on Halkhin-Gol 43
- Sennikov Alexey Ivanovich*. The escalation of the Cold War in the Middle East:
the Soviet-Egyptian Ideological Conflict of 1958–1959. 60
- Mishchenko Nina Sergeevna*. The evolution of the image of Mikhail Gorbachev
in the perception of the leadership of the USA and France (1985–1991) 78

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

- Parlanova Ajla Tel'man kyzy*. Evolution of Turkish-Yemeni Relations 2005–2020..... 92

HISTORIOGRAPHY

- Goncharova Ekaterina Viktorovna, Pavlova Maria Mikhailovna*. Social history
of the second half of the XVIII century in the field of studying
pre-revolutionary historiography..... 100
- Tihomirov Nikita Vadimovich*. Discourse on patriotism
in the Soviet historical education of the post-war period 109

ARCHEOLOGY

- Shmuratko Dmitrij Vladimirovich*. Radiocarbon dates
of the burial mound of the epoch of the Great Migration of Peoples near the village
of Mitino, Perm Krai 118

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Kuryanova Valeria Viktorovna*. "Non-resistance", "preaching" and "Tolstoyism"
as mythologems of the Tolstoy myth in the works of M. Gorky 129
- Mokeeva Galina Ivanovna*. Alexander Green 's musical worldview:
existential meaning, value grounds, artistic embodiment 136
- He Qi*. Female images in N. D. Teleshov's prose of the late XIX – early XX century..... 145

CULTURAL STUDY

<i>Moskvin Artem Sergeevich, Bushkova–Shiklina El'vira Vasil'evna, Kushova Irina Andreevna. VKontakte social network as a "cultural successor" of the complaint book (on the example of the Internet community "ZK – Zloy Kirovchanin" (Evil Kirovite))</i>	151
<i>Pudov Gleb Aleksandrovich. Vyatka chest craft at Russian exhibitions (late XIX – early XX century)</i>	160
<i>Osipova Nina Osipovna, Golenok Marina Petrovna. Harbin: cultural code of the city in the context of the fate of Russian emigration</i>	167

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 782.1(092)

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.001

Опера В. И. Мурадели «Великая дружба»: апология и критика в г. Молотове

Шадрина Анна Васильевна

заведующая кабинетом кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь. E-mail: annash_00@mail.ru

Аннотация. Главным органом контроля в области искусства в сталинский период являлись творческие союзы. В сфере академической музыки эту роль исполнял Союз композиторов. Союз композиторов, как и иные организации, реализовывал свои функции посредством политических кампаний. В статье рассматривается кампания 1948 года. Начало кампании положила публикация в «Правде» Постановления ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели». Далее последовали соответствующие мероприятия: отклики в прессе и публичные обсуждения на партийных и иных собраниях. На основании архивных источников в статье рассматривается проведение кампании в творческих и научных организациях города Молотова (г. Пермь). В качестве методологической основы использовано плотное описание, по К. Гирцу. Метод плотного описания предполагает раскрытие смыслов, которые скрываются за символическими интеракциями. Культура в рамках концепции К. Гирца понимается как система символов, упорядочивающих жизнь человека. Максимально полное раскрытие скрытых культурных символов через слова, поступки позволяет в полной мере проанализировать содержание изучаемой культурной политики. В Молотовском театре оперы и балета опера В. Мурадели также была поставлена. Итогом кампании стала самокритика отделов культуры и руководства оперного театра, переоценка прежде положительных суждений об опере со стороны творческой и научной интеллигенции, принятие установленных властью критериев правильного музыкального творчества.

Ключевые слова: советская культурная политика, советское музыковедение, сталинская культурная политика, «Великая дружба», В. И. Мурадели, советская культура, музыкальная культурная политика.

Опера «Чрезвычайный комиссар», посвященная скончавшемуся 18 февраля 1937 года Г. К. Орджоникидзе, попала в репертуарный план Большого театра уже в 1941 году. Замысел оперы принадлежал самому композитору – В. И. Мурадели. В. И. Мурадели окончил Московскую консерваторию в 1937 году, к 1941 году, в возрасте 33 лет, уже был председателем Музфонда СССР, образованного двумя годами ранее. Композитор всячески демонстрировал лояльность к власти. Так, в пример можно привести список сочинений В. И. Мурадели: Симфония № 1, посвященная С. И. Кирову (1938), поэма-кантата «Вождю» (1939), «Кантата о Сталине» (1939), торжественная увертюра к 50-летию В. М. Молотова (1940) и другие [8, с. 244].

26 августа 1946 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Главной проблемой был назван недостаток постановок на актуальные темы. «Пьесы советских авторов на современные темы оказались фактически вытесненными из репертуара крупнейших драматических театров страны» [32]. Одним из способов решения этой проблемы в Постановлении было обозначено «обязать Комитет по делам искусств принять меры по переводу на языки народов СССР и включению в репертуар театров республик лучших произведений советской драматургии». Эта проблема была поднята не впервые: еще в 1940 году Г. Ф. Александров, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), и его заместитель Д. А. Поликарпов писали докладную записку секретарям ЦК партии А. А. Андрееву, А. А. Жданову и Г. М. Маленкову: «В наиболее трудном положении с репертуаром оказались оперные театры, в силу того что ни Комитет по делам искусств, ни Оргкомитет ССК не сумели организовать композиторов для работы над созданием новых опер на современные темы. <...> В драме, опере и кино идут произведения на одни и те же те-

мы, созданные теми же авторами, с одним и тем же сюжетом, текстом, действующими лицами» [8, с. 212]. Но в 1941 году началась война, и вновь к этой теме вернулись уже только в 1946 году.

Кроме того, 18 апреля 1947 года на утверждение А. А. Жданову был отправлен план мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. Документ был подписан Г. Ф. Александровым, отстраненным спустя несколько месяцев, 17 сентября, от обязанностей начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) [30]. В документе была поставлена задача продемонстрировать «величие нашей социалистической родины, героического советского народа» [26, с. 112]. Как одну из необходимых мер для выполнения этой задачи отметили: «Обязать Комитет по делам искусств организовать работу над созданием пьес о патриотизме советского народа. <...> В ближайшее время создать на эти темы одноактные пьесы для постановки их в периферийных театрах» [26, с. 115]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что «Великая дружба» В. И. Мурадели была как никогда актуальна, опера соответствовала запросам партийного руководства.

В 1946 году работа над оперой была возобновлена по предложению руководства Комитета по делам искусств и Большого театра. На оперу возлагались большие надежды, предполагалось, что «Великая дружба» будет поставлена к 30-летию революции во всех 28 оперных театрах страны. В итоге постановка состоялась в Сталино, Ленинграде, Горьком, Новосибирске, Молотове, Свердловске, Риге, Вильнюсе, Ереване, Алма-Ате, Фрунзе и Улан-Удэ. Также в Киеве опера транслировалась по радио [8, с. 224].

Статья дирижера А. Ш. Мелик-Пашаева «Героика наших дней» об опере Мурадели была опубликована в журнале «Советское искусство» 27 сентября 1947 года. Дирижер отметил, что «Великая дружба» «отвечает насущным вопросам советского народа, ожидающего создания художественно-ценных произведений, посвященных нашей современности». В образе главного героя оперы – чрезвычайного комиссара – сочетаются «многие сильные черты – мужественность и бесстрашие, ораторский пафос, увлекающий массы, человеческая простота, благородная мягкость и отзывчивость, привлекающие к нему сердца людей» [22]. Персонаж Г. К. Орджоникидзе оказывается типичным для господствующего тогда метода социалистического реализма. Также автор отметил, что вокальные партии легки для исполнения: «Мурадели, знаток человеческого голоса и искусства пения, правильно подошел к задаче создания оперы мелодической, прежде всего воздействующей на слушателя пением».

Говоря о содержании «Великой дружбы», нельзя не отметить тот факт, что вся опера полностью состоит из штампов: клишированные речевые обороты в тексте, сам образ чрезвычайного комиссара, драматургия, основанная на сцеплении узнаваемых сценических образов [8, с. 232]. В музыке композитор не прибегал к цитированию, но использовал популярные в то время жанры (например, «Казачья песня» написана в стилистике походных солдатских песен), добавляя к ним восточные мотивы.

7 ноября 1947 года состоялась премьера «Великой дружбы» в Большом театре. Опера исполнялась в театре в течение трех вечеров, последний показ был проведен 5 января 1948 года. Уже на следующий день, 6 января, прошло совещание ЦК ВКП(б) с постановщиками и участниками оперы, которое проводил А. А. Жданов. Доклад секретаря ЦК ВКП(б) положил начало новому этапу «борьбы с формализмом». Вслед за январским совещанием прошли перестановки в руководстве Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР и Оргкомитета Союза советских композиторов. М. Б. Храпченко был освобожден от обязанностей председателя Комитета по делам искусств, на его место был утвержден П. И. Лебедев. От руководящей работы в Союзе советских композиторов были отстранены А. И. Хачатурян, В. И. Мурадели и Л. Т. Атовмян. Новым председателем Оргкомитета был назначен Б. В. Астафьев, а в состав секретариата вошли Т. Н. Хренников как генеральный секретарь, М. В. Коваль и В. Г. Захаров [32, с. 149]. Тогда появилась первая музыкальная большевистская организация, та, которую партия пыталась создать ещё в 1932 году.

10 февраля 1948 года с постановления об опере «Великая дружба» возобновилась борьба с формализмом в искусстве. Опера была названа «порочным как в музыкальном, так и в сюжетном отношении художественным произведением». Музыка была охарактеризована уже устоявшимися, шаблонными фразами: «Музыка оперы невыразительна, бедна. <...> Она сумбурна и дисгармонична, построена на сплошных диссонансах, на режущих слух звуко сочетаниях». Раскритикован был и сюжет: «Исторически фальшивой и искусственной является фабула оперы. <...> Из оперы создается неверное представление, будто такие кавказские наро-

ды, как грузины и осетины, находились в ту эпоху во вражде с русским народом, что является исторически фальшивым, так как помехой для установления дружбы народов в тот период на Северном Кавказе являлись ингуши и чеченцы¹ [29]. Также противоречия мог вызвать образ чрезвычайного комиссара Г. К. Орджоникидзе, героически показанный в постановке. Занимая должность наркома тяжелой промышленности, Г. К. Орджоникидзе неоднократно вступал в конфликты на почве кадровой политики с другими советскими руководителями, в том числе и с И. В. Сталиным [37, с. 270]. Еще в 1944 году город Орджоникидзе был переименован указом Президиума Верховного Совета СССР в Дзуджикау.

Постановление затронуло не только композиторов, но и музыкальных критиков. В записке Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР П. И. Лебедева А. А. Жданову с предложением организовать «Суд чести» над музыковедами-формалистами фигурируют имена И. Ф. Бэлзы, Л. А. Мазеля, И. И. Мартынова, Д. В. Житомирского, Г. М. Шнеерсона и С. И. Шлифштейна. В частности, критиков обвиняли в положительных отзывах о творчестве Шостаковича, а также в высказываниях о положительном влиянии «современной буржуазной музыки» на творчество композитора [11, с. 169].

По предположению Е. А. Добренко, кампания 1948 года была результатом внутривластной борьбы за влияние между А. А. Ждановым и Г. М. Маленковым [10, с. 500]. Также, ссылаясь на выступление В. И. Мурадели в Большом театре, на котором он утверждал, что вдохновлялся оперой Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», Е. А. Добренко делает вывод о том, что композитор был также привлечен к организации кампании. Опере Д. Д. Шостаковича В. И. Мурадели противопоставлял оперу «Тихий Дон» И. И. Держинского, которая, по его словам, была «слишком проста и лишена глубоких обобщений». Таким образом В. И. Мурадели выполнял функцию провокатора, обвиняя в провале оперы «зараженных западничеством композиторов-эстетов старшего поколения» [10, с. 507].

Обращение к национальной теме в культурной политике усилилось в послевоенный период. Из проекта записки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о запрещении постановки оперы В. И. Мурадели «Великая дружба» можно сделать вывод, что и по этому пункту опера оказалась «исторически фальшивой». Сюжет оперы «создает искаженное представление, будто всё казачество выступает монолитной реакционной массой против советской власти», а «если все русские, охваченные мрачным чувством мести, изображены одной черной краской, то все горцы показаны в идиллических тонах, как носители светлого прогрессивного начала» [33]. Также в упрек композитору ставилось отсутствие национальных мотивов у русских персонажей.

В «Правде» был опубликован ряд статей, которые должны были продемонстрировать реакцию народа на постановление. Так, например, откликнулась Московская государственная консерватория, восприняв постановление как руководство к действию. Критика обрушилась на композиторов, объявленных формалистами; так студент, IV курса теоретико-композиторского факультета консерватории К. В. Молчанов выразил общепризнанное мнение: «Вот уже долгое время я внутренне не был согласен с установками Прокофьева, Шостаковича и других наших “ведущих”. Но ведь едва попробуешь отойти от их влияния, <...> на факультетском кружке тебя обязательно обвинят в примитивизме» [23]. А. Иванов, в 1936 году принимавший участие в постановке «Леди Макбет Мценского уезда» Д. Д. Шостаковича и «Великой дружбе» В. И. Мурадели, также вспомнил, как после выхода статьи «Сумбур вместо музыки» они с другими исполнителями «уповали, что Шостакович и другие композиторы-формалисты учтут это серьезное предупреждение и встанут на путь реалистического музыкального искусства» [14].

Постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 года не обошло стороной и Молотовский театр оперы и балета. 12 сентября 1946 года было проведено собрание работников театра. Тут же был поставлен вопрос о том, что в репертуаре оперного театра за последние на тот момент два сезона не было опер советских композиторов. Кроме того, выяснилось, что только шесть из 17 оперных и балетных спектаклей в репертуаре принадлежат авторству русских классиков. Опера «Севастопольцы» М. В. Ковалева, принеся театру Сталинскую премию, ещё находилась в разработке. Руководством театра и парторганизацией была создана специальная комиссия, задача которой состояла в разработке нового репертуарного плана на 1946–1950 годы с учетом запросов партии.

¹ В 1944 году прошла депортация чеченцев и ингушей из Чечено-Ингушской АССР вследствие обвинения в сотрудничестве с оккупантами, антисоветской деятельности и бандитизме.

«В этом плане из общего числа 36 произведений – 29 произведений русских классиков и советских композиторов; из них: 14 произведений русских классиков, 12 произведений советских композиторов и 3 произведения братских республик. Из 36 – 7 произведений западноевропейских композиторов» [27].

«Великая дружба» тогда не вошла в новый репертуарный план, поскольку партитура оперы была прислана в театр комитетом по делам искусств только спустя год. Но постановка оперы осталась также актуальна для театра, как и в 1946 году. М. А. Русин отметил: «Я уверен, что советские композиторы, выполняя постановление ЦК партии, напишут в недалеком будущем прекрасные произведения на современные темы, отражая во всей полноте героику сталинской эпохи» [16]. Н. Т. Измайлова в своём выступлении обозначила определенные амбиции театра: «Наш театр имеет право на большее внимание со стороны газеты “Советское искусство”, так как театр за последние годы значительно вырос и имеет в своей работе немало положительного» [15]. Общественно-политическая газета «Советское искусство» была органом Комитета по делам искусств.

В Молотовский театр оперы и балета партитура оперы была отправлена Комитетом по делам искусств. За постановку взялись режиссер-постановщик лауреат Сталинской премии Е. Н. Соковнин и главный дирижер театра А. А. Людмили². В постановке были задействованы ведущие артисты театра как на главных ролях, так и в партиях второго плана. На «Великую дружбу» были брошены все силы театра. Особых трудностей во время работы над оперой не возникло. Известно только, что Н. Р. Рудаков отказался от слишком сложной партии комиссара: «Не случайно Рудаков, когда отказался петь партию комиссара, сказал, пусть сам Мурадели и поёт» [34].

Премьера оперы состоялась 30 ноября под названием «Великая дружба», впоследствии название было заменено на «Дружба народов». С. Г. Ходес³ возлагал на спектакль большие надежды, на партийном собрании, посвященном обсуждению постановления, секретарь обкома ВКП(б) Лещенко сетовал на директора театра, который «пришел в обком партии с разговором о том, что у театра отбирают первенство в постановке “Великой дружбы” и хотят отдать его ГАБТу» [34]. К 1948 году под руководством С. Г. Ходеса театр был награжден Сталинской премией за постановку оперы «Севастопольцы» и орденом Трудового Красного Знамени.

---

² Людмили^н Анатолий Алексеевич родился 13 июня 1903 года в семье музыкантов. Окончил Киевскую консерваторию по классу композиции профессора Р. М. Глиэра в 1924 году. Затем обучался у профессора Л. П. Штейнберга дирижированию. Параллельно с 1917 года выступал с оркестром Киевской оперы. После окончания консерватории сразу стал главным дирижером Киевского театра. Далее ту же должность занимал в Крымском (1929–1930), первом передвижном Украинском (1930–1931), Бакинском (1932–1933), Свердловском (1933–1941, 1955–1960), Молотовском (1944–1955) и Харьковском (1960–1962) театрах. Параллельно преподавал в музыкальных училищах и консерваториях. В 1962–1966 годах работал в Воронежском театре оперы и балета, который при нем достиг своего расцвета. Был первым постановщиком многих опер советских композиторов. В 1947 и 1951 годах становился лауреатом Сталинской премии, в 1946 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени. За постановку оперы «Севастопольцы» и «Иван Болотников» (1950) ему были присуждены Государственные премии СССР [26]. Умер в Воронеже 16 декабря 1966 года.

³ Свою профессиональную карьеру С. Г. Ходес начал в возрасте 22 лет, проработав шесть лет на административной работе в гражданских учреждениях культуры Казани и Свердловска, был назначен директором Свердловского театра оперы и балета имени А. В. Луначарского. Ещё до его назначения руководством театра проводилась политика по включению в репертуар сочинений советских, в том числе и уральских, композиторов. Новый директор не стал менять вектор развития, и в репертуаре появились такие оперы, как «Тихий Дон» Держинского (1936) и «Орлена» незадолго до этого переехавшего в Свердловск композитора В. Н. Трамбицкого (1934). Опера была посвящена восстанию ревдских углежогов на демидовских заводах в первой половине XIX века. Опера в духе тогда ещё не оформившегося в области музыки социалистического реализма с главной ролью народа и явным обращением к форме народной песни [5]. В Свердловском театре он проработал до 1939 года, после чего был переведен в Татарский государственный театр оперы и балета в Казани, там он занимал должность директора и художественного руководителя до начала Великой Отечественной войны.

До того как попасть в Молотов, С. Г. Ходес занимал должность директора театра музыкальной комедии на Кавказских минеральных водах. Там он проработал с 1941 до 1943 года, когда театр был разрушен отступающими немецкими войсками [27]. Пока здание театра восстанавливали, труппа театра выступала в Ставропольском Доме пионеров, а бывший директор был назначен в Молотовский театр оперы и балета, где проработал до 1973 года [5].

4 ноября в газете «Звезда» была опубликована подборка отзывов на оперу и поздравления театру: «Театр удачно поставил эту оперу, представления которой пользуются успехом у молотовского зрителя, воспитывают в нём горячие чувства советского патриотизма» [12]. В газете были опубликованы отзывы профессора медицинского института А. К. Сангайло, инженера паровозоремонтного завода С. Попова, директора школы № 17 З. Орловой и школьного инспектора М. Смольниковой. Опубликованные отзывы за авторством людей от музыки далеких по большей части повторяют краткий пересказ либретто, в каждом отмечается идейная составляющая оперы: «Спектакль патриотичен. Он воспитывает высокие чувства гордости за партию Ленина-Сталина, за таких её питомцев, как выведенный в спектакле комиссар» [24]. Музыкальная составляющая в рецензиях не затронута, только С. Попов отметил, что музыка оперы «динамична» и в неё «красиво вкраплены колоритные восточные темы, богатство полифонических красок, ярко очерченные характеры действующих лиц, широта, актуальность и высокая идейность содержания» [28]. Отзыв А. К. Сангайло, на тот момент еще председателя художественного совета медицинского института, включает пересказ сюжета оперы, а также похвалу артистам театра: «Много любви вкладывают артисты в исполнение лирических сцен спектакля. <...> Интересны и бурная казачка, и южная горянка. Их образы правильно поняты и переданы исполнительницами. Запомнился дуэт Галины и Муртаза в прологе (артисты Альбирт и Сильвестрова) и лирическая песня без слов (арт. Базарова)» [36].

Сам руководитель театра С. Г. Ходес писал, что эта опера поставлена к тридцатилетию Октябрьской революции и «Дружба народов», вслед за «Севастопольцами», является новым вкладом Молотовского театра оперы и балета в почетное дело реализации решений ЦК ВКП(б) по вопросам искусства и литературы [38].

В Молотове опера «Дружба народов» пользовалась успехом до публикации Постановления «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» 10 февраля 1948 года. В постановлении были раскритикованы музыка и содержание постановки. Спустя 10 дней об этом написала местная газета «Звезда». Редакции пришлось признать «своей серьезной ошибкой положительную оценку, данную ею на своих страницах опере В. Мурадели». Также в газете были опубликована статья об обсуждении постановления в Молотовском университете, обращение преподавателей Молотовского музыкального училища и отчет о прошедшем партийном собрании Молотовского театра оперы и балета. Из раза в раз упоминаются фамилии Мусоргского, Глинки, Чайковского и Римского-Корсакова как «композиторов-классиков», которые в своём творчестве обращались к народным мотивам и у которых должны поучиться современные композиторы. Также активно используются цитаты из постановления: «Немелодичная, трудно воспринимаемая музыка, избыточная диссонансами». Студентка историко-филологического факультета Вейцман поделилась воспоминаниями о своём походе в театр, где ей «с самого начала бросилось в глаза, что зал был почти пуст», зрителей оттолкнула музыка, и «они не приняли оперу с первых спектаклей» [31].

Среди отзывов, напечатанных в «Звезде» 4 ноября 1947 года, был отзыв профессора медицинского института А. К. Сангайло⁴. На прошедшем после постановления 1948 года партийном собрании А. К. Сангайло пришлось признать: «Я выступил в печати с положительным отзывом о музыке Мурадели. Видимо, это надо расценивать как мой плохой музыкальный вкус». А. Л. Фенелонов⁵ в своём выступлении проговорил, что новые музыканты-формалисты

⁴ А. К. Сангайло учился во втором Московском медицинском институте, в Молотове был избран заведующим кафедрой фармакологии в 1933 году. Под его руководством при кафедре были организованы фармакологическая и токсикологическая лаборатории, в институте он читал курс лекций по исследованию боевых отравляющих веществ и санхимзащите. В 1942 году он начал разрабатывать методику мотосенсографии, с помощью которой была выполнена его докторская диссертация на тему «Материалы к фармакологии центральной нервной системы». Антоний Константинович неоднократно избирался в состав местных партийных органов. В течение нескольких лет он был председателем художественного совета института. Есть основания полагать, что председательство в совете закончилось с выходом постановления 1948 года. В 1952 году он был переведен на кафедру фармакологии Свердловского медицинского института, где проработал до 1975 года [17].

⁵ Родителями А. Л. Фенелонина были священник из Мензелиска и библиотекарь из Елабуги. В детстве занимался репетиторством, обучался в Уфимской мужской гимназии, поступил на медицинский факультет Казанского университета. В Первую мировую войну был вынужден бросить учебу и отправиться на службу, где два года прослужил в лазаретах Красного Креста Юго-Западного фронта. После революции работал на Граховском участке недалеко от Елабуги. Там он был захвачен белыми для сопро-

«оторвались от народа», встали на путь подражания западным композиторам, но забыли, что «основная масса народов Западной Европы и Америки любят Глинку и Чайковского» [35]. Закончил своё выступление будущий заведующий кафедрой факультетской хирургии на мысли о том, что для научных работников постановление так же актуально, как и для творческих: «Научная работа должна быть гармоничной, глубоко идейной, обладать субъективностью». О. Х. Любовский, рассуждая о том, что искусство не может быть не партийным, вспомнил опубликованное в 1946 году постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»: «Наши музыканты не пересмотрели своей работы». Обвинения коснулись не только А. К. Сангайло, но и Э. М. Залкинда⁶, который, по словам П. А. Грузикова, единственный имел музыкальное образование и при этом никак не прокомментировал постановку.

В публичном пространстве все соглашались с постановлением. В дневнике рабочего авиамоторного завода А. И. Дмитриева есть запись от 24 февраля 1948 года, где он поделился своим мнением относительно вопроса музыкальной культурной политики: «Вот тут и пойми простой русский человек, что же в конце концов хорошо и где правда, если сегодня одного хвалят, а через некоторое время его в грязь втоптывают. А ведь до постановления ЦК ВКП(б) все молчали, а сейчас все “тупицы” начинают писать в газетах, что музыка плохая, что ее трудно было воспринимать и т. д. и т. д.» [9]. При этом свою оценку опере А. И. Дмитриев не дал, но выделил свои критерии оценки музыкального произведения: «Если музыка или песня нравится народу, так это хорошая вещь и ее-то и надо давать в массы». В прессе до выхода постановления публиковались только положительные рецензии на оперу В. И. Мурадели.

В театре оперы и балета на собрании все присутствующие согласились с постановлением. Тут же стало ясно, что на этапе работы над постановкой артисты видели недостатки оперы, но никто не высказывался об этом открыто. Во время обсуждения был выявлен ряд проблем, которые встали перед театром. Было принято решение впредь более ответственно подходить к выбору произведений в репертуар, Н. Т. Измайлов⁷: «Это постановление нас

вождения больных в Уфу и далее в Сибирь, был перехвачен Красной Армией Знаменского военного комитета. На Знаменском заводе недалеко от Красноярска боролся с эпидемией сыпняка. Затем в двустороннем эвакогоспитале на станции Зима служил ординатором и был откомандирован в Томский университет для завершения образования. В 1921 году оказался в факультетской хирургической клинике Пермского университета, где сначала работал ординатором, затем ассистентом, доцентом. В 1941 году защитил докторскую диссертацию на тему «О патогенезе и лечении столбняка». Спустя год он издал монографию о столбняке. А. Л. Фенелонов разработал метод лечения столбняка, с помощью которого смертность от столбняка снизилась в четыре раза. Всего им было опубликовано 37 научных работ. Был награжден двумя орденами Ленина. С 1950 по 1961 год заведовал кафедрой факультетской хирургии. Б. Л. Зиф в своих воспоминаниях писала: «Профессор читал на древних языках – греческом и латыни, увлекался серьезным театром и опереттой» [15].

⁶ Э. М. Залкинд родился в 1898 году в семье инженера-химика и учительницы музыки. Окончил с золотой медалью Киевскую гимназию, после чего поступил на медицинский факультет Донского университета. В 1922 году устроился ординатором в психоневрологическую клинику Северокавказского медицинского института, где проработал до 1932 года. Параллельно учился в Саратовской филармонии по классу фортепиано у композитора Глиэра, где получил высшее музыкальное образование. В 1932 году Э. М. Залкинд переезжает в Пермь и избирается профессором кафедры психиатрии и заведующим психиатрической клиникой Пермского медицинского института. За 16 лет работы им была создана пермская школа психиатрии, по его инициативе был организован научно-исследовательский психоневрологический институт. 20 декабря 1948 года скончался от рака легких [6].

⁷ Родилась 8 сентября 1899 в семье священника в городе Семипалатинске. Училась в гимназии в Усть-Каменогорске до 1918 года. После окончания гимназии до 1923 года работала машинисткой в уездном исполкоме и до 1925 года учила пению в педагогическом техникуме. Училась на исполнительском и педагогическом отделении Томского государственного музыкального техникума, закончила обучение в 1929 году и там же преподавала на вокальном отделении. В 1931–1934 годах работала артисткой Восточно-Сибирской краевой оперы. С 1935 года артистка в Пермском государственном театре оперы и балета. В театре проработала до 1957 года. Во время войны была устроена в труппу эвакуированного ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Занималась общественной деятельностью, избиралась депутатом областного Совета в 1939–1950 годах. Основала вокальный класс студенческого клуба Пермского государственного университета и была его первым руководителем, позже классу было присвоено её имя. Н. Т. Измайлова была награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалью за доблестный труд в Великой Отечественной войне. Ей было присуждено звание заслуженной артистки РСФСР, была лауреатом Государственной премии СССР. Скончалась 6 апреля 1968 года [3].

обязывает с еще большей строгостью подходить к подбору репертуара, к глубокому изучению и обсуждению каждого спектакля». Критике подверглась также газета театра «Наш театр», которая публиковала только хвалебные отзывы. Секретарь обкома ВКП(б) Лещенко: «Это ода нашему театру, ни одной критической заметки, одни сплошные похвалы, это надо немедленно прекратить и пойти по иному, по правильному пути». Как верно заметил М. А. Русин⁸, «Постановление ЦК ВКП(б) об опере “Великая дружба” особенно повлияет на союз композиторов». Э. Э. Гольдберг⁹ поднял вопрос о том, что в репертуаре театра мало опер советских композиторов: «Если подсчитать, сколько написано опер советскими композиторами, то это более 600, и ни одна из них не вошла в золотой фонд наших опер» [0]. С. Г. Ходес попытожил, что за сезон в театре прошло 74 оперы русских композиторов и 51 западных, в заключение директор театра сказал, что вся критика будет учтена.

Таким образом, провал оперы «Великая дружба» был вынесен на широкое обсуждение. Так, например, в Молотовском государственном педагогическом институте, кроме заседания ученого совета, посвященного постановлению, для студентов была проведена лекция на тему «Задачи советской музыки в свете Постановления ЦК ВКП(б) об опере “Великая дружба”». В университете прошло обсуждение со студентами, в медицинском институте – партийное собрание. В ходе обсуждения все участники поддержали критику, те, кто прежде высказывался об опере положительно, были вынуждены взять свои слова назад. В пример композиторам-формалистам, обозначенным в постановлении, привели Мусоргского, Глинку, Чайковского и Римского-Корсакова как «композиторов-классиков», которые в своём творчестве обращались к народным мотивам. В ходе обсуждения использовались устоявшиеся, пришедшие в оборот еще в 1936 году характеристики музыкальной составляющей оперы. Главным образом постановление затронуло Молотовский театр оперы и балета.

Постановка оперы В. И. Мурадели была для театра делом первостепенной важности. Она не только должна была стать ответом на постановление «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», постановка оперы позволяла предстать в выгодном свете перед партийно-государственным руководством, музыкальными критиками и зрительской аудиторией. Об этом свидетельствуют стремление С. Г. Ходеса к всесоюзной премьере спектакля на сцене Молотовского театра оперы и балета и учреждение в актерский состав ведущих солистов.

«Великая дружба», которой, судя по всему, был гарантирован успех, оказалась «исторически неверной». Раскритикована была не только музыка оперы, но и сюжет. Разгром постановки повлек за собой перестановки в Комитете по делам искусств и создание нового Союза советских композиторов. В. И. Мурадели был восстановлен на работе в Союзе композиторов СССР только после смерти И. В. Сталина. 28 мая 1958 года в Постановлении ЦК КПСС «Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца»

---

⁸ М. А. Русин родился в селе Турзовка 21 ноября 1902 года. С 1920 года учился в Саратовском университете на физико-математическом факультете. В 1925 году поступил на вокальное отделение Саратовского музыкального техникума, который окончил в 1929 году. До того как оказаться в Молотове, работал в Саратовском (1928–1931), Белорусском (1931–1936) и Челябинском театрах оперы и балета, а также в Запорожском и Днепропетровском театрах музыкальной комедии. В сентябре 1938 года получает работу в Пермском театре оперы и балета. Во время войны служил в тыловых артиллеристских частях на Урале и был назначен начальником маршрутных поездов. В октябре 1944 года М. А. Русин вернулся в Молотовский театр, где солистом оперы работал до марта 1963 года. Он был членом КПСС, избирался секретарем партийной организации театра, членом райкома партии, был пропагандистом общественно-политических знаний. В 1946 году награжден орденом «Знак почета», в 1950 году получил Сталинскую премию II степени за роль Никиты в опере «Иван Болотников» Н. Б. Степанова [4].

⁹ Э. Э. Гольдберг родился 22 ноября 1920 года в Польше в большой религиозной семье и получил классическое еврейское образование. Во время учебы в школе и в гимназии пел в детском хоре. После получения среднего образования поступил в Варшавскую консерваторию. В 1939 году, когда советские войска вошли на территорию Польши, перевелся в Минск на композиторское отделение. Одновременно учился в Минском институте восточных языков, обучился английскому, арабскому, древнегреческому, латинскому, немецкому языкам, также знал идиш и иврит. В 1941 году в связи с началом войны был вынужден эвакуироваться в Ташкент, где продолжил обучение во временно находившейся там ленинградской консерватории. Через три года вместе с консерваторией переехал в Ленинград. В 1946 году был принят дирижером в Молотовский театр оперы и балета, где проработал до конца своей жизни. Умер 10 сентября 1969 года в Перми [7].

ца» были пересмотрены положения Постановления 1948 года. Несмотря на то что в Постановлении об опере «Великая дружба» содержались отдельно несправедливые и неоправданно резкие оценки творчества ряда работников искусств, оно сыграло положительную роль в развитии советского музыкального искусства.

Опера В. И. Мурадели соответствовала методу социалистического реализма, к 1947 году уже закрепившемуся в музыкальной сфере, была написана к 30-й годовщине Революции. «Великая дружба» соответствовала запросу партии на создание новых современных, актуальных постановок. Однако 10 февраля 1948 года с Постановления об опере «Великая дружба» возобновилась борьба с формализмом в искусстве. Опера была названа «порочным как в музыкальном, так и в сюжетном отношении художественным произведением». Постановление ЦК ВКП(б) «Вопросы Комитета по делам искусств при Совете Министров и Оргкомитета Союза советских композиторов СССР», предшествующее постановлению об опере «Великая дружба», утвердило новый Оргкомитет союза композиторов.

Идеологическая обстановка в послевоенное время характеризовалась нарастающим давлением на искусство, рассматриваемое партийным руководством как средство пропаганды. Так, в 1948 году с разгромом оперы В. И. Мурадели и сопутствующим обновлением состава Союза композиторов завершилась централизация искусства, появилась новая политическая организация.

Список литературы

1. Биография Людмила А. А. URL: <http://www.ural.ru/спец/ency/encyclopaedia-11-1186-lyudmilin-anatolij-alekseevich.html> (дата обращения: 10.11.2019).
2. Биография Трамбицкого В. Н. (По материалам книги "Уральская государственная консерватория имени М. П. Мусоргского 75 лет истории). URL: <http://usconp.ru/istoriia/trambitckii-viktor-nikolaevich-1895-1970> (дата обращения: 08.12.2019).
3. Биография Н. Т. Измайловой. URL: http://www.archive.perm.ru/about/news/perm-pantheon-natalia-izmaylova/?special_version=Y (дата обращения: 02.02.2020).
4. Биография Русина М. А. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1804085818&idParentObject=1804085811> (дата обращения: 02.02.2020).
5. Биография Ходеса С. Г. URL: http://permnecropol.ucoz.ru/index/khodes_sg/0-16 (дата обращения: 10.11.2019).
6. Биография Э. М. Залкинда. URL: <http://www.fnperm.ru/%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B4-%D1%8D%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8C-%D0%BC%D0%B E%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.aspx> (дата обращения: 02.02.2020).
7. Биография Э. Э. Гольдберга. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1804074205&idParentObject=1804074544> (дата обращения: 02.02.2020).
8. Власова Е. С. 1948 год в советской музыке. Документированное исследование. М. : Классика-XXI, 2010. 465 с.
9. Дневник А. И. Дмитриева, запись от 24 февраля 1948. URL: <https://www.permgaspi.ru/diary/1946-1955/1948.html#142> (дата обращения: 14.02.2022).
10. Добренко Е. А. Поздний сталинизм: эстетика политики. Т. 1. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 712 с.
11. Докладная записка Агитпропа ЦК М. А. Сулову о письме главного редактора журнала «Октябрь» Ф. И. Панферова с признанием критики газеты «Культура и жизнь» / [под ред. А. Н. Яковлева] // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М. : Материк, 2005. С. 169–171.
12. «Дружба народов». Новый спектакль в Молотовском театре оперы и балета // Звезда. 1947. № 219. 4 ноября. С. 3.
13. Зиф Б. Л. Провинция. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_3_66 (дата обращения: 02.02.2020).
14. Иванов А. За настоящую музыку! // Правда. 1948. 14 февр. № 45. С. 3.
15. Из выступления Н. Т. Измайловой // Наш театр. 1946. 3 ноября. С. 3.
16. Из выступления М. А. Русина // Наш театр. 1946. 3 ноября. С. 2.
17. История развития кафедры фармакологии ПГМУ. URL: <http://www.psmu.ru/home/16-universitet/kafedru-pediatricheskogo-fakulteta/139-kafedra-farmakologii.html> (дата обращения: 02.02.2020).
18. История Ставропольского краевого театра оперетты. URL: <http://operetta.su/page/history> (дата обращения: 08.12.2019).
19. Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 216 с.
20. Корчемкин Ю. Сталинская забота о советской музыке // Звезда. 1948. 20 февр. № 36. С. 2.
21. Максименков Л. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938. Л. ; М. : Юридическая книга, 1997. 320 с.

22. Мелик-Пашаев А. Ш. Героика наших дней // Советское искусство. 1947. 27 сент. С. 3.
23. Музыка должна и будет служить народу! // Правда. 1948. 14 февр. № 45. С. 3.
24. Орлова З. Патриотический спектакль // Звезда. 1947. № 219. 4 ноября. С. 3.
25. Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / пер. с нем. И. Карташевой. СПб. : Нева, 2000. 416 с.
26. План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. Документ Агитпропа ЦК / [под ред. А. Н. Яковлева] // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М. : Материк, 2005. С. 110–116.
27. По-большевистски выполнить требования партии и народа // Наш театр. 1946. 3 ноября. С. 1.
28. Попов С. Тема мира и братства // Звезда. 1947. № 219. 4 ноября. С. 3.
29. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) Об опере «Великая дружба» В. Мурадели 10 февраля 1948. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/music.htm> (дата обращения: 15.11.2021).
30. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об изменениях в руководстве Агитпропа ЦК / [под ред. А. Н. Яковлева] // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М. : Материк, 2005. С. 138.
31. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о смене руководства Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР и Оргкомитета Союза советских композиторов СССР / [под ред. А. Н. Яковлева] // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М. : Материк, 2005. С. 149–150.
32. Постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/theatre.htm> (дата обращения: 10.11.2019).
33. Проект записки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о запрещении постановки оперы В. И. Мурадели «Великая дружба». URL: <https://stalinism.ru/kultura-i-iskusstvo/proekt-zapiski-upravleniya-propagandy-i-agitatsii-tsk-vkp-b-sekretaryu-tsk-vkp-b-a-a-zhdanovu-o-zapreshchenii-postanovki-opery-v-i-muradeli-velikaya-druzhba.html> (дата обращения: 02.02.2020).
34. Протокол № 2 открытого партийного собрания Молотовского государственного ордена трудового красного знамени театра оперы и балета от 22 февраля 1948 года. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 3307. Л. 7.
35. Протокол № 8 общего партийного собрания Молотовского медицинского института от 23 марта 1948. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2519. Л. 46.
36. Сангайло А. К. Дружба, рожденная Октябрем // Звезда. 1947. № 219. 4 ноября. С. 3.
37. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 480 с.
38. Ходес С. Г. Новая работа театра оперы и балета // Звезда. 1947. № 219. 4 ноября. С. 3.

V. I. Muradeli's opera "The Great Friendship": apology and criticism in Molotov city

Shadrina Anna Vasilyevna

head of the cabinet of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture.
Russia, Perm. E-mail: annash_00@mail.ru

Abstract. The main body of control in the field of art in the Stalinist period were creative unions. In the field of academic music, this role was played by the Union of Composers. The Union of Composers, like other organizations, realized its functions through political campaigns. The article discusses the 1948 campaign. The campaign was launched by the publication in Pravda of the Resolution of the Central Committee of the CPSU(b) "On the opera The Great Friendship by V. Muradeli". This was followed by relevant events: responses in the press and public discussions at party and other meetings. Based on archival sources, the article discusses the campaign in creative and scientific organizations of the city of Molotov (Perm). As a methodological basis, a dense description was used, according to K. Girtz. The method of dense description involves the disclosure of meanings that are hidden behind symbolic interactions. Culture within the framework of K. Girtz's concept is understood as a system of symbols that order a person's life. The fullest disclosure of hidden cultural symbols through words and actions allows us to fully analyze the content of the studied cultural policy. V. Muradeli's opera was also staged at the Molotov Opera and Ballet Theater. The result of the campaign was self-criticism of the departments of culture and the management of the opera house, reassessment of the previously positive judgments about opera by the creative and scientific intelligentsia, acceptance of the criteria for correct musical creativity established by the authorities.

Keywords: Soviet cultural policy, Soviet musicology, Stalinist cultural policy, "Great Friendship", V. I. Muradeli, Soviet culture, musical cultural policy.

References

1. *Biografiya Lyudmilina A. A.* – Biography of Lyudmilina A. A. Available at: <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-11-1186-lyudmilin-anatolij-alekseevich.html> (date accessed: 10.11.2019).
2. *Biografiya Trambickogo V. N. (Po materialam knigi "Ural'skaya gosudarstvennaya konservatoriya imeni M. P. Musorgskogo 75 let istorii)* – Biography of Trambitsky V. N. (Based on the materials of the book "Ural State Conservatory named after M. P. Mussorgsky 75 years of history). Available at: <http://usconp.ru/istoriia/trambitckii-viktor-nikolaevich-1895-1970> (date accessed: 08.12.2019).
3. *Biografiya N. T. Izmajlovoj* – Biography of N. T. Izmailova. Available at: http://www.archive.perm.ru/about/news/perm-pantheon-natalia-izmaylova/?special_version=Y (date accessed: 02.02.2020).
4. *Biografiya Rusina M. A.* – Biography of Rusin M. A. Available at: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1804085818&idParentObject=1804085811> (date accessed: 02.02.2020).
5. *Biografiya Hodesa S. G.* – Biography of S. G. Hodesa Available at: http://permnecropol.ucoz.ru/index/khodes_sg/0-16 (date accessed: 10.11.2019).
6. *Biografiya E. M. Zalkinda* – Biography of E. M. Zalkind. Available at: <http://www.fnperm.ru/%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D0%B4-%D1%8D%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8C-%D0%BC%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87.aspx> (date accessed: 02.02.2020).
7. *Biografiya E. E. Gol'dberga* – Biography of E. E. Goldberg. Available at: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1804074205&idParentObject=1804074544> (date accessed: 02.02.2020).
8. *Vlasova E. S. 1948 god v sovetskoj muzyke. Dokumentirovannoe issledovanie* [1948 in Soviet music. Documented research]. M. Classics-XXI. 2010. 465 p.
9. *Dnevnik A. I. Dmitrieva, zapis' ot 24 fevralya 1948* – Diary of A. I. Dmitriev, entry dated February 24, 1948. Available at: <https://www.permgaspi.ru/diary/1946-1955/1948.html#142> (date accessed: 14.02.2022).
10. *Dobrenko E. A. Pozdnij stalinizm: estetika politiki. T. 1* [Late Stalinism: Aesthetics of politics. Vol. 1]. M. New Literary Review. 2020. 712 p.
11. *Dokladnaya zapiska Agitpropa CK M. A. Suslova o pis'me glavnogo redaktora zhurnala "Oktyabr" F. I. Panferova s priznaniem kritiki gazety "Kul'tura i zhizn"* – Memo of the Agitprop of the Central Committee to M. A. Suslov about the letter of the editor-in-chief of the magazine "October" F. I. Panferov with the recognition of criticism of the newspaper "Culture and Life" / ed. by A. N. Yakovlev // *Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa CK* – Stalin and cosmopolitanism. 1945–1953. Documents of the Agitprop of the Central Committee. M. Materik (Mainland). 2005. Pp. 169–171.
12. *"Druzhiba narodov". Novyj spektakl' v Molotovskom teatre opery i baleta* – "Friendship of peoples". A new performance at the Molotov Opera and Ballet Theater // *Zvezda – Star*. 1947. No. 219. November 4. P. 3.
13. *Zif B. L. Provinciya* [Province]. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_3_66 (date accessed: 02.02.2020).
14. *Ivanov A. Za nastoyashchuyu muzyku!* [For real music!] // *Pravda – Truth*. 1948. February 14, No. 45. P. 3.
15. *Iz vystupleniya N. T. Izmajlovoj* – From the speech of N. T. Izmailova // *Nash teatr – Our theater*. 1946. November 3. P. 3.
16. *Iz vystupleniya M. A. Rusina* – From the speech of M. A. Rusin // *Nash teatr – Our theater*. 1946. November 3. P. 2.
17. *Istoriya razvitiya kafedry farmakologii PGMU* – History of the development of the Department of Pharmacology of PSMU. Available at: <http://www.psmu.ru/home/16-universitet/kafedry-pediatricheskogo-fakulteta/139-kafedra-farmakologii.html> (date accessed: 02.02.2020).
18. *Istoriya Stavropol'skogo kraevogo teatra operetty* – History of the Stavropol Regional Operetta Theater. Available at: <http://operetta.su/page/history> (date accessed: 08.12.2019).
19. *Kimerling A. S. Vypolnyat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdnej stalinskoj epohi* [To fulfill and deceive: political campaigns of the late Stalin era]. M. Publishing House of the Higher School of Economics. 2017. 216 p.
20. *Korchemkin Yu. Stalinskaya zabota o sovetskoj muzyke* [Stalin's concern for Soviet music] // *Zvezda – Star*. 1948. February 20, No. 36. P. 2.
21. *Maksimenkov L. Sumbur vmesto muzyki. Stalinskaya kul'turnaya revolyuciya 1936–1938* [Confusion instead of music. Stalin's Cultural Revolution 1936–1938]. L. ; M. Yuridicheskaya kniga (Legal book). 1997. 320 p.
22. *Melik-Pashaev A. Sh. Geroika nashih dnei* [The heroics of our days] // *Sovetskoe iskusstvo – Soviet art*. 1947. 27 Sep. P. 3.
23. *Muzyka dolzhna i budet sluzhit' narodu!* – Music should and will serve the people! // *Pravda – Truth*. 1948. February 14, No. 45. P. 3.
24. *Orlova Z. Patrioticheskij spektakl'* [Patriotic performance] // *Zvezda – Star*. 1947. No. 219. November 4. P. 3.
25. *Plaggenborg Sh. Revolyuciya i kul'tura: kul'turnye orientiry v period mezhdu Oktyabr'skoj revolyuciej i epohoj stalinizma* [Revolution and culture: cultural landmarks in the period between the October Revolution and the era of Stalinism] / transl. from German by I. Kartasheva. SPb. Neva. 2000. 416 p.

26. *Plan meropriyatij po propagande sredi naseleniya idej sovetskogo patriotizma. Dokument Agitpropa CK* – Action plan for the promotion of the ideas of Soviet patriotism among the population. The Agitprop document of the Central Committee / ed. by A. N. Yakovlev // *Stalin and cosmopolitanism. 1945–1953. Documents of the Agitprop of the Central Committee. M. Materik (Mainland). 2005. Pp. 110–116.*

27. *Po-bol'shevistski vypolnit' trebovaniya partii i naroda* – To fulfill the demands of the party and the people in a Bolshevik way // *Nash teatr* – Our theater. 1946. November 3. P. 1.

28. *Popov S. Tema mira i bratstva* [The theme of peace and brotherhood] // *Zvezda* – Star. 1947. No. 219. November 4. P. 3.

29. *Postanovlenie Politbyuro CK VKP(b) Ob opere "Velikaya druzhba" V. Muradeli 10 fevralya 1948* – Resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) On the opera "The Great Friendship" by V. Muradeli on February 10, 1948. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/music.htm> (date accessed: 15.11.2021).

30. *Postanovlenie Politbyuro CK VKP(b) ob izmeneniyah v rukovodstve Agitpropa CK* – Resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) on changes in the leadership of the Agitprop of the Central Committee / under ed. by A. N. Yakovlev // *Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa CK* – Stalin and cosmopolitanism. 1945–1953. Agitprop documents of the Central Committee. M. Materik (Mainland). 2005. P. 138.

31. *Postanovlenie Politbyuro CK VKP(b) o smene rukovodstva Komiteta po delam iskusstv pri Sovete Ministrov SSSR i Orgkomiteta Soyuza sovetskikh kompozitorov SSSR* – Resolution of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (b) on the change of leadership of the Committee for the Arts under the Council of Ministers of the USSR and the Organizing Committee of the Union of Soviet Composers of the USSR / ed. by A. N. Yakovlev] // *Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa CK* – Stalin and cosmopolitanism. 1945–1953. Documents of the Agitprop of the Central Committee. M. Materik (Mainland). 2005. Pp. 149–150.

32. *Postanovlenie CK VKP(b) "O repertuare dramaticheskikh teatrov i merah po ego uluchsheniyu"* – Resolution of the Central Committee of the CPSU(b) "On the repertoire of drama theaters and measures to improve it". Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/theatre.htm> (date accessed: 10.11.2019).

33. *Proekt zapiski Upravleniya propagandy i agitacii CK VKP(b) sekretaryu CK VKP(b) A. A. Zhdanovu o zapreshchenii postanovki opery V. I. Muradeli "Velikaya druzhba"* – Draft note of the Propaganda and Agitation Department of the Central Committee of the CPSU (b) to the Secretary of the Central Committee of the CPSU (b) A. A. Zhdanov on the prohibition of staging the opera by V. I. Muradeli "The Great Friendship". Available at: <https://stalinism.ru/kultura-i-iskusstvo/proekt-zapiski-upravleniya-propagandy-i-agitatsii-tsk-vkp-b-sekretaryu-tsk-vkp-b-a-a-zhdanovu-o-zapreshchenii-postanovki-opery-v-i-muradeli-velikaya-druzhba.html> (date accessed: 02.02.2020).

34. *Protokol № 2 otkrytogo partijnogo sobraniya Molotovskogo gosudarstvennogo ordena trudovogo krasnogo znamenii teatra opery i baleta ot 22 fevralya 1948 goda. Mashinopis'* – Protocol No. 2 of the open party meeting of the Molotov State Order of the Red Banner of Labor of the Opera and Ballet Theater dated February 22, 1948. Typescript // Perm State Archive of Social and Political History. F. 20. Inv. 1. File 3307. Sh. 7.

35. *Protokol № 8 obshchego partijnogo sobraniya Molotovskogo medicinskogo instituta ot 23 marta 1948. Mashinopis'* – Protocol No. 8 of the general party meeting of the Molotov Medical Institute of March 23, 1948. Typescript // Perm State Archive of Social and Political History. F. 20. Inv. 1. File 2519. Sh. 46.

36. *Sangajlo A. K. Druzhba, rozhdennaya Oktyabrem* [Friendship, born in October] // *Zvezda* – Star. 1947. No. 219. November 4. P. 3.

37. *Hlevnyuk O. V. Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [Host. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2009. 480 p.

38. *Hodes S. G. Novaya rabota teatra opery i baleta* [New work of the Opera and Ballet Theater] // *Zvezda* – Star. 1947. No. 219. November 4. P. 3.

Хищения продовольствия и борьба с этим явлением в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ивановской и Владимирской областей)

Тряхов Илья Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Россия, г. Владимир.
ORCID: 0000-0001-6488-5205. Researcher ID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация. Необходимое количество продовольствия есть основа для успеха в боевых действиях, как в тылу, так и на фронте. В годы Великой Отечественной войны в связи с потерей в 1941–1942 гг. РККА обширных территорий сложился острый дефицит продовольствия, следствием чего стало голодное существование значительной массы населения тыла. Для городского населения была установлена карточная система снабжения. Доступ отдельных лиц к дефицитному товару стал основой для различных нарушений в сфере снабжения продовольствием, главным из которых были спекуляции и незаконное расходование карточек. В то же время это были не единственные нарушения в этой сфере. Распространённым явлением было несоблюдение норм выдачи продовольствия лицам, имевшим на это право. Это касалось, например, стахановцев. Анализ доступных источников, созданных партийными комитетами Владимирской и Ивановской областей, показал, что противодействие нарушениям в продовольственной сфере со стороны правоохранительных органов не отличалось эффективностью. На эту негативную сторону их работы неоднократно обращали внимание на заседаниях и пленумах горкомов разных городов области. Случаи хищения продовольствия носили неоднозначный характер, и если махинации с талонами и воровство продуктов руководителями и работниками складов и столовых были в основном способом нажиться на бедах сограждан, то кражи продуктов несовершеннолетними и военнослужащими объяснялись их полуголодным существованием. Следует иметь в виду, что значительная часть хищений совершалась при попустительстве правоохранительных органов. Вместе с тем немалая часть преступлений в сфере распределения продовольствия вообще никак не фиксировалась.

Ключевые слова: продовольственное снабжение, жители тыла, Великая Отечественная война, спекуляция, разбазаривание, карточная система.

Введение. Базовой потребностью, необходимой для существования человека, является пища. В годы Великой Отечественной войны острейшим образом встал вопрос продовольственного снабжения населения. Потеря значительной части территорий в результате неудач Красной армии в 1941–1942 гг. привела к дефициту жизненно необходимых продуктов. Советское государство и его граждане пытались изыскать различные способы для компенсации этого недостатка.

Среди многих проблем повседневной жизни населения тыла продовольственная потребность является сравнительно хорошо изученной. Связано это с её несомненной очевидностью, рефреном проходящей в воспоминаниях каждого человека, пережившего войну. Ряд исследований, вышедших в советский период развития отечественной исторической науки, был посвящён анализу продовольственных реалий в условиях войны на общегосударственном уровне [4; 10; 13]. В 1980-е гг. стали появляться труды, посвящённые борьбе со спекуляцией в военное время [11]. В постсоветский период российская историография получила возможность более глубоко заниматься темой продовольственного снабжения. Стали шире изучаться неприглядные стороны этой сферы, критически анализировалась продовольственная политика советского государства [14]. Обращает на себя внимание тот факт, что эта проблема интересна и американским историкам. Исследователям из Индианского университета удалось взвешенно оценить деятельность советского государства в сфере продовольственного снабжения населения в условиях потери значительных территорий страны, являвшихся жителями государства в довоенные годы [51].

Российские учёные сосредоточились на исследовании способов и стратегий выживания людей в тяжёлых военных условиях [1; 17]. Современные работы носят преимущественно региональный характер [2; 5; 8; 15; 16; 20]. В то же время внимание привлечено к проблемам

спекуляции продовольствием [3; 7; 9; 19] и его хищению [12]. По данным отечественного исследователя С. М. Емелина, в годы войны ежегодно в стране ежегодно совершалось свыше 200 тыс. преступлений в экономической сфере, из которых от 40 до 70 тыс. были связаны с делами, касающимися спекуляции [6]. Причиной преступлений чаще всего было социальное неблагополучие [21]. Ряд граждан использовали военное время в корыстных целях, пользуясь тяжёлым положением своих соотечественников, и в полной мере следовали принципу «Кому война, а кому мать родна» [18]. Исследователи стремятся выявить типичные нарушения в сфере распределения продовольствия и его влияния на повседневную жизнь граждан [22].

Цель настоящей статьи – попытка проанализировать масштабы нарушений в продовольственной сфере в годы Великой Отечественной войны, выявить их причины и последствия.

Для реализации заявленной цели были использованы архивные фонды, принадлежавшие областным комитетам ВКП(б) Владимирской и Ивановской областей, а также горкомам, существовавшим в этих регионах.

Основная часть. Как известно, для городского населения в годы Великой Отечественной войны одним из источников снабжения продовольствием были карточки или талоны. Они были наиболее серьёзным объектом махинаций со стороны граждан, имевших доступ к их распределению или отовариванию. Несмотря на периодические проверки со стороны государственных и партийных инстанций, незаконные действия в отношении талонов были широко распространены. В 1942 г. в Гусь-Хрустальном было обнаружено незаконное расходование «фондируемых» продуктов. Было перерасходовано 1003 талона, но до рабочих они не дошли [31, л. 30; 35, л. 76]. В Иваново председатель Обкома Союза мясохолодильной промышленности Кесарев в течение двух лет получал пять излишних карточек и продавал их на рынке [49, л. 4]. Домашняя хозяйка Агафонова получала в карточном бюро четыре карточки и в то же время вторично на четверых человек получала карточки по месту работы мужа. Работница Шишкина с начала войны получала двойные карточки в карточном бюро и на комбинате, где работала. Работница фабрики им. Дзержинского Журавлёва получала на двух детей талоны по месту работы, а её муж получал на детей талоны в карточном бюро. Аналогичная ситуация была с гражданкой Смирновой. Студентка 5-го курса медицинского института Чухнина имела восемь стандартных справок и получала две карточки по группе рабочих, две на иждивенцев и четыре детские. Вместе с управляющей домоуправления № 76 Агафоновой они их делили, и последняя оформляла карточки печатью. Отмечалось, что Чухнина для того, чтобы получить дополнительные карточки и заручиться стандартной справкой, взяла из детского дома девочку на воспитание, прописала её, а через неделю сдала обратно в детдом. Были зафиксированы и другие случаи сговоров отдельных граждан с домоуправляющими. Военрук 22-й неполной средней школы Булыгин получал на себя двойные карточки в военкомате и в школе.

Имелись случаи получения карточек на вымышленные фамилии и адреса. Только в Иваново в 1943 г. проверяющие обнаружили 249 таких случаев. Там же выявили 187 случаев выдачи справок на выбывших и умерших лиц. Некая гражданка Смирнова, проживавшая в Сталинском районе города Иваново, 11 месяцев получала карточки на умершую мать [49, л. 5].

Имелись случаи подделки талонов. Так, хлеборезка Панчук, работавшая на заводе № 745, пыталась сдать поддельные талоны, в результате чего едва не присвоила более 243 кг хлеба. Ответственный за приёмку и сдачу карточек (фамилия в источнике не указана) в областной туберкулёзной больнице подделал 100-граммовые талоны на 400-граммовые и таким образом едва не похитил 54 кг хлеба [49, л. 139 об.].

Как уже отмечалось ранее, эффективная работа карточной системы во многом зависела от контроля со стороны областного и районного карточного бюро. В Иваново только в одном из проверенных магазинов в январе 1942 г. была выявлена недостача в размере 1077 кг хлеба [48, л. 44].

Нарушения с распределением карточек фиксировались в крупном промышленном центре региона Коврове. Претензии горкома в отношении местного Торга и Трансторгпита заключались в отсутствии должного контроля над продавцами и заведующими магазинами. Это давало возможность заведующим магазинами и продавцам злоупотреблять своим положением. Отрезанные талоны в магазинах в установленный срок Торгом и Трансторгпитом не реализовывались и не уничтожались [27, л. 23].

ОРС пристани Муром Наркомречфлота тоже отметился незаконным расходованием продуктов. В 1944 г. не удалось подтвердить документами расход 722 кг мяса и рыбы, 177 кг

жиров, 1209 кг круп и 6 кг сахара. В столовой ОРСа питался контингент, не сдавший талоны. Работники, связанные с установлением норм выдачи, были незнакомы ни с нормами выдачи, ни с эквивалентом их заменителей [43, л. 32]. Аналогичные претензии были к одному из детских домов Муром, где ответственные работники не контролировали выдачу продуктов питания и не принимали участия в составлении меню. Попытка медицинского работника ближе заняться вопросами питания была агрессивно встречена поваром и кладовщиком [44, л. 44].

Определённое распространение получил отпуск работниками столовых продуктов по запискам [29, л. 26 об.]. Параллельно с этими проверками в Иваново выявлялись случаи незаконной выдачи хлеба по коммерческим ценам своим рабочим, а другим лицам по запискам [48, л. 43 об.]. Ещё одной сложностью карточной системы стали потери талонов со стороны отдельных лиц. В том же Иваново заведующая райторготделом Киселёва в 1942 г. дала распоряжение о выдаче новых талонов взамен утерянных. Нередко же якобы утраченные карточки задерживались у родственников потерявшего. Результатом такой практики стало требование заведующей торговым отделом Ивановского обкома Назаровой выдавать талоны только в исключительных случаях [47, л. 50].

В условиях Великой Отечественной войны самым частым нарушением в продовольственной сфере было хищение продуктов. Кражей продовольствия, как правило, с целью его сбыта на «черном» рынке занимались преимущественно торговые работники. Случаев, в результате которых начинались расследования и возбуждались уголовные дела, было немало. Некоторые приговоры были суровыми. В Александрове в 1942 г. обвинение было предъявлено главе пригородного совхоза П. М. Акимову, который систематически пьянствовал и незаконно получал продуктовые карточки на членов семьи, которые проживали в сельской местности с его первой женой, а последняя являлась членом колхоза. Как известно, на колхозников карточная система не распространялась. При этом Акимов ссылался на то, что получил устное разрешение на это от заведующего карточным бюро Казанской ещё в сентябре 1941 г. Случай с Акимовым не кажется вопиющим. Так посчитало и бюро горкома ВКП(б), которое ограничилось строгим выговором с предупреждением и занесением в личное дело, сославшись на его безупречную работу в прошлом. Но работы руководителя он всё же лишился [36, л. 156–157].

На Ивановском хлебозаводе в 1942 г. ликвидировали группу «хищников» из 12 человек. За короткий срок им удалось похитить 76 т хлеба и специзделий [46, л. 14]. В ряде районов региона было разбазарено питательных смесей на 37 тыс. детских порций и около 3 т фруктовых соков [46, л. 14 об.].

В документах Ивановского обкома сохранились сведения о недостатках и растратах в системе Ивоблпотребсоюза, которые были выявлены в ходе проверок.

Таблица 1 [48, л. 143]

Сравнение растрат относительно оборота

Наименование	1940	1941	1942	1-е полугодие 1943
Выявлено растрат за отчётный период в розничных. ценах в т. р.	792	1167	441	153
% к обороту	0,15	0,2	0,13	0,07
Списано на убыток	641	392	285	49
Количество случаев недостач, хищений и растрат	938	1097	426	82

Как видно из табл. 1, относительно оборота растрат было не так много, но их размер вырос в первый военный год. В дальнейшем же он несколько снизился. Это не обязательно говорит о реальном снижении нарушений, а также может являться следствием слабой эффективности проверок.

В одном из дел, найденном в фонде Ивановского обкома, сохранилась справка об израсходовании товаров и сырья с нарушением установленных законом положений. Справка включала в себя торговые точки, расположенные на всей территории области, временной период с 1 марта по 1 сентября 1943 г. Ниже в табл. 2 приведены количественные данные об этом.

Таблица 2

Количественные данные по справке об израсходовании товаров и сырья

	Наименование	Единица измерения	Количество
1	Хлеб	кг	17912
2	Мука		6868
3	Мясо-рыба		2453
4	Все заменители мясо-рыбы		426
5	Жиры		516
6	Крупа и макаронные изделия		3135
7	Сахар и кондитерские изделия		1023
8	Соль		7738
9	Картофель		20276
10	Ткани	метр	3925
11	Готовое платье	шт.	40
12	Бельё		300
13	Трикотаж		65
14	Обувь	пары	276
15	Мыло разное	кг	364

Проверкой было охвачено 956 торговых точек из 1233 по региону. В результате было обнаружено 58 нарушений с расходом товаров, вскрыто 185 случаев обмериваний, обвешиваний и обсчётов на 121 предприятии [48, л. 179]. Количество эпизодов, разумеется, было большим, в документе отражены лишь подтверждённые данные.

В течение 1943 г. только в Иваново зафиксировали 312 эпизодов хищений продуктов. Это выражалось в пропаже 9519,3 кг хлеба, 804,8 жиров, 8237,6 мяса, 3487,3 кг крупы [49, л. 139 об.]. Зафиксированные размеры хищений позволяют говорить о том, что нехватка продовольствия была бы минимизирована в случае отсутствия краж. В Вязниках отмечались случаи обкрадывания рожениц. Вместо положенных 600 г хлеба женщинам давали лишь 400 г, причём инструктор горкома, обнаруживший нарушения, прямо указал на отсутствие борьбы с этим явлением со стороны руководства больницы. Ему же снисходительно ответили: «Война, а поэтому воруют» [41, л. 34].

По данным органов НКВД города Александрова за 1942 г., расследовалось 34 дела в рамках борьбы с расхищением социалистической собственности, в результате к уголовной ответственности привлекли 57 человек. По неполным данным похитили 15420 кг хлеба и 140 кг кондитерских изделий. Общий ущерб составил колоссальную сумму в 282 000 руб. (здесь также учтена стоимость похищенной мануфактуры). Правоохранители связывали эти хищения с последующей спекуляцией [40, л. 3]. НКВД рапортовал о раскрытии ряда групп похитителей. Так, руководители одной из них – Анохин и Голубев, совершавшие хищения с мельницы «Металлист», были приговорены к расстрелу, остальные участники – к разным срокам лишения свободы. В артели «Освобождение» группа, возглавляемая Шибаевым, приговорена к разным срокам заключения. На александровской фабрике «Искождеталь» бывшая заведующая отделом кадров Грязнова выписывала лишние хлебные карточки на несуществующих рабочих и раздавала последние без учёта разным лицам. По подсчётам контролирующих органов и прокуратуры, она «разбазарила хлеба более 11 тонн» [40, л. 4 об.]. В городском Торге была обнаружена и ликвидирована группа, возглавляемая Кулагиной (зав. магазином Торга № 11) и Архиповой (зав. магазином № 3 Торга). Эти заведующие уничтожали талоны на нереализованный хлеб, который раздавали участникам своей группы, которые его перепродавали, что по закону считалось спекуляцией. В ходе обысков у Кулагиной было найдено хлебных талонов на 2196 кг, на сахар 102 кг. У Архиповой нашли талонов на 100 кг хлеба, кроме того, у неё было 100 м шелковой и шерстяной материи и 10 667 руб. [40, л. 4 об.]. Следствие особенно отмечало, что среди арестованных и осуждённых за вышеперечисленные преступления были кандидаты и члены партии [40, л. 5.]. Вероятно, что такая деятельность относительно долгий срок и была возможна в основном при соучастии партийных работников.

С самого начала войны распространились спекуляции. В Коврове за период с 22 июня по 10 августа 1941 г. заведено 14 дел с привлечением к ответственности 22 человек. При этом со стороны правоохранительных органов не только велась реальная борьба со спекуляциями – было и неправомерное привлечение к ответственности, в результате чего дела разваливались в судах. У возчика Н. С. Пикаева обнаружили 24 кг пшеницы, которое тот вёз от матери. Его мать получила пшеницу на трудодни в колхозе, и суд гражданина оправдал [24, л. 272].

Работницы заводских столовых Коврова Горохова, Петрова и Никитина расхищали с мест своей работы рыбу, масло и мясо и были осуждены к лишению свободы. У кладовщика Сорокина в ходе проверки была выявлена недостача на 51 245 руб. Помимо этого на заводе им. Киркиж и в системе горздравотдела Коврова пропал спирт, но к ответственности никого не привлекли [25, л. 21].

На помойках и в бомбоубежищах отдельных предприятий обнаруживали приготовленное к хищению мясо. Массовые кражи хлеба имели место в 1943 г. в трансторгпите Александрова, в результате которого было арестовано пять человек. Отмечалось, что хлеб незаконно расходовался на корм лошадей, а в конюшне было найдено 55 кг хлеба [38, л. 24].

Среди крупных нарушений в сфере снабжения продовольствием следует рассказать о крупном происшествии, случившемся в начале июля 1942 г. в городе Гусь-Хрустальный на текстильной фабрике «Красный Профинтерн», которая работала на нужды фронта. 5 июля 1942 г. ряд рабочих фабрики пожаловались на отравление. К концу дня 6 июля заболевших было уже 250 человек. В результате последующих дней появлялись новые заболевшие, и их число составило 485 человек, из них 43 были госпитализированы. Начавшееся расследование доказало, что отравление произошло из-за употребления в столовой супа с мясом, так как те, кто съел вегетарианские блюда, никак не пострадали. Было выяснено, что паратиф был вызван мясным отравлением, так как 4 июля в пищу в столовой фабрики употреблялось гнилое мясо. В результате гниения выделился «вульгарный протей», который относится к группе отравителей [32, л. 1 об.].

Расследование показало, что директор ОРСа фабрики Шилин, зав. столовой Козлова, зав. производством столовой Анисимова и кладовщик Маслов, имея прямое запрещение употреблять негодное мясо, боясь ответственности за порчу продуктов питания, решили это всё же сделать. Помощник санитарного врача Шилова подтвердила требование изъять мясо ещё 30 июня. Аналогичные показания дала и санитарный врач Гусева. На вторичный анализ мясо было взято 3 июля по требованию кладовщика [32, л. 2]. Зав. столовой Козловой указывали, что мясо уже было негодным для использования и его следовало залить керосином, на что Козлова заявила: «Если Вы будете заливать мясо керосином, то и нас вместе с мясом залейте керосином». Санитарный врач Гусева отметила, что директор ОРСа фабрики Шилин им не доверял и требовал исследования в лаборатории во Владимире. Допрошенный лаборант сказала, что данным мясом рвало собаку, которой попробовали его скормить. Повар Седлецкая также показала, что её вынудили варить это мясо, несмотря на её возражения [32, л. 2 об.].

В результате происшествия были проведены обыски в квартирах Козловой, Маслова и Анисимовой, который показал, что работники занимались расхищением продовольствия со склада столовой [32, л. 3]. Арестованная заведующая столовой Козлова признала себя виновной в совершении целого диверсионного акта и указала, что директор ОРСа Шилин также был в курсе [32, л. 3 об.]. Следствие в дальнейшем пошло работать по двум линиям обвинений: во-первых, собирало документацию, уличающую обвиняемых в совершении бактериологической диверсии посредством приготовления заведомо непригодного мяса; во-вторых, разрабатывало линию систематических хищений обвиняемыми социалистической собственности [32, л. 4]. В ходе следствия выяснилось, что бывший директор ОРСа М. А. Шилин вёл бартерный обмен товаров на продукты, которые не проверялись врачами. По-видимому, это и привело к массовому отравлению. Он был исключён из партии и снят с работы, претензии были предъявлены и секретарю партийной организации фабрики А. В. Львову, так как тот плохо подобрал кадры [33, л. 7]. Куда более негативной была характеристика на заведующую столовой М. С. Козлову. Она нагло вела себя с рабочими, на что ей указывало руководство фабрики, была грубой и вела нездоровые разговоры. Но самое главное, она не последовала указаниям инспекции о запрещении подачи некачественного мяса. В результате из строя было выведено 485 рабочих, причём 80 % из них были стахановцами, а выпуск оборонной продукции был сорван.

История со злоупотреблениями в ОРСе фабрики «Красный Профинтерн» на этом не закончилась. Новый директор Бугров за июль-август 1942 г. накопил недостачу продуктов на сумму в 12 тыс. руб. и был арестован [35, л. 11].

Проблемы с руководством ОРСа на фабрике «Красный Профинтерн» оставались и в 1943 г. Начальник ОРСа Нестеров устроил пьянку и допустил расход продуктов за счёт фондов рабочих. Праздничный вечер с выпивкой окончился скандалом (дракой на почве ревности). Этот эпизод оказался предметом рассмотрения на заседании горкома Гусь-Хрустального [34, л. 199]. В конечном итоге участникам потасовки указали на непонимание политического

момента, а начальнику милиции Короткову было сказано, что он не только не предотвратил, но и участвовал в веселье. В целом же участники инцидента вышли сухими из воды, получив лишь выговоры [34, л. 199–199 об.].

Эпизод на гусевской фабрике «Красный Профинтерн» с отравлением рабочих был не единственным в регионе. Похожий эпизод, хотя и с меньшими последствиями, был отмечен в столовой № 6 ОРСа ковровского завода им. Киркиж. В преступной халатности органы следствия обвинили врача Балашова, фельдшера Соколова и начальника отдела общественного питания Смирнова. Проверка установила подачу 8 ноября 1943 г. гороха с фаршем из почек и рубленого омлета. Фарш, изготовленный в ночь на 7 ноября, остался неизрасходованным и, несмотря на признаки порчи, был отправлен в пищу, что вызвало отравление ряда сотрудников. Направленная в результате этих событий проверка выявила нарушения в хранении скоропортящихся продуктов [30, л. 177–178]. Дело расследовалось милицией. Случаи приготовления супа с использованием испорченных огурцов отмечались и на муромской фабрике «Красный луч» [44, л. 73], в отдельных столовых города обитали тараканы [45, л. 78].

С Ковровского Мельзавода за хищения было уволено 16 человек. По сообщению прокуратуры, на предприятии имелась группа из трех человек, практиковавшая крупные хищения. Во время обыска у одного из членов группы было обнаружено 280 кг зерна и 72 кг муки. Следствием этого стало уголовное преследование заведующего складом Захарова [26, л. 5].

При этом партийный актив в Коврове сетовал, что борьба с хищениями идёт плохо, «прокуратура слабо борется с растратчиками». Только за 1941 г. было похищено различных товаров и продуктов на 164 000 руб. в 575 случаях, в частности, некий Желтов растратил 14 400 руб., но его дело не было разобрано по состоянию на октябрь 1941 г., и он оставался на свободе [27, л. 40]. Как можно увидеть из доступных документов, иной раз значительно меньшие и даже совсем незначительные кражи жестоко карались. На это обращали свое внимание партийные руководители. Недовольство работой милиции и прокуратуры было широко распространено. Неудовлетворительная борьба этих инстанций против спекулянтов, а также хищений и злоупотреблений была даже вынесена в отдельное обсуждение на X Владимирской городской партийной конференции, проходившей 13–14 июля 1942 г. [23, л. 94].

Хищениями занимались и несовершеннолетние граждане. Но в их случае это объясняется полуголодным существованием. Руководители горкома критиковали работников суда, прокуратуры и милиции, считая, что те не ведут борьбу с детской преступностью [37, л. 66]. Размеры краж этой категории граждан не шли ни в какое сравнение с тем, что могли позволить себе официальные лица.

Одной из причин широкого распространения хищений в торговой сети и на предприятиях обеих областей прокуратура и партийные органы называли принятие на работу непроверенных лиц. Так, в ОРСе Меланжевого комбината в Иваново из 57 работников 21 имел административные взыскания или судимость [46, л. 15]. Похожая ситуация отмечалась в областном потребительском союзе [50, л. 151]. В Вязниках заведующий горторготделом в 1943 г. прямо обвинил руководителей общепита в покровительстве работникам, «которых давно надо было гнать из системы общественного питания» [42, л. 7]. В качестве мер борьбы с хищениями обычно предлагалось усилить рабочий контроль. На заседании партийного актива в тех же Вязниках отмечалось: «Хлеб воровать имеется возможность, т. к. его продают на рынке, и это не последний паёк, а то, что получено окольными путями» [42, л. 7]. Призыв разобраться с кадрами и очистить свои организации «от случайных людей, занимающихся самоснабжением и разбазариванием дефицитных продуктов питания», звучал и на пленуме Ковровского горкома в 1942 г. [28, л. 8].

Немалая часть хищений становилась возможной по причине попустительства местных органов правопорядка. В отчётах Ивановского обкома отмечалось, что в селе Небылом и городе Суздале местные прокуроры брали масло и молоко сверх положенного и не занимались поимкой расхитителей [46, л. 22]. В бюро горкома Муром поступали жалобы, что «директор завода, главный инженер и начальник ОРСа считают себя полными хозяевами в вопросе отпуска еды», нарушали отпуск сухого пайка из магазина столовой под предлогами командировок. В ходе проверки выяснилось, что были не только случаи порчи продуктов (речь шла о 4 т капусты), но и эпизоды уничтожения документов по списанию продуктов. Только после этого началось разбирательство с участием прокуратуры [43, л. 20]. На отдельных предприятиях руководство магазинов всеми способами старалось не допустить общественных контролёров до работы по их удостоверению. Так, на ивановском заводе № 756 за допуск требовали особую визу директора ОРСа [49, л. 55].

Среди изученных архивных документов было обнаружено примечательное письмо председателя военного трибунала Шишкова первому секретарю Ивановского обкома Пальцеву о нарушениях в городе Александрове. Не найдя правды среди местных партийных руководителей, военнослужащий Красной армии написал гневное письмо с требованиями разобраться в обстановке напрямую в Ивановский обком. В письме он описал ряд нелицеприятных и дискредитирующих фактов про отдельных руководителей города. Он указывал, что «зав. торговделом Казанская и директор торго Бреханов берут сами и отпускают по запискам своим друзьям и знакомым остродефицитные продукты питания, масло сливочное, муку, сахар, конфеты, тогда как продукты предназначены для детских учреждений». Далее он писал, что это можно установить по запискам, а 28 ноября 1943 г. он видел такое лично. В этом действии участвовали дочь Казанской и жена начальника милиции. Фронтовик писал, что работники горкома делили кости и обрезки, привезённые из колбасного цеха, хотя прикреплены к закрытой столовой. При этом, указывая, что он не единственный фронтовик в семье (на фронте также были его сын и два шурина), Шишков обращал внимание, что на его просьбы прикрепить к военторгу 70-летнюю тещу – бывшую работницу фабрики имени Абельмана, было отказано. Более того, его жене не смогли довести дрова, положенные ей как жене военнослужащего действующей армии. Шишков сообщил, что начальник милиции Родинский, сказав, что машина сломана, солгал, а 22 ноября работники милиции и глава НКВД ездили на охоту. «Вот куда расходуют бензин, тогда как бензин нужен для фронта, но это их не касается, а лишь бы справить себе удовольствие», - возмущался автор. Наконец, его жене не принесли даже оплаченный мешок картофеля. В завершении письма, прося принять меры, Шишков грозил написать в ЦК ВКП(б) [39, л. 14–14 об.].

Ивановский обком потребовал от секретарей партийной организации разобраться с изложенными фактами и, те, конечно же, не нашли нарушений и попытались представить Шишкова жалобщиком. Им вторил и начальник милиции, заявивший, что машина использовалась по служебным нуждам. В конце письма второму секретарю Ивановского горкома было написано следующее: «А вообще, тов. Красильников, это всё такие мелочи, которые не стоят и выеденного яйца. Жалко на это тратить время» [39, л. 25]. С точки зрения юридического подхода факты, изложенные в письме Шишковым, не подтверждались, однако, анализируя документы как в целом по обоим регионам, так и конкретно по городу Александрову, можно предполагать правдивость письма военнослужащего и обыкновенное укрывательство преступных действий со стороны местных руководителей.

Заключение. Анализ источников показывает, что нарушения в продовольственной сфере были в годы войны широко распространены. Некоторые из них носили системный характер и являлись в немалой степени следствием тяжёлой экономической ситуации, сложившейся в период военного лихолетья. Случаи хищений продовольствия носили неоднозначный характер, и если махинации с карточками и воровство продуктов со складов и из столовых руководителями и работниками этих заведений в первую очередь являлись способом нажиться на бедах соотечественников, то кражи продуктов несовершеннолетними и военнослужащими объяснялись чаще всего их полуголодным существованием. В то же время такие действия наносили ущерб всем тем, до кого продовольственные товары в итоге не доходили, но эти люди в конечном счете также страдали от недостатка пищи. К тому же рацион питания населения в годы войны был не очень разнообразным. Официальные документы партийных органов донесли до нас только те эпизоды, которые были обнаружены и раскрыты проверяющими и правоохранительными органами. Соответственно, часть нарушений никак не отразилась в статистике, и узнать об иных случаях возможно лишь из источников частного характера. Работой органов милиции, прокуратуры и судов в этой сфере партийные инстанции были недовольны и часто упрекали их руководителей и сотрудников в бездействии. В то же время вопрос о деятельности правоохранителей по борьбе с хищениями заслуживает специального исследования, что потребует введения новых источников в научный оборот.

Список литературы

1. Антошкин А. В. Проблемы снабжения населения Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2019. Т. 19. № 2. С. 93–97.
2. Бадмаева Е. Н. Реализация продовольственной политики советского государства в условиях военного времени (на примере Калмыцкой АССР) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 63–68.

3. Блинова В. В. Борьба со спекуляцией в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой анализ) // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 19–22.
4. Волков И. М., Вылцан М. А., Зеленин И. Е. Вопросы продовольственного обеспечения населения СССР (1917–1982 гг.) // История СССР. 1983. № 2. С. 3–20.
5. Гусак В. А. Социальное неблагополучие как фактор преступности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2 (103). С. 158–166.
6. Емелин С. М. Организационно-правовые направления противодействия экономической преступности в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 11. С. 85–91.
7. Кабирова А. Ш., Кабиров Д. Э. Основные направления противодействия органов НКВД экономической преступности в Татарской АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 2. С. 160–168.
8. Кабирова А. Ш. Сороковые-роковые: Татарстан в годы военного лихолетья. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. 212 с.
9. Карпова Л. М. Некоторые вопросы деятельности милиции УАССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) по борьбе с экономическими преступлениями // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2008. № 2 (9).
10. Комаров В. Е., Чернявский У. Г. Доходы и потребление населения СССР. М. : Наука, 1973. 356 с.
11. Костин В. И. Борьба с хищениями социалистического имущества и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны. Горький, 1982.
12. Красноженова Е. Е., Кулик С. В. Продовольственные проблемы Юга России в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 1. С. 22–32.
13. Любимов А. В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М. : Экономика, 1968. 231 с.
14. Орлов И. Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчёты и просчёты // Современные проблемы туризма и сервиса. Научно-практический журнал. 2010. № 3. С. 36–42.
15. Потёмкина М. Н., Гаврилькова К. Е. Как питались те, кто ковал победу над врагом: пищевые практики горожан советского тыла (на примере г. Магнитогорска) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 611–617.
16. Смирнова Л. В. Карточная система и нормированное снабжение гражданского населения г. Ленинграда и Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 63–70.
17. Соловьёва В. В. Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941–45 гг.: государственная политика и стратегии адаптации : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 329 с.
18. Сперанский А. В. «Кому война, а кому мать родна»: решение продовольственной проблемы в 1941–1945 гг. (на материалах Среднего Урала) // Вызовы времени и социально-историческое знание: теоретико-методологические, конкретно-исторические аспекты, практическое значение (материалы VII ежегодной науч. конф. каф. ист. и соц. технологий УрФУ, 8 фев. 2018 г.). Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2018. С. 73–78.
19. Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения СССР. 1941–1947 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2010. № 2. С. 32–40.
20. Филиппова Э. В. Питание в годы Великой Отечественной войны. Челябинск : Челябинский дом печати, 2005. 265 с.
21. Шалак А. В. Условия жизни и быт населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Иркутск : ИГЭА, 1998. 82 с.
22. Эмирханов И. А. Проявление девиантности в поведении населения СССР и Германии в контексте влияния «продовольственного вопроса» на повседневную жизнь в условиях войны (1941–1945 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 98–107.
23. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. П. 100. Оп. 56. Д. 50.
24. ГАВО. Ф. П. – 116. Оп. 1. Д. 44.
25. ГАВО. Ф. П. – 116. Оп. 1. Д. 76.
26. ГАВО. Ф. П. – 116. Оп. 1. Д. 141.
27. ГАВО. Ф. П. – 116. Оп. 63. Д. 26.
28. ГАВО. Ф. П. – 116. Оп. 63. Д. 28.
29. ГАВО. Ф. П. – 116. Оп. 63. Д. 36.
30. ГАВО. Ф. П. – 116. Оп. 63. Д. 38.
31. ГАВО. Ф. П. – 118. Оп. 1. Д. 81.
32. ГАВО. Ф. П. – 118. Оп. 1. Д. 84.
33. ГАВО. Ф. П. – 118. Оп. 1. Д. 85.
34. ГАВО. Ф. П. – 118. Оп. 1. Д. 125.

35. ГАВО. Ф. П. – 118. Оп. 1. Д. 178.
36. ГАВО. Ф. П. – 119. Оп. 3. Д. 95.
37. ГАВО. Ф. П. – 119. Оп. 3. Д. 96.
38. ГАВО. Ф. П. – 119. Оп. 3. Д. 111.
39. ГАВО. Ф. П. – 119. Оп. 3. Д. 144.
40. ГАВО. Ф. П. – 119. Оп. 3. Д. 150.
41. ГАВО. Ф. П. – 791. Оп. 63. Д. 16.
42. ГАВО. Ф. П. – 791. Оп. 63. Д. 20.
43. ГАВО. Ф. П. – 495. Оп. 1. Д. 126.
44. ГАВО. Ф. П. – 495. Оп. 1. Д. 148.
45. ГАВО. Ф. П. – 495. Оп. 5. Д. 1487.
46. Государственный архив Ивановской области (Далее: ГАИО). Ф. П. – 327. Оп. 7. Д. 464.
47. ГАИО. Ф. П. – 327. Оп. 7. Д. 648.
48. ГАИО. Ф. П. – 327. Оп. 7. Д. 1006.
49. ГАИО. Ф. П. – 327. Оп. 7. Д. 1271.
50. ГАИО. Ф. П. – 327. Оп. 7. Д. 1274.
51. Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II / ed. by Wendy Z. Goldman and Donald Filtzer // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2017. Vol. 44. Is. 3. Pp. 357–378.

Food theft and the fight against this phenomenon during the Great Patriotic War (based on the materials of the Ivanovo and Vladimir regions)

Tryahov Ilya Sergeevich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Russian History,
Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletovs.

Russia, Vladimir. ORCID: 0000-0001-6488-5205. Researcher ID: AAE-6529-2021. E-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

Abstract. The necessary amount of food is the basis for success in combat operations, both in the rear and at the front. During the Great Patriotic War, due to the loss of vast territories in 1941–1942 by the Red Army, there was an acute shortage of food, which resulted in the half-starved existence of a significant mass of the rear population. A card supply system was installed for the urban population. The access of individuals to scarce goods became the basis for various violations in the field of food supply, the main of which were speculation and illegal spending of cards. At the same time, these were not the only violations in this area. A common phenomenon was non-compliance with the norms of food distribution to persons who had the right to do so. This concerned, for example, the Stakhanovites. An analysis of the available sources created by the party committees of the Vladimir and Ivanovo regions showed that counteraction to violations in the food sector by law enforcement agencies was not effective. This negative side of their work has been repeatedly drawn attention to at meetings and plenums of city committees of different cities of the region. Cases of food theft were ambiguous, and if fraud with coupons and theft of food by managers and employees of warehouses and canteens were mainly a way to profit from the troubles of fellow citizens, then the theft of food by minors and military personnel was explained by their half-starved existence. It should be borne in mind that a significant part of the theft was committed with the connivance of law enforcement agencies. At the same time, a considerable part of the crimes in the field of food distribution were not recorded at all.

Keywords: food supply, residents of the rear, the Great Patriotic War, speculation, squandering, card system.

References

1. Antoshkin A. V. *Problemy snabzheniya naseleniya Bashkirii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Problems of supplying the population of Bashkiria during the Great Patriotic War] // *Vestnik YuUrGU. Seriya "Social'no-gumanitarnye nauki"* – Herald of SUSU. The series "Social and Humanitarian Sciences". 2019. Vol. 19. No. 2. Pp. 93–97.
2. Badmaeva E. N. *Realizaciya prodovol'stvennoj politiki sovetskogo gosudarstva v usloviyah voennogo vremeni (na primere Kalmyckoj ASSR)* [The implementation of the food policy of the Soviet state in wartime conditions (on the example of the Kalmyk ASSR)] // *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* – Herald of Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences. 2013. No. 3. Pp. 63–68.
3. Blinova V. V. *Bor'ba so spekulyaciej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (istoriko-pravovoj analiz)* [Struggle with speculation during the Great Patriotic War (historical and legal analysis)] // *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry* – Education. Science. Scientific personnel. 2019. No. 3. Pp. 19–22.

4. Volkov I. M., Vylcan M. A., Zelenin I. E. *Voprosy prodovol'stvennogo obespecheniya naseleniya SSSR (1917–1982 gg.)* [Issues of food security of the population of the USSR (1917–1982)] // *Istoriya SSSR – History of the USSR*. 1983. No. 2. Pp. 3–20.
5. Gusak V. A. *Social'noe neblagopoluchie kak faktor prestupnosti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gody)* [Social disadvantage as a crime factor during the Great Patriotic War (1941–1945 years)] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Chelyabinsk State University*. Series: Law. 2008. No. 2 (103). Pp. 158–166.
6. Emelin S. M. *Organizacionno-pravovye napravleniya protivodejstviya ekonomicheskoy prestupnosti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Organizational and legal directions of countering economic crime during the Great Patriotic War] // *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii – Herald of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009. No. 11. Pp. 85–91.
7. Kabirova A. Sh., Kabirov D. E. *Osnovnye napravleniya protivodejstviya organov NKVD ekonomicheskoy prestupnosti v Tatarskoj ASSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* [The main directions of counteraction of the NKVD economic crime in the Tatar ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945] // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Herald of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 160–168.
8. Kabirova A. Sh. *Sorokovye-rokovye: Tatarstan v gody voennogo liholet'ya* [Forties-fateful: Tatarstan in the years of military hard times]. Kazan. Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 2011. 212 p.
9. Karpova L. M. *Nekotorye voprosy deyatel'nosti milicii UASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) po bor'be s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Some questions of the activity of the UASSR militia during the Great Patriotic War (1941–1945) in the fight against economic crimes] // *Herald of Nizhny Novgorod Academy of the Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2008. No. 2 (9).
10. Komarov V. E., Chernyavskij U. G. *Dohody i potreblenie naseleniya SSSR* [Income and consumption of the population of the USSR]. M. Nauka (Science). 1973. 356 p.
11. Kostin V. I. *Bor'ba s hishcheniyami socialisticheskogo imushchestva i spekulyaciej v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The fight against the theft of socialist property and speculation during the Great Patriotic War]. Gorky. 1982.
12. Krasnozhenova E. E., Kulik S. V. *Prodovol'stvennye problemy Yuga Rossii v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Food problems of the South of Russia during the Great Patriotic War (1941–1945)] // *Nauchno-tehnicheskije vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki – Scientific and technical bulletin of SPbPU. Humanities and social sciences*. 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 22–32.
13. Lyubimov A. V. *Torgovlya i snabzhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Trade and supply during the Great Patriotic War]. M. Ekonomika (Economics). 1968. 231 p.
14. Orlov I. B. *Kartochnoe snabzhenie v 1941–1943 gg.: raschyoty i proschyoty* [Card supply in 1941–1943: calculations and miscalculations] // *Sovremennye problemy turizma i servisa. Nauchno-prakticheskij zhurnal – Modern problems of tourism and service. Scientific and practical journal*. 2010. No. 3. Pp. 36–42.
15. Potyomkina M. N., Gavril'kova K. E. *Kak pitalis' te, kto koval pobedu nad vragom: pishchevye praktiki gorozhan sovet'skogo tyla (na primere g. Magnitogorska)* [How those who forged victory over the enemy ate: food practices of citizens of the Soviet rear (on the example of Magnitogorsk)] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya – Herald of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2017. Vol. 27. Is. 4. Pp. 611–617.
16. Smirnova L. V. *Kartochnaya sistema i normirovannoe snabzhenie grazhdanskogo naseleniya g. Leningrada i Leningradskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Card system and standardized supply of the civilian population of Leningrad and the Leningrad region during the Great Patriotic War] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Herald of Tomsk State University. History*. 2014. No. 3 (29). Pp. 63–70.
17. Solov'yova V. V. *Bytovye usloviya personala promyshlennykh predpriyatij Urala v 1941–45 gg.: gosudarstvennaya politika i strategii adaptatsii : dis. ... kand. ist. nauk* [Living conditions of personnel of industrial enterprises of the Urals in 1941–45: state policy and adaptation strategies : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Yekaterinburg. 2011. 329 p.
18. Speranskij A. V. *"Komu vojna, a komu mat' rodna": reshenie prodovol'stvennoj problemy v 1941–1945 gg. (na materialah Srednego Urala)* ["To whom the war is, and to whom the mother is dear": solving the food problem in 1941–1945 (based on the materials of the Middle Urals)] // *Vyzovy vremeni i social'no-istoricheskoe znanie: teoretiko-metodologicheskie, konkretno-istoricheskie aspekty, prakticheskoe znachenie (materialy VII ezhegodnoj nauch. konf. kaf. ist. i soc. tekhnologii UrFU, 8 fev. 2018 g.) – Challenges of time and socio-historical knowledge: theoretical and methodological, concrete historical aspects, practical significance (materials of the VII annual scientific conference of the Department of Hist. and Social Technologies of UrFU, February 8, 2018)*. Yekaterinburg. UMTS UPI. 2018. Pp. 73–78.
19. Tverdyukova E. D. *Bor'ba so zloupotrebleniyami v sfere kartochnogo snabzheniya naseleniya SSSR. 1941–1947 gg.* [The fight against abuses in the field of card supply to the population of the USSR. 1941–1947] // *Vestnik SPbGU – Herald of St. Petersburg State University. Ser. 2*. 2010. No. 2. Pp. 32–40.
20. Filippova E. V. *Pitanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Nutrition during the Great Patriotic War]. Chelyabinsk. Chelyabinsk House of Printing. 2005. 265 p.

21. Shalak A. V. *Usloviya zhizni i byt naseleniya Vostochnoj Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Living conditions and way of life of the population of Eastern Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Irkutsk. ISEA. 1998. 82 p.

22. Emirhanov I. A. *Proyavlenie deviantnosti v povedenii naseleniya SSSR i Germanii v kontekste vliyaniya "prodovol'stvennogo voprosa" na povsednevnyuyu zhizn' v usloviyah vojny (1941–1945 gg.)* [Manifestation of deviance in the behavior of the population of the USSR and Germany in the context of the influence of the "food issue" on everyday life in war conditions (1941–1945)] // Herald of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences. 2020. No. 1. Pp. 98–107.

23. State Archive of the Vladimir region (hereinafter – SAVR). F. P. 100. Inv. 56. File 50.

24. SAVR. F. P. – 116. Inv. 1. File 44.

25. SAVR. F. P. – 116. Inv. 1. File 76.

26. SAVR. F. P. – 116. Inv. 1. File 141.

27. SAVR. F. P. – 116. Inv. 63. File 26.

28. SAVR. F. P. – 116. Inv. 63. File 28.

29. SAVR. F. P. – 116. Inv. 63. File 36.

30. SAVR. F. P. – 116. Inv. 63. File 38.

31. SAVR. F. P. – 118. Inv. 1. File 81.

32. SAVR. F. P. – 118. Inv. 1. File 84.

33. SAVR. F. P. – 118. Inv. 1. File 85.

34. SAVR. F. P. – 118. Inv. 1. File 125.

35. SAVR. F. P. – 118. Inv. 1. File 178.

36. SAVR. F. P. – 119. Inv. 3. File 95.

37. SAVR. F. P. – 119. Inv. 3. File 96.

38. SAVR. F. P. – 119. Inv. 3. File 111.

39. SAVR. F. P. – 119. Inv. 3. File 144.

40. SAVR. F. P. – 119. Inv. 3. File 150.

41. SAVR. F. P. – 791. Inv. 63. File 16.

42. SAVR. F. P. – 791. Inv. 63. File 20.

43. SAVR. F. P. – 495. Inv. 1. File 126.

44. SAVR. F. P. – 495. Inv. 1. File 148.

45. SAVR. F. P. – 495. Inv. 5. File 1487.

46. The State Archive of the Ivanovo region (Hereinafter: SAIR). F. P. – 327. Inv. 7. File 464.

47. SAIR. F. P. – 327. Inv. 7. File 648.

48. SAIR. F. P. – 327. Inv. 7. File 1006.

49. SAIR. F. P. – 327. Inv. 7. File 1271.

50. SAIR. F. P. – 327. Inv. 7. File 1274.

51. Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II / ed. by Wendy Z. Goldman and Donald Filtzer // The Soviet and Post-Soviet Review. 2017. Vol. 44. Is. 3. Pp. 357–378.

Деятельность Литовского комиссариата Наркомнаца РСФСР

Баканов Дмитрий Константинович

специалист по образовательным программам,
Государственный академический университет гуманитарных наук,
Россия, г. Москва. E-mail: b79190524539@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена деятельности Литовского комиссариата, входившего в состав Народного комиссариата по делам национальностей (НКН) РСФСР во время Гражданской войны. Этот комиссариат был учрежден одним из первых в качестве национальных комиссариатов НКН. После подписания Брестского мира данное подразделение Наркомнаца было вынуждено вести основную деятельность среди литовских беженцев на территории РСФСР. Главной задачей данного подразделения Наркомнаца в тот момент была подготовка кадров для распространения революции на Литву.

В ходе продвижения Красной армии на Запад после поражения Германии в Первой мировой войне многие работники Литовского комиссариата НКН войдут в правительство Советской Литвы. Примечательно, что Литовскую Советскую республику (позднее – Литовско-Белорусскую Советскую Республику) в 1919 г. возглавил руководитель Литовского комиссариата Наркомнаца В. С. Мицкевич-Капсукас (Мицкявичюс). Помимо агитации и привлечения кадров в среде литовских беженцев, Литовский комиссариат занимался культурно-просветительской деятельностью. Не дожидаясь победы советской власти в Гражданской войне на территории Литвы, работники комиссариата открывали школы, библиотеки и выставки. Другой важной задачей данного подразделения было возвращение эвакуированного во время Первой мировой войны из Литвы имущества.

Поражение советской власти в Литве не позволило реализовать мероприятия Литовского комиссариата, и усилия его работников в основном окажутся напрасными. После подписания мирного договора между РСФСР и Литовской республикой в 1920 г. дальнейшая деятельность данного подразделения Наркомнаца будет прекращена. В связи с военно-политической неудачей опыт деятельности Литовского комиссариата окажется незаслуженно забыт. В данной статье на основании материалов из фондов ГАРФ, а также газеты, выпускаемой Народным Комиссариатом по делам Национальностей – «Жизнь национальностей», будет реконструирована деятельность Литовского комиссариата НКН в 1918–1920 гг.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Наркомнац, Литва, Литбел, Литовский комиссариат, В. С. Мицкевич-Капсукас (Мицкявичюс).

Решение национального вопроса является одним из важнейших направлений внутренней политики многонационального государства. Для нашей страны он стоял всегда особенно остро, и от способности власти находить выход из порой неразрешимых противоречий между народами зависело ее существование. Национальный вопрос обострялся в периоды внутренних смут, когда власть центра ослабевала.

Начало Великой Российской революции ослабило и без того обескровленную Первой мировой войной государственную систему России. Еще в 1915 г. Русская императорская армия оставила Польшу, Литву, части Украины и Белоруссии. В результате отречения от престола Николая II дезинтеграционные тенденции на территории бывшей Российской империи усилились [1, с. 15–20]. После захвата власти большевиками на II Всероссийском съезде Советов было создано первое советское правительство – Совет Народных Комиссаров, в составе которого был учрежден Народный комиссариат по делам национальностей¹ во главе с И. В. Сталиным [41, с. 37].

Основными задачами нового ведомства были продекларированы:

- «1) Обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей, проживающих на территории РСФСР;
- 2) содействие их материальному и духовному развитию применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния;
- 3) наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти» [38, с. 5].

Для разъяснения гражданам РСФСР основных проектов и идей советского государства была учреждена газета «Жизнь национальностей», которая была центральным печатным органом НКН [30, с. 7].

Структура управления Народным комиссариатом по делам национальностей постоянно менялась в зависимости от обстоятельств, в которых находилась Страна Советов [25, с. 24]. Национальные подразделения НКН, созданные сразу после прихода большевиков к власти, назывались комиссариатами, а позднее – национальными отделами. Независимо от нацотделов существовали и отделы, занимающиеся конкретными задачами: агитационные, культурно-просветительские, военные, беженские и прочие, которые, в свою очередь, подразделялись на подотделы [25, с. 16–17].

Период германской оккупации Литвы. Литовский комиссариат НКН² был создан одним из первых среди национальных комиссариатов [27, с. 28] 8 декабря 1917 г., его комиссаром был назначен В. С. Мицкевич-Капсукас, заместителем – З. Ангаретис [3, с. 10]. Исследователь Е. И. Песикина отмечает: «Первыми из национальных комиссариатов начали создаваться комиссариаты народов западных окраин – Польский, Литовский, Белорусский. Объясняется это тем, что западные окраины являлись главной ареной борьбы с германским империализмом, стремящимся поработить народы этих окраин и задушить советскую революцию в России» [32, с. 52]. Комиссариаты должны были содействовать усилению позиций РСФСР на приближающихся мирных переговорах с Центральными державами, поскольку советская сторона планировала использовать право наций на самоопределение в свою пользу и не допустить включения в Германскую империю оккупированных территорий [43, с. 382–383]. По условиям тяжелейшего для РСФСР Брестского мира оккупированные территории, в том числе и Литва, отошли к Германии. Немцы установили на подконтрольных территориях зависимые режимы, против которых национальные комиссариаты западных окраин вели подрывную деятельность в 1918 г.

Поскольку Литва была занята немецкими войсками в 1915 г., важнейшей задачей, возложенной на В. С. Мицкевича-Капсукаса и его подчиненных, была работа с литовскими беженцами на территории России.

Также комиссариат занимался борьбой с литовскими антисоветскими организациями. В апреле 1918 г. вышло постановление Народного Комиссариата по делам Национальностей «О закрытии Высшего Литовского Совета в России» [33, с. 65]. Советская сторона объясняла данное действие сотрудничеством данной организации с подконтрольным Германии правительством Литвы и националистической направленностью этого учреждения [32, с. 55]. Г. П. Макарова отмечает, что данная организация действовала в Воронеже, где, пользуясь незнанием местными коммунистами литовского языка, издавала контрреволюционные газеты и брошюры [25, с. 41–42].

Финансирование Литовского комиссариата изначально было не налажено и осуществлялось за счет взносов частных лиц (самих сотрудников комиссариата и сочувствовавших советской власти литовских беженцев) [4, л. 2]. В январе 1918 г. поступления на баланс Литовского комиссариата составили всего 7262 р., при этом к концу месяца работникам удалось сохранить на балансе 1468 р. [4, л. 7]. На данные скромные средства было невозможно наладить нормальную агитационную работу, и большая часть средств уходила на бытовые нужды работников. С февраля 1918 г. основным источником финансирования Литовского комиссариата стали отчисления из Наркомнаца. В феврале Литовский комиссариат получил от Наркомнаца с учетом компенсации за декабрь 1917 г. и январь 1918 г. 74 340 р., а в марте 104 тыс. р., что позволит начать агитационную работу в виде распространения литературы, газет и прокламаций среди беженцев и отправку этих материалов в Литву [4, л. 8–16]. В связи с увеличением финансирования Литовский комиссариат сумел в мае 1918 г. организовать проведение агитационно-просветительских курсов для литовцев и создать собственную библиотеку, на пополнение которой комиссариат будет выделять средства и позднее [4, л. 26–27]. Значительная часть финансирования комиссариата шла на печатание и распространение среди литовских беженцев газеты “Tiesa” («Правда») на литовском языке, только в июне администрация газеты запросила у Литовского комиссариата на ее содержание 4720 р. [4, л. 52].

Одной из важнейших задач, стоявших перед Литовским комиссариатом, была просветительская деятельность среди литовского населения. Еще летом 1918 г. в Москве Литовским комиссариатом были организованы курсы общеобразовательного характера. На них проводились лекции по основам марксизма, философии, истории литературы и естествознания.

² В различных документах мог именоваться Комиссариат по Литовским делам, Литком или, позднее, Литовский отдел.

Одним из лекторов на курсах был сам В. С. Мицкевич-Капсукас. В июне 1918 г. Литовский комиссариат получил от Наркомпроса 100 тыс. р. [4, л. 54] на проведение образовательных мероприятий среди литовских беженцев. С целью агитации среди литовцев, а также для контроля над ликвидируемым имуществом Литовский комиссариат направлял своих работников в места их проживания в различные регионы РСФСР [4, л. 85].

Помимо работы с литовцами на территории РСФСР, Литовский комиссариат занимался агитационной деятельностью среди литовского населения на подконтрольных Германии территориях [4, л. 90]. Только на агитацию в городе Лида в августе 1918 г. было потрачено 15 тыс. р. [4, л. 80]. Осенью 1918 г. Литовский комиссариат увеличивает расход средств на революционную агитацию среди литовского населения в РСФСР и в оккупированной Литве [4, л. 126], что было обусловлено приближением окончания мировой войны.

Возвращение в Литву и ликвидация эвакуации. В условиях поражения Германской империи в Первой мировой войне 2 ноября 1918 г. была провозглашена Литовская республика. Начался вывод немецких войск с занимаемых территорий на востоке, в связи с чем, по словам историка А. В. Шубина, «Литве предстояло защищаться от российских и польских притязаний» [42, с. 629]. После подписания 11 ноября Компьенского перемирия 13 ноября 1918 г. СНК РСФСР денонсировал Брестский договор [9, с. 565–567], и уже 17 ноября части Красной армии перешли в наступление вслед за отходящими германскими войсками [29, с. 80]. В связи со скорым вхождением РККА в Литву Литовский комиссариат и его представительство проводили агитацию среди литовцев с целью их привлечения в Красную армию и органы советской власти, которые предстояло создать в Литве [29, с. 68]. В газете «Жизнь национальностей» сообщается: «Деятельность Литовских секций в Саратове и Самаре преимущественно агитационно-вербовочная. Агитация ведется среди беженцев и среди литовцев колонистов, которых здесь насчитывается свыше 2000 человек. Обе секции дали около 2000 желающих вступить в ряды Виленского полка» [24]; «Агитационным отделом ведется за последнее время успешная агитация за поступление в Виленский полк Западной дивизии, подготавливается кадр работников для Литвы, а также принимается деятельное участие в издании и распространении воззваний коммунистических организаций оккупированных областей» [10]. Активная агитационная деятельность Литовского комиссариата в Саратове началась еще в сентябре, и на нее были выделены значительные по меркам Литовского комиссариата средства – 7 тыс. р. [4, л. 94]. В рамках мобилизации многие литовцы подвергались призыву в РККА еще до денонсации Брестского договора, по поводу чего 28 июня 1918 г. правительство «тарибской» Литвы выражало протест Народному комиссариату иностранных дел (НКИД) РСФСР [23, с. 63].

В декабре 1918 г. активизируется деятельность Коммунистической партии Литвы, нашедшая отражение в создании местными большевиками и левыми социалистами Советов в Вильнюсе, Каунасе, Поневожисе и Шяуляе [41, с. 632]. Революционным партиям выделял деньги Литовский комиссариат. Но местным Советам не удалось самостоятельно захватить власть без вооруженной поддержки Москвы.

8 декабря 1918 г. на подконтрольной Красной армии территории было создано Временное революционное правительство Литвы во главе с В. С. Мицкевичем-Капсукасом [29, с. 48]. Уже 16 декабря 1918 г. литовские коммунисты издают Манифест Временного Революционного Рабочего Правительства Литвы, в котором объявляют о создании Литовской Советской республики³ и о низложении правительства «тарибской» Литвы [33, 67–69]. 21 декабря 1918 г. СНК РСФСР признает независимость ЛСР и обязуется оказывать экономическую и военную помощь правительству В. С. Мицкевича-Капсукаса [23, с. 69]. К концу декабря части РККА вслед за отступающими немцами подошли к границе Литвы и уже 6 января 1919 г. после столкновения с частями польской самообороны овладели литовской столицей – Вильно (Вильнюсом), куда перебралось правительство В. С. Мицкевича-Капсукаса [42, с. 633–634]. Покидающие Литву германские части заняли оборону на реке Неман, форсировать которую части РККА на данном участке фронта не смогли, линия фронта стабилизировалась до мая 1919 г., разделив Литву на две части – советскую (с центром в Вильнюсе) и «тарибскую» (с центром в Каунасе) [42, с. 634–636].

В ноябре – декабре 1918 г. в кассовой книге Литовского комиссариата не фиксируется общее увеличение расходов относительно прошлых месяцев [4, л. 131–166]. Данное обстоятельство объясняется тем, что для В. С. Мицкевича-Капсукаса и его подчиненных революци-

³ Далее – ЛСР или Советская Литва.

онные события в Литве стали приоритетом, а Литовский комиссариат отошел на второй план. В связи с образованием ЛСР 26 декабря 1918 г. состоялось совещание Временного Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства Литвы с представителями Комиссариата по Литовским Делах при НКН, на котором было принято решение о слиянии Комиссариата по Литовским Делах с органами Временного Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства Литвы. Но официально было решено пока его не закрывать [23, с. 70]. Поводом для такого решения могло послужить наличие на балансе Литкома имущества, вывезенного из Литвы во время Первой мировой войны.

Еще до Февральской революции с оккупированных литовских территорий было вывезено в эвакуацию множество учреждений и производств. Эвакуированы были и архивы Виленской и Ковенской губерний, в которых находились материалы, связанные с Литвой [5, л. 1–3]. После прихода большевиков к власти эти организации переходили в ведение Литовского комиссариата. В постановлении НКН от 28 декабря 1917 г. сообщалось, что все государственные и общественные учреждения, эвакуированные из Литвы, или учреждения для нужд беженцев из Литвы должны были перейти в ведение Комиссариата по Литовским делам [33, с. 65]. Порядок передачи имущества Литовскому комиссариату был определен декретом СНК от 19 ноября 1918 г. «Об эвакуированных и вывезенных из пределов Литвы государственных, общественных и частных учреждениях, заведениях, имуществах, капиталах и т. п.» [33, с. 65]. Тот факт, что разница между данными постановлениями около 11 месяцев, демонстрирует отсутствие четких регламентов в работе Литовского комиссариата в 1918 г. Тем не менее часть расходов на содержание эвакуированного из Литвы имущества лежала на Литовском комиссариате до подписания данного декрета [4, л. 75]. С октября 1918 г. значительная часть средств Литовского комиссариата стала выделяться на работу с ликвидированными учреждениями [4, л. 119–127].

Для ликвидации эвакуированных литовских учреждений на территории РСФСР и их отправки в Литву был образован ликвидационный отдел Литовского комиссариата. Местные власти должны были содействовать деятельности данной организации, предоставляя сотрудникам комиссариата всю информацию об эвакуированных учреждениях [5, л. 3]. Необходимые сведения и документацию о содержании и расходах на эвакуированные организации и учреждения сотрудники Литкома получали у бывших казначейств в городах, куда во время Первой мировой войны было эвакуировано литовское имущество. После образования Литовской Советской Республики и признания ее независимости со стороны РСФСР должны были начаться реэвакуационные мероприятия на литовские земли. От Временного Революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы на согласование вопросов, связанных с передачей и реэвакуацией вывезенных из Литвы государственных, общественных, частных учреждений, заведений, имуществ, капиталов, архивов и прочего, был назначен Вацлав Михайлович Бельский, а от лица Ликвидационного отдела комиссариата по Литовским делам – Алексей Петрович Чулков [5, л. 3].

Деятельность данного отдела нашла отражение на страницах газеты «Жизнь национальностей»: «Деятельность проявляется также и ликвидационным отделом Комиссариата. В Туле, Калуге, Воронеже и Твери работает комиссия по ликвидации административных, землеустроительных и других учреждений, эвакуированных из Литвы» [10]. При этом на страницах издания отмечается, что комиссариат не давал расхищать имущество, которое было вывезено в эвакуацию: «Закончена ликвидация учреждений, эвакуированных в Тверь. Приняты меры к возвращению имущества эвакуированных учреждений, которое было захвачено различными тверскими учреждениями» [14]. Тверскими учреждениями было захвачено имущество Виленского Дворца, в связи с чем в Тверь был командирован Эмиссар от Литкома [8, л. 85А]. Также при ликвидации литовских учреждений на территории РСФСР Литовский комиссариат готовил кадры для будущей работы в Литве [12].

Население Виленской губернии накануне революции было смешанным – там компактно проживали поляки, литовцы, евреи, русские, а большинство в ней составляли белорусы, которые делились на католиков и православных [40]. В связи с этим у национальных комиссариатов могли возникнуть споры по поводу ликвидируемого имущества. В этом случае собирались конфликтные комиссии, решавшие данные споры. Так, 30 ноября 1918 г. состоялось заседание конфликтной комиссии по вопросу о передаче Литовским комиссариатом пансионного имущества бывшего Виленского Мариинского высшего женского училища Белорусскому комиссариату, однако на основании того, что учились в нем преимущественно белорусские девушки, было принято решение передать его в ведение Белорусского комиссариата [8, л. 84].

Работники ликвидационного отдела часто сталкивались с тем, что ликвидированное имущество было потеряно местными властями или уже передано третьей стороне. В докладной записке члена коллегии ликвидационного отдела Ч. Ю. Петрашкевича от 20 декабря 1918 г. сообщалось: «Из числа учреждений, помеченных в переданном мне списке, ни одного не оказалось... Отдел Управления Губисполкома разослал, правда, запросы в уездные города и в советские учреждения в Витебске с просьбой сообщить сведения об эвакуированных учреждениях, однако ответов или вовсе не получил, или только отрицательные» [5, л. 12–14]. Найдя следы некоторых учреждений, Ч. Ю. Петрашкевич столкнулся с тем, что местный кооператив «Пролетарий» принял литовское имущество без описей и приемочных актов и присоединил его к своему имуществу, часть организаций были эвакуированы их бывшими сотрудниками в контролируемую немцами Литву раньше, а в относительном порядке находилось только эвакуированное Виленское военное собрание и состоящий при нем музей [5, л. 12–14]. Тем не менее сотруднику комиссариата удалось убедить Губисполком передать найденное им литовское имущество в ведение комиссариата, а также привлечь к работе ликвидационного отдела сотрудников Губисполкома Сташелиса и Григайтиса, а также двух бывших членов Виленского офицерского собрания Зорина и Гаршина, числившихся при Губисполкоме [5, л. 12–14]. При этом Сташелис перешел на службу в Литовский комиссариат [5, л. 26].

Стоит отметить, что работа сотрудников ликвидационного отдела иногда была сопряжена с вербовочной деятельностью не только на советской территории, но и за линией фронта. Так, Ч. Ю. Петрашкевичу перед поездкой в Витебск было поручено нелегально пробраться на подконтрольную немцам территорию Литвы в город Шавли для привлечения специалистов по кредитной и финансовой части. Правда, данная миссия работника Ликвидационного отдела потерпела неудачу: никто из обозначенных ему специалистов не согласился ехать в Советскую Россию по политическим или семейным причинам, и Ч. Ю. Петрашкевичу пришлось переправляться через напоминающую линию фронта границу в Витебск «ни с чем» [5, л. 12–14].

Данные сообщения с мест демонстрируют проблемы, с которыми сталкивались сотрудники Литовского комиссариата при ликвидации литовского имущества. Безусловно, в хаосе Гражданской войны вопросы возвращения в Литву имущества и учреждений, среди которых были промышленные предприятия, учебные заведения, архивы общественных организаций и государственных учреждений, культурно-образовательные и развлекательные заведения и прочие [5, л. 7–8], не были приоритетом советского правительства. Это сказывалось на финансировании и кадровой обеспеченности Литкома.

Согласно докладной записке руководителя «ликвидационной комиссии по ликвидации учреждений, эвакуированных из Литвы в Кострому» от 3 марта 1919 г., ликвидационные мероприятия под руководством эмиссара Литкома Неведомского, который, по замечанию его подчиненных, относился к работе крайне индифферентно, начались в Костроме 20 февраля 1918 г. и формально закончились к 15 июня того же года [7, л. 44]. Члены комиссии отмечали: «Ликвидация была произведена так: служащие в обозначенных учреждениях уволены от службы, а дела учреждений свезены и свалены в двух комнатах здания бывшего казенного винного склада. Ликвидация была закончена лишь формально, а фактически она продолжается и в настоящее время» [7, л. 44]. Кроме того, авторы докладной записки подчеркивают нехватку денежных средств, оборудования и невыплату жалования сотрудникам комиссии [7, л. 44–47]. О своих бытовых проблемах костромская комиссия докладывала в сообщении в Литовский комиссариат от 10 марта 1919 г.: «холодное дымное, угарное помещение, пыльная и грязная работа и, подвергаясь от этого частым заболеваниям, [сотрудники] получают не своевременное жалование <...> несвоевременная получка жалования и голодовка как ее результат ведут к тому, что служащие, могущие успешно работать, бегут на другие места, а приходящие наниматься спешат уйти, как только узнают про все неудобства. Остаются те, которые менее успешны в работе и не имеют навыка в делах, с которыми приходится иметь дело. Все это замедляет и затрудняет работу» [7, л. 46]. К жалобам работников костромской комиссии могли бы присоединиться работники всех наркоматов и ведомств Советской России, ведь конец 1918 – начало 1919 г. было тяжелейшим временем в истории Страны Советов, окруженной белогвардейскими фронтами, повстанческими движениями и иностранными интервентами, в связи с чем материальных средств крайне не хватало всем ведомствам. Тем не менее сотрудники Литовского комиссариата продолжали свою деятельность и выполняли возложенные на них обязанности.

В связи с объединением советских Литвы и Белоруссии 27 февраля 1919 г. [22, с. 174] в Литовско-Белорусскую Советскую Республику⁴ на объединенном заседании распускаемых комиссариатов по делам данных республик 11 марта 1919 г. было принято решение объединить ликвидационные отделы обоих комиссариатов в ликвидационно-реэвакуационную комиссию [8, л. 109]. Порядок работы и структура данной комиссии были определены на 2-м заседании объединенного литовско-белорусского ликвидационного отдела 31 марта 1919 г., председателем был назначен А. П. Чулков [8, л. 111]. Согласно решению заседания коллегии Наркомнаца от 27 марта 1919 г., данная комиссия временно существовала при нем, а с 1 июля 1919 г. переходила в ведение Председателя Совета обороны Литвы и Белоруссии, бывшего главы Литовского комиссариата В. С. Мицкевича-Капсукаса [8, л. 118]. Последние заметки в газете «Жизни национальностей» о деятельности ликвидационного отдела Литкома относятся к марту 1919 г. [17].

В 1920 г., когда правительство РСФСР будет вести переговоры с «тарибской» Литвой о заключении мирного договора, заведующий ликвидационно-реэвакуационной комиссией направит свой отчет о ее деятельности председателю Российской делегации А. А. Йоффе, в котором говорилось: «Собрать все имущество не удалось. Причиной этому было: во-первых, то, что во время эвакуации, в эпоху мировой империалистической войны, много имущества было растеряно; во-вторых, во время февральского и октябрьского переворотов много имущества учреждений было уничтожено; часть оставшегося имущества была взята для использования местными органами» [8, л. 238]. Тем не менее на складах комиссариата в Москве, Калуге, Туле, Костроме и Твери комиссии удалось собрать имущество более 100 учреждений, значительная часть которого после образования Временного Революционного Рабоче-Крестьянского Правительства Литвы была отправлена в Литву, главным образом в Вильно, однако при отступлении РККА в ведение комиссии обратно ничего не поступило [8, л. 239]. По словам автора отчета, к лету 1920 г. «в ведении комиссии... находится только незначительная часть имущества, главным образом дела учреждений, архивы и т. п. <...> поэтому Литовскому правительству, кроме дел учреждений, ничего вернуть не представляется возможным» [8, л. 239].

Можно сделать вывод, что Литком начал реэвакуационные действия преждевременно, до упрочнения советской власти в Литве. Даже то имущество, которое комиссариат сумел найти и зачислить на свой баланс и реэвакуировать, было потеряно в связи с поражением правительства В. С. Мицкевича-Капсукаса. Данная ошибка позволила польской стороне, занявшей Вильно, захватить большую часть данного имущества. Потратив силы и средства на ликвидационно-реэвакуационные мероприятия, советская сторона оставила возвращенное имущество полякам, в связи с чем на переговорах с «тарибской» Литвой советской стороне придется компенсировать его деньгами.

Литовский комиссариат и Советская Литва. В декабре 1918 г. Литовский комиссариат готовился к перенесению тяжести своей деятельности в Литву [11]. В выпуске за 19 января 1919 г. в газете «Жизнь национальностей» сообщается: «Центр тяжести работы переносится в Двинск и Вильну. Петроградским Отделением продолжается мобилизация партийных работников и вербовка красноармейцев. Все дела быв. Представительства Тарибы переданы Чрезвычайной Комиссии» [12]. Таким образом, руководство литовского комиссариата переносило свою деятельность на подконтрольную РККА часть Литвы, не дожидаясь окончательной победы Красной армии над «тарибским» правительством. Одной из причин, заставлявших комиссариат действовать в ускоренном режиме, была необходимость заручиться поддержкой литовской интеллигенции в противостоянии с Польшей, которая выдвигала собственные планы по объединению Польши и Литвы в новую Речь Посполитую [26, с. 254].

К началу февраля 1919 г. в «Жизни национальностей» сообщалось: «Отделы: Культурно-просветительный, Издательский, Агитационный и отчасти Ликвидационный перенесены в Литву; в Москве остается только Общий отдел» [13]. Таким образом, Литовский комиссариат перенес значительную часть своей деятельности из РСФСР в Литовскую Советскую Республику в помощь правительству В. С. Мицкевича-Капсукаса, испытывавшему кадровый голод.

После образования Литовской Советской Республики для культурно-просветительской деятельности комиссариата на литовской территории в РСФСР закупалась и печаталась необходимая литература, которую комиссариат планировал отправить в Литву [10]. Кроме того, В. С. Мицкевич-Капсукас планировал использовать опыт деятельности СНК РСФСР при

⁴ Далее – Литбел или ЛБСР.

устройстве Литовской Советской Республики, для чего правительство Советской Литвы запросило из Москвы собрание декретов и распоряжения Совета Народных Комиссаров РСФСР для руководства будущему правительству революционной Литвы [10, с. 7].

Для реализации культурно-просветительских проектов Литовского комиссариата планировалось открыть в Литве сеть библиотек, о чем сообщается на страницах «Жизни национальностей»: «Культурно-просветительским отделом принимаются все меры к пополнению библиотеки Комиссариата и формированию небольших библиотек для отправки их в Литву» [14]. При этом комиссариат издавал не только политическую литературу, но и стихотворения первого литовского пролетарского поэта Ю. Янониса, повести К. Ясюкайтеса и прочие произведения литовских авторов [25, с. 78]. Кроме того, комиссариат планировал провести реорганизацию образовательных учреждений на территории Литовской Советской Республики, для чего культурно-просветительский отдел разработал проект реформ существующих в Литве школ и собирал материалы для педагогического сборника [11].

Для инициатив в области культуры и просвещения на территории ЛСР не хватало подготовленных сотрудников. С целью преодоления «кадрового голода» правительство республики планировало привлечь сотрудников культурно-просветительского отдела Литовского комиссариата [15]. Данные мероприятия, запланированные временным Революционным Правительством Литвы, не ограничивались открытием школ и библиотек. Для создания кинотеатров в республике правительство также обратилось за помощью к Литовскому комиссариату, для чего культурно-просветительский отдел комиссариата производил закупки кинолент для Комиссариата по просвещению Литовской Республики [16].

При этом сотрудники комиссариата были готовы привлекать к работе даже бывших «классовых врагов». В заявлении представителя Комиссариата по литовским делам Ч. Ю. Петрашкевича в Витебский губернский исполнительный комитет от 14 декабря 1918 г. представитель комиссариата просил Губисполком разрешить бывшему заведующему офицерским собранием Гаршину возглавить восстановление пострадавшего при эвакуации одного из виленских музеев, поскольку Гаршин обладал достаточной компетентностью в данном вопросе и добровольно пошел на сотрудничество с новой властью [5, л. 26].

Стоит отметить, что данные культурно-просветительские мероприятия проводились в самый разгар Гражданской войны. Временное Революционное Правительство ЛСР контролировало чуть больше половины территории Литвы. При этом, несмотря на продолжающиеся боевые действия, правительство Советской Литвы уже реализовывало проекты просвещения и культурного развития трудящихся масс республики.

Для помощи Литовской Советской Республике Народный Комиссариат по делам национальностей выделил значительную часть своих сотрудников. Данное обстоятельство осложнило деятельность других проектов НКН. На страницах газеты «Жизнь национальностей» сообщалось: «Петроградским Отделом успешно ведется культурно-просветительская работа, устраиваются концерты и лекции в “Рабочем клубе”. Массы очень интересуются деятельностью Рабочего клуба. Но развернуть широкой деятельности он не может ввиду отъезда многих опытных работников в Литву» [16, с. 4]. Этот факт демонстрирует, что к февралю 1919 г. значительная часть сотрудников Литовского комиссариата была задействована на культурно-просветительских мероприятиях Литовской Советской Республики.

В советских республиках за просветительскую деятельность должен был отвечать Наркомпрос. Поэтому культурно-просветительская деятельность Наркомнаца вызывала путаницу в полномочиях между данными ведомствами. В связи с этим неоднократно поднимался вопрос о переходе культурно-просветительских отделов в ведение Наркомпроса. На заседаниях Коллегии НКН 13 февраля 1919 г. было постановлено создать при Наркомпросе отдел национальных меньшинств, в ведение которого должны были со временем перейти культурно-просветительские отделы НКН [8, л. 101].

В начале 1919 г. сообщения о деятельности Литовского комиссариата в газете «Жизнь национальностей» перестают публиковаться еженедельно. К весне 1919 г. деятельность данного учреждения практически не находит отражения в данном издании. Последнее сообщение в газете «Жизнь национальностей» о деятельности культурно-просветительского отдела Литовского комиссариата относится к марту 1919 г. В нем говорится: «Культурно-просветительским отделом ведется работа по собиранию предметов искусства, как эвакуированных из Литвы во время войны, так и вывезенных раньше царскими властями. Приняты также меры к сбору и вывозу в Литву картин художника Чурляниса и библиотеки быв. Союза Любителей

Искусства» [17, с. 4]. Возвращение предметов искусства и живописи демонстрирует намерение Советской Литвы открывать музеи и картинные галереи, не дожидаясь окончания войны. К тому моменту ситуация на фронте осложнилась, но временное Революционное Правительство Литвы не прекращало культурно-просветительскую работу среди населения республики.

На заседании Коллегии НКН 8 Марта 1919 г. было принято решение в связи с образованием советских республик Латвии, Литвы, Эстонии и Белоруссии – расформировать Латышский, Литовский, Эстонский и Белорусский комиссариаты НКН [8, л. 107]. Заведующий Ликвидационным отделом в 1920 г. вспоминал о деятельности Ликвидационной комиссии в феврале – марте 1919 г.: «Были и такие моменты, когда комиссия оставалась совершенно без сотрудников. Одним из таких моментов было время образования Литовско-Белорусского Советского правительства, когда все работники из Москвы были взяты для работы в Литве и Белоруссии... Комиссия, в то время состоявшая из одного лишь заведующего и при отсутствии канцелярских сотрудников, не имела никакой возможности продолжать учет и ликвидацию имущества и учреждений» [8, л. 237]. Таким образом, Комиссариат по Литовским делам выполнил свое предназначение на тот момент. В Литкоме были подготовлены кадры для работы в Литбеле, а начатую сотрудниками комиссариата работу многие из них продолжают уже в правительстве В. С. Мицкевича-Капсукаса.

В это время оперативная обстановка на западном театре военных действий для РККА начала ухудшаться. В середине апреля польская армия под командованием генерала Э. Рыдз-Смиглы перешла в наступление, заняв к 17 апреля Лиду, а к 21 апреля вынудила командование Красной армии оставить Вильно [27, с. 121]. В мае появляется заметка о приостановке реэвакуации учреждений [18, с. 4]. Армия литовской «Тарибы» также проведет успешное наступление против РККА в мае 1919 г. и займет территорию Советской Литвы, хотя окончательно части РККА оставят Литву только 26 августа 1919 г. [3, с. 38].

Литовско-белорусский комиссариат. В октябре 1919 г. был создан Литовско-белорусский комиссариат [18]. В осенних выпусках 1919 г. «Жизнь национальностей» сообщает, что 2 ноября прошло собрание литовских беженцев, на котором они составили резолюцию, призывающую к восстанию против литовского правительства, поскольку оно затягивало мирные переговоры с Советской Россией [31]. Данное сообщение демонстрирует изменение позиции советской стороны в вопросе отношений с «тарибской» Литвой. Поскольку газета «Жизнь национальностей» являлась официальным печатным органом НКН, то призыв к заключению мира с «тарибской» Литвой демонстрирует отказ правительства РСФСР от установления советской власти в Литве.

В отчете за проделанную работу в 1919 г. Литовско-Белорусского комиссариата, приведенном в газете «Жизнь национальностей», работники жалуются на многочисленные проблемы их ведомства. Сотрудники комиссариата пишут: «Несмотря на все старания комиссариата ему не удавалось ни одного соответствующего работника получить. Пришлось ему прямо взять сотрудников представительства Литбел в Москве и литовско-белорусской ликвидационно-реэвакуационной комиссии. ... Никто не хотел ни поступать, ни переходить в литовско-белорусский комиссариат, считая его временным учреждением. <...> Вследствие полного отсутствия в Москве литовского шрифта и невозможности его своевременно изготовить, а также вследствие недостатка электричества и бумаги в печатном деле вообще, а в занятой комиссариатом типографии в особенности не удалось печатание литовских брошюр поставить и поныне» [19]. Данные сообщения демонстрируют, что к осени 1919 г. советское руководство отложило идею воссоздания Литбела и не оказывало комиссариату должного внимания, поскольку судьба Страны Советов в тот момент решалась в боях с армиями А. И. Деникина и Н. Н. Юденича.

Деятельность Литовско-Белорусского комиссариата в конце 1919 г. сводилась к оказанию помощи беженцам. В «Жизни национальностей» сообщалось: «Комиссариатом обслуживались по мере текущей надобности и жизненной потребности различные нужды беженцев и уроженцев Литвы и Белоруссии. Им выдавались разного рода справки, советы, указания, информационно-инструкторский материал, отзывы, соответствующие удостоверения или отношения на требования к ним другими советскими учреждениями; содействовалось им при определении в приюты, школы, при необходимой помощи, защиты и делалось многое другое в их пользу» [19, с. 2]. Данное обстоятельство демонстрирует, что советское руководство в отличие от 1918 г. не возлагало на Литовско-Белорусский комиссариат политических расчетов и его деятельность не имела политического веса. Его функции свелись к организации работы по оказанию помощи литовским беженцам с занимаемых польской армией территорий.

В выпуске «Жизни национальностей» от 6 апреля 1920 г. говорится о конференции в Москве, в которой приняли участие коммунисты из Литбела. На этом мероприятии были приняты резолюции, призывающие литовско-белорусский комиссариат НКН увеличить объем агитационной и просветительской работы, в том числе и среди литовских беженцев [34]. Однако более важным сообщением в данном выпуске была расшифровка радиограммы литовского правительства о согласии на начало мирных переговоров с Советской Россией [21].

Мирный договор между Литовской республикой и РСФСР был заключен 12 июля 1920 г. в Москве. Советская сторона, согласно статье 1 данного договора, признавала независимость Литовской республики; кроме того, согласно 4-й статье мирного соглашения она обязывалась не поддерживать силы, которые ставили своей целью борьбу с официальным литовским правительством [37]. Некоторые остатки литовского имущества, до сих пор находившиеся в ведомстве Литовско-Белорусского комиссариата, были переданы Литовской республике, а то, что вернуть было невозможно, было компенсировано 3 миллионами золотых рублей [27, с. 200]. Соответственно, задача ведения эвакуированным литовским имуществом перестала быть актуальной для Литовско-Белорусского комиссариата. После подписания и ратификации договора [33, с. 76] эти пункты делали работу литовско-белорусского комиссариата на территории Литвы формально невозможной, и данное подразделение будет расформировано. Вместо Литовско-Белорусского комиссариата при НКН образуются литовский и белорусский отделы. Поскольку Литовский отдел не мог проводить подрывную деятельность на родине, а большинство литовских беженцев вернулось в Литву, деятельность отдела становится малозначимой. В выпусках «Жизни национальностей» нет упоминаний о деятельности литовского отдела, а статьи, посвященные Литве, описывают исключительно политические новости, связанные с Литовской республикой.

В отчете о деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей за 6 лет о Литовском отделе после заключения мирного договора с Литвой было отмечено: «Оставшаяся в России литовская масса не представляет более компактного целого, с одной стороны, с другой – окончательно уж почти втянулась в общую работу советского строительства. В связи с этим работа Отдела за последнее время заключалась, главным образом, в информации литовцев о всех мероприятиях советской власти, для скорейшего вхождения их в общесоветское русло» [39, с. 131].

Таким образом, после подписания Мирного договора между РСФСР и Литовской республикой можно говорить о завершении проекта Литовского комиссариата в том числе и потому, что между правительствами РСФСР и Литовской республики установились добрососедские отношения [2, с. 113–129]. Неудачи Красной армии в войне с Польшей в 1920 г., а также «бунт» польского генерала Л. Желиговского и оккупация Вильнюса польскими легионерами в 1920 г. способствовали сближению Литвы и РСФСР. Для поддержания боеспособности армии «тарифской» Литвы советская сторона даже направляла военных советников в Каунас [23, с. 497] и, по утверждению историка А. В. Шубина, «Литва стала наиболее дружественным для РСФСР государством региона» [42, с. 685]. В данных обстоятельствах активная деятельность и само существование Литовского отдела НКН утратили актуальность для руководства Советской России.

Деятельность Литовского комиссариата в 1917–1920 гг. является типичным примером национальной политики партии большевиков. Советское руководство считалось с правом нации на самоопределение и содействовало становлению литовской государственности и укреплению литовской национальной идентичности. Комиссариат оказывал значительную помощь литовскому народу в культурно-просветительской деятельности. Кроме того, советское руководство не допустило расхищения основной части имущества, вывезенного из Литвы, передало его Литовскому комиссариату, который должен был вернуть его в Литву. Процесс реэвакуации начался. Поражение Советской Литвы не позволило вернуть имущество в 1919 г., и пришлось компенсировать Литовской республике его стоимость золотом в рамках Московского договора 1920 г. После отказа от советизации Литвы советское руководство перестало оказывать серьезную поддержку Литовскому (Литовско-белорусскому) комиссариату, а после подписания мирного договора между РСФСР и Литовской республикой 12 июля 1920 г. окончательно отказалось от данного ведомства, поскольку его работа могла оказать негативное влияние на формирующееся на антипольской основе советско-литовское сближение.

Список литературы

1. Анисимова А. И. Политика Временного правительства в решении «национального вопроса»: подходы и методы реализации региональных вариантов // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2016. № 2. С. 15–20.
2. Буткус З. Дипломатическая деятельность первого советского посла в Литве А. Е. Аксель-рода (сентябрь 1920 – март 1921 г.) // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX – 30-е гг. XX века. М. : ИВИ РАН, 2002. С. 113–129.
3. Гайгалайте А. И., Жепкайте Р. С. История Литовской ССР. Каунас : Швиеса, 1978. 208 с.
4. ГАРФ Ф. Р1318 (Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнац РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительств при Наркомнаце РСФСР). Оп. 22. Д. 35 (кассовая книга Литовского комиссариата).
5. ГАРФ Ф. Р9509 (Резвакуационно-ликвидационная комиссия Литвы и Белоруссии при наркомате по делам национальностей). Оп. 1. Д. 8 (переписка по литовским делам).
6. ГАРФ Ф. Р9509 (Резвакуационно-ликвидационная комиссия Литвы и Белоруссии при наркомате по делам национальностей). Оп. 1. Д. 18. (Переписка Комиссариата по делам национальностей).
7. ГАРФ Ф. Р9509 (Резвакуационно-ликвидационная комиссия Литвы и Белоруссии при наркомате по делам национальностей). Оп. 1. Д. 77 Эвакуированные учреждения Литвы).
8. ГАРФ Ф. Р9509 (Резвакуационно-ликвидационная комиссия Литвы и Белоруссии при наркомате по делам национальностей). Оп. 1. Д. 81 (Материалы ликвидационно-резвакуационной комиссии по делам Литвы и Белоруссии и комиссариата по литовским делам).
9. Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М. : Политиздат, 1959. 772 с.
10. Из деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей. 4. Литовский Комиссариат // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 4. 1 декабря 1918 г. С. 7.
11. Из деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей. 5. Литовский Комиссариат // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 7. 22 декабря 1918 г. С. 7.
12. Из деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей. 6. Литовский Комиссариат // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 2 (10). 19 января 1919 г. С. 7.
13. Из деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей. 5. Литовский Комиссариат // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 4 (12). 2 февраля 1919 г. С. 6.
14. Из деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей. 8. Литовский Комиссариат // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 5. 8 декабря 1918 г. С. 7.
15. Из деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей. 5. Литовский Комиссариат // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 8. 29 декабря 1918 г. С. 7.
16. Из деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей. 5. Литовский Комиссариат // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 6 (14). 23 февраля 1919 г. С. 4.
17. Из деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей. 3. Литовский Комиссариат // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 9 (17). 16 марта 1919 г. С. 4.
18. Из деятельности Народного Комиссариата по делам национальностей. 3. Ликвидационно-резвакуационная комиссия по делам Литвы и Белоруссии // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 19 (27). 25 мая 1919 г. С. 4.
19. Из жизни комиссариата по литовско-белорусским делам. (Из доклада комиссариата Литбел за последнюю четверть 1919 г.) // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 3 (60). 18 января 1920 г. С. 2.
20. Извещение // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 48 (56). 21 декабря 1919 г. С. 2.
21. К мирным переговорам // Жизнь национальностей: Орган ... № 10 (67) 6 апреля 1920 г. С. 1.
22. Лауринавичюс Ч. Вильнюсский вопрос в межвоенное время и не только // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2015. М. : Наука, 2015. С. 169–188.
23. Литва-Россия. 1917–1920 гг. : сб. док. / сост. Ч. Лауринавичюс, А. Каспаравичюс, З. Буткус И. А. Кукушкина, А. В. Шубин. Вильнюс : Институт истории Литвы, 2020. 522 с.
24. Литовцы коммунисты // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 6. 15 декабря 1918 г. С. 8.
25. Макарова, Г. П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг. М. : Наука, 1987. 172 с.
26. Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М. : Молодая гвардия, 2008. 474 с.
27. Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М. : Алгоритм, 2015. 608 с.
28. Минеева Е. К. Наркомнац РСФСР: цели, задачи, структура // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки : науч. журн. Чебоксары, 2006. №. 7. С. 23–33.
29. Мицкевич-Капсукас В. С. Революция в Литве (1918 г.) и создание Временного революционного рабоче-крестьянского правительства // Историк-марксист. Т. 2–3. 1935. С. 44–52.

30. Нечипуренко Г. А. В борьбе за линию партии (Газ. "Жизнь национальностей" – орган Наркомнаца РСФСР, 1918–1922 гг.). М. : Мысль, 1979. 143 с.
31. Официальный отдел. Литовско-Белорусский Комиссариат // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 40 (48). 19 октября 1919 г. С. 4.
32. Песикина Е. И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М. : Тип. Высш. парт. школ., 1950. 156 с.
33. Политика советской власти по национальным делам за три года. 1917 – XI – 1920. М. : Гос. изд., 1920. 185 с.
34. Резолюции, принятые на Российской конференции коммунистов Литбеловцев // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 10 (67). 6 апреля 1920 г. С. 1.
35. Резолюция литовских беженцев // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 43 (51). 19 ноября 1919 г. С. 4.
36. Резолюция литовских беженцев // Жизнь национальностей: Орган Нар. Ком. по делам национальностей. № 43 (51). 19 ноября 1919 г. С. 4.
37. Россия. Договоры. Мирный договор между Россией и Литвой. Подпис. в Москве 12 июля 1920 г. М., 1920. 11 с.
38. РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей. Справочник Народного комиссариата по делам национальностей. М., 1921. 18 с.
39. РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей. Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. 1917–1923 гг. (вместо отчета). М., 1924. 228 с.
40. Тройницкий Н.А. Виленская губерния // Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1905. 179 с.
41. Чеботарева В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М. : Общественная академия наук российских немцев. 2003. 852 с.
42. Шубин А. В. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив. М. : Академический проект, 2020. 773 с.
43. Шубин А. В. Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб. : Питер, 2017. 448 с.

Activities of the Lithuanian Commissariat of the People's Commissariat of the RSFSR

Bakanov Dmitry Konstantinovich

specialist in educational programs, State Academic University of Humanities.
Russia, Moscow. E-mail: b79190524539@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the activities of the Lithuanian Commissariat, which was part of the People's Commissariat for Nationalities (NPC) of the RSFSR during the Civil War. This commissariat was established as one of the first national commissariats of the NCH. After the signing of the Brest Peace, this unit of the People's Commissariat was forced to conduct its main activities among Lithuanian refugees on the territory of the RSFSR. The main task of this unit of the People's Commissariat at that time was to train personnel to spread the revolution to Lithuania.

During the advance of the Red Army to the West after the defeat of Germany in World War I, many employees of the Lithuanian Commissariat of the NKN will join the government of Soviet Lithuania. It is noteworthy that the Lithuanian Soviet Republic (later the Lithuanian–Belarusian Soviet Republic) in 1919 was headed by the head of the Lithuanian Commissariat of the People's Commissariat V. S. Mickiewicz-Capsukas (Mickiewicz). In addition to agitation and recruitment of personnel among Lithuanian refugees, the Lithuanian Commissariat was engaged in cultural and educational activities. Without waiting for the victory of the Soviet government in the Civil War on the territory of Lithuania, commissariat employees opened schools, libraries and exhibitions. Another important task of this unit was the return of property evacuated from Lithuania during the First World War.

The defeat of the Soviet government in Lithuania did not allow the implementation of the activities of the Lithuanian Commissariat, and the efforts of its employees will mostly be in vain. After the signing of the peace treaty between the RSFSR and the Republic of Lithuania in 1920, the further activities of this unit of the People's Commissariat will be discontinued. Due to the military-political failure, the experience of the Lithuanian Commissariat will be undeservedly forgotten. In this article, based on materials from the funds of the GARF, as well as the newspaper published by the People's Commissariat for Nationalities – "Life of Nationalities", the activities of the Lithuanian Commissariat of the NKN in 1918–1920 will be reconstructed.

Keywords: Civil War in Russia, People's Commissariat, Lithuania, Litbel, Lithuanian Commissariat, V. S. Mickiewicz-Capsukas (Mickiewicz).

References

1. Anisimova A. I. *Politika Vremennogo pravitel'stva v reshenii "nacional'nogo voprosa": podhody i metody realizacii regional'nyh variantov* [The policy of the Provisional Government in solving the "national question": approaches and methods of implementing regional options] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* – News of Altai State University. Barnaul. 2016. No. 2. Pp. 15–20.
2. Butkus Z. *Diplomaticheskaya deyatel'nost' pervogo sovetskogo posla v Litve A. E. Aksel'-roda (sentyabr' 1920 – mart 1921 g.)* [Diplomatic activity of the first Soviet Ambassador to Lithuania A. E. Aksel-rod (September 1920 – March 1921)] // *Rossiya i Baltiya. Narody i strany. Vtoraya polovina XIX – 30-e gg. XX veka* – Russia and the Baltic States. Peoples and countries. The second half of the XIX – 30s of the XX century. M. Institute of General History of RAS. 2002. Pp. 113–129.
3. Gaigalaite A. I., Zhepkaitė R. S. *Istoriya Litovskoj SSR* [History of the Lithuanian SSR]. Kaunas. Shviesa. 1978. 208 p.
4. SARF F. P1318 (People's Commissariat for Nationalities of the RSFSR (People's Commissariat of the RSFSR), representatives of the People's Commissariat of the RSFSR in the treaty and autonomous republics and their representative offices at the People's Commissariat of the RSFSR). Inv. 22. File 35 (cash register of the Lithuanian Commissariat).
5. SARF F. P9509 (Re-evacuation and Liquidation Commission of Lithuania and Belarus under the People's Commissariat for Nationalities). Inv. 1. File 8 (correspondence on Lithuanian affairs).
6. SARF F. P9509 (Re-evacuation and Liquidation Commission of Lithuania and Belarus under the People's Commissariat for Nationalities). Inv. 1. File 18. (Correspondence of the Commissariat for Nationalities).
7. SARF F. P9509 (Re-evacuation and Liquidation Commission of Lithuania and Belarus under the People's Commissariat for Nationalities). Inv. 1. File 77 Evacuated institutions of Lithuania).
8. SARF F. P9509 (Re-evacuation and Liquidation Commission of Lithuania and Belarus under the People's Commissariat for Nationalities). Inv. 1. File 81 (Materials of the Liquidation and Re-evacuation Commission for Lithuania and Belarus and the Commissariat for Lithuanian Affairs).
9. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR* – Documents of the foreign policy of the USSR. Vol. 1: November 7, 1917 – December 31, 1918. M. Politizdat. 1959. 772 p.
10. *Iz deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po delam nacional'nostej. 4. Litovskij Komissariat* – From the activities of the People's Commissariat for Nationalities. 4. Lithuanian Commissariat // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the People's Commissariat for Nationalities. No. 4. December 1, 1918. P. 7.
11. *Iz deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po delam nacional'nostej. 5. Litovskij Komissariat* – From the activities of the People's Commissariat for Nationalities. 5. Lithuanian Commissariat // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The organ of the Nar. Com. for Ethnic Affairs. No. 7. December 22, 1918. P. 7.
12. *Iz deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po delam nacional'nostej. 6. Litovskij Komissariat* – From the activities of the People's Commissariat for Nationalities. 6. Lithuanian Commissariat // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 2 (10). January 19, 1919. P. 7.
13. *Iz deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po delam nacional'nostej. 5. Litovskij Komissariat* – From the activities of the People's Commissariat for Nationalities. 5. Lithuanian Commissariat // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 4 (12). February 2, 1919. P. 6.
14. *Iz deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po delam nacional'nostej. 8. Litovskij Komissariat* – From the activities of the People's Commissariat for Nationalities. 8. Lithuanian Commissariat // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The organ of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 5. December 8, 1918. P. 7.
15. *Iz deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po delam nacional'nostej. 5. Litovskij Komissariat* – From the activities of the People's Commissariat for Nationalities. 5. Lithuanian Commissariat // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the People's Commissariat for Nationalities. No. 8. December 29, 1918. P. 7.
16. *Iz deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po delam nacional'nostej. 5. Litovskij Komissariat* – From the activities of the People's Commissariat for Nationalities. 5. Lithuanian Commissariat // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 6 (14). February 23, 1919. P. 4.
17. *Iz deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po delam nacional'nostej. 3. Litovskij Komissariat* – From the activities of the People's Commissariat for Nationalities. 3. Lithuanian Commissariat // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 9 (17). March 16, 1919. P. 4.
18. *Iz deyatel'nosti Narodnogo Komissariata po delam nacional'nostej. 3. Likvidacionno-reevakuacionnaya komissiya po delam Litvy i Belorussii* – From the activities of the People's Commissariat for Nationalities. 3. Liquidation and re-evacuation Commission for Lithuania and Belarus // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 19 (27). May 25, 1919. P. 4.

19. *Iz zhizni komissariata po litovsko-belorusskim delam. (Iz doklada komissariata Litbel za poslednyuyu chetvert' 1919 g.)* – From the life of the Commissariat for Lithuanian-Belarusian Affairs. (From the report of the Litbel Commissariat for the last quarter of 1919) // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 3 (60). January 18, 1920. P. 2.
20. *Izveshchenie* – Notification // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 48 (56). December 21, 1919. P. 2.
21. *K mirnym peregovoram* – Towards peace negotiations // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: Organ ... No. 10 (67) April 6, 1920. P. 1.
22. *Laurinavichyus Ch. Vil'nyusskij vopros v mezhdunarodnoe vremya i ne tol'ko* [The Vilnius question in the interwar period and not only] // *Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG* – Historical space. Problems of the history of the CIS countries. 2015. M. Nauka (Science). 2015. Pp. 169–188.
23. *Litva–Rossiya. 1917–1920 gg. : sb. dok.* – Lithuania–Russia. 1917–1920 : coll. doc. / comp. Ch. Laurinavicius, A. Kasparavicius, Z. Butkus I. A. Kukushkina, A. V. Shubin. Vilnius. Institute of Lithuanian History. 2020. 522 p.
24. *Litovcy kommunisty* – Lithuanian Communists // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The organ of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 6. December 15, 1918. P. 8.
25. *Makarova G. P. Narodnyj komissariat po delam nacional'nostej RSFSR, 1917–1923 gg.* [People's Commissariat for Nationalities of the RSFSR, 1917–1923]. M. Nauka (Science). 1987. 172 p.
26. *Matveev G. F. Pilsudskij* [Pilsudsky]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 2008. 474 p.
27. *Mel'tyuhov M. I. Pribaltijskij placdarm v mezhdunarodnoj politike Moskvy (1918–1939 gg.)* [The Baltic bridgehead in Moscow's international politics (1918–1939)]. M. Algorithm. 2015. 608 p.
28. *Mineeva E. K. Narkomnac RSFSR: celi, zadachi, struktura* [People's Commissariat of the RSFSR: goals, objectives, structure] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Gumanitarnye nauki : nauch. zhurn.* – Herald of Chuvash University. Humanities : scientific journal. Cheboksary. 2006. No. 7. Pp. 23–33.
29. *Mickevich-Kapsukas V. S. Revolyuciya v Litve (1918 g.) i sozdanie Vremennogo revolyucionnogo raboche-krest'yanskogo pravitel'stva* [The Revolution in Lithuania (1918) and the creation of a Provisional Revolutionary Workers' and Peasants' Government] // *Istorič-marksist* – Historian-Marxist. Vol. 2–3. 1935. Pp. 44–52.
30. *Nechipurenko G. A. V bor'be za liniyu partii (Gaz. "Zhizn' nacional'nostej" – organ Narkomnaca RSFSR, 1918–1922 gg.)* [In the struggle for the party line (Newspaper "Life of Nationalities" – organ of the People's Commissariat of the RSFSR, 1918–1922)]. M. Mysl' (Thought). 1979. 143 p.
31. *Oficial'nyj otdel. Litovsko-Belorusskij Komissariat* – Official department. Lithuanian-Belarusian Commissariat // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 40 (48). October 19, 1919. P. 4.
32. *Pesikina E. I. Narodnyj komissariat po delam nacional'nostej i ego deyatel'nost' v 1917–1918 gg.* [People's Commissariat for Nationalities and its activities in 1917–1918]. M. Typ. of Higher part. school. 1950. 156 p.
33. *Politika sovetskoj vlasti po nacional'nym delam za tri goda. 1917 – XI – 1920* – The policy of the Soviet government on national affairs for three years. 1917 – XI – 1920. M. State Publishing House. 1920. 185 p.
34. *Rezolyucii, prinyatyje na Rossijskoj konferencii kommunistov Litbelovcev* – Resolutions adopted at the Russian Conference of Communists Litbelovtsev // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of nationalities: The body of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 10 (67). April 6, 1920. P. 1.
35. *Rezolyuciya litovskih bezhencev* – Resolution of Lithuanian refugees // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 43 (51). November 19, 1919. P. 4.
36. *Rezolyuciya litovskih bezhencev* – Resolution of Lithuanian refugees // *Zhizn' nacional'nostej: Organ Nar. Kom. po delam nacional'nostej* – Life of Nationalities: The body of the Nar. Com. on affairs of nationalities. No. 43 (51). November 19, 1919. P. 4.
37. *Rossiya. Dogovory. Mirnyj dogovor mezhdru Rossiej i Litvoj. Podpis. v Moskve 12 iyulya 1920 g.* – Russia. Contracts. A peace treaty between Russia and Lithuania. Signed in Moscow on July 12, 1920. M. 1920. 11 p.
38. *RSFSR. Narodnyj komissariat po delam nacional'nostej. Spravochnik Narodnogo komissariata po delam nacional'nostej* – RSFSR. People's Commissariat for Nationalities. Handbook of the People's Commissariat for Nationalities. M. 1921. 18 p.
39. *RSFSR. Narodnyj komissariat po delam nacional'nostej. Shest' let nacional'noj politiki Sovetskoj vlasti i Narkomnac. 1917–1923 gg. (vmesto otcheta)* – RSFSR. People's Commissariat for Nationalities. Six years of the national policy of the Soviet government and the People's Commissariat. 1917–1923 (instead of the report). M. 1924. 228 p.
40. *Trojnitskij N.A. Vilenskaya guberniya* [Vilna province] // *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda* – The first general population census of the Russian Empire in 1897 / ed. by N. A. Troynitsky. SPb. Central Stat. com. of Ministry of Internal Affairs. 1905. 179 p.
41. *Chebotareva V. G. Narkomnac RSFSR: svet i teni nacional'noj politiki 1917–1924 gg.* [People's Commissariat of the RSFSR: the light and shadows of national politics 1917–1924]. M. Public Academy of Sciences of Russian Germans. 2003. 852 p.
42. *Shubin A. V. Mirovaya revolyucionnaya volna (1918–1923)* [The World Revolutionary Wave (1918–1923)]. Priliv]. M. Academic project. 2020. 773 p.
43. *Shubin A. V. Start Strany Sovetov. Revolyuciya. Oktyabr' 1917 – mart 1918* [The Start of the Soviet Country. Revolution. October 1917 – March 1918]. SPb. St. Petersburg. 2017. 448 p.

Экономические последствия функционирования предприятий атомной промышленности СССР для машиностроения Южного и Среднего Урала 1940-х – 1950-х гг.*

Михеев Михаил Викторович¹, Бедель Александр Эмануилович²

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0001-8097-4953. E-mail: mikheeviiiauroran@yandex.ru

²кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0001-6091-913X. E-mail: bedel54@mail.ru

Аннотация. Поставлена задача оценить экономические последствия массового перевода кадров с предприятий машиностроения Среднего и Южного Урала на рубеже 1940-х – 1950-х гг. в систему советского атомного проекта. Для понимания механизма перемещения кадров в атомный проект и оценки этого масштаба проанализированы материалы Секретариата ЦК ВКП(б), особых папок Свердловского и Челябинского обкомов ВКП(б). Установлено, что набор сотрудников преимущественно осуществлялся областными комитетами ВКП(б) по разнарядкам ЦК. Отобранные работники формально направлялись в распоряжение обкомов ВКП(б), фактически – в Первое главное управление при Совете министров СССР (ПГУ) – «штаб» советской атомной промышленности. Пик этого набора пришелся на 1948–1950 гг., когда из отраслей машиностроения Среднего и Южного Урала было мобилизовано более 1400 человек. Это относительно условная цифра, так как соответствующие протоколы бюро обкомов, в особенности в Свердловской области, сохранились не полностью. Одновременно была собрана статистика показателей промышленности предприятий Свердловской и Челябинской областей. В динамические статистические ряды были сведены данные как о работе всей промышленности каждого региона, так и расположенных в них машиностроительных предприятий. Специфика формирования источникового материала сделала полученные данные фрагментарными, однако даже из них прослеживаются два случая падения машиностроительного производства в 1945–1946 гг. и 1948–1950 гг. Если первый случай является результатом послевоенной реконверсии, то второй связан с реализацией атомного проекта в СССР. В заключении авторы ставят вопрос о последствиях атомного проекта для горнодобывающей промышленности и сферы социального обеспечения двух областей.

Ключевые слова: советский атомный проект, машиностроение, Первое главное управление при Совете министров СССР, обкомы ВКП(б), Свердловская область, Челябинская область.

Введение. В середине 1940-х – 1950-х гг. в СССР осуществлялся комплекс мероприятий по разработке отечественного ядерного оружия, условно обозначаемого как советский атомный проект. При этом, в силу геополитических соображений, значительная часть производительных сил атомного проекта оказалась расположена на территории Челябинской и Свердловской областей. Выбор уральского региона в качестве места дислокации предприятий по производству делящихся и радиоактивных материалов (плутоний-239, высокообогащенный уран-235, тритий и другие) был обусловлен, с одной стороны, наличием крупного электроэнергетического потенциала и запасов воды, технологически необходимых для основного производства. Кроме того, немаловажную роль играл геополитический фактор, а именно местоположение региона в глубине континента – на максимальном удалении от границ государства и вне радиуса действия стратегической авиации потенциального противника.

На территории Челябинской и Свердловской областей были расположены четыре предприятия и ядерно-оружейный центр по разработке и испытаниям атомного и термоядерного оружия. В 1948–1955 гг. на комбинате № 817 (ныне ПО «Маяк, г. Озерск Челябинской области) сформировался комплекс реакторных (уран-графитовых и тяжеловодных), радиохимических и химико-металлургических переделов для получения ключевого компонента атомного заряда – плутония-239. Между Свердловском и Нижним Тагилом возле поселка Верх-Нейвинский в 1949 г. запустили производство по обогащению урана газодиффузионным

способом на комбинате № 813 (ныне Уральский электрохимический комбинат, г. Новоуральск Свердловской области). На севере Свердловской области в 1947–1950 гг. построили завод № 814 с установкой СУ-20 по электромагнитному методу разделения изотопов урана. В начале 1950-х гг. из-за большой энергоемкости данного способа по обогащению урана от него отказались и расширили промышленную площадку для нового предприятия – завода № 418 – для сборки ядерных боеприпасов (ныне «Комбинат «Электрохимприбор», г. Лесной Свердловской области). Около города Сим, расположенного к юго-западу от Челябинска, ввели в строй Приборостроительный завод (завод № 933), специализирующийся на серийном производстве ядерных боеприпасов. В 1955 г. он выполнил первую государственную программу по изготовлению изделий РДС-4 (авиационной атомной бомбы). В это же время между Свердловском и Челябинском вблизи комбината № 817 развернулось строительство научно-исследовательского и опытно-конструкторского ядерного оружейного центра НИИ-1011 (ныне РФЯЦ ВНИИТФ им. академика Е. И. Забабахина, г. Снежинск Челябинской области) [см.: 50, с. 88].

На протяжении второй половины 1940-х гг. проблема организации производства ядерных вооружений находилась в числе первоочередных целей советского руководства. Реализация атомного проекта сопровождалась беспрецедентно высоким обеспечением всеми ресурсами. Достаточно отметить, что на его осуществление было выделено 9 % средств от общего объема капиталовложений IV пятилетки. Для сравнения: вся легкая и пищевая промышленность СССР (так называемая промышленность группы Б) получала 12 % средств, то есть всего на 3 % больше [36, с. 430].

Целью настоящей статьи не является изучение собственно истории атомного проекта. Однако, учитывая огромный масштаб тех мероприятий, которые были реализованы на Урале в его рамках, интересным представляется выявление и изучение последствий реализации здесь проекта для экономики региона, которые, безусловно, должны были возникнуть, учитывая размах производимых работ.

Кадровая политика. 20 августа 1945 г. для общего руководства работами по использованию внутриатомной энергии урана был создан Специальный комитет при ГКО (позднее при СНК, СМ СССР) под председательством Л. П. Берии. Спецкомитет был наделен чрезвычайными полномочиями по привлечению любых ресурсов, имевшихся в распоряжении правительства СССР к работам по атомному проекту. При Спецкомитете существовал исполнительный орган – Первое главное управление при Совмине СССР (ПГУ). ПГУ подчинялись вновь создающиеся предприятия по добыче и переработке урановой руды, производству ядерного «горючего», разработке и производству атомной и термоядерной бомбы. В декабре 1949 г. из ПГУ было выделено Второе главное управление, которому было поручено руководство комплексом горнодобывающих предприятий проекта [подробнее см.: 3, с. 85–99].

Оба ведомства занимали исключительное место в системе государственного управления СССР. Оно выражалось в возможности приоритетного изъятия в свою пользу людских и материальных ресурсов из экономики СССР. Следует согласиться с Н. В. Мельниковой, что: «Укомплектовать в короткие сроки принципиально новую отрасль было возможно только за счет «внешних» кадровых источников, в ущерб действующим промышленным предприятиям» [7, с. 107]. Именно изъятие людских ресурсов представляется нам отправной точкой для оценки последствий реализации атомной программы на Урале, что обусловлено спецификой источниковой базы исследования. В условиях, когда значительная часть документальных источников, связанных с историей атомного проекта, остается засекреченной, существует возможность оценки последствий перемещения в атомный проект кадров из неядерной промышленности, а также масштабов таких перемещений, благодаря документам партийных организаций. В первую очередь мы имеем в виду фонды Секретариата ЦК и региональных организаций ВКП(б) (областные и городские комитеты).

Фрагментарно сохранившиеся документы свидетельствуют, что Секретариатом ЦК по запросам ПГУ осуществлялся набор работников в систему атомного проекта. Этот набор был как массовым, так и индивидуальным [3, с. 164]. В первом случае ЦК направлял в областные комитеты указания о подборе необходимого количества специалистов по той или иной специальности для работы в ПГУ, во втором речь шла о персональном переводе руководящих работников различных ведомств и министерств на командные должности ПГУ, входившие в номенклатуру ЦК [34, л. 21, 30].

Первый зафиксированный нами массовый набор работников в ПГУ был утвержден Секретариатом ЦК 16 июня 1946 г. Тогда на места была спущена разнарядка о наборе 127 специ-

алистов из 10 регионов РСФСР, 112 из министерств СССР и 160 из рядов РККА [32, л. 105, 157–163]. Впоследствии от «ведомственной разверстки», по всей видимости, отказались. Так, в 1947 г. заместитель начальника ПГУ А. С. Александров требовал производить откомандирование работников в ПГУ с соблюдением строгой секретности и от имени обкомов ВКП(б). При этом в сопроводительных документах работника требовалось указывать об откомандировании его в распоряжение партийных органов [23, л. 28]. В распоряжении Секретариата ЦК от 8 мая 1947 г. разверстка дана только по шести областным комитетам ВКП(б) на территории СССР [34, л. 21, 132–138]. В совокупности документы Секретариата ЦК свидетельствуют о наборе 519 человек, преимущественно рабочих и ИТР в области машиностроения и обработки металлов, впрочем, среди них встречаются медики, работники торговли и обслуживающий персонал. При этом только 43 человека требовалось «поставить» от Свердловской и Челябинской областей. Остальные работники набирались из других регионов с развитым машиностроением – Ленинграда, Горького, Куйбышева, Молотова и других.

По всей видимости, деятельность ЦК по набору кадров в ПГУ выявленными документами представлена далеко не полностью. Об этом свидетельствуют материалы региональных архивов. Так, документы «Особой папки» Челябинского обкома ВКП(б) свидетельствуют о мобилизации в систему атомного проекта 1122 высококвалифицированных рабочих и ИТР с машиностроительных предприятий области в 1948–1950 гг. [21, л. 81–98; 22, л. 16–20, 33–34, 96–101, 162–176; 25, л. 1–2, 25–26, 31–33; 26, л. 54–55, 96–97, 116–117; 27, л. 67]. Это не исчерпывающие данные. Только в 1949 г. с предприятий и организаций Челябинской области на комбинат № 817 прибыло 4323 человека [11, с. 463]. В отличие от Челябинска, материалы «Особой папки» Свердловского обкома ВКП(б) сохранились фрагментарно, но даже здесь мы находим сведения о мобилизации 300 работников машиностроения в ПГУ 3 апреля 1948 г. [46, л. 126–130]. Именно машиностроительная отрасль стала основным источником комплектования кадров для создававшейся в СССР атомной промышленности.

Машиностроение. Ранее, на гипотетическом уровне, исследователи уже ставили вопрос о взаимосвязи атомного проекта и кризиса машиностроения на Урале в конце IV пятилетки. В частности, Л. В. Шубарина обращала внимание, что исходя из Постановления Совета министров СССР от 9 апреля 1946 г. «О строительстве завода № 817» Челябинский обком ВКП(б) был вынужден обязать Челябинский горком «откомандировать в распоряжение обкома с ведущих предприятий города 70 инженерно-технических работников, в том числе с Кировского завода» [49, с. 206]. Изъятие из уральского машиностроения специалистов и мощностей в пользу атомного проекта, особенно на фоне реэвакуации и реконверсии, привело, согласно Л. В. Шубариной, к тому, что на послевоенном Урале, особенно в Челябинской области, «существовала ярко выраженная диспропорция между уровнем развития металлургии, переживавшей подъем, и машиностроения, которое до начала 1950-х гг. находилось в кризисе» [50, с. 89].

Действительно, приведенные нами выше материалы свидетельствуют о значительном оттоке квалифицированных работников уральского машиностроения в атомный проект, особенно в период 1948 – начала 1950-х гг. Более того, об этой взаимосвязи говорили уже современники. 25 июня 1949 г. администрация артиллерийского завода № 9 им. И. В. Сталина обратилась в Свердловский горком ВКП(б), так как в 1948–1949 гг. завод № 9 был вынужден передать ПГУ 20 человек различных профессий с пятого разряда и выше. По мнению администрации предприятия, это, наряду с прочими потерями рабочей силы, ставило под угрозу дальнейшую работу завода, терявшего лучшие артиллерийские кадры [47, л. 94–94 об.; 48, л. 146–146 об.]. В ноябре 1951 – сентябре 1952 г. администрация Кыштымского механического завода регулярно направляла в Челябинский обком ВКП(б) жалобы на действия руководства комбината № 817, занимавшегося вербовкой рабочей силы с этого завода, причем в обход партийных организаций. Его директор отмечал: «Завербованные таким путем рабочие являются ко мне как к руководителю предприятия с повестками ... и, бросая работу, требуют расчета с предприятия в несколько часов, не считаясь с производственными условиями. Получая отказ в увольнении с моей стороны по причинам производственного характера, рабочие самовольно бросают работу на предприятии, заявляя, что представитель Челябинска-40 [комбинат № 817] заранее предупредил их о безнаказанности подобных действий» [28, л. 1, 37–38, 105–106]. Предлагаем рассмотреть этот вопрос в контексте статистических данных о состоянии промышленности Среднего и Южного Урала в 1945–1953 гг.

Статистика машиностроения. Анализ структуры отраслей промышленности в целом по Уральскому экономическому району действительно свидетельствует о значительном падении в ней доли машиностроения в послевоенный период (таблица 1).

Таблица 1

**Динамика и структура отраслей промышленности Урала в 1940–1960 гг.
(в %) [2, с. 92, 224; 5, с. 24]**

Отрасль промышленности	Годы				
	1940	1945	1950	1955	1960
Электроэнергетика	2,9	2,2	6,9	10,3	11,2
Топливная	3,7	1,2	9,8	12,4	7,7
Химическая	3,3	4,2	4,5	5,1	4,3
Черная металлургия	11,1	9,5	19,4	23,7	27,1
Цветная металлургия	5,0	4,3	11,2	11,2	9,7
Машиностроение и металлообработка	41,3	63,0	27,7	21,3	19,7
Строительных материалов	1,9	0,9	3,5	4,5	5,2
Лесная и деревообрабатывающая	9,3	3	7,5	7,3	7,8
Легкая	4,7	3	0,8	0,8	1,2
Пищевкусовая	13,2	4,1	2,6	2,5	3,0
Прочая	3,6	4,6	4,6	0,9	3,1
ВСЕГО	100	100	100	100	100

Мы видим, что, достигнув в 1945 г. пика в 63 %, за время IV пятилетки доля машиностроения сократилась более чем в два раза, при этом показатель 1950 г. отставал от довоенного почти на четверть. С одной стороны, это можно объяснить прекращением военных заказов 1945 г., однако данные 1950–1960 гг. свидетельствуют о продолжении падения доли машиностроительной отрасли в экономике региона в пользу электроэнергетики, черной и цветной металлургии.

Рассмотрим динамику развития машиностроения Свердловской и Челябинской областей в 1945–1953 гг. в контексте валового производства продукции двух областей. В случае Свердловской области статистика сохранилась фрагментарно (приложение 1).

Однако даже из представленных материалов видно резкое падение темпов роста машиностроения в 1947 и в 1950 гг. в особенности на фоне показателей развития всей промышленности региона. Если первый спад логично связать с перестройкой и реконверсией военной промышленности, то второй совпадает со временем массовой вербовки в ПГУ ИТР и квалифицированных рабочих машиностроения. Впоследствии к 1951 г. темпы развития машиностроения приблизились к общепромышленным показателям, а в 1953 г. даже опередили их на 4 %.

В случае Челябинской области источники позволяют построить более плотные динамические статистические ряды (приложение 2).

Полученные данные фиксируют резкий спад стремительно взлетевшей (почти на 500 %) за годы войны машиностроительной отрасли. Основой ее роста явилось производство боеприпасов, спрос на которые резко прекратился в 1945 г. по очевидным причинам [29, л. 6]. Ее падение продолжилось в 1947 г. и было прервано поступательной тенденцией 1948 г. Этот спад, подобно аналогичному в Свердловской области, был усугублен послевоенными экономическими реалиями. Со второй половины 1945 г. машиностроительные заводы предпринимали лихорадочные попытки перестройки производства под выпуск мирной продукции, сопровождавшейся частичной реэвакуацией как оборудования, так и основных кадров. Эти обстоятельства сопровождалась ломкой установившегося технологического процесса и старых хозяйственных связей, что явилось одной из главных причин невыполнения большинством машиностроительных заводов Южного Урала государственного плана 1945 г. Значительное изменение номенклатуры изделий сопровождалось резким падением государственных закупочных цен на них. В декабре 1945 г. из-за этого челябинский завод им. Орджоникидзе сократил выпуск валовой продукции с 30 млн до 3,9 млн рублей [29, л. 15].

Изменения в номенклатуре изделий и закупочных ценах снижали доходы рабочих. С переходом на восьмичасовой рабочий день и производство гражданской продукции заработной платы рабочих резко сократились. На ряде предприятий Урала она упала до 50 % [29, л. 17–19]. Наиболее плачевно обстояли дела у низкоквалифицированных рабочих и низкооплачиваемой рабочей молодежи. На заводе № 62 г. Челябинска около 70 бывших воспитанников детских домов систематически не получали зарплату и, более того, оставались должны заводу [29, л. 17–19]. Очевидно, что при такой обстановке усилия рекрутеров ПГУ, вербовавших рабочих на свои объекты, ложились на благодатную почву. Мы полагаем, что совпадение пика

таких вербовок взаимосвязано со снижением темпов развития машиностроения Южного Урала 1948–1950-х гг.

Наряду с массовыми вербовками рядовых рабочих и ИТР следует отметить упомянутый выше фактор персональных перемещений в ПГУ высших руководителей машиностроительной отрасли. В условиях послевоенного кризиса руководитель зачастую играл решающую роль в организации производства. В предыдущей публикации мы подробно показали экономические последствия реализации атомного проекта для экономики Урала на примере перевода директора Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ) Б. Г. Музрукова в ноябре 1947 г. на должность руководителя комбината № 817. Тогда на УЗТМ фактически была сорвана инициированная Б. Г. Музруковым программа послевоенной реконверсии этого завода [подробнее см.: 8]. Мы полагаем, что этот частный случай кадрового перемещения достаточно показательный. В 1940-х – 1950-х гг. стоимость валовой продукции, произведенной УЗТМ, составляла до 50 %, 25 %, 33 % от объема производства промышленности города Свердловска, Среднего Урала и всех предприятий Министерства тяжелого машиностроения СССР соответственно [38, л. 1–2; 39, л. 18–25; 35, л. 3]. В рассматриваемый период на оборудовании УЗТМ добывалось до 85 % нефти, выплавлялось до 75 % чугуна, перерабатывалось до 80 % железной руды от общесоюзного производства [4, л. 7–10].

Выводы и перспективы исследования. Имеющиеся источники свидетельствуют о том, что массовый набор работников в ПГУ в рамках советского атомного проекта в 1940-х – 1950-х гг. сопровождался неоднозначными тенденциями в развитии уральского машиностроения. При этом вербовка производилась на фоне кризисных явлений послевоенного времени и усугубляла их. Несмотря на то, что согласно данным Секретариата ЦК ВКП(б), изъятие кадров происходило не только из Свердловской и Челябинской областей, но также из 9 других регионов России, мы полагаем, что для двух названных регионов оно было наиболее болезненно. Источники засвидетельствовали, что расположенные на Среднем и Южном Урале предприятия ПГУ практиковали самостоятельную, откровенно беспринципную практику переманивания кадров в обход местных обкомов. При этом вносилась дезорганизация в работу местных предприятий и органов власти, создавались возможности для злоупотреблений. Так, осенью 1951 г. восемь работников Кыштымского механического завода оставили работу под предлогом перевода в Челябинск-40, как выяснилось позднее, из этих восьми человек в Челябинск-40 уехал только один, а остальные просто воспользовались случаем, чтобы дезертировать с завода [27, л. 106–107].

При этом машиностроительная отрасль не была единственным источником комплектования кадров для атомного проекта. В 1948–1949 гг. в ПГУ Свердловским и Челябинским обкомами был отобран 131 специалист горнодобывающей промышленности и геологоразведки. В основном это были научные и руководящие работники (директора шахт, главные энергетики и тому подобное) [22, л. 35; 23, л. 17–19, 22–23, 27–23; 48, л. 109–110 а, 115–117, 121]. В условиях постоянной потребности добывающей промышленности Урала в освоении новых месторождений руд черных и цветных металлов это также означало ущерб для региона [1, с. 656]. Ущерб наносился и без того слабо развитой сфере социального обеспечения [6, с. 460]. В тех же 1948–1949 гг. только Челябинский обком передал ПГУ 663 высококвалифицированных учителей, медицинских работников и работника торговли [21, л. 99–102; 22, л. 31–32, 37–39, 162–176; 24, л. 5–6]. Таким образом, советский атомный проект, безусловно, входит в число значимых внешних факторов, повлиявших на экономическое развитие региона в 1940-х – 1950-х гг.

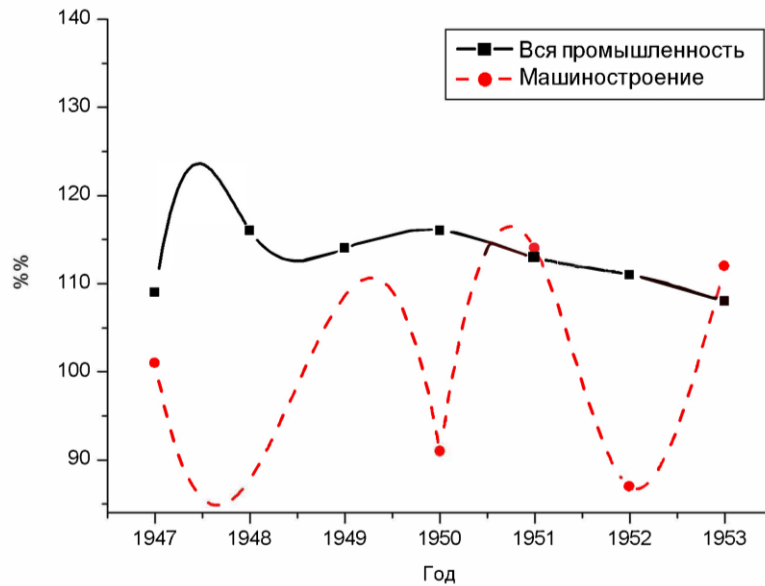
Список литературы

1. Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. *Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней*. М. : Наука, 2008. 886 с.
2. Антуфьев А. А. *Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны*. Екатеринбург : УрО РАН, 1992. 340 с.
3. Артемов Е. Т. *Атомный проект в координатах сталинской экономики*. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 343 с.
4. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 262. Оп. 3. Д. 17.
5. *История народного хозяйства Урала* / под ред. А. В. Бакунина, М. А. Сергеева. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. Ч. 2. 256 с.
6. Мельникова Н. В. *Источники и приемы кадрового комплектования советского атомного проекта // Via in tempore. История. Политология*. 2021. Т. 48. № 2. С. 457–466.

7. Мельникова Н. В. Проблемы кадрового обеспечения советского атомного проекта // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 3. С. 101–111.
8. Михеев М. В., Бедель А. Э. Б. Г. Музруков и проблема организации производства на Уральском заводе тяжелого машиностроения (1946–1953 гг.) // Экономическая история. 2021. № 3. С. 249–262.
9. Народное хозяйство Свердловской области : статистический сборник. Свердловск : Госстатиздат, 1962. 232 с.
10. Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска : статистический сборник. Челябинск : Челябингосстатиздат, 1957. 168 с.
11. Новоселов В. Н., Носач Ю. Ф., Ентяков Б. Н. Атомное сердце России. Челябинск : Автограф, 2014. 528 с.
12. НТГИА (Нижнетагильский городской исторический архив). Ф. 217. Оп. 1. Д. 409.
13. НТГИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 461.
14. НТГИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 526.
15. НТГИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 560.
16. НТГИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 612.
17. НТГИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 687.
18. НТГИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 744.
19. НТГИА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 805.
20. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. П-288. Оп. 13. Д. 284.
21. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 29.
22. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 33.
23. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 34.
24. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 38.
25. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 40.
26. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 42.
27. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 45.
28. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 51.
29. ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 7.
30. ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 22. Д. 5.
31. ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 22. Д. 184.
32. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 116. Д. 268.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 305.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 308.
35. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 8243. Оп. 7. Д. 1163.
36. Супрун Н. М. Особенности развития сталинской модели в послевоенный период // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953. М. : РОССПЭН, 2015. С. 428–442.
37. ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 161. Оп. 12. Д. 298.
38. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 13. Д. 415.
39. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 13. Д. 416.
40. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 16. Д. 369.
41. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 18. Д. 379.
42. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 19. Д. 32.
43. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 19. Д. 327.
44. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 23. Д. 265.
45. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 30. Д. 337.
46. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 18. Д. 26.
47. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 196.
48. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 45. Д. 369.
49. Шубарина Л. В. Управленческая элита оборонно-промышленного комплекса Урала (1945–1965 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 1. Ч. II. С. 204–207.
50. Шубарина Л. В. Этапы формирования оборонно-промышленного комплекса Урала на базе ракетно-ядерного производства (1945–1965 гг.) // Вестник военного университета. 2010. № 1. С. 87–92.

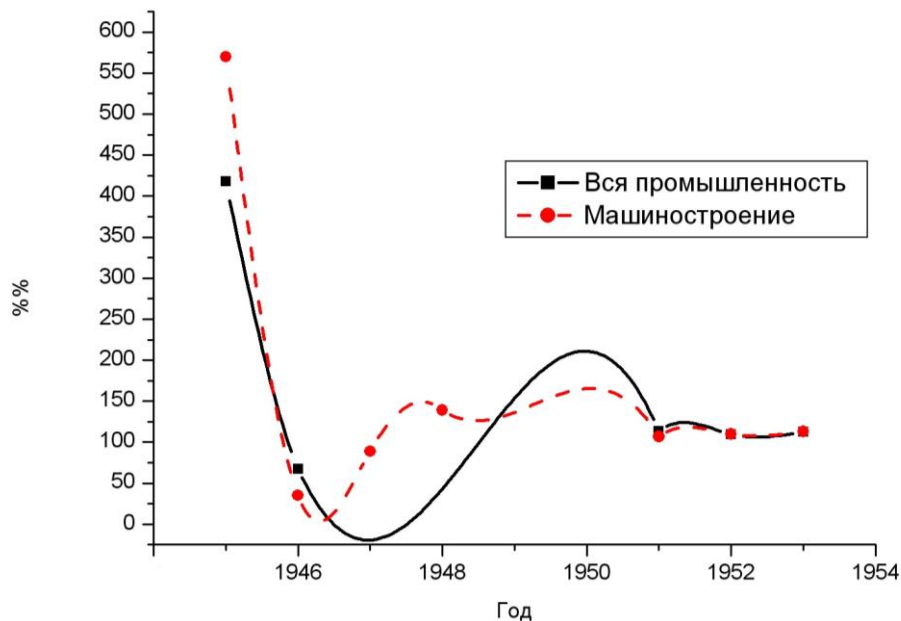
Приложение 1

Темпы прироста машиностроительной¹ и всей промышленной продукции Свердловской области в 1946–1953 гг. (к предыдущему году) [Расчеты авторов по: 9, с. 34; 12, л. 27–28; 13, л. 32–33 об.; 14, л. 25–26; 15, л. 37–38; 16, 25–26; 17, л. 1–3 об.; 18, л. 2–4; 19, л. 2–5; ; 37, л. 1–3; 39, л. 15–16; 38, л. 1–2; 41, 22–24; 42, л. 14–15; 43, л. 214–213; 44, л. 23–22; 45, л. 92–94]

Приложение 2

Темпы прироста машиностроительной и всей промышленной продукции Челябинской области в 1946–1953 гг. (к предыдущему году)² [Расчеты авторов по: 10, с. 30–31; 30, л. 1–6; 20, л. 53–58, 97]

¹ Статистика машиностроения ограничена данными по Свердловску и Нижнему Тагилу.

² 1945 г. дан в сравнении с 1940 г.

Economic consequences of the functioning of the USSR nuclear industry enterprises for the engineering industry of the Southern and Middle Urals 1940s – 1950s

Mikheev Mikhail Viktorovich¹, Bedel Alexander Emanuilovich²

¹PhD in Historical Sciences, senior researcher,
Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0001-8097-4953. E-mail: mikheeviiiauroran@yandex.ru

²PhD in Historical Sciences, senior researcher,
Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0001-6091-913X. E-mail: bedel54@mail.ru

Abstract. The task is to assess the economic consequences of the mass transfer of personnel from the machine-building enterprises of the Middle and Southern Urals at the turn of the 1940s – 1950s to the system of the Soviet atomic project. To understand the mechanism of personnel transfer to the nuclear project and assess this scale, the materials of the Secretariat of the Central Committee of the CPSU (b), special folders of the Sverdlovsk and Chelyabinsk regional committees of the CPSU (b) were analyzed. It is established that the recruitment of employees was mainly carried out by the regional committees of the CPSU (b) according to the orders of the Central Committee. The selected workers were formally sent to the regional committees of the CPSU (b), in fact – to the First Main Directorate under the Council of Ministers of the USSR (PSU) – the "headquarters" of the Soviet nuclear industry. The peak of this recruitment occurred in 1948–1950, when more than 1,400 people were mobilized from the machine-building industries of the Middle and Southern Urals. This is a relatively conditional figure, since the relevant protocols of the bureaus of regional committees, especially in the Sverdlovsk region, have not been fully preserved. At the same time, statistics of industrial indicators of enterprises of the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions were collected. Data on the work of the entire industry of each region, as well as machine-building enterprises located in them, were combined into dynamic statistical series. The specifics of the formation of the source material made the data obtained fragmentary, but even from them two cases of the fall of machine-building production in 1945–1946 and 1948–1950 can be traced. If the first case is the result of the post-war reconversion, the second is connected with the implementation of the atomic project in the USSR. In conclusion, the authors raise the question of the consequences of the nuclear project for the mining industry and the sphere of social security in two areas.

Keywords: Soviet atomic project, mechanical engineering, the First Main Directorate under the Council of Ministers of the USSR, regional committees of the CPSU(b), Sverdlovsk region, Chelyabinsk region.

References

1. Alekseev V. V., Gavrilov D. V. *Metallurgiya Urala s drevnejshih vremen do nashih dnei* [Metallurgy of the Urals from ancient times to the present day]. M. Nauka (Science). 2008. 886 p.
2. Antuf'ev A. A. *Ural'skaya promyshlennost' nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ural industry on the eve and during the Great Patriotic War]. Yekaterinburg. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 1992. 340 p.
3. Artemov E. T. *Atomnyj projekt v koordinatah stalinskoj ekonomiki* [The atomic project in the coordinates of the Stalinist economy]. M. Political Encyclopedia. 2017. 343 p.
4. SASR (State Archive of the Sverdlovsk region). F. 262. Inv. 3. File 17.
5. *Istoriya narodnogo hozjajstva Urala – History of the national economy of the Urals* / ed. A. V. Bakunin, M. A. Sergeev. Sverdlovsk. Publishing House of Ural University. 1990. Part 2. 256 p.
6. Mel'nikova N. V. *Istochniki i priemy kadrovogo komplektovaniya sovetskogo atomnogo projekta* [Sources and methods of staffing the Soviet atomic project] // *Via in tempore. Istoriya. Politologiya – Via in tempore. History. Political science.* 2021. Vol. 48. No. 2. Pp. 457–466.
7. Mel'nikova N. V. *Problemy kadrovogo obespecheniya sovetskogo atomnogo projekta* [Problems of staffing the Soviet nuclear project] // *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Herald of Russian State University. Series: Political Science. History. International relations.* 2020. No. 3. Pp. 101–111.
8. Miheev M. V., Bedel' A. E. B. G. *Muzrukov i problema organizacii proizvodstva na Ural'skom zavode tyazhelogo mashinostroeniya (1946–1953 gg.)* [B. G. Muzrukov and the problem of production organization at the Ural Heavy Machinery Plant (1946–1953)] // *Ekonomicheskaya istoriya – Economic History.* 2021. No. 3. Pp. 249–262.
9. *Narodnoe hozjajstvo Sverdlovskoj oblasti : statisticheskij sbornik – National economy of the Sverdlovsk region : statistical collection.* Sverdlovsk. Gosstatizdat. 1962. 232 p.
10. *Narodnoe hozjajstvo Chelyabinskoj oblasti i goroda Chelyabinska : statisticheskij sbornik – The national economy of the Chelyabinsk region and the city of Chelyabinsk : a statistical collection.* Chelyabinsk. Cheliabgosstatizdat. 1957. 168 p.

11. Novoselov V. N., Nosach Yu. F., Entyakov B. N. *Atomnoe serdce Rossii* [The atomic heart of Russia]. Chelyabinsk. Autograph. 2014. 528 p.
12. NTCHA (Nizhny Tagil City Historical Archive). F. 217. Inv. 1. File 409.
13. NTCHA. F. 217. Inv. 1. File 461.
14. NTCHA. F. 217. Inv. 1. File 526.
15. NTCHA. F. 217. Inv. 1. File 560.
16. NTCHA. F. 217. Inv. 1. File 612.
17. NTCHA. F. 217. Inv. 1. File 687.
18. NTCHA. F. 217. Inv. 1. File 744.
19. NTCHA. F. 217. Inv. 1. File 805.
20. USACHR (United State Archive of the Chelyabinsk region). F. P-288. Inv. 13. File 284.
21. USACHR. F. P-288. Inv. 42. File 29.
22. USACHR. F. P-288. Inv. 42. File 33.
23. USACHR. F. P-288. Inv. 42. File 34.
24. USACHR. F. P-288. Inv. 42. File 38.
25. USACHR. F. P-288. Inv. 42. File 40.
26. USACHR. F. P-288. Inv. 42. File 42.
27. USACHR. F. P-288. Inv. 42. File 45.
28. USACHR. F. P-288. Inv. 42. File 51.
29. USACHR. F. P-92. Inv. 6. File 7.
30. USACHR. F. R-485. Inv. 22. File 5.
31. USACHR. F. R-485. Inv. 22. File 184.
32. RSASPH (Russian State Archive of Socio-Political History). F. 17. Inv. 116. File 268.
33. RGASPH. F. 17. Inv. 116. File 305.
34. RGASPH. F. 17. Inv. 116. File 308.
35. RSAE (Russian State Archive of Economics). F. 8243. Inv. 7. File 1163.
36. *Suprun N. M. Osobennosti razvitiya stalinskoj modeli v poslevoennyj period* [Features of the development of the Stalinist model in the post-war period] // *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 – The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953*. M. ROSSPEN. 2015. Pp. 428–442.
37. CDPOSR (Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk region). F. 161. Inv. 12. File 298.
38. CDPOSR. F. 161. Inv. 13. File 415.
39. CDPOSR. F. 161. Inv. 13. File 416.
40. CDPOSR. F. 161. Inv. 16. File 369.
41. CDPOSR. F. 161. Inv. 18. File 379.
42. CDPOSR. F. 161. Inv. 19. File 32.
43. CDPOSR. F. 161. Inv. 19. File 327.
44. CDPOSR. F. 161. Inv. 23. File 265.
45. CDPOSR. F. 161. Inv. 30. File 337.
46. CDPOSR. F. 4. Inv. 18. File 26.
47. CDPOSR. F. 4. Inv. 45. File 196.
48. CDPOSR. F. 4. Inv. 45. File 369.
49. *Shubarina L. V. Upravlencheskaya elita oboronno-promyshlennogo kompleksa Urala (1945–1965 gg.)* [Managerial elite of the military-industrial complex of the Urals (1945–1965)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. Tambov. 2012. No. 1. Part II. Pp. 204–207.
50. *Shubarina L. V. Etapy formirovaniya oboronno-promyshlennogo kompleksa Urala na baze raketno-yadernogo proizvodstva (1945–1965 gg.)* [Stages of formation of the military-industrial complex of the Urals on the basis of nuclear missile production (1945–1965)] // *Vestnik voennogo universiteta – Herald of Military University*. 2010. No. 1. Pp. 87–92.

К истории одной судьбы русского эмигранта. Николай Борисович Коссов – участник боев на Халхин-Голе

Яковкин Евгений Васильевич

преподаватель истории, Колледж олимпийского резерва Пермского края.
Россия, г. Пермь. E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена военная и общественно-политическая деятельность русского эмигранта Николая Борисовича Коссова. Будучи полковником армии Маньчжоу-Го, он играл активную роль в общественно-политической жизни российской эмиграции. Коссов был связан с Дальневосточным отделом Русского Обще-Воинского Союза, в составе диверсионно-разведывательного отряда Асано участвовал в вооружённом конфликте вблизи реки Халхин-Гол в 1939 г. на стороне японо-маньчжурских войск. Кроме того, в период 1941–1945 гг. он руководил всей военной подготовкой русской молодежи в Маньчжурии. Полковник Коссов принял участие и в создании Русских воинских отрядов армии Маньчжоу-Го. После Второй мировой войны Коссов уехал в Австралию. Полковник Коссов по праву принадлежит к одним из видных деятелей российской дальневосточной эмиграции наравне с атаманом Г. М. Семеновым, В. А. Кислициным, Л. Ф. Власьевским, К. В. Родзаевским и другими. На основе российских и зарубежных архивов впервые приводится наиболее полная биография этого незаурядного человека, который оставил свой след в истории российской эмиграции.

Ключевые слова: российская эмиграция, Харбин, отряд Асано, Японская военная миссия, Маньчжурия, Вторая мировая война, Халхин-Гол, Австралия, Тубабао, Маньчжоу-Го.

Судьбы многих русских эмигрантов во многом трагичны и причудливы одновременно. Особенно это касается русских эмигрантов, оказавшихся в Северо-Восточном Китае – регионе, который издавна именовался как Маньчжурия. В 1931–1932 гг. Маньчжурия была оккупирована японской Квантунской армией. Новые власти создали в данном регионе прояпонское марионеточное государство – Маньчжоу-Го. К этому времени в данном государстве проживало 110 тыс. эмигрантов. Часть эмигрантов, не желавших жить при японцах, покинули Маньчжоу-Го. В итоге численность эмиграции к началу 1940-х гг. снизилась до 70 тыс. человек. Другая же часть эмигрантов пошла на сотрудничество с японскими властями. Представители правого крыла русской эмиграции при содействии Японской военной миссии [далее ЯВМ. – Прим. автора] в конце 1934 г. создали Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии (далее – БРЭМ/ГБРЭМ, после преобразования в 1940 г. стало Главным Бюро. – Прим. автора), которое контролировало всю жизнь и деятельность русских эмигрантов в Маньчжурии. Особую ретивость в сотрудничестве проявили представители русского военного зарубежья, видевшие в японцах силу, которая может сокрушить советский строй, уставившийся в России. Одним из таких представителей был Николай Борисович Коссов, построивший свою военную карьеру в Маньчжоу-Го. Ему удалось поучаствовать на стороне армии Маньчжоу-Го в крупнейшем боестолкновении конца 1930-х гг. между Японией и СССР, вошедшем в историю как бои у реки Халхин-Гол (11 мая – 16 сентября 1939 г.). Многие эмигранты надолго запомнили этого человека, который был сторонником сотрудничества русских с японцами, в отличие от многих эмигрантов не поддавался в ходе Второй мировой войны волне советского патриотизма и, покинув Китай, уехал в Австралию.

Сама тема сотрудничества русской дальневосточной эмиграции с японскими властями в период существования Маньчжоу-Го до сих пор недостаточно изучена. В Советском Союзе выходили лишь отдельные специализированные работы [1]. Один из первых трудов, посвященный судьбам русской дальневосточной эмиграции, вышел уже после Второй мировой

войны в США. Исследование П. П. Балакшина показывает, как японские власти устанавливали свой контроль над русскими эмигрантами в Маньчжурии и Северном Китае, особенно разбирая мотивы и поведение тех эмигрантов, которые пошли на службу к японцам [4, с. 178–206]. Начавшие выходить в перестроечные и постперестроечные годы работы рассматривали период оккупации лишь обзорно [20]. В 2000-е гг. выходят работы Е. Е. Аурилене, которая, опираясь на архивные материалы, показывает деятельность эмигрантских организаций в 1930–1940-е гг. Основное внимание она уделяет общественно-политической деятельности Главного Бюро эмигрантов в Маньчжурской империи, которое фактически выполняло функции эмигрантского правительства. В то же время, созданный японскими военными, этот административный орган находился под полным контролем Японской военной миссии в Харбине, подчинявшейся командованию Квантунской армии [3, с. 48–73]. Среди работ, которые детально изучали сам вопрос военного сотрудничества русских эмигрантов, отметим труды А. М. Буякова [6], а также С. В. Смирнова [18]. В этих работах были затронуты судьбы как отдельных эмигрантов, так и деятельность воинских соединений, в которых русские эмигранты проходили службу. В данной статье попробуем проследить судьбу человека сквозь призму судеб русских эмигрантов, оказавшихся в непростых условиях японской оккупации.

Николай Борисович Коссов родился 8 октября (25 сентября старого стиля) 1908 г. в Кивее. В 1909 г. родители вместе с сыном перебрались в Иркутск. В 1913 г. семья переехала в Читту. Николай получил домашнее образование, а после усиленной подготовки поступил в Читинскую мужскую гимназию, где проучился до декабря 1917 г., затем учился в Благовещенской мужской гимназии. В марте 1918 г. семья покидает Россию и отправляется в Маньчжурию, где проживала многочисленная русская диаспора. Сменив два города – Сахалин и Цицикар, семья Коссовых обосновалась в Харбине. Там Николай Коссов продолжил своё обучение в Харбинском коммерческом училище. В нём он проучился до 1923 г. Учась там, он состоял в 1-м Маньчжурском отряде бойскаутов. В 1923 г. Коссов по собственному желанию покинул училище и поступил в другое – 1-е Харбинское смешанное реальное училище, которое

Рис. 1. Н. Б. Коссов, полковник армии Маньчжоу-Го.
Фото конца 1930-х гг. ГАХК

и закончил в 1926 г. По окончании образования Коссов поступил в китайскую армию, где служил под именем Го-Со-Фу, дослужившись до чина капитана. Служил в Главном штабе охранных войск Китайской восточной железной дороги на должностях: адъютант штаба бригады, адъютант, помощник коменданта железнодорожной станции Харбин [9, л. 1 об.].

После создания Маньчжоу-Го в 1932 г. Коссов поступает в создаваемую Маньчжурскую императорскую армию. В армии Маньчжоу-Го его повышают до звания майора. Н. Б. Коссов, будучи монархистом, поступает на военно-училищные курсы Дальневосточного отдела РОВС, которые были открыты в том же 1932 г. Правда, обучение проходил экстерном. В 1934 г. он их оканчивает и даже принимает участие в торжественной церемонии производства юнкеров в офицеры. Празднование прошло 24 июня 1934 г. в Харбинском отделе РОВС [РОВС – Русский Обще-Воинский Союз – организация, созданная генерал-лейтенантом П. Н. Врангелем 1 сентября 1924 г. РОВС стал правопреемником Русской армии генерала П. Н. Врангеля. В РОВС состояло большинство бывших чинов белых

армий, а также Русской императорской армии. РОВС имел несколько отделов, в том числе Дальневосточный отдел. – Прим. автора]. На праздновании был один из руководителей, помощник начальника Дальневосточного отдела РОВС генерал-лейтенант Г. А. Вержбицкий, начальник курсов полковник генерального штаба Тарасов и другие. Коссов поблагодарил генерала Вержбицкого и весь педагогический состав за возможность завершить военное образование. Закончил свою речь Коссов тостом за генерала Вержбицкого и РОВС [8, с. 36–38].

Свое военное образование Н. Б. Коссов продолжил в Маньчжурской офицерской пехотной школе, которую окончил в 1937 г., а также в Высшей военной школе в Мукдене, окончив ее в 1939 г. Во время прохождения обучения Коссов в марте 1938 г. был назначен на долж-

ность старшего офицера штаба отряда Асано. Этот отряд был создан японскими военными для проведения диверсионно-разведывательной деятельности. Во главе отряда стоял майор Асано Макото. В основном все офицерские должности в отряде были заняты японцами, за исключением некоторых. Русский командный состав был представлен майором Н. Б. Коссовым и капитаном [с 1940 г. майором. – Прим. автора] Г. Х. Наголеном [настоящая фамилия Асерьянц. – Прим. автора] [2]. После начала вооруженного конфликта на реке Халхин-Гол японское командование отправило часть военнослужащих отряда Асано в зону боевых действий. Таким образом, майор Коссов вместе с другими асановцами в июле-сентябре 1939 г. принимал участие в боях против РККА и Монгольской революционной армии МНР в районе реки Халхин-Гол [Номонхан – японское название места. – Прим. автора] [17, с. 3]. Бои носили интенсивный характер. В ходе них погиб связной-радист асановец ефрейтор М. А. Натаров. Сам Коссов получил серьезную контузию. На этом его участие в боях на Халхин-Голе закончилось. В 1940 г. он был командирован военным министерством для лечения в курортный город Японии Бэппу. В том же году был произведен в чин подполковника [9, л. 10].

Рис. 2. Маньчжурское удостоверение Н. Б. Коссова. Частная коллекция

После излечения Н. Б. Коссов служил в штабе 4-го военного округа. Затем был откомандирован в русские учебные заведения для проведения военной подготовки среди русской эмигрантской молодежи [9, л. 10]. С 1941 г. деятельность Н. Б. Коссова связана с такими организациями, как Кио-Ва-Кай [Кио-Ва-Кай – государственная организация Маньчжоу-Го, образована 18 июля 1932 г. для контроля и пропаганды прояпонских взглядов среди населения. – Прим. автора] и ГБРЭМ. Коссов непосредственно занимался военной подготовкой учащихся учебных заведений, добровольческих дружин Кио-Ва, российских учебных отрядов [16, с. 7]. В Кио-Ва-Кай Н. Б. Коссов занимал должность инструктора по военной подготовке. Особое внимание он уделял воспитательной деятельности среди русских курсантов Кио-Ва. Так, 21 апреля 1941 г. на второй день Пасхи подполковник Н. Б. Коссов вместе со своими помощниками Е. А. Юриным, Рыковским, чиновниками Особого отдела Кио-Ва-Кай В. С. Абрамовым, Л. В. Вашута, В. С. Барышниковым и японскими представителями Онака и Мияма совместно с курсантами Кио-Ва отправился в приют русских военных инвалидов в Харбине. Курсанты Кио-Ва поздравили инвалидов со светлым праздником Пасхи и передали им подарки. В тот же день курсанты посетили памятник Чурейто в честь японских воинов, павших в Маньчжурии, а также могилу ефрейтора М. А. Натарова, на которую возложили венок [14, с. 5].

Особо остро вопрос воспитания молодежи встал после нападения нацистской Германии на СССР. Русские эмигранты разделились на «оборонцев» и «пораженцев» по отношению к судьбе Советского Союза. Японская военная миссия и ГБРЭМ стали прилагать усилия для воспитания молодежи в антисоветских взглядах. Эту работу должны были проводить ГБРЭМ и

Кио-Ва-Кай [11, с. 838–839]. В сентябре 1941 г. на совещании руководителей российской эмиграции в штабе Кио-Ва-Кай в Харбине по вопросам военной подготовки учащейся молодежи подполковник Коссов заявил: «Главная её [военной подготовки. – *Прим. автора*] цель – духовное воспитание молодежи, усвоение ею сознания дисциплины, понятия о долге, чести и ответственности перед самим собой, семьей и государством» [19, с. 1]. Военная подготовка проходила на протяжении последующих лет. Стоит отметить, что военная подготовка проводилась не только для мужчин, но и для женщин [10, с. 5]. По воспоминаниям бывшей эмигрантки учения проводились каждый день. Вместо штыка молодым девушкам выдавали заостренные палки. По команде «Коли!» им было необходимо втыкать палки в воображаемого противника [13, с. 23].

7 декабря 1941 г. Япония, а за ней и Маньчжоу-Го оказались в состоянии войны с США и Великобританией. Была провозглашена Священная Восточно-Азиатская война. Главным врагом теперь объявлялись англосаксы. В ноябре 1943 г. ЯВМ произвела перестановки в руководстве ГБРЭМ. Во главе Главного Бюро встал генерал-майор Л. Ф. Власьевский. Подполковник Коссов занял пост начальника 2-го военного отдела ГБРЭМ. Новое руководство ГБРЭМ выпустило декларацию, обращенную к российским эмигрантам. В ней было заявлено, что российские эмигранты должны оставаться противниками коммунизма и не поддаваться влиянию. Российские эмигранты должны содействовать победоносному завершению войны за установление Нового Порядка в Восточной Азии. В воспитательной работе среди русской молодежи, которой занимался Коссов, были поставлены следующие цели: а) поддержание и укрепление среди молодежи существа русской национальной культуры; б) изучение духа и сущности восточноазиатской культуры; в) развитие антикоммунистических убеждений среди молодежи; г) воспитание в духе святости воинского долга. Под этим документом Коссов поставил свою подпись [12, с. 5–10].

В ноябре 1943 г. японское военное командование решило преобразовать и отряд Асано. Вместо него создавались Российские воинские отряды [далее РВО. – *Прим. автора*] армии Маньчжоу-Го. Было создано три отряда: Сунгарийский, Ханьдаохэцзийский и Хайларский. Командирами каждого из отрядов были русские офицеры армии Маньчжоу-Го. Как офицер армии Маньчжоу-Го, Коссов был привлечен к мобилизации русских эмигрантов и пропагандистской деятельности, связанной с этими отрядами. Вместе с руководителями ГБРЭМ и представителями ЯВМ в ноябре 1943 г. подполковник Коссов принимал участие в проводах отслуживших свой срок чинов РВО, а также в призывных мероприятиях в январе 1944 г. [8, с. 27–29] Весной 1944 г. Коссов принял участие в отрядных праздниках в РВО, широко освещавшихся в эмигрантской прессе. В августе 1944 г. Коссов был произведен в чин полковника армии Маньчжоу-Го [17, с. 3]. 21 марта 1945 г. полковник Коссов участвовал в мероприятиях, связанных с очередным призывом молодых русских эмигрантов в РВО армии Маньчжоу-Го, кроме того, уходили в запас уже отслужившие в отрядах эмигранты. На мероприятии присутствовало руководство ГБРЭМ во главе генералом Л. Ф. Власьевским. От Японской военной миссии был полковник Асано. Коссов наградил отличившихся чинов РВО орденами Маньчжоу-Го. Генерал Власьевский выступил с речью, в которой поблагодарил молодежь за службу [21, с. 11].

После окончания военных действий в Европе и разгрома нацистской Германии японо-маньчжурские власти, опасаясь провокаций со стороны СССР, решили свернуть все антисоветские отряды из русских эмигрантов. В июле 1945 г. РВО армии Маньчжоу-Го были расформированы. Из них были созданы трудовые отряды. 9 августа 1945 г. началась Маньчжурская стратегическая наступательная операция Красной армии и Монгольской революционной армии. С началом вторжения Красной армии в Маньчжурию японское военное командование пыталось заново организовать русские воинские отряды для борьбы с Красной армией. В этих событиях Коссов уже не принимал участия. При содействии Японской военной миссии началась эвакуация руководителей Главного Бюро. Был организован поезд, который должен был отправиться на юг Китая. Эвакуация была добровольной. Коссов со своей семьей решил покинуть Харбин. Всего было эвакуировано чуть более 40 человек [5, с. 104–114].

В отличие от части руководителей ГБРЭМ, Коссов избежал репатриации в Советский Союз и остался жить в Тяньцзине. После капитуляции Японии Тяньцзинь перешел под контроль правительства Гоминьдана. В Китае с новой силой развернулась гражданская война между коммунистами и националистами. В 1948 г. китайская Красная армия начала наступление в Северном Китае. Многие русские эмигранты стали перебираться из Ханькоу, Пекина, Циндао и Тяньцзиня в Шанхай.

Организацией переезда и обустройства беженцев занималась международная беженская организация ООН [International Refugee Organisation – IRO. – *Прим. автора*] [15, с. 5]. Коссов со своей супругой и матерью перебрался в Шанхай [22]. ИРО начала искать возможность дальнейшей эвакуации русских беженцев уже из Шанхая. К тому моменту численность беженцев достигала 10 433 человека. Временно принять беженцев согласились Филиппины [5, с. 318]. Русские беженцы были перевезены кораблями на филиппинский остров Тубабао, где был организован лагерь беженцев [15, с. 7–11]. Среди этих беженцев оказалась и семья Коссовых. Пристанище было временным, это понимали многие эмигранты. Первой страной, которая согласилась принять русских эмигрантов, была Австралия. Были выдвинуты жёсткие требования: мужчины не старше 50 лет и женщины 35 лет [5, с. 359]. Коссов подходил под эти требования и со своей семьей уже в 1949 г. выехал в Австралию [22]. Находясь там, в 1955 г. Коссов со своей семьей прошел натурализацию, получив новую фамилию Косгроув. В последние годы жизни жил в городе Сиднее, где занимался журналистской деятельностью [23]. Умер 19 ноября 1967 г. и был похоронен на англиканском кладбище Рооквуд в Сиднее [24].

Рис. 3. Н. Б. Коссов в Австралии.
Фото середины 1950-х гг. НАА

Рис. 4. Могила Н. Б. Коссова-Косгроув и его супруги в Австралии

Коссов принадлежал к тем русским эмигрантам, которые так и не приняли советскую власть, оставаясь непримиримыми к ней. Будучи монархистом, он всю свою жизнь посвятил воинской службе и борьбе с идеями коммунизма. Пытаясь найти союзников в борьбе с коммунистами, он пошел на службу к японцам, всячески продвигая идеи «Великой Восточно-азиатской сферы процветания» среди русских эмигрантов. Во многом из-за этого в русской эмиграции сформировался его негативный образ. Просоветские эмигранты говорили о его растлевающей роли в среде российской эмиграции. Тем не менее его усилия оказались тщетными. В августе 1945 г. большинство русских эмигрантов с радостью приветствовали приход солдат Красной армии в Маньчжурию. Коссов же, не приняв всеобщего перерождения и «полевения» взглядов в среде российской эмиграции, бежал из Китая навсегда, оказавшись в Австралии, где спокойно и умер, избежав трагической судьбы большинства руководителей российской дальневосточной эмиграции.

Список литературы

1. Аварин В. Я. «Независимая» Маньчжурия. М., 1934. 152 с.
2. Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. АСД П-97686 (Асерьянц Г. Х.). Т. 1.
3. Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск : Частная коллекция, 2008. 268 с.

4. Балакшин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке : в 2 т. Т. 1. М., 2013. 528 с.
5. Балакшин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке : в 2 т. Т. 2. М., 2013. 496 с.
6. Буяков А. М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае (Дайрен, Тяньцзинь, Харбин, Хунчунь, Цинаньфу, Шанхай), 1921–1949 гг. : материалы к справочнику. Владивосток : Русский остров, 2005. 216 с.
7. В. К. Молодые русские воины – гордость российской эмиграции. Торжественные проводы новобранцев призванных в Российские воинские отряды // Луч Азии. 1944. № 2 (113). С. 27–29.
8. В. К.-Ч. Торжество производства юнкеров в Русском-Обще-Воинском Союзе // Часовой. 1938. № 131–132. С. 36–38.
9. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р. 830. Оп. 3. Д. 23284.
10. Женщина наших дней должна быть помощницей, а не обузой для мужчины. На уроках военной подготовки в женских школах // Время. 1944. 27 мая. № 143 (4444). С. 5.
11. Ильин И. С. История российской эмиграции в Маньчжурии // Русская военная эмиграция 20–40 годов XX века. Документы и материалы. Т. 7. Восточная ветвь. 1920–1928 гг. М., 2015. С. 838–839.
12. К Российской эмиграции. Декларация Главного Бюро по делам Российской эмиграции // Друг полиции. 1943. № 12. С. 5–10.
13. Кривенко (Стрельникова) Т. К. Наша семья в Китае // Русская Атлантида. 2015. № 61. С. 23.
14. Курсанты Киова-Кай в гостях у военных инвалидов. Поклонение у памятника Чурейто. Возложение венка на могилу М. Натарова // Заря. 1941. 24 апр. № 105. С. 5.
15. Моравский Н. В. Остров Тубабао. 1949–1951: Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. М. : Русский путь, 2000. 108 с.
16. Подготовка кадров командного состава. На занятии командиров российского учебного отряда // Время. 1944. 23 сент. № 261 (4562). С. 7.
17. Подполковник армии Маньчжу-Го Н. Б. Коссов произведен в следующий чин // Время. 1944. 11 авг. № 218 (4519). С. 3.
18. Смирнов С. В. Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938–1945. Екатеринбург, 2012. 153 с.
19. Совещание о военной подготовке учащихся эмигрантов // Голос Родины. 1941. 14 сент. № 38 (173). С. 1.
20. Сонин В. В. Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток, 1987. 84 с.
21. Эмигрантская молодежь исполняет свой долг // Рубеж. 1945. 30 марта. № 10 (851). С. 11.
22. NAA: A12553. Pp. 189–191.
23. NAA: A446, 1955/20830.
24. The Sydney Morning Herald, 21 November 1967. № 40531. P. 30; Nicholas Cosgrove. URL: <https://www.findagrave.com/memorial/177836904/nicholas-cosgrove> (дата обращения: 19.06.2019).

To the story of one fate of a Russian emigrant. Nikolay Borisovich Kossov – participant of the battles on Halkhin-Gol

Yakovkin Evgeniy Vasilyevich

history teacher, College of the Olympic Reserve of the Perm Region.
Russia, Perm. E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

Abstract. The article examines the military and socio-political activities of the Russian emigrant Nikolai Borisovich Kossov. As a colonel in the Manchukuo Army, he played an active role in the socio-political life of the Russian emigration. Kossov was associated with the Far Eastern Department of the Russian General Military Union, as part of the sabotage and reconnaissance detachment Asano participated in the armed conflict near the Halkhin-Gol River in 1939 on the side of the Japanese-Manchurian troops. In addition, in the period 1941–1945, he supervised the entire military training of Russian youth in Manchuria. Colonel Kossov also took part in the creation of Russian military detachments of the Manchukuo Army. After the Second World War, Kossov left for Australia. Colonel Kossov rightfully belongs to one of the prominent figures of the Russian Far Eastern emigration along with ataman G. M. Semenov, V. A. Kislitsin, L. F. Vlasyevsky, K. V. Rodzaevsky and others. On the basis of Russian and foreign archives, the most complete biography of this extraordinary man, who left his mark on the history of Russian emigration, is given for the first time.

Keywords: Russian emigration, Harbin, Asano detachment, Japanese military mission, Manchuria, World War II, Halkhin-Gol, Australia, Tubabao, Manchukuo.

References

1. Avarin V. Ya. "Nezavisimaya" Man'chzhuriya ["Independent" Manchuria]. M. 1934. 152 p.
2. Archive of the FSB of the Russian Federation in the Khabarovsk Territory. ASD P-97686 (Aseriants G. H.). Vol. 1.
3. Aurilene E. E. *Rossijskaya diaspora v Kitae. 1920–1950-e gg.* [The Russian Diaspora in China. 1920–1950-ies]. Habarovsk. Private collection. 2008. 268 p.
4. Balakshin P. *Final v Kite: vzniknovenie, razvitie i ischeznovenie beloj emigracii na Dal'nem Vostoke : v 2 t. T. 1* [Finale in the Whale: the emergence, development and disappearance of white emigration in the Far East : in 2 vols. Vol. 1]. M. 2013. 528 p.
5. Balakshin P. *Final v Kite: vzniknovenie, razvitie i ischeznovenie beloj emigracii na Dal'nem Vostoke : v 2 t. T. 2* [Finale in the Whale: the emergence, development and disappearance of white emigration in the Far East : in 2 vols. Vol. 2]. M. 2013. 496 p.
6. Buyakov A. M. *Znaki i nagrody rossijskih emigrantskih organizacij v Kitae (Dajren, Tyan'czin', Harbin, Hunchun', Cinan'fu, Shanhaj), 1921–1949 gg. : materialy k spravochniku* [Signs and awards of Russian emigrant organizations in China (Dairen, Tianjin, Harbin, Hongchun, Qinganfu, Shanghai), 1921–1949 : materials for the reference book]. Vladivostok. Russian Island. 2005. 216 p.
7. V. K. *Molodye russkie voiny – gordost' rossijskoj emigracii. Torzhestvennye provody novobrancev prizvannyh v Rossijskie voinskie otryady* [Young Russian warriors are the pride of Russian emigration. Solemn send-off of recruits called up to the Russian military detachments] // *Luch Azii – Ray of Asia*. 1944. No. 2 (113). Pp. 27–29.
8. V. K.-Ch. *Torzhestvo proizvodstva yunkerov v Russkom-Obshche-Voinskom Soyuze* [The triumph of the production of junkers in the Russian-General-Military Union] // *Chasovoj – Sentry*. 1938. No. 131–132. Pp. 36–38.
9. The State Archive of the Khabarovsk Territory. F. P. 830. Inv. 3. File 23284.
10. *Zhenshchina nashih dnei dolzhna byt' pomoshchnicej, a ne obuzoj dlya muzhchiny. Na urokah voennoj podgotovki v zhenskikh shkolah* – A woman of our days should be an assistant, not a burden for a man. At the lessons of military training in women's schools // *Vremya – Time*. 1944. May 27. No. 143 (4444). P. 5.
11. Il'in I. S. *Istoriya rossijskoj emigracii v Man'chzhurii* [History of Russian emigration in Manchuria] // *Russkaya voennaya emigraciya 20–40 godov XX veka. Dokumenty i materialy. T. 7* – Russian military emigration of 20–40 years of the XX century. Documents and materials. Vol. 7. Eastern Branch. 1920–1928 M. 2015. Pp. 838–839.
12. *K Rossijskoj emigracii. Deklaraciya Glavnogo Byuro po delam Rossijskoj emigracii* – Towards Russian emigration. Declaration of the Main Bureau for Russian Emigration // *Drug policii – Friend of the Police*. 1943. No. 12. Pp. 5–10.
13. Krivenko (Strel'nikova) T. K. *Nasha sem'ya v Kitae* [Our family in China] // *Russkaya Atlantida – Russian Atlantis*. 2015. No. 61. P. 23.
14. *Kursanty Kiowa-Kaj v gostyah u voennyh invalidov. Poklonenie u pamyatnika Churejto. Vozlozhenie venka na mogilu M. Natarova* – Kiowa-Kai cadets visiting military invalids. Worship at the Chureito monument. Laying a wreath on the grave of M. Natarov // *Zarya – Dawn*. 1941. 24 Apr. No. 105. P. 5.
15. Moravskij N. V. *Ostrov Tubabao. 1949–1951: Poslednee pristanishche rossijskoj dal'nevostochnoj emigracii* [Tubabao Island. 1949–1951: The last refuge of the Russian Far Eastern emigration]. M. Russian Way. 2000. 108 p.
16. *Podgotovka kadrov komandnogo sostava. Na zanyatii komandirov rossijskogo uchebnogo otryada* – Training of command personnel. At the lesson of the commanders of the Russian training detachment // *Vremya – Time*. 1944. September 23, No. 261 (4562). P. 7.
17. *Podpolkovnik armii Man'chzhou-Go N. B. Kossov proizveden v sleduyushchij chin* – Lieutenant Colonel of the Manchurian Army N. B. Kossov was promoted to the following rank // *Vremya – Time*. 1944. Aug. 11, No. 218 (4519). P. 3.
18. Smirnov S. V. *Otryad Asano: russkie voinskie formirovaniya v Man'chzhou-go, 1938–1945* [Asano detachment: Russian military formations in Manchukuo, 1938–1945]. Yekaterinburg. 2012. 153 p.
19. *Soveshchanie o voennoj podgotovke uchashchihsyia emigrantov* – Meeting on the military training of emigrant students // *Golos Rodiny – Voice of the Motherland*. 1941. September 14, No. 38 (173). P. 1.
20. Sonin V. V. *Krah beloemigracii v Kitae* [The collapse of white emigration in China]. Vladivostok. 1987. 84 p.
21. *Emigrantskaya molodezh' ispolnyaet svoj dolg* – Emigrant youth fulfills their duty // *Rubezh – Frontier*. 1945. 30th of March. No. 10 (851). P. 11.
22. NAA: A12553. Pp. 189–191.
23. NAA: A446, 1955/20830.
24. The Sydney Morning Herald, 21 November 1967. No. 40531. P. 30; Nicholas Cosgrove. Available at: <https://www.findagrave.com/memorial/177836904/nicholas-cosgrove> (date accessed: 19.06.2019).

УДК 327.54(5-011)(091)"1958/1959"

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.006

Обострение холодной войны на Ближнем Востоке: советско-египетский идеологический конфликт 1958–1959 гг.*

Сенников Алексей Иванович

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры истории
и политических наук, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-9329-2839. Researcher ID: I-4292-2018. E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Аннотация. Статья посвящена истории взаимоотношений в политическом треугольнике СССР – США – ОАР на ближневосточной периферии холодной войны в 1958–1959 гг. События того периода стали важной вехой в истории международных, советско-египетских и американско-египетских отношений. В 1958 г. в результате объединения Египта и Сирии в одно государство (ОАР) серьезно изменился баланс сил на Ближнем Востоке. Египетский лидер Г. А. Насер показал, что в новых реалиях претендует на ведущую роль в региональных делах и делает ставку на политическую доктрину арабского национализма (насеризма). Он продемонстрировал, что не желает идти в фарватере строительства социализма по советским лекалам и склонен к политической гибкости в отношениях с «западными империалистами» ради достижения поставленных целей государственного строительства. Эта совокупность факторов привела к возникновению идеологического конфликта в отношениях между Москвой и Каиром, способствовала реализации планов Вашингтона на сдерживание распространения влияния СССР в регионе. До настоящего времени тема советско-египетского идеологического противостояния в 1958–1959 гг., во взаимосвязи с американской ближневосточной политикой, находила слабое отражение в отечественной науке и не рассматривалась комплексно в западной науке. На основе широкого круга исторических документов и историографии раскрываются причины, суть и глубина первой фазы советско-египетского идеологического конфликта в 1958–1959 гг., а также внешние и внутренние факторы, усугублявшие этот процесс. Подробно анализируется роль США в этих событиях и практические действия администрации Д. Эйзенхауэра по сближению с Каиром на фоне антикоммунистической кампании в средствах массовой информации ОАР и временного ослабления позиций СССР в этой стране. Настоящая статья призвана уточнить и систематизировать знания по имевшим место в 1958–1959 гг. советско-египетским разногласиям, раскрыть их подоплёку с учетом широкого международного контекста, в первую очередь американского фактора.

Ключевые слова: СССР, США, ОАР, Г. А. Насер, Н.С. Хрущев, Д. Эйзенхауэр, холодная война на Ближнем Востоке, периферия холодной войны.

Введение. События конца 1950 – начала 1960-х гг. ознаменовали собой важный этап в международных отношениях на Ближнем Востоке, по сути, привнес в них элемент биполярного противостояния и заложив векторы будущей политики сверхдержав, а значит, и тех конфликтов, которые произойдут в течение трёх последующих десятилетий первой холодной войны.

С момента революции 1952 г. до создания Объединённой арабской республики (ОАР)¹ в феврале 1958 г. советско-египетские отношения прошли путь поэтапной эволюции. Изначально недоверчивое отношение советского руководства к «очередному военному перевороту», как характеризовал его первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, стало сдвигаться к заинтересованности в развитии отношений после визита в Египет главного редактора газеты «Правда» Д. Т. Шепилова в 1955 г. [5, с. 108; 6, с. 9]. Связи приняли динамичный характер после агрессии Великобритании, Франции и Израиля в октябре – ноябре 1956 г.

В период пребывания у власти Хрущева советская внешняя политика стала более гибкой в отношении некоммунистических режимов, что позволило наладить контакт с президентом Г. А. Насером [9, с. 30; 52, с. 334]. В то же время американско-египетские отношения постепенно стагнировали. Администрация Эйзенхауэра, связанная многочисленными обяза-

---

© Сенников Алексей Иванович, 2023

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-78-10179).

¹ В силу того, что доминирующим звеном в едином государстве Египта и Сирии был именно Египет, далее по тексту при употреблении наименования Египет в контексте исторического периода 1958–1959 гг. следует считать его отождествляемым с ОАР целиком. Когда речь будет идти о двух субъектах Объединённой Арабской Республики, то они будут обозначаться соответственно как египетский и сирийский районы ОАР.

тельствами с западноевропейскими союзниками и Израилем, не готова была сотрудничать, предоставляя вооружения и кредиты, с не определившимся в своих идеологических основаниях египетским режимом [47, с. 44]. Укрепление советско-египетских контактов и антикапиталистические мероприятия Насера (национализация Суэцкого канала) вызывали в Вашингтоне настороженность.

Появление объединенного арабского государства в составе Египта и Сирии (формально также Северного Йемена) создавало новые вызовы всей конфигурации ближневосточной политики Москвы и Вашингтона. По мнению К. А. Белоусовой, это событие ознаменовало вершину могущества Насера: «Именно он, а не Англия, Соединенные Штаты, Франция или Советский Союз, создал новый политический порядок [на Ближнем Востоке. – Авт.]» [2, с. 29]. Не разделяя данную позицию полностью, можно согласиться с тем, что появление ОАР привело к серьезным качественным изменениям в ближневосточном политическом и историческом процессе, втянуло сверхдержавы в треугольник противоречий, проявлению которых в течение короткого периода существования единого государства Египта и Сирии посвящена данная статья. При её подготовке использованы источники из опубликованных сборников документов, библиотеки Центрального разведывательного управления (ЦРУ), материалы периодической печати, источники личного происхождения [6; 7; 16; 20–46; 51; 56; 58; 62; 64; 65; 68; 69; 71–76; 80–83; 86], учтены актуальные исторические исследования по данной проблеме. Цель работы – определить исходные условия, развитие и итоги трёхсторонней кооперации и противостояния СССР, США и ОАР в 1958–1959 гг. и установить, какое место в этих событиях занимал советско-египетский идеологический конфликт.

Историография проблемы. Проблема, затронутая в настоящей статье, не раз становилась предметом изучения. Вследствие её многогранности историки, как правило, ограничивали свои исследования несколькими взаимосвязанными темами, включенными в контекст истории холодной войны.

Советско-египетские отношения в советской историографии, как правило, характеризовались как дружественные, прогрессивные, направленные на укрепление дружбы и мира между народами. Идеологические разногласия между двумя государствами упоминались вскользь или вовсе оставались вне поля зрения исследователей [1; 3; 4].

Позднеперестроечная и ранняя российская историография, препарировав события с критических позиций, порой тяготела к крайним оценкам в духе разоблачений советской внешней политики как идеологически зашоренной. Ярким явлением стала монография крупного историка-востоковеда, академика РАН А. М. Васильева, посвященная мессианству советской политики на Ближнем Востоке [10]. В критическом ключе были выдержаны и более поздние работы этого автора [9]. Вопрос «дружбы-дуэли» между Хрущевым и Насером поднимался также в классической монографии А. З. Егорова [12], во многом основанной на показаниях бывшего соратника Насера – М. Хейкала [65].

Современная отечественная историография, используя более разнообразные методологические подходы, раскрывает новые аспекты советско-египетских отношений в том числе благодаря открываемым в последние годы архивным документам. В 2006 г. был опубликован труд Е. М. Примакова (частично основанный на личном опыте автора), в 2012 г. вышедший вторым изданием [47]. Проблемам коммунизма в Египте при Насере и советско-египетским разногласиям посвящены труды Г. Г. Косача [16; 17]. Ряд других отечественных авторов также поднимал проблемы советско-египетских отношений без детального рассмотрения идеологического конфликта между ними [5; 15; 50; 52; 55].

Западная историография советско-египетских отношений концентрировалась на двух ключевых темах: попытках СССР навязать коммунизм Египту и панарабских устремлениях Насера, игравших на руку Москве (К. Давиша, М. Керр, А. Рубинштейн, М. Эль-Хусини [61; 63; 67; 78]).

Американо-египетские отношения также нашли отражение в отечественных и зарубежных (в первую очередь американских и арабских) трудах. На современном этапе можно выделить работы К. А. Белоусовой, В. П. Румянцева, С. Якуба [2; 48; 85]. Данные труды можно характеризовать как комплексные исследования политики США на Ближнем Востоке в 1950–1960-е гг.

Иные обстоятельства, влиявшие на отношения США, СССР и ОАР, такие как внутривосточное развитие Египта и Сирии, иракский и израильский факторы, арабский национа-

лизм как явление политической и международной жизни Ближнего Востока, рассматриваются в трудах отечественных (М. Ф. Видясова, Э. П. Пир-Будагова, Т. А. Карасова, Т. В. Носенко, Н. В. Степанова, В. П. Юрченко и др. [8; 11; 14; 18; 49; 79]) и зарубежных (Дж. Бейнин, А. Давиша, Дж. Джанковски, Д. Ергин, Э. Подех, А. Эпштейн [13; 53; 54; 57; 59; 60; 66; 70; 77; 84]) и других историков.

Следует констатировать, что подробного анализа взаимоотношений в треугольнике СССР – США – ОАР в 1958–1960 гг., а также советско-египетских отношений в эти годы до сих пор нет. Американо-египетские отношения изучены лучше, но всё ещё остаётся место для научного поиска.

Образование ОАР в проекции на ближневосточные курсы СССР и США. Египет был важной частью внешнеполитических планов Москвы и Вашингтона во второй половине 1950-х гг., поскольку обладал уникальным геополитическим положением, контролировал главный инфраструктурный хаб XX столетия – Суэцкий канал – и являлся духовным и культурным центром арабского и мусульманского мира [13, с. 553; 57, р. 5–6; 59, р. 287; 77, р. 339–340]. Однако к 1958 г. ни США, ни СССР не удалось привлечь Каир на свою сторону. Насеру оказалась не чуждой игра на противоречиях держав, занимавших полярные стороны в холодной войне.

У создания ОАР была особая внутренняя подоплека. Хотя в официальной пропаганде Каира продвигался лозунг единения арабов, в практическом плане Насер исходил скорее из утилитарных соображений – он не призывал к созданию единого арабского государства, взамен выдвигая идею арабской солидарности [48, с. 135; 50, с. 55]. Такой же позиции он изначально придерживался в ходе переговоров с сирийским руководством в конце 1957 г. [48, с. 135; 55, с. 27–28] Однако перед официальным Дамаском стояла серьезная проблема – угроза прихода к власти коммунистов, решить которую надеялись за счет создания единого с Египтом государства и последующего подавления египтянами политических оппонентов. Сирийская компартия на тот момент была самой сильной и многочисленной на Ближнем Востоке, и в Дамаске надеялись, что объединение Египта с Сирией будет сопровождаться развитием антикоммунистических тенденций в ОАР [4, с. 94; 47, с. 53–56; 64, р. 404; 67, р. 13–14].

На наш взгляд, Насер пошёл на создание единого государства с Сирией из-за стремления устранить две ключевые угрозы собственной ближневосточной политике: 1) потенциальную победу коммунистов в Сирии, что привело бы к утрате Египтом рычагов влияния на Дамаск и искажению общеарабской повестки; 2) возможность утраты значительных объемов советской помощи, которая была бы при таком повороте событий перенаправлена коммунистической Сирии.

Образование ОАР произошло 22 февраля 1958 г. Это событие на некоторое время лишило СССР вариативности в выборе опоры на Ближнем Востоке. С одной стороны, египетско-сирийский союз создавался на «антиимпериалистической» основе и соответствовал лозунгам официальной советской политики содействия странам «третьего мира» в их национально-освободительной борьбе. Насер лично увещевал Хрущева, что главная цель ОАР – достигнуть полной независимости и покончить с остатками колониализма [2, с. 13; 6, с. 24].

С другой стороны, появление единого египетско-сирийского государства нарушало ближневосточные планы СССР по поддержке сирийского коммунистического движения как образца для соседних государств [48, с. 147–148; 50, с. 55]. Образование ОАР усилило националистические тенденции и привело к запрету всех политических партий в Сирии, в том числе коммунистической. Сирийские коммунисты начали отказываться от сотрудничества с новой властью, агитировать против объединения. Ответом стали гонения на коммунистов, которые к концу года переросли в прямые репрессии (с пытками и физическим уничтожением) [4, с. 243, 249; 9, с. 44; 19, с. 123; 63, р. 88–89; 70, р. 66; 77, р. 340]. По мнению советского руководства, «ничего хорошего ни для Египта, ни для Сирии объединение не несло и было искусственным, не прогрессивным» [6, с. 65].

Расхождения во взглядах на создание ОАР не помешали активному военному и экономическому сотрудничеству. В частности, незадолго до объединения 29 января 1958 г. было подписано советско-египетское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, которое предусматривало содействие СССР в сооружении в Египте свыше 120 промышленных и других объектов [9, с. 50; 50, с. 77].

С 29 апреля по 16 мая прошёл первый официальный визит президента ОАР Насера в СССР. С советским лидером он встретился в первый раз 30 апреля, 1 мая участвовал в перво-

майской демонстрации, а в последующие дни провёл в поездках по Советскому Союзу [5, с. 108; 6, с. 53–55].

Во время визита Хрущев подтвердил, что рассматривает дружбу между двумя странами как искреннюю и что «Советский Союз оказывает материальную помощь слаборазвитым странам без каких-либо политических, военных или иных условий, ущемляющих суверенитет и национальное достоинство этой страны, в то время как английские, французские и американские колонизаторы не могут даже допустить мысли о том, что помощь может оказываться без каких-либо условий». Далее он добавил, что СССР намерен следовать курсом на мирное сосуществование и совместную борьбу против колониализма [6, с. 23]. Последнее, как отмечал египетский журналист и соратник Насера М. Хейкал, по сути, означало, что раз арабы выступают против колониализма и империализма, то они должны встать на советскую сторону и тогда «получат всё, чего пожелают» [65, р. 81].

Насер в ходе визита доброжелательно и тепло общался с Хрущевым и другими советскими лидерами, поднимал вопросы развития сотрудничества в военной, экономической и торговой областях [6, с. 29–36]. Он сам поднял вопрос о судьбе сирийских коммунистов, чего советские власти делать не хотели, и попытался объяснить, что те идут неверной дорогой, не отражают чаяний арабов и пытаются очернить в глазах СССР египетское руководство. По всей видимости, желая расположить к себе египетского лидера, Хрущев по поводу преследования коммунистов в Сирии сказал: «Это полностью ваше дело, мы не желаем вмешиваться» [6, с. 57].

Советский лидер так объяснял позицию Москвы: «В те времена, когда Египетская коммунистическая партия не существовала, а коммунисты находились в подполье или сидели в тюрьмах и народ не пользовался никакими демократическими правами, когда установилась военная диктатура, то такой строй не обещал ничего доброго. В печати советские руководители не выступали против политики Насера, не желая отталкивать его, но и не поддерживали» [51, с. 348]. В целом Хрущёв произвёл на Насера очень хорошее впечатление, что играло на руку двусторонним отношениям [5, с. 108].

Для США создание ОАР означало срыв планов политической изоляции Каира и вело к подрыву позиций на Ближнем и Среднем Востоке [48, с. 149]. Тем не менее этот факт был воспринят администрацией Эйзенхауэра спокойно, поскольку минусы перекрывались главным положительным результатом – ограничением влияния коммунистов в Сирии [64, р. 411; 76].

Эксперты из государственного департамента и ЦРУ прогнозировали, что в краткосрочной перспективе силы арабского радикального национализма представляют вызов американским интересам, и даже несмотря на определенную гибкость политики Насера сближение с ними вряд ли возможно. В долгосрочной перспективе режим Насера мог столкнуться с серьезными экономическими и политическими проблемами как внутреннего, так и внешнего характера [56; 69; 74; 85, р. 255]. В итоге предполагалось осторожно и поступательно смягчать подход к ОАР на основании обоюдных уступок [48, с. 158–159].

В конце марта 1958 г. госсекретарь США Дж. Ф. Даллес предложил план долгосрочной политики в отношении египетско-сирийского государства, включавший четыре пункта. В зависимости от склонности Насера идти на уступки предлагалось: 1) если будет выплачена компенсация бывшим владельцам Суэцкого канала – снять ограничения на египетские активы в американских банках и нормализовать торговлю товарами широкого потребления; 2) если Насер ослабит критику США в СМИ – возобновить программы научных и культурных обменов между США и ОАР; 3) если Насер восстановит отношения с Великобританией и делает явные шаги на дистанцирование от СССР – предложить помощь в виде не крупных займов и поставок продовольствия; 4) если ОАР пойдет на максимальное сокращение или разрыв отношений с СССР – предоставить масштабную экономическую помощь, крупные кредиты и возобновить программу обучения персонала армии ОАР в американских военных заведениях [64, р. 437–438].

Четыре шага Даллеса в целом пережили своего создателя и применялись до конца срока администрации Эйзенхауэра. Реализованными к 1961 г. оказались первые три пункта. О свертывании отношений с СССР в Каире речи не шло, наоборот, экономические взаимоотношения стали усиливаться после того, как Насер смог договориться с Хрущевым о помощи в строительстве Асуанской плотины и других инфраструктурных объектов по всему Египту².

² Соглашение о сотрудничестве было подписано 28 декабря 1958 г. [20; 46].

Если в СССР подписание данного соглашения встречали восторженно и были уверены в укреплении дружественных отношений между Москвой и Каиром [21], то власти США не верили в способность СССР выполнить взятые на себя обязательства и рассчитывали на обращение Каира к Вашингтону за помощью [58; 62].

Становление ОАР в качестве политического игрока на Ближнем Востоке привело к серьезным сдвигам в региональной политике. В частности, на фоне политической нестабильности и этноконфессиональных волнений в Ливане весной-летом 1958 г. президент этой страны К. Шамун обвинил ОАР во вмешательстве во внутренние дела. Следствием стало его обращение к США за военной помощью в соответствии с «доктриной Эйзенхауэра»³.

Параллельно странами Багдадского пакта (СЕНТО) было принято решение поддержать дополнительными силами Иорданию, куда были направлены иракские войска и планировалась переброска британских [48, с. 190; 67, р. 7]. Иракские военные, однако, к месту назначения не прибыли, вместо этого повернув оружие против собственного прозападного монархического режима.

Военный переворот в Ираке 14 июля привел к установлению республиканского режима во главе с А. К. Касемом и А. С. Арефом, заявившими о стремлении к кооперации с ОАР [79, р. 92]. Это означало, что, устранив «умеренный» проамериканский режим, Багдад делает разворот в сторону Москвы [81]. На фоне иракских событий Эйзенхауэр откликнулся на обращение Шамуна и направил войска для поддержки его правительства [71, р. 550].

Переворот в Ираке вызвал нешуточный ажиотаж и в политикуме ОАР. Египетский лидер тайно посетил СССР для личных переговоров с Хрущевым, справедливо полагая, что произошедшие на фоне ливанского кризиса и увеличения контингента войск стран НАТО события в Ираке могли направить политический процесс на Ближнем Востоке в непредсказуемое русло [6, с. 60–61].

После революции в Ираке в июне 1958 г. в СССР возобладали оптимистичные настроения [7, с. 250]. Казалось, что позиции Запада на Ближнем Востоке подорваны окончательно, остается только покончить с последними консервативными монархиями. Как отмечал Хейкал, советские лидеры рассчитывали превратить Египет в координационный центр отношений с арабами [65, р. 97].

Насер, тем не менее, достаточно быстро показал, что он не собирается полностью встраиваться в советскую политику и имеет свои взгляды на развитие арабского мира. Поскольку А. К. Касем отказался от объединения с ОАР и во внутренней политике сделал временную ставку на коммунистов, начался затяжной египетско-иракский конфликт [2, с. 11–12; 79, р. 92]. США же оказались в положении «между Сциллой усиления советского влияния и Харибдой роста египетских амбиций» [48, с. 232]. Американцы также опасались экспансии ОАР и ответили на иракские события укреплением оборонительных связей с Израилем и вовлечением в деятельность Багдадского пакта, оставаясь без формального членства в нем.

Причины советско-египетского идеологического конфликта. К началу 1959 г. созрела почва для конфликта между СССР и ОАР по идеологическим вопросам. Причин и усугубляющих факторов для этого было несколько.

Как отмечают отечественные и зарубежные историки, главным камнем преткновения стало, со стороны Каира, специфическое понимание коммунистической идеологии, противопоставленной Насером арабскому национализму и арабскому социализму [2, с. 13; 16; 17; 48, с. 140; 57, р. 205; 63, р. 65; 67, р. 25–26, 41–42; 78, р. 6]. Социализм в египетской интерпретации должен был обеспечить достижение достатка и справедливости без эскалации классовой борьбы и уничтожения класса эксплуататоров, наоборот, он включал в себя принципы братства и национального единства всех арабов. Важным звеном насеровской идеологии оставалась исламская религиозность, которой социализм не противоречил [50, с. 72–73]. Более подробная рефлексия идеологии арабского социализма у Насера произойдет позднее – в середине 1960-х гг., а в обстоятельствах 1959 г. к установкам социализма он обращался главным образом в процессе уточнения собственной программы в вопросах религии, насилия, арабского единства, антисионизма, а также в связи с личным отношением к выразителям тех или

³ «Доктрина Эйзенхауэра» подразумевала, что любая страна, подвергаемая агрессии коммунистических сил, могла запросить экономическую или военную помощь у США. Особый упор делался на советскую угрозу на Ближнем и Среднем Востоке, где, как подчеркивал Эйзенхауэр, «образовался политический вакуум» [78, р. 91].

иных политических взглядов. Притязания сирийских и египетских коммунистов на власть (даже в виде участия в правительстве или разрешения на пропаганду идеологии) воспринимались им как покушение на единство арабов, попытка их раскола и пособничество империализму и сионизму. Тем временем со стороны Москвы режим Насера, по мере усиления гонений на коммунистов Сирии и Египта, начинал оцениваться все более критически.

Нагнетающую роль сыграло выдворение из правительства в феврале 1959 г. и подавление выступлений панарабских (т. е. пронасеровских) националистов в Ираке. Насер «впервые столкнулся с соперничающей арабской революцией», опиравшейся на разных этапах на поддержку местных коммунистов [9, с. 44; 16; 57, р. 206; 66, р. 151; 67, р. 24]. В СССР иракские события воспринимались как «антиимпериалистическая революция». Этому способствовали ориентация Касема на сотрудничество с Иракской коммунистической партией, выход из Багдадского пакта, ликвидация британского военного присутствия в стране и укрепление советско-иракского экономического сотрудничества [49, с. 310–312]. Москва «арабские дразги» квалифицировала как «провокационные маневры колонизаторов», в первую очередь США [22].

У египетско-иракского столкновения имелись также ресурсно-энергетические предпосылки: Насер желал сделать из ОАР ключевой центр распределения ближневосточных запасов нефти, для чего создал в 1959 г. Арабский нефтяной конгресс, но Ирак его бойкотировал. В сентябре 1960 г. произойдет создание Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) на конференции в Багдаде, что укрепит авторитет Касема и усилит разобщенность двух арабских республик [13, с. 541, 548].

Вопросы международного плана также способствовали обострению конфронтации в регионе. Сказывались и заигрывания Каира со странами Запада, и поддержка Югославией антисоветских выпадов Насера, и солидаризация Китайской Народной Республики (КНР) с советской позицией в отношении ОАР [86]. Значимым фактором стали действия проамериканских государств региона – Саудовской Аравии, Иордании, Турции, Ирана. Обособленно стоял в этой плеяде Израиль, проводивший собственную сложную политическую линию в отношении как сверхдержав, так и ОАР [14; 18; 53].

Важной составляющей внешнеполитической линии ОАР являлась ставка на позитивный нейтралитет, предполагавший балансирование между двумя сверхдержавами, взаимодействие с обеими, отстаивание суверенитета и «национальной гордости арабов», неприсоединение к двум военно-идеологическим блокам [63, р. 78–80]. Несмотря на стремление к широким социальным преобразованиям египетского общества, в 1950-е гг. Насер также был сторонником крепких экономических связей со странами Запада, поэтому оставлял открытыми двери для возобновления сотрудничества с ними через торговлю и инвестиции.

После образования ОАР в Вашингтоне стали постепенно осознавать масштабы потенциала режима Насера в деле сдерживания коммунистического влияния на Ближнем Востоке. Иракские события сначала пошатнули подобные оценки, но с усилением движения Багдада «к федерализму и коммунизму» американские эксперты посчитали высоким шанс на столкновение арабского нейтралитета и коммунизма [75; 80]. Однако негативные оценки «каирского социалистического эксперимента» превалировали в анализе над призывами к нормализации отношений, поэтому в октябре 1958 г. США отказались в очередной раз от участия в строительстве Высотной Асуанской плотины, чем подтолкнули Насера к расширению связей с Москвой [63, р. 90–91]. Последовавшие в начале 1959 г. советско-египетские разногласия дали надежду Вашингтону на изменение ближневосточной военно-политической картины и практический инструмент для этого.

На конфронтацию влияла подспудная политическая борьба в египетском руководстве. Вокруг Насера (обладавшего почти неограниченными президентскими полномочиями), сосредоточилось несколько гражданских и военных группировок, ориентированных на сотрудничество или с Западом (министр иностранных дел М. Фавзи и министр экономики А. М. Кайсуни [48, с. 208, 224; 63, р. 89]), или с СССР (начальник канцелярии президента А. Сабри [6, с. 29]). Начал складываться второй «центр власти» в лице силового блока во главе с главнокомандующим ОАР, вице-президентом, маршалом А. Х. Амером (сторонником арабского унитаризма), состоявший из высших офицеров генштаба (лояльных скорее Амеру, чем Насеру), служб военной разведки и госбезопасности, которые контролировали многие действия президента [6, с. 54–55; 8, с. 102–103; 55, с. 40, 185]. Отдельной, хотя и слабой группой выступали политики и военные бывшей Сирии, получившие после объединения в лучшем случае второстепенные должности в госаппарате ОАР [60, р. 21; 55, р. 15–16].

Идеологические различия между Москвой и Каиром осознавались с самого начала установления двусторонних связей. В общении двух лидеров они впервые проявились во время весеннего визита Насера в СССР в 1958 г. Хрущев вспоминал, что обсуждение вопросов создания ОАР и роли коммунистов в Сирии и Египте состоялось в июле 1958 г. во время тайного визита Насера [51, с. 349–350]. Тогда, по утверждениям Хрущева, он жестко заявил Насеру: «Вы потом пожалеете об объединении, ОАР развалится» [51, с. 351]. В воспоминаниях М. Хейкала указывается, что эпизод обсуждения темы преследований сирийских коммунистов действительно произошёл во время первого визита, но он не носил характера спора [65, р. 89–93]. В протокольных записях о пребывании Насера в СССР подобные разговоры не упоминались.

Начало советско-египетского идеологического конфликта. Застрельщиком разногласий в публичном поле стал Насер, который во время митинга в Порт-Саиде 23 декабря 1958 г. (вторая годовщина вывода англо-французских войск с территории Египта) обвинил сирийских коммунистов, находившихся под официальным запретом и подвергавшихся жестоким гонениям, в том, что они выступают против арабского национализма и арабского единства, и заявил, что они занимают реакционную позицию, смыкающуюся с политикой сионистов [6, с. 68]. Не упоминая напрямую, он фактически обвинил СССР во вмешательстве в дела арабской республики через поддержку местных коммунистов [61, р. 22]. Как впоследствии отмечали эксперты ЦРУ, Насер перенял тактику лидера Югославии И. Б. Тито, в своё время также боровшегося с просоветскими элементами [86]. Кампания гонений на коммунистов в Египетском и Сирийском районах ОАР усилилась [19, с. 124; 68; 83].

На это выступление Н. С. Хрущев ответил 27 января 1959 г. с трибуны внеочередного XXI съезда КПСС. Он заявил, что «борьба против коммунистических и других прогрессивных партий – это реакционное дело», что «неверно обвинять коммунистов в том, что они выступают против национальных интересов арабских народов» и «наивно также приравнять коммунизм к сионизму» [6, с. 68; 9, с. 45].

Речь первого секретаря ЦК КПСС позволила Насеру прямо обвинить Москву во вмешательстве во внутренние дела ОАР и заявить, что Хрущев «взял на себя ответственность по защите арабских коммунистов» [6, с. 90]. В феврале состоялся обмен упреками в печати. Если в статьях ведущей египетской газеты «Аль-Ахрам» раскритиковали речь Хрущева и обвинили коммунистов в сотрудничестве с империалистами, то в советской «Правде» ответили критикой редактора «Аль-Ахрама» М. Хейкала, уличенного в связях с «американскими кругами» и «попытках приписать свою позицию правительству ОАР». Вопреки выпадам отдельных иностранных журналистов, советские СМИ представляли картину крепнущих советско-египетских отношений [23; 24].

Хрущев попытался сгладить разгоравшуюся полемику и направил Насеру 19 февраля личное послание. Он отметил, что СССР поддерживает борьбу ОАР с колониализмом, заявил, что отношение Каира к коммунистам является их внутренним делом, но добавил, что «мы являемся коммунистами и что мы не можем сочувствовать политике борьбы с коммунизмом, которую мы считаем исторически неправильной и безнадёжной» [6, с. 68–71; 7, с. 262–265].

22 февраля 1959 г., в годовщину создания союзной республики Египта и Сирии, Насер публично ответил на послание Хрущева и его выступление на съезде КПСС: «Хрущев высказал, естественно, свою точку зрения как коммуниста. <...> Несмотря на наши идеологические разногласия, мы продолжаем высоко оценивать ту помощь, которую оказывает нам советский народ» [25]. На встрече с избирателями Калининского округа Москвы 24 февраля Хрущев отметил это выступление Насера и заявил, что надежды империалистических держав на охлаждение отношений двух стран не имеют твердой опоры [26]. После речи Хрущева газета «Аль-Ахрам» заявила, что «попытки враждебных миру сил вбить клин между Советским Союзом и ОАР потерпели поражение» [27]. Первый мягкий раунд взаимных упреков завершился столь же быстро, как и начался, серьезно не повлияв на двусторонние отношения. Однако вскоре после этого международные события дали новый толчок трениям.

Иракские события и углубление советско-египетского идеологического конфликта. В феврале-марте 1959 г. произошло вытеснение насеристов и панарабских националистов из правительства и армии Ирака. С помощью коммунистов (или, как отметил А. М. Васильев, тех, кто называл себя коммунистами [9, с. 45]) было подавлено вооруженное выступление в Мосуле, за организацией которого стояли власти ОАР [2, с. 12; 28; 29; 48, с. 245–246; 60, р. 27–28; 65, р. 107; 79, р. 92]. Это произошло на фоне подписания советско-иракского соглашения об экономическом сотрудничестве [30] и заявления Москвы о готовности оказывать Ираку

такую же бескорыстную поддержку, которую до недавнего времени оказывали Египту и Сирии, а ныне ОАР [32].

Хрущев, комментируя события в Мосуле, заявил, что силы реакционеров потерпели крах, и упомянул позицию Насера в отношении Ирака, указывая на её изменение и связывая это с «его заблуждениями насчет объединения Иракской Республики с Объединенной Арабской Республикой» [31]. Хрущев сетовал, что в египетской печати стал господствовать «язык империализма» [61, с. 23].

Иракские события означали провал планов Каира на расширение ОАР, появление серьезного конкурента Насеру на поле межарабских отношений, рост влияния коммунистов и СССР в Ираке. Опасения египетского правительства насчет смещения центра тяжести советской помощи в пользу Багдада также были обоснованными. Как следствие, реакция лидера ОАР на эти факты была жесткой. Дошло до того, что Насер заявил, что отвергает коммунистическую идеологию, «состоящую из смеси атеизма с подрывной деятельностью» [60, р. 28; 82]. Развернулась кампания дискредитации режима Касема. Были проведены аресты коммунистов и в египетской, и в сирийской частях ОАР [47, с. 77; 48, с. 246]. Началась огульная критика СССР по поводу вмешательства во внутренние дела арабских стран [7, с. 266; 85, р. 260].

Насер, пытаясь обличить СССР в наличии экспансионистских планов, даже заявил, что СССР желает создать «Красный благодатный полумесяц» от Акабского до Персидского заливов, чтобы получить плацдарм для выхода к Индийскому океану [48, с. 247; 61, р. 23; 70, р. 86]. Учитывая, что подобный план действительно разрабатывался, но не в Москве, а в Лондоне [48, с. 249], высказывания египетского лидера ставили СССР на один уровень с западными империалистами, что советское правительство воспринимало как оскорбление.

В апреле Хрущев направил египетскому президенту письмо, призванное ответить на все обвинения ОАР. В назидательных тонах первый секретарь ЦК КПСС пояснял различия в подходах коммунистов и насеристов к строительству социализма, неверность выводов самого Насера. В заключение Хрущев выражал надежду, что в двусторонних отношениях удастся «устранить всё случайное и наносное, что мешает видеть вещи такими, какие они есть», чтобы сотрудничество и дружба далее развивались «на здоровой основе» [6, с. 72–83; 7, с. 267–275]. В советской печати была высказана осторожная критика курса ОАР на конфронтацию с Ираком, отвергались обвинения в адрес Багдада и Москвы⁴ и иные «измышления» египетской прессы [33; 35; 36].

Насер не остался в долгу и продолжил антисоветскую кампанию в печати, заявляя, что вынужден «защищать нашу [т. е. ОАР. – *Авт.*] независимость от коммунистической доктрины подрывной деятельности и захватов» также, как раньше её приходилось защищать от «западного империализма» [6, с. 84]. Он продолжал говорить о наличии коммунистического заговора на Ближнем Востоке как «орудия России и международного коммунизма», желающих «создать новый коммунистический Багдадский пакт» [6, с. 85–88]. Президент ОАР выдвинул условия двустороннего примирения: признание Москвой ценности арабского национализма, поддержка позиции Каира в межарабских делах, невмешательство и отказ от подрыва арабского позитивного нейтралитета [6, с. 92].

Ответное послание Хрущеву прибыло только в конце мая 1959 г. Насер оправдывал поддержку необходимостью изучить ряд моментов и фактов из письма советского руководителя [6, с. 94]. В своём пространном письме президент ОАР сетовал, что арабская нация ведет борьбу «всех оттенков» [т. е. и с империалистами – США и Великобританией, и с международным коммунистическим движением. – *Авт.*], навязываемой с целью подорвать веру в принципы арабского национализма [6, с. 96]. Насер вспомнил тезисы своего декабрьского выступления 1958 г., по его мнению, неверно истолкованного в Москве, сделал глубокий экскурс в историю Суэцкого кризиса, привел аргументы в пользу того, что Египет находился один на один с тремя агрессорами и, не рассчитывая на помощь СССР, мог надеяться только на Аллаха. Советская помощь, по его мнению, пришла тогда, когда основные события кризиса уже завершились. Опротестовал он также постулаты коммунистической пропаганды касательно места и роли религии, принижавшей заслуги арабских националистов и несправедливо превозносившей дела местных коммунистов [6, с. 98–100]. В связи с событиями в Ираке лидер ОАР воз-

⁴ Примечательно, что особой активностью в критике Насера отличились газеты КНР, отдельные заметки которых перепечатывались в советской печати – таким образом, происходило косвенное выражение собственного недовольства Москвы [34].

ложил всю ответственность за внутренний конфликт в этой стране на иракских коммунистов [6, с. 107–109].

Насер указывал, что ещё в феврале старался не допустить углубления разногласий, однако империалисты и арабские коммунисты использовали все средства для их раздувания [6, с. 111]. Он отмечал: «Ясно также и то, что Вы [Н. С. Хрущев. – *Авт.*] расцениваете каждое выступление против коммунистов как нападение на Вас и оказываетесь вынужденными вступить в бой. Заверяю Вас, что к этому мы вовсе не стремимся» [6, с. 115]. Египетский лидер выразил надежду, что два государства смогут прийти к стабильности в отношениях [6, с. 115–116].

В обмене посланиями Насер и Хрущев высказали все доводы, что у них были, и в дальнейшей личной переписке к ним не возвращались, каждый из них остался при своём мнении [12, с. 57]. Откровенный диалог не означал, однако, завершения конфликта.

Тактическое сближение ОАР и США. Несмотря на заверения Насера в желании противостоять державам-империалистам, он был не до конца искренним в своём послании первому секретарю ЦК КПСС. Идеологический конфликт с СССР был использован Каиром для выхода из моральной и экономической изоляции. В начале 1959 г. через Хейкала Каир попытался заручиться поддержкой американской стороны по вопросам экономики и пропаганды [64, р. 516].

Правительство ОАР согласилось принять участие в обсуждении проблемы палестинских беженцев и будущем Агентства ООН по оказанию им помощи (БАПОР) [7, с. 277], что было выгодно американской дипломатии. Египтяне зондировали почву в Вашингтоне на предмет возобновления экономических контактов, давая понять, что договоренности с СССР ещё можно пересмотреть [64, р. 519–520, 527–528].

После ливанского и иракского кризисов США оказались в парадоксальной ситуации, когда необходимо было противостоять амбициям Насера и в то же время сдерживать тех, кто противопоставлял себя его режиму [85, р. 258]. Предложенный Дж. Ф. Даллесом курс давал возможность налаживать контакты осторожно. Однако мартовские события в Ираке (подавление правого мятежа в Мосуле и выход страны из Багдадского пакта), вкупе с закупками режимом Касема оружия в СССР и участием в иракском правительстве коммунистов, вынудили США ускорить налаживание кооперации с Каиром [47, с. 111; 85, р. 259].

Эйзенхауэр считал возможным объединить усилия с Каиром для давления на Ирак [79, р. 94]. Расширение сотрудничества с ОАР поддерживала часть высокопоставленных чиновников госдепартамента, скорректировавших свои оценки Насера: «Может быть, он и оппортунист, но у него есть принципы» [64, р. 522], главным из которых называлась борьба с коммунистами. В дипломатическом ведомстве считали уместным наладить с ним постоянные рабочие контакты [64, р. 525–526; 85, р. 261].

В апреле (в период между получением в Каире послания Хрущева и подготовкой ответного письма Насера) президент ОАР получил от американского посольства ясный сигнал о готовности оказать экономическую помощь в случае продолжения репрессивной кампании против коммунистов [64, р. 528–530; 70, р. 106]. Поскольку она была продолжена, в июне 1959 г. было подписано соглашение об оказании американской технической помощи ОАР [55, с. 32]. В беседах с американскими дипломатами Насер продолжил критиковать коммунистические принципы и лично Хрущева за вмешательство во внутренние дела ОАР, давая понять руководству США, что он не против нормализации отношений [64, р. 551–552]. Сближение с Вашингтоном позволило наладить торгово-экономические контакты и с другими странами Запада, в первую очередь с Западной Германией (ФРГ), Италией и Японией [84, р. 236–237].

Дальнейшие конкретные шаги в сторону ОАР наталкивались на неприятие подобной политики союзниками США на Ближнем Востоке – Великобританией, Израилем, Ираном и Турцией. В Анкаре, Тегеране и Тель-Авиве опасались усиления ОАР и активизации арабских националистов на Ближнем Востоке. Ввиду особых экономических и геополитических интересов Великобритании в противостоянии между Насером и Касемом предпочитала делать ставку на последнего [48, с. 253–254, 290–291, 294; 64, р. 540–545; 85, р. 262].

Вашингтону пришлось искать баланс между желательным и допустимым в отношении ОАР, что тормозило процесс сближения [64, р. 548–550, 578–580]. В итоге США не стали оказывать явную поддержку какой-либо стороне в межарабском соперничестве Каира и Багдада и публично отрицали симпатии к любой из них [72, р. 347, 366].

Осенью 1959 г. Г. А. Насер обнародовал крайне амбициозный десятилетний план развития ОАР, который предполагал удвоение валового национального продукта страны к 1970 г. Его выполнение зависело от привлечения иностранных инвестиций и зарубежной экономи-

ческой помощи [48, р. 255–256; 70, р. 105]. В связи с этим особенно важным было посещение Вашингтона министром экономики ОАР А. М. Кайсуни для переговоров о займах и выплата ОАР компенсации Великобританией за национализацию Суэцкого канала [64, р. 556–559]. Это открыло дорогу к одобрению администрацией Эйзенхауэра кредита Международного банка реконструкции и развития для модернизации инфраструктуры Суэцкого канала в размере 56 млн долл. (из ранее обещанных 100 млн долл.), полученному в декабре 1959 г. [2, с. 15].

К разочарованию Насера, Кайсуни вернулся из Вашингтона с пустыми руками. Несмотря на то, что с мая по декабрь общая сумма американской кредитной помощи составила порядка 110 млн долл., в Каире рассчитывали, что американцы в самые сжатые сроки смогут выделить ещё столько же, если не в 2–3 раза больше. Вашингтон был готов предоставить не более 40 млн долл. кредитов, однако из-за внутренних проволочек к марту 1960 г. американскими кредитно-финансовыми государственными агентствами египетской стороне будет предоставлено всего лишь 12 млн долл. [70, р. 107–109]. Подобные пробуксовки создавали картину отсутствия интереса у США в субсидировании египетских программ развития, приводили к разочарованию в правящих кругах ОАР.

К этому добавились внутренние трудности: экономическая стагнация Сирийского района ОАР вылилась в рост критики самого Насера [19, с. 128]. Баасисты требовали снятия внутреннего напряжения путем разрешения их деятельности, а также призывали к более «активной» и «радикальной» внешней политике по расширению состава ОАР, в первую очередь за счет Иордании. Поскольку речь могла идти только об организации переворота или вторжения, египетский лидер прекрасно осознавал последствия подобных действий: неизбежное столкновение с Израилем, потенциально – с США и странами СЕНТО [48, с. 255–256; 67, р. 18–20; 70, р. 109]. Для наведения порядка в Сирийском районе Насер направил туда в качестве личного представителя маршала Амера и усилил меры безопасности. Это привело к добровольной отставке министров-баасистов, не согласных с политикой египетского лидера [19, с. 129]. Тем не менее дальнейшее американо-египетское сближение забуксовало.

Смягчение советско-египетской идеологической конфронтации. Во второй половине 1959 г. уровень пропагандистской конфронтации советской и египетской печати снижался. Хотя продолжалось преследование коммунистов в ОАР и такие акции находили освещение в советской прессе (например, арест известного ливанского коммуниста Ф. Хелу) [7, с. 284–285; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 61, р. 24], египетская сторона ратовала за то, чтобы «подобные незначительные события опускать» [7, с. 282]. С точки зрения советского правительства вопрос печати был внутренним делом обеих держав [7, с. 282–283]. СССР поддерживал позицию ОАР в вопросах ближневосточного урегулирования [7, с. 296] и учитывал интересы двусторонних отношений при диалоге с Израилем [7, с. 287–288, 292–293]. К тому же летом 1959 г. в Ираке произошел, хоть и временный, раскол политического союза между Касемом и иракской компартией [48, с. 253; 61, р. 24–25; 79, р. 95].

При всем накале советско-египетских противоречий продолжалось экономическое сотрудничество между ОАР и СССР. Даже Насер признавал, что «политические разногласия не оказали влияния на сотрудничество как в отношении Асуанской высотной плотины, так и других промышленных проектов» [6, с. 93; 43]. Ещё в декабре 1958 г. СССР и ОАР заключили соглашение «Об экономической и технической помощи Египту в строительстве первой очереди Асуанской плотины», частью которого был договор о предоставлении ОАР долгосрочного кредита в размере 90 млн руб. для оплаты поставок оборудования [15, с. 136].

В ноябре 1959 г. Хрущев в интервью египетскому изданию «Аль-Гумхурия» заявил, что отношения между СССР и ОАР находятся на том же уровне, что и в 1956 г., во времена тройственной агрессии. С одной стороны, советский лидер мысленно ещё раз вернулся к апрельско-майским взаимным посланиям, в которых полемика по поводу событий Суэцкого кризиса занимала одно из центральных мест. С другой – отношения в 1956 г. были по духу и масштабу в разы меньше, чем в том же 1958 г., когда президент ОАР дважды посетил СССР и были подписаны двусторонние соглашения. На вопрос о борьбе между ближневосточными коммунистами и арабскими националистами Хрущев дал уклончивый ответ, призвав к «взаимопониманию и сотрудничеству между всеми элементами любого народа» [6, с. 117–118]. В номере газеты также крупным шрифтом выделили заявление Хрущева, «что положение, существующее в настоящее время в арабских странах, не благоприятствует установлению коммунистического режима» [6, с. 119].

Журналист И. П. Беляев, работавший корреспондентом газеты «Правда» в Каире в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг., впоследствии видный историк-арабист и научный со-

трудник ИМЭМО, сообщал в ЦК КПСС по итогу пребывания в Египте в 1959 г. о широкой кампании преследования коммунистов, провокациях против советских граждан, постоянной слежке за работниками советских официальных представительств со стороны агентов мухабарата (египетская служба общей разведки). Он обличал антикоммунистический, перераставший в антисоветский курс египетского правительства. Режим Насера он сравнивал с фашистской диктатурой, а его методы с методами Геббельса. Наиболее рьяным противником Советского Союза в ОАР Беляев называл Анвара Садата (тогда – генерального секретаря Национального союза⁵ и председателя парламента ОАР, в будущем – третьего президента Египта в 1970–1981 гг.).

Сторонники левых взглядов в ОАР, в первую очередь из числа журналистов, такие как Халед Мохи эд-Дин (в тексте письма – Мухейдин, в тексте статьи также – Мухиддин), сподвижник Насера в Июльской революции 1952 г., и редактор газеты «Аль-Маса», подвергались обструкции, запрету на деятельность и освещение событий с «прогрессивных позиций». Усиливался контроль режима Насера над СМИ, необходимый, по мысли Беляева, для облегчения перехода к сотрудничеству с Западом, и прежде всего США. Сообщение Беляева было получено и внимательно изучено ответственными секретарями ЦК КПСС, однако дальнейшего хода ему не дали. Не было принято конкретных решений о дальнейших действиях [16].

Такое положение дел можно считать следствием двух обстоятельств. Во-первых, в Президиуме ЦК КПСС недовольство преследованием арабских коммунистов в ОАР, Ливане и Ираке перерастало в пессимизм относительно советского влияния на Ближнем Востоке⁶. Во-вторых, Москва прекрасно видела попытки режима Насера наладить отношения со странами Запада и по возможности привлечь их к участию во второй фазе строительства Асуанской плотины [64, р. 579].

Несмотря на острый характер, который приняла полемика между Москвой и Каиром весной-летом 1959 г., обе стороны не собирались доводить отношения до открытого противостояния или разрыва. Москва стремилась сохранить влияние на Ближнем Востоке даже путем уступки по вопросам преследования коммунистов и строительства Асуанского гидроузла. Египет сильно зависел экономически от СССР, который был главным поставщиком вооружения, крупнейшим кредитором, главным торговым партнером. Поэтому участие советской стороны в индустриализации ОАР также активно освещалось египетской прессой, отдавалось должное Хрущеву как противнику западного империализма [4, с. 244; 44; 55, с. 35].

В то же время в экономических отношениях с СССР правительство ОАР шло на блеф. По дипломатическим и разведывательным каналам до сведения Москвы доводилось, что советские контрактные обязательства по стройкам и предоставление новых кредитов могут взять на себя западные страны – ФРГ, Италия, Япония.

По информации американской стороны, к моменту начала второй фазы строительства Асуанской плотины (январь 1960 г.) страны Западной Европы не были готовы участвовать в подобном проекте из-за серьезных политических рисков. Своим европейским союзникам Вашингтон также не рекомендовал этого делать [64, р. 578–579; 73, р. 21–31], исходя из собственных экономических соображений и ожидания того, что египтяне обратятся за помощью в строительстве именно к ним и пойдут на политические уступки. В Москве прекрасно понимали, что египетская сторона блефует, но также видели знаки её сближения с американцами [16].

В конце 1959 г. советское правительство и Президиум ЦК КПСС заняли в отношении ОАР пассивную позицию, ожидая дальнейших решений Каира. Судя по тому что на старт строительства Асуанского гидроузла 7 января 1960 г. Хрущев не поехал, несмотря на имевшееся желание и личное приглашение Насера, а направил вместо себя И. Т. Новикова, министра

⁵ Национальный союз являлся единственной разрешённой в ОАР политической организацией, призванной заменить собой партии, идеологически стоял на левоцентристских позициях и отстаивал идеи арабского национализма.

⁶ В неотредактированной версии воспоминаний, посвященных Египту, Хрущев так писал о событиях конца 1959 – начала 1960 г. (орфография сохранена, как в источнике. – Прим. А. С.): «Египетские руководители стали ставить вопрос о том, чтобы советская делегация приехала в Египет. <...> Я очень хотел поехать в Египет. <...> Но я тогда поехать не имел возможности, были какие-то другие вопросы, которые меня занимали». Позднее в разговоре с Насером Хрущев отшучивался (так он сам отмечал в воспоминаниях): «Я не хочу подвергать себя такой же опасности и составлять компанию очень хорошей компании коммунистов, которых мы уважаем и которых вы содержите в тюрьме. Я боюсь угодить в тюрьму, не хочу увеличивать тюремное население в Египте». Цит. по: [6, с. 135].

строительства электростанций СССР [6, с. 122, 151; 45], руководителя не самого высокого ранга, в Москве не слишком рассчитывали на новый прорыв в двусторонних отношениях.

Заключение. С образованием ОАР ближневосточная политическая конфигурация изменилась кардинальным образом. Важнейшим фактором политического процесса стал арабский национализм, противопоставленный Г. А. Насером западному империализму и международному коммунизму. Развитие идеологического противостояния ОАР с СССР и попытка тактического сближения режима Насера с Вашингтоном стали яркими демонстрациями изменчивости регионального баланса сил, эволюции холодной войны на периферии международных отношений.

Насер с образованием ОАР оказался в сложном положении в связи с внутренними и внешними вызовами. Стремясь отстоять интересы и национальное достоинство арабского народа в том виде, в каком он их понимал, египетский лидер опирался на идеи арабского национализма, противопоставляемые западному империализму и международному коммунизму (из практики которого были взяты многие идеи и решения по государственному строительству). Угроза западных стран была внешней и после Суэцкого кризиса 1956 г. не представляла непосредственной опасности, тогда как от арабского коммунистического движения, полностью не разделявшего идей насеризма, отказавшегося подчиняться воле нового арабского лидера, исходила более значительная угроза. Поэтому коммунизм в целом и сирийско-египетские коммунисты в частности стали целью атаки Насера.

В Москве склонны были не обращать внимания на внутренние дела Египта, по сути, закрывали глаза на преследование коммунистов ради долговременных экономических и политических выгод и не шли дальше общих критических замечаний. Поэтому можно сказать, что заявление Хрущева на XXI партийном съезде было скорее идеологической декларацией, нежели реальным предупреждением. Тем не менее соображения международного плана усугубили идеологическое противостояние, которое обострилось весной 1959 г.

Наращение конфликтности стало вызовом для советской внешней политики. Москва, укреплявшая собственное политическое присутствие на Ближнем Востоке, оказалась в сложном положении и не желала утраты достигнутых успехов в деле борьбы с западным империализмом. Правительство Хрущева стремилось не дать конфронтации перерасти из условного идеологического столкновения в СМИ в плоскость открытого противостояния, поэтому продолжало оказывать экономическую помощь Египту и участвовать в совместных инфраструктурных проектах, в первую очередь строительстве Асуанского гидроузла. С точки зрения Москвы продолжавшиеся ответы на антисоветские выпады в арабской печати были вынужденной мерой, призванной при этом продемонстрировать наличие доброй воли и нежелания вмешательства в дела арабских стран. Противовесом египетскому сценарию могло быть углубление связей с теми арабскими странами, режимы в которых сотрудничали или не преследовали коммунистов, например в Ираке (до определенного момента).

Сложно однозначно утверждать, был ли у Каира сколько-то продуманный план использования идеологического противостояния с Москвой для преодоления морального и экономического эмбарго, наложенного странами Запада после национализации Суэцкого канала. Тем не менее факт заключается в том, что режиму Насера удалось воспользоваться ситуацией и найти точки соприкосновения с Вашингтоном, которые привели к положительным сдвигам в двусторонних отношениях. Эти сдвиги носили скорее тактический характер. Американское руководство не доверяло полностью замыслам Насера, опасалось экспансионистского потенциала арабского национализма и его острой направленности против союзников США.

К концу 1959 г. политический треугольник СССР – США – ОАР оказался в патовой ситуации, когда каждая из сторон ждала следующего шага от другой. В Москве видели заигрывания Каира с Вашингтоном и, на наш взгляд, собственные перспективы оценивали пессимистично, особенно под влиянием аналитики, шедшей из Каира (сообщения И. П. Беляева). Администрация Эйзенхауэра, исходящая из постулатов ушедшего в отставку с поста государственного секретаря по состоянию здоровья в апреле 1959 г. Дж. Ф. Даллеса, осторожно подходила к налаживанию отношений с режимом Насера и ожидала от него дальнейших шагов по выходу из зоны советского влияния. В это же время Каир надеялся, играя на противоречиях сверхдержав, получить дивиденды от обеих сторон: развивая контакты с США и сохраняя сотрудничество с СССР. Тем не менее во второй половине 1959 г. Каир начал сталкиваться с внутриэкономическими трудностями, перераставшими во внутривнутриполитические, из-за чего окно возможностей для него стало сужаться.

События 1958–1959 гг. стали важным, хотя до конца неусвоенным, уроком для Москвы, продемонстрировав изменчивость настроений арабских правительств, их готовность ради решения собственных политических и экономических задач отказаться от налаженного сотрудничества.

Список литературы

1. *Агарышев А. А.* Гамаль Абдель Насер. 2-е изд, испр. и доп. М. : Молодая гвардия, 1979.
2. *Белюсова К. А.* Политика США на Ближнем Востоке в 1958–1975 гг. 2-е изд, испр. и доп. М. : МПГУ, 2015.
3. *Беляев И. П.* Страницы недавнего прошлого Египта // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 123–137.
4. *Беляев И. П., Примаков Е. М.* Египет: время президента Насера. 2-е изд, испр. и доп. М. : Мысль, 1981.
5. *Беляков В. В.* Президент Г. А. Насер в Советском Союзе // Восточный архив. 2021. № 2 (44). С. 108–110. DOI: 10.31696/2072-5795-2021-2-108-110.
6. *Беляков В. В.* Хрущев и Насер. Из истории советско-египетских отношений. Документы и материалы. 1958–1964. М. : Алетейя, 2017.
7. Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики РФ, 1947–1967 : в 2 т. Т. 2: 1957–1967 / отв. ред. В. В. Наумкин. М. : МФД, 2003.
8. *Бурова А. Н.* Трансформация роли военно-политической элиты в Египте: 1936–2014 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2018.
9. *Васильев А. М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М. : Центрполиграф, 2018.
10. *Васильев А. М.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М. : Наука, 1993.
11. *Видясова М. Ф.* Египет от Насера до наших дней. М. : Садра, 2020.
12. *Егорин А. З.* Египет нашего времени. М. : Институт востоковедения РАН, 1998.
13. *Ергин Д.* Добыча : всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М. : ДеНово, 1999.
14. *Карасова Т. А.* Израиль и США: Основные этапы становления стратегическую партнерства (1948–2014). М. : Аспект Пресс, 2015.
15. *Коновалов И. Е., Симонов Н. С.* Об участии СССР в строительстве Асуанского гидроузла (проект «Саад-аль-Аали»): новые факты и документы // Электроэнергия. Передача и распределение. 2017. № 1. С. 132–142.
16. *Косач Г. Г.* Гамаль Абель Насер в оценках советского журналиста (документ из Российского государственного архива новейшей истории) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. Вып. 2. С. 257–281. DOI: 10.31857/S086919080019120-9.
17. *Косач Г. Г.* Коммунисты и режим «Свободных офицеров» в Египте в середине 1950-х годов: конфликт и примирение // Новая и новейшая история. 2022. № 4–5. С. 198–210. DOI: 10.31857/S013038640019503-1.
18. *Носенко Т. В., Семенченко Н. А.* Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М. : ИВ РАН, 2015.
19. *Пир-Будагова Э. П.* История Сирии. XX век. М. : ИВ РАН, 2015.
20. Правда. 1958. 29 дек. № 363 (14757).
21. Правда. 1958. 30 дек. № 364 (14758).
22. Правда. 1959. 6 янв. № 6 (14765).
23. Правда. 1959. 19 февр. № 50 (14809).
24. Правда. 1959. 22 февр. № 53 (14812).
25. Правда. 1959. 23 февр. № 54 (14813).
26. Правда. 1959. 25 февр. № 56 (14815).
27. Правда. 1959. 26 февр. № 57 (14816).
28. Правда. 1959. 12 марта. № 71 (14830).
29. Правда. 1959. 13 марта. № 72 (14831).
30. Правда. 1959. 15 марта. № 74 (14833).
31. Правда. 1959. 17 марта. № 76 (14835).
32. Правда. 1959. 18 марта. № 77 (14836).
33. Правда. 1959. 30 марта. № 89 (14848).
34. Правда. 1959. 2 апр. № 92 (14851).
35. Правда. 1959. 14 апр. № 104 (14863).
36. Правда. 1959. 9 мая. № 129 (14888).
37. Правда. 1959. 30 июля. № 211 (14970).
38. Правда. 1959. 20 авг. № 232 (14991).
39. Правда. 1959. 27 авг. № 239 (14998).
40. Правда. 1959. 19 сент. № 262 (15021).
41. Правда. 1959. 10 окт. № 283 (15042).

42. Правда. 1959. 24 окт. № 297 (15056).
43. Правда. 1959. 28 ноября. № 332 (15081).
44. Правда. 1959. 3 дек. № 337 (15096).
45. Правда. 1960. 6 янв. № 6 (15130).
46. Правда. 1960. 9 февр. № 40 (15164).
47. *Примаков Е. М.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Российская газета, 2012.
48. *Румянцев В. П.* Ближневосточная политика США и Великобритании в 1956–1960 гг. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2010.
49. *Степанова Н. В.* История Ирака. XX век. М. : ИВ РАН, 2016.
50. *Ульянищева Е. В.* Советское/российское направление во внешней политике Египта и Ливии во второй половине XX века : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М., 2008.
51. *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. Книга 2. М. : Вече, 2016.
52. *Цыганков А. Е.* СССР – Египет в середине 50-х годов: начало военного сотрудничества // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки (новейшая история, экономика и политика) / отв. ред. Б. Г. Сейранян, А. О. Филоник. Вып. 3. М. : ИВ РАН, 1998. С. 330–335.
53. *Эпштейн А. Д.* Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений. Т. 1. М. : ИБВ / Мосты культуры, 2014.
54. *Юнгблуд В. Т.* Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений. М., 2012 // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 226–229.
55. *Юрченко В. П.* Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.) М. : ИИИБВ, 2003.
56. Arab Nationalism as a Factor in the Middle East Situation, August 12, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
57. *Beinin J.* Was the Red Flag Flying There? Marxist Politics and the Arab-Israeli Conflict in Egypt and Israel, 1948–1965. Berkeley, California: University of California Press, 1990.
58. Briefing to the State Department Policy Planning Staff, circa January, 1959 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
59. *Dawisha A.* Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2016.
60. *Dawisha A.* Egypt in the Arab World: The Elements of Foreign Policy. N. Y. : Halsted Press, 1976.
61. *Dawisha K.* Soviet Foreign Policy Towards Egypt. L. : The Macmillan Press LTD, 1979.
62. Economic Intelligence Report No. 84, circa January, 1959 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
63. *El-Hussini M.* Soviet-Egyptian Relations, 1945–85. Wash. : Palgrave Macmillan, 1987.
64. Foreign Relations of the United States, 1958–1960. Vol. XIII: Arab-Israeli Dispute; United Arab Republic; North Africa. Wash. : GPO, 1992.
65. *Heikal M.* The Sphinx and the Commissar: The Rise and Fall of Soviet Influence in the Middle East. N. Y.: Harper & Row, Publishers, 1978.
66. *Jankowski J.* Nasser's Egypt, Arab Nationalism, and the United Arab Republic. L. : Lynne Rienner Publ., 2001.
67. *Kerr M.* The Arab Cold War 1958–1967: A Study Of Ideology In Politics: 2nd ed. Oxford, UK : Oxford University Press, 1967.
68. L'Humanité, 24 mars 1959.
69. O/NE Consultants Conference, Princeton, 4–5 December 1958, January 5, 1959 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
70. *Podeh E.* The Decline of Arab Unity: The Rise and Fall of the United Arab Republic. Brighton, UK : Sussex Academic Press, 1999.
71. Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1958. Wash. : GPO, 1959.
72. Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1959. Wash. : GPO, 1960.
73. Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1960. Wash. : GPO, 1961.
74. R. W. Komer Discussion Paper, Subject, The Middle East, August 11, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
75. Remarks of the Director of Central Intelligence, Quantico, June 20, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
76. Repercussions of Syro-Egyptian Union, January 30, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.
77. Roussillon A, Republican Egypt interpreted: revolution and beyond // The Cambridge History of Egypt. Vol. 2. Modern Egypt, from 1517 to the end of the twentieth century / ed. by M. W. Daly. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1998. Pp. 334–393.
78. *Rubinstein A.* Red Star on the Nile: The Soviet-Egyptian Influence Relationship Since the June War. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1977.
79. *Sennikov A. I.* The Kurds in the U. S. Iraqi Policy in 1958–1960 // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of

Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]. 2022. Vol. 27. No. 2. Pp. 90–100. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.8.

80. Supplement to the Communist Threat to Iraq, November 1, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.

81. The Middle East Situation, July 17, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.

82. The New York Times, March 23, 1959.

83. The Times, 5 January 1959.

84. *Vatikiotis P.* Nasser and his generation. L. : Croom Helm, 1978.

85. *Yaqub S.* Containing Arab Nationalism: the Eisenhower Doctrine and the Middle East. Chapel Hill, NC : The University of North Carolina Press, 2004.

86. Yugoslavia and the non-U countries, June 1, 1960 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.

The escalation of the Cold War in the Middle East: the Soviet-Egyptian Ideological Conflict of 1958–1959

Sennikov Alexey Ivanovich

PhD in Historical Sciences, junior researcher of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-9329-2839. Researcher ID: I-4292-2018.

E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Abstract. The article is devoted to the history of relations in the USSR – USA – UAR political triangle on the Middle Eastern periphery of the Cold War in 1958–1959. The events of that period became an important milestone in the history of international, Soviet-Egyptian and American-Egyptian relations. In 1958, as a result of the unification of Egypt and Syria into one State (UAR), the balance of power in the Middle East seriously changed. Egyptian leader G. A. Nasser has shown that in the new realities he claims to play a leading role in regional affairs and relies on the political doctrine of Arab nationalism (Nasserism). He demonstrated that he does not want to follow in the wake of the construction of socialism according to Soviet patterns and is inclined to political flexibility in relations with "Western imperialists" in order to achieve the goals of state-building. This combination of factors led to the emergence of an ideological conflict in relations between Moscow and Cairo, contributed to the implementation of Washington's plans to curb the spread of Soviet influence in the region. Until now, the topic of the Soviet-Egyptian ideological confrontation in 1958–1959, in conjunction with American Middle East policy, has been poorly reflected in domestic science and has not been considered comprehensively in Western science. On the basis of a wide range of historical documents and historiography, the causes, essence and depth of the first phase of the Soviet-Egyptian ideological conflict in 1958–1959, as well as external and internal factors that aggravated this process are revealed. The role of the United States in these events and the practical actions of the administration are analyzed in detail. Eisenhower's rapprochement with Cairo against the background of the anti-communist campaign in the media of the UAR and the temporary weakening of the USSR's position in this country. This article is intended to clarify and systematize knowledge on the Soviet-Egyptian disagreements that took place in 1958–1959, to reveal their background taking into account the broad international context, primarily the American factor.

Keywords: USSR, USA, UAR, G. A. Nasser, N. S. Khrushchev, D. Eisenhower, the Cold War in the Middle East, the periphery of the Cold War.

References

1. *Agaryshev A. A. Gamal' Abdel' Naser. 2-e izd, ispr. i dop.* [Gamal Abdel Nasser. 2nd ed., corr. and add.]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 1979.
2. *Belousova K. A. Politika SShA na Blizhnem Vostoke v 1958–1975 gg. 2-e izd., ispr. i dop.* [U.S. policy in the Middle East in 1958–1975. 2nd ed., corr. and add.]. M. MPSU. 2015.
3. *Belyaev I. P. Stranicy nedavnego proshlogo Egipta* [Pages of the recent past of Egypt] // *Voprosy istorii – Questions of History*. 1976. No. 9. Pp. 123–137.
4. *Belyaev I. P., Primakov E. M. Egiptet: vremya prezidenta Nasera. 2-e izd., ispr. i dop.* [Egypt: the Time of President Nasser]. 2nd ed., corr. and add.]. M. Mysl' (Thought). 1981.
5. *Belyakov V. V. Prezident G. A. Naser v Sovetskom Soyuze* [President G. A. Nasser in the Soviet Union] // *Vostochny archiv – Eastern archive*. 2021. No. 2 (44). Pp. 108–110. DOI: 10.31696/2072-5795-2021-2-108-110.
6. *Belyakov V. V. Hrushchev i Naser. Iz istorii sovetsko-egipetskih otnoshenij. Dokumenty i materialy* [Khrushchev and Nasser. From the history of Soviet-Egyptian relations. Documents and materials. 1958–1964]. M. Aleteya. 2017.

7. *Blyzhnevostochnyj konflikt: iz dokumentov arhiva vneshnej politiki RF, 1947–1967 : v 2 t. T. 2: 1957–1967 – The Middle East conflict: from the documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, 1947–1967 : in 2 vols. Vol. 2: 1957–1967 / ed. V. V. Naumkin. M. MFD. 2003.*
8. *Burova A. N. Transformaciya roli voenno-politicheskoj elity v Egipte: 1936–2014 gg. : dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.03 [Transformation of the role of the military-political elite in Egypt: 1936–2014. : dis. ... PhD in Historical Sciences: 07.00.03]. M. 2018.*
9. *Vasil'ev A. M. Ot Lenina do Putina. Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke [From Lenin to Putin. Russia in the Near and Middle East]. M. Centrpoligraf. 2018.*
10. *Vasil'ev A. M. Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu [Russia in the Near and Middle East: from Messianism to Pragmatism]. M. Nauka (Science). 1993.*
11. *Vidyasova M. F. Egipet ot Nasera do nashih dnei [Egypt from Nasser to the present day]. M. Sadra. 2020.*
12. *Egorin A. Z. Egipet nashego vremeni [Egypt of our time]. M. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 1998.*
13. *Ergin D. Dobycha: vseмирnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast' [Extraction: the world history of the struggle for oil, money and power]. M. DeNovo. 1999.*
14. *Karasova T. A. Izrail' i SSHA: Osnovnye etapy stanovleniya strategicheskoyu partnerstva (1948–2014) [Israel and the USA: The main stages of the formation of strategic partnership (1948–2014)]. M. Aspect Press. 2015.*
15. *Konovalov I. E., Simonov N. S. Ob uchastii SSSR v stroitel'stve Asuanskogo gidrouzla (proekt "Saad-al-Aali"): novye fakty i dokumenty [On the participation of the USSR in the construction of the Aswan hydroelectric complex (Saad-al-Aali project): new facts and documents] // Elektroenergiya. Peredacha i raspredelenie – Electric power. Transmission and distribution. 2017. No. 1. Pp. 132–142.*
16. *Kosach G. G. Gamal' Abel' Naser v ocnkah sovetskogo zhurnalista (dokument iz Rossijskogo gosudarstvennogo arhiva novejshej istorii) [Gamal' Abel' Nasser in the assessments of a Soviet journalist (a document from the Russian State Archive of Modern History)] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremenost' – East. Afro-Asian Societies: History and Modernity. 2022. Is. 2. Pp. 257–281. DOI: 10.31857/S086919080019120-9.*
17. *Kosach G. G. Kommunisty i rezhim "Svobodnyh oficero" v Egipte v seredine 1950-h godov: konflikt i primirenje [Communists and the regime of "Free officers" in Egypt in the mid-1950s: conflict and reconciliation] // Novaya i novejschaya istoriya – New and modern history. 2022. No. 4–5. Pp. 198–210. DOI: 10.31857/S013038640019503-1.*
18. *Nosenko T. V., Semenchenko N. A. Naprasnaya vrazhda. Ocherki sovetsko-izrail'skih otnoshenij 1948–1991 gg. [Vain enmity. Essays on Soviet-Israeli relations 1948–1991]. M. Institute of Oriental Studies of RAS. 2015.*
19. *Pir-Budagova E. P. Istoriya Sirii. XX vek [History of Syria. XX century]. M. Institute of Oriental Studies of RAS. 2015.*
20. *Pravda – The truth. 1958. Dec 29. No. 363 (14757).*
21. *Pravda – The truth. 1958. Dec 30. No. 364 (14758).*
22. *Pravda – The truth. 1959. January 6. No. 6 (14765).*
23. *Pravda – The truth. 1959. February 19. No. 50 (14809).*
24. *Pravda – The truth. 1959. February 22. № 53 (14812).*
25. *Pravda – The truth. 1959. February 23. No. 54 (14813).*
26. *Pravda – The truth. 1959. February 25. No. 56 (14815).*
27. *Pravda – The truth. 1959. February 26. No. 57 (14816).*
28. *Pravda – The truth. 1959. March 12. No. 71 (14830).*
29. *Pravda – The truth. 1959. March 13. No. 72 (14831).*
30. *Pravda – The truth. 1959. March 15th. No. 74 (14833).*
31. *Pravda – The truth. 1959. March 17. No. 76 (14835).*
32. *Pravda – The truth. 1959. March 18. No. 77 (14836).*
33. *Pravda – The truth. 1959. March 30. No. 89 (14848).*
34. *Pravda – The truth. 1959. Apr 2. No. 92 (14851).*
35. *Pravda – The truth. 1959. Apr 14. No. 104 (14863).*
36. *Pravda – The truth. 1959. May 9. No. 129 (14888).*
37. *Pravda – The truth. 1959. July 30. No. 211 (14970).*
38. *Pravda – The truth. 1959. Aug 20. № 232 (14991).*
39. *Pravda – The truth. 1959. Aug 27. No. 239 (14998).*
40. *Pravda – The truth. 1959. Sept 19. No. 262 (15021).*
41. *Pravda – The truth. 1959. Oct 10. No. 283 (15042).*
42. *Pravda – The truth. 1959. Oct 24. No. 297 (15056).*
43. *Pravda – The truth. 1959. November 28. No. 332 (15081).*
44. *Pravda – The truth. 1959. Dec 3. No. 337 (15096).*
45. *Pravda – The truth. 1960. January 6. No. 6 (15130).*
46. *Pravda – The truth. 1960. February 9. No. 40 (15164).*
47. *Primakov E. M. Konfidencial'no: Blizhnij Vostok na scene i za kulisami (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka). 2-e izd., pererab. i dop. [Confidentially: The Middle East on stage and behind the scenes (the second XXI veka). 2-e izd., pererab. i dop.]*

half of the XX – the beginning of the XXI century). 2nd ed., reprint. and add.]. M. Rossiyskaya Gazeta – Russian newspaper. 2012.

48. Rumyantsev V. P. *Blizhnevostochnaya politika SShA i Velikobritanii v 1956–1960 gg.* [Middle East policy of the USA and Great Britain in 1956–1960]. Tomsk. Tomsk State University Press. 2010.

49. Stepanova N. V. *Istoriya Iraka. XX vek* [History of Iraq. XX century]. M. Institute of Oriental Studies of RAS. 2016.

50. Ul'yanishcheva E. V. *Sovetskoe/rossijskoe napravlenie vo vneshnej politike Egipta i Livii vo vtoroj polovine XX veka : dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.15* [Soviet/Russian direction in the foreign policy of Egypt and Libya in the second half of the XX century : dis. ... PhD in Historical Sciences: 07.00.15]. M. 2008.

51. Hrushchev N. S. *Vospominaniya. Vremya. Lyudi. Vlast'. Kniga 2* [Memoirs. Time. People. Power. Book 2]. M. Veche. 2016.

52. Cygankov A. E. *SSSR – Egipet v seredine 50-h godov: nachalo voennogo sotrudnichestva* [USSR – Egypt in the mid-50s: the beginning of military cooperation] // *Arabskie strany Zapadnoj Azii i Severnoj Afriki (novejshaya istoriya, ekonomika i politika)* – Arab countries of Western Asia and North Africa (modern history, economics and politics) / ed. by B. G. Seyranyan, A. O. Filonik. Is. 3. M. Institute of Oriental Studies of RAS. 1998. Pp. 330–335.

53. Epshtejn A. D. *Blizhazhskie soyuzniki? Podlinnaya istoriya amerikano-izrail'skih otnoshenij. T. 1* [Closest allies? The true history of American-Israeli relations. Vol. 1]. M. IBV / Bridges of Culture. 2014.

54. Yungblud V. T. *Mnogostoronnyaya diplomatiya v bipolyarnoy sisteme mezhdunarodnykh otnoshenij* [Multilateral diplomacy in the bipolar system of international relations. Moscow, 2012] // *Novaya i novejshaya istoriya* – New and Modern History. 2014. No. 3. Pp. 226–229.

55. Yurchenko V. P. *Egipet: problemy nacional'noj bezopasnosti (1952–2002 gg.)* [Egypt: Problems of national security (1952–2002)]. M. IIBV. 2003.

56. Arab Nationalism as a Factor in the Middle East Situation, August 12, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.

57. Bein J. *Was the Red Flag Flying There? Marxist Politics and the Arab-Israeli Conflict in Egypt and Israel, 1948–1965*. Berkeley, California: University of California Press. 1990.

58. Briefing to the State Department Policy Planning Staff, circa January, 1959 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.

59. Dawisha A. *Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair*. Princeton, N. J.: Princeton University Press. 2016.

60. Dawisha A. *Egypt in the Arab World: The Elements of Foreign Policy*. N. Y. : Halsted Press. 1976.

61. Dawisha K. *Soviet Foreign Policy Towards Egypt*. L. : The Macmillan Press LTD. 1979.

62. Economic Intelligence Report No. 84, circa January, 1959 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.

63. El-Hussini M. *Soviet-Egyptian Relations, 1945–85*. Wash. : Palgrave Macmillan. 1987.

64. *Foreign Relations of the United States, 1958–1960*. Vol. XIII: Arab-Israeli Dispute; United Arab Republic; North Africa. Wash. : GPO. 1992.

65. Heikal M. *The Sphinx and the Commissar: The Rise and Fall of Soviet Influence in the Middle East*. N. Y.: Harper & Row, Publishers. 1978.

66. Jankowski J. *Nasser's Egypt, Arab Nationalism, and the United Arab Republic*. L. : Lynne Rienner Publ. 2001.

67. Kerr M. *The Arab Cold War 1958–1967: A Study Of Ideology In Politics*: 2nd ed. Oxford, UK : Oxford University Press. 1967.

68. L'Humanité, 24 mars 1959.

69. O/NE Consultants Conference, Princeton, 4–5 December 1958, January 5, 1959 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.

70. Podesh E. *The Decline of Arab Unity: The Rise and Fall of the United Arab Republic*. Brighton, UK : Sussex Academic Press, 1999.

71. Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1958. Wash. : GPO. 1959.

72. Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1959. Wash. : GPO. 1960.

73. Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1960. Wash. : GPO. 1961.

74. R. W. Komer Discussion Paper, Subject, The Middle East, August 11, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.

75. Remarks of the Director of Central Intelligence, Quantico, June 20, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.

76. Repercussions of Syro-Egyptian Union, January 30, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.

77. Roussillon A. *Republican Egypt interpreted: revolution and beyond* // *The Cambridge History of Egypt*. Vol. 2. Modern Egypt, from 1517 to the end of the twentieth century / ed. by M. W. Daly. Cambridge, UK : Cambridge University Press. 1998. Pp. 334–393.

78. Rubinstein A. *Red Star on the Nile: The Soviet-Egyptian Influence Relationship Since the June War*. Princeton, N. J.: Princeton University Press. 1977.

79. *Sennikov A. I.* The Kurds in the U. S. Iraqi Policy in 1958–1960 // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]. 2022. Vol. 27. No. 2. Pp. 90–100. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.8.

80. Supplement to the Communist Threat to Iraq, November 1, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.

81. The Middle East Situation, July 17, 1958 // Central Intelligence Agency Electronic Library. URL: <https://www.cia.gov>.

82. *The New York Times*, March 23, 1959.

83. *The Times*, 5 January 1959.

84. *Vatikiotis P.* Nasser and his generation. L. : Croom Helm. 1978.

85. *Yaqub S.* Containing Arab Nationalism: the Eisenhower Doctrine and the Middle East. Chapel Hill, NC : The University of North Carolina Press, 2004.

86. Yugoslavia and the non-U countries, June 1, 1960 // Central Intelligence Agency Electronic Library. Available at: <https://www.cia.gov>.

УДК 327(092)"1985/1991"

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.007

Эволюция образа М. С. Горбачева в восприятии руководства США и Франции (1985–1991 гг.)*

Мищенко Нина Сергеевна

младший научный сотрудник факультета истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: alenablumari@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме восприятия Горбачева французскими и американскими политиками и уточнению их оценок степени влияния политики Генерального секретаря на распад СССР. Хронологически исследование охватывает значимый период для исследований – завершающий этап существования советского государства. В начале 1990-х гг. конфронтация завершилась поражением СССР, и США в одночасье лишились своего главного противника [10, с. 73]. М. С. Горбачев – это последний Генеральный секретарь данного государства, поэтому целесообразно проследить, как изменились впечатления о новом советском руководителе и советской внешней политике у лидеров США и Франции, чтобы установить, повлияли ли внутривнутриполитические процессы внутри СССР, личность Генерального секретаря ЦК КПСС на разрядку международной напряженности, на улучшение международных отношений. Или политическая повестка США, которые желали выиграть холодную войну, значительно не менялась и не зависела от событий, происходящих внутри СССР? Для достижения цели в исследовании использовались методы имагологии, а также такие методы, как сравнительный, типологический и системный анализ. Источниками послужили различные электронные архивы и раскритические документы: СНБ, ЦРУ, FRUS (документы международных отношений США), российские государственные архивы (ГАРФ РФ, РГАНИ). В работе цитируются воспоминания американских и французских политических деятелей.

Ключевые слова: М. С. Горбачев, Р. Рейган, Дж. Буш, Ф. Миттеран, разрядка международной напряженности, распад СССР, холодная война, личная дипломатия.

Введение. Когда в марте 1985 г. после ухода из жизни Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко его место в Кремле занял М. С. Горбачев, ни в Советском Союзе, ни за рубежом никто не мог предположить, что ему предстоит стать последним в истории Генеральным секретарем и Председателем Президиума Верховного Совета СССР, а также первым и единственным Президентом СССР. И страна, и весь мир тогда вступали в новый период развития, когда еще недавно казавшиеся невозможными перемены происходили с невероятной скоростью. Горбачев оказался в эпицентре этого исторического водоворота.

С самого начала он привлекал внимание государственных руководителей Запада. Будучи лидером сверхдержавы, считавшейся по законам холодной войны главным противником США и НАТО, он оценивался как естественный продолжатель дела своих предшественников в руководстве государства. В то же время импульсы обновления, исходившие от него и членов его команды, говорили о возможных корректировках внутренней и внешней политики Москвы. Эти сигналы фиксировались и тщательно изучались. Они обсуждались в политических кулуарах Вашингтона и европейских столиц. Образ Горбачева, как советского лидера нового типа, в течение всего периода его пребывания у власти стоял в повестке диалога между руководством США и руководителями других государств, и его итоговые характеристики всегда были результатом многих слагаемых, в том числе и их обмена мнениями.

В настоящей статье рассматриваются этапы эволюции образа последнего Генерального секретаря ЦК КПСС, формировавшегося в процессе политического диалога между руководителями США и Франции, для того чтобы прояснить, какие его действия и исторические обстоятельства влияли на характер его оценивания влиятельными представителями государственного руководства западных стран. Выбор для этой цели США и Франции обусловлен относительной самостоятельностью Франции в системе Североатлантического Союза (НАТО), а также личным авторитетом президента этой страны Ф. Миттерана, имевшего собственные представления о ключевых международных проблемах своего времени – разрядке междуна-

родной напряженности, мирном сосуществовании, способах достижения стабильности в Европе и в мире. Во второй половине 1980-х гг. перечень этих проблем дополнился оценкой перемен, происходивших в Советском Союзе. Постоянный обмен мнениями между президентом Франции и президентами Соединенных Штатов Америки Р. Рейганом и Дж. Бушем по поводу Горбачева и его инициатив был значимой частью механизма принятия многих решений в Вашингтоне и Париже, что позволяет пролить свет на вопрос: насколько консолидированным было мнение Запада в отношении важных мировых процессов во второй половине 1980-х гг.?

В момент прихода Горбачева к власти слово «разрядка» фактически вышло из обращения. США форсированно наращивали военную мощь, усиливалось всестороннее (в том числе идеологическое) давление на СССР. Администрация Рейгана демонстрировала твердую уверенность в превосходстве американской модели над советской и неизбежность поражения последней в холодной войне [8]. Идея принципиальной несовместимости систем капитализма и социализма была стержнем внешнеполитической риторики Рейгана, который настойчиво повторял, что советский строй не имеет исторической перспективы, что США создали более человечную и совершенную социально-экономическую систему, что СССР переживает кризис, из которого не сможет выбраться [8]. Однако разрядка международной напряженности не была отброшена целиком и полностью, по крайней мере, в сфере торговли. Из-за политики санкций в связи с вводом советских войск в Афганистан страдал американский бизнес. Многие европейцы, в том числе и французы, изначально не хотели прекращать экономическое сотрудничество с СССР, имея самостоятельный взгляд на природу международных отношений и внешнеполитические цели своих государств.

«Мы, бесспорно, движемся к разрядке отношений с СССР» [14], – сказал французский президент Ф. Миттеран Р. Рейгану во время визита в США в марте 1984 г., сообщив о своей предстоящей поездке в Москву после трех лет перерыва франко-советских контактов на высшем уровне. В тот момент такое заявление было созвучно намерениям Рейгана. Президент США, оценив международную обстановку и желая пойти навстречу американскому бизнесу, принял решение изменить политику в отношении СССР – в речи 16 января 1984 г. он заявил о готовности искать сотрудничества с Советским Союзом ради прекращения гонки вооружений и создания безъядерного мира [14].

Рейган никогда не встречался с Черненко лицом к лицу и задавался вопросом: нужна ли такая встреча? «У меня есть внутреннее чувство, что я хотел бы поговорить с ним о наших проблемах как мужчина с мужчиной и посмотреть, смогу ли я убедить его в том, что СССР получит материальную выгоду, если они присоединятся к нашему сообществу наций ...» [29] – писал он 22 февраля 1984 г. Сам президент склонялся к тому, что в отношениях с Москвой лучше придерживаться не идеологического, а прагматичного подхода. Позднее он отмечал, что его отношение к СССР на протяжении всего 1984 г. менялось. На него произвели сильное впечатление слова «представительного и разумного» председателя Президиума СФРЮ М. Шпиляка, посовествовавшего во время встречи с президентом в Белом доме попытаться «открыть» Советский Союз. Югославский политический деятель помог Рейгану осознать, что люди в Советском Союзе были «искренне обеспокоены» возможными действиями Соединенных Штатов и заинтересованы в поддержании всеобщей безопасности [41, р. 589].

К середине 1980-х команда Рейгана пришла к пониманию целесообразности смягчения курса. Пытаясь возобновить контакты с советским руководством, президент отправил Черненко написанное от руки письмо, в котором выразил пожелание встретиться с ним лично. Ответ советского лидера сводился к тому, что о встрече на высшем уровне не может быть и речи. Государственный секретарь Дж. Шульц через посла СССР в Вашингтоне А. Добрынина также направлял в Москву сигнал о том, что руководство США готово вести переговоры по крупным вопросам, но получил аналогичный ответ [38, р. 89]. Тем не менее Рейган и Черненко вели дипломатическую переписку, и, хотя консенсуса они не достигли, было ясно, что президент США готов начать переговорный процесс.

После смерти Черненко (10 марта 1985 г.) власть в Кремле сменилась, и это вызвало в лагере западных стран оживленную реакцию и интенсивный обмен мнениями. Пятидесяти-четырёхлетний М. С. Горбачев был молод, энергичен и полон сил. Многие американские и французские политики высоко оценивали его личные качества. Французский министр иностранных дел Р. Дюма полагал, что новый советский лидер – смелый и решительный человек, «новый ветер» [20], который сможет кардинально изменить политику. Шульц также положительно отзывался о личных качествах Горбачева. После первой встречи с ним в марте 1985 г.

он охарактеризовал его как человека «привлекательного, имеющего широкий кругозор... ответственного» [47, р. 532].

Но личные качества – это лишь часть целостного и многогранного образа политического руководителя. Повестку международных отношений они не определяют, хотя и могут оказывать на неё влияние.

В 1985 г. и Миттеран, и Рейган считали, что политика Кремля не изменится. Рейган полагал, что советская система останется прежней и Горбачев будет придерживаться курса своих предшественников [45]. Миттеран высказывался в том же ключе, поскольку Горбачев, по его мнению, не имел никакой новой программы [21]. После первой беседы с Горбачевым, состоявшейся в Москве после похорон, французский президент констатировал: «Он такой же, как и другие» [4].

И все же западные лидеры считали, что наступил благоприятный момент для возобновления взаимодействия с советским коллегой. В письме Горбачеву от 11 марта 1985 г. Рейган выражал надежду на то, что «в предстоящие месяцы и годы» США и СССР «смогут развивать более стабильные и конструктивные отношения... создавая новую меру доверия» [15, р. 136]. Он отмечал, что разногласия между США и СССР могут и должны быть разрешены путем обсуждения вызывающих разногласия проблем [32].

В то же время в марте 1985 г. американские и французские политики не могли выразить определенного мнения по поводу нового Генерального секретаря СССР, так как не располагали для этого необходимой информацией. Впоследствии их первоначальные впечатления и оценки неоднократно корректировались в зависимости от изменения обстоятельств международной жизни и действий самого Генерального секретаря.

И во Франции, и в США выпущено несколько исторических работ [1; 8; 9; 11; 15; 49], связанных с последней декадой холодной войны, в которых оценивается Горбачев как лидер СССР, рассматривается его политическая деятельность и ее результаты. Но проблема эволюции образа Горбачева в восприятии руководства США и Франции требует дополнительного изучения, она разработана недостаточно. Принципиально важно проследить, к каким выводам американские и французские политики пришли в итоге, как видоизменилось восприятие Горбачева к концу его пребывания на посту, сбылись ли ожидания политиков.

Личная дипломатия: Р. Рейган и М. Горбачев, 1985–1986 гг. (Париж, Женева, Рейкьявик). Первые впечатления президентов США и Франции о Горбачеве были настороженными, но личная дипломатия изменила ситуацию. С Миттераном Горбачев встретился раньше, чем с Рейганом. 2–5 октября 1985 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС совершил свой первый международный визит, выбрав для этого Францию. И в Москве, и в Париже от этой встречи ждали многого. Миттеран считал, что перемены в СССР создают благоприятный фон для возрождения заложенных ещё голлистами «исторически-оправданных» дружественных франко-советских отношений [50, р. 369]. Горбачев же со своей стороны желал продемонстрировать готовность вернуться к разрядке и обсудить с Миттераном любимое детище Рейгана – стратегическую оборонную инициативу, которая в течение нескольких месяцев была камнем преткновения в отношениях Франции и США.

Переговоры в Париже не внесли радикальных изменений ни в двусторонние отношения, ни в диалог между Востоком и Западом в целом. Миттеран под предлогом «сохранения свободы рук» не стал подписывать по итогам визита совместное коммюнике [20]. Тем самым он дал понять, что не намерен раздражать Белый дом демонстративными жестами в пользу разрядки. В письме Рейгану, написанному под впечатлением от встреч с Горбачевым, Миттеран подтвердил, что изменил в лучшую сторону свое отношение к Генеральному секретарю и теперь в будущее смотрит с оптимизмом [27]. Он также сообщил, что готов стать посредником между Горбачевым и Рейганом [20].

Президент США, тем не менее, в тот момент не разделял оптимизма Миттерана. Хотя в марте 1985 г. на Шульца и вице-президента Дж. Буша Горбачев произвел благоприятное впечатление, Рейган сохранил свои предубеждения относительно СССР [36, р. 44]. Через пять недель после смены власти в Кремле он отметил в своем дневнике, что «Горбачев будет таким же жестким, как любой из их лидеров. Если бы он не был убежденным идеологом, Политбюро никогда бы его не выдвинуло на высшую должность» [41, р. 615]. Как и в случае с Миттераном, ситуацию изменила личная дипломатия. Рейган отмечал: «Как только мы договорились о проведении саммита, я принял сознательное решение смягчить тон, чтобы не раздражать Горбачева замечаниями в духе “империи зла”» [41, р. 628].

Отправной точкой сближения сторон стал Женевский саммит (19–21 ноября 1985 г.), во время которого Рейгану и Горбачеву удалось наладить рабочие отношения [47, р. 606]. Хотя взгляды Рейгана на советскую угрозу не изменились, переговоры все же стали значительным шагом вперед. Президент считал, что в Женеве было много сделано для преодоления взаимного недоверия [7], которое прежде всего подогревалось кризисами в третьем мире и советским участием в делах Кубы, Афганистана, Эфиопии, Йемена [7].

К середине 1986 г. стало ясно, что Горбачев будет уделять внешней политике большое внимание. Летом 1986 г. по его приглашению Москву посетили Миттеран и Р. Никсон. Президент Франции пытался (и не без успеха) убедить советского лидера в том, что не следует отождествлять намерения Рейгана «с целями военно-промышленного комплекса США». По мнению А. Черняева, именно Миттеран помог разрушить стереотипы, которые сосуществовали в сознании Горбачева с его «новым мышлением» [17, р. 76], в частности, он настойчиво внушал ему мысль о том, что американский президент «интуитивно стремился» найти выход из тупика [17, р. 75–76]. Никсон со своей стороны подчеркнул серьезность намерений Рейгана улучшить отношения с СССР, отметив, что популярность президента на родине облегчила ему успех в этом деле. Он сказал Горбачеву, что Рейган почувствовал, что установил с ним личную связь в Женеве, поэтому неразумно ждать три или четыре года, чтобы укрепить отношения. Этот совет, судя по всему, утвердил Горбачева в его собственных мыслях [17, р. 76–77].

Несмотря на относительный успех первого саммита, в течение первых шести месяцев 1986 г. контекст американо-советских отношений существенно не менялся. Только в июне Рейган благосклонно отреагировал на инициативы Горбачева в области контроля над вооружениями [43], после чего началась подготовка рабочей встречи лидеров двух государств, намеченной на октябрь. Местом её проведения была определена столица Исландии [24, р. 283].

В Рейкьявике (11–12 октября 1986 г.) большая часть дискуссий была посвящена контролю над вооружениями. Лидеры говорили о целесообразности ликвидации всех баллистических ракет и даже высказывались в пользу ликвидации стратегических ядерных вооружений. Камнем преткновения была американская стратегическая оборонная инициатива. Горбачев настаивал, чтобы тестирования элементов этой системы были ограничены стенами лабораторий, тогда как Рейган настаивал на испытаниях в естественных условиях. Разочарование испытали обе стороны; многие политические обозреватели и участники переговоров сочли Рейкьявик провалом [43].

Однако далеко не все оценили итоги Рейкьявика негативно. Сам Рейган позднее писал, что это был «важный поворотный пункт в поисках безопасного и надежного мира» [41, р. 683]. По мнению дипломата Дж. Мэтлока, «встреча в Рейкьявике стала прорывом, который расчистил путь для последующих договоров. Более того, она, по-видимому, ознаменовала собой поворотный момент в развитии политики Горбачева» [37].

Итоги саммита сказались не сразу. Разногласия, порой весьма острые, сохранялись. 21 октября 1986 г. Госдепартамент США объявил о сокращении штата посольства СССР в Вашингтоне и генерального консульства СССР в Сан-Франциско на 50 человек. Официальной причиной была названа необходимость достичь паритета в количестве дипломатических представительств СССР в Вашингтоне и Сан-Франциско и США в Москве и Ленинграде. Действия американской стороны обсуждались на заседании Политбюро ЦК КПСС 22 октября 1986 г., во время которого Горбачев назвал эту меру «враждебной» и добавил, что развитие событий после Рейкьявика показывают, что в США нет никакой конструктивной программы и что американская администрация делает все для того, чтобы накалить атмосферу [6]. Также он заявил, что Рейган – лжец, поскольку не выполняет своих обещаний [6].

Со временем стало ясно, что эффект Рейкьявика имеет отложенный характер. Саммит стал вехой в движении внешней политики Горбачева навстречу США. По мнению Дж. Бреслауэра, во время двух первых американо-советских переговоров на высшем уровне не было принято никаких конкретных решений, но оба лидера произвели друг на друга хорошее впечатление. Горбачев после этого уверовал в свои дипломатические таланты и стал склоняться в пользу поддержки идеи полной ликвидации ядерного оружия, а также принципа инспекции на местах [1; 9, с. 92].

Президент и государственный секретарь со своей стороны пришли к выводу, что Горбачев, как выразился Шульц, доказал, что «является сторонником привлекательных для нас позиций» [47, р. 704]. Правда, не все американские политики были согласны с положительной оценкой Горбачева. Многие в Белом доме считали, что он играл в игру «разделяй и властвуй»

в расчете внести раскол в отношения США и их союзников по НАТО для того, чтобы вернуться к политике с позиции силы сразу, как только западный альянс утратит сплоченность (Р. Перл, К. Уайнбергер, У. Кейси) [34].

Личная дипломатия: Миттеран – Горбачев, 1986–1988 гг. (Вашингтон, Москва). После Рейкьявика авторитет Горбачева на Западе заметно возрос. Никогда ранее американская и западноевропейская пресса не посвящала советским лидерам так много комплиментарных отзывов. Возможно, это обстоятельство влияло на то, что отношениям с Соединенными Штатами была возвращена стержневая роль во всей внешнеполитической деятельности СССР. Контакты с западноевропейскими государствами, в том числе и с Францией, продолжали развиваться, но в иерархии внешнеполитических приоритетов Кремля они постепенно отходили на второй план.

До саммита Рейгана и Горбачева в октябре 1986 г. франко-советские отношения неуклонно шли по восходящей линии. Визит Миттерана в Москву 7–10 июля 1986 г. был чрезвычайно результативным. Как вспоминал А. Черняев, «оба лидера имели похожие взгляды на мировые события» [17, р. 75–76]. Во время визита французский президент подтвердил, что готов двигаться в сторону разрядки, и сообщил советскому руководителю, что, встречаясь с Рейганом в Нью-Йорке несколькими днями ранее, он сказал, что США не должны вредить СССР изматывающей гонкой вооружений и что советский Генеральный секретарь является поборником дела мира [48]. В Нью-Йорке французский и американский президенты впервые затронули проблему помощи Горбачеву. Рейган признал, что Горбачев – современный человек, сильно отличающийся от своих предшественников, но он не был уверен, что советский лидер откажется от экспансионизма [50, р. 285]. Миттеран же настаивал, что помочь Горбачеву – значит помочь самим себе [50, р. 286]. Поэтому, находясь в Москве, он пытался выступить в качестве посредника между Вашингтоном и Москвой, чтобы сгладить острые углы в их отношениях.

В Москве Миттеран также говорил о том, что намерения Рейгана остаются мирными и он благосклонно воспринимает новую советскую политику [48]. Пресс-секретарь французского президента отмечал, что одной из целей визита было донесение до Горбачева точки зрения руководства США на отношения между Востоком и Западом [39]. Миттеран проинформировал советского лидера о своих переговорах с Рейганом. Рейган в свою очередь просил информировать его об итогах франко-советских переговоров [39]. В роли посредника Миттеран действовал дальновидно и дипломатично, транслируя своим высокопоставленным собеседникам информацию так, чтобы у них всегда сохранялась возможность в случае необходимости наилучшим образом скорректировать свои позиции.

31 июля Миттеран в письме передал Рейгану свои впечатления о Горбачеве по итогам визита в Москву: «Его интеллект обширен, быстр и гибок. Он охватывает проблемы в целом. Мне кажется, что у него обостренное чувство реальности, как в отношении его страны, так и в отношении всего остального мира, думаю, что он сумеет, последовательно отстаивая свои интересы, рассмотреть компромиссы в той или иной области, а западные партнеры СССР должны воспользоваться этими возможностями» [50, р. 287].

Однако роль Франции как привилегированного партнера СССР в возрождении политики разрядки несколько потускнела после того, как осенью 1986 г. произошла встреча Рейгана и Горбачева в Рейкьявике. Это проявилось особенно ярко во время визита премьер-министра Ж. Ширака в Москву в мае 1987 г., который оказался разочарованием для обеих сторон. Советский лидер после встречи выразил сожаление в связи с тем, что отношения между Францией и СССР потеряли свой привилегированный статус и что они уже не те, которые были во времена генерала де Голля, несмотря на советскую «добрую волю» [28, р. 543]. Ширак ответил на это критикой советской системы, вспомнив серию советских шагов, которые сформировали негативное западное мнение [48]. Только после переизбрания Миттерана в 1988 г. на второй срок Париж и Москва сумели преодолеть стагнацию в отношениях.

Некоторые французские дипломаты опасались, что Москва может использовать визит Миттерана в Москву 1986 г., чтобы создать ложное впечатление о возвращении к «иллюзиям» разрядки [48]. Опросы общественного мнения свидетельствовали о том, что в массовом сознании также присутствовали подобные опасения: в июле 1987 г. лишь незначительное большинство французов полагалось на готовность Горбачева изменить свою страну, образ которой во Франции был преимущественно негативным. Несмотря на очевидные перемены в СССР и позитивный настрой президента, Франция оставалась страной, «наименее связанной с эффектом Горбачева» [48].

Однако сам Миттеран с 1986 по 1988 г. продолжал придерживаться политики разрядки и призывал США и СССР к контролю над вооружением. В декабре 1987 г. он дал интервью, в котором в точности повторил то, что сказал де Голль около шестидесяти лет назад: он никогда не считал СССР врагом или даже противником и СССР – это просто страна со своими интересами, как и любая другая [44]. Самым надежным способом защиты от советской угрозы он считал установление в Европе стабильных отношений, при которых Франция и СССР будут связаны надежными партнерскими связями, позволяющими влиять друг на друга [31]. И в Москве, и в Вашингтоне мнение президента Франции было хорошо известно.

Личная дипломатия: Рейган – Горбачев, 1986–1988 гг. (Москва, Нью-Йорк). 1986 г. стал переломным в отношениях между Востоком и Западом. Но если во франко-американских отношениях наметилась пауза, то в советско-американских шло продвижение. Это подтверждало смену курса Горбачева. Эволюционировали и взгляды Рейгана – не только на Горбачева, но и на СССР в целом. Этому способствовали ближайшие союзники Рейгана – Миттеран и премьер-министр Великобритании М. Тэтчер. В апреле 1987 г. Тэтчер в личном письме сообщила Рейгану о содержании своих бесед с Горбачевым (во время ее визита в Москву в марте-апреле 1987 г.). В сопроводительной записке советника по национальной безопасности Ф. Карлуччи говорилось, что «на нее лично Горбачев произвел большое впечатление» [33]. Тэтчер описывает Горбачева как «вполне ответственного, преисполненного решимости продвигать свои внутренние реформы и говорящего о своих целях с почти мессианским пылом» политика [33]. Она сообщила Рейгану, что верила в серьезность его реформистского мышления и хотела поддержать его.

29 мая – 2 июня 1988 г. состоялся визит Рейгана в Москву. Рейган и Горбачев подписали Договор о ракетах средней и меньшей дальности, обсудили другие важные вопросы: вывод советских войск из Афганистана, права человека. Хотя и без серьезных прорывов, все дискуссии были проведены в дружественной атмосфере. Значение саммита заключалось ещё и в том, что он изменил образ мыслей Рейгана. Впечатленный теплотой и дружелюбием советских людей, американский президент даже дезавуировал свою характеристику СССР как «империи зла» («я говорил о другом времени, другой эпохе» [41, p. 709]).

По пути домой из Москвы Рейган выступил в Лондоне с речью, которая говорила о степени эволюции его взглядов. Он не только сказал добрые слова в адрес Горбачева («серьезный человек, стремящийся к серьезным реформам»), но и дал самую оптимистичную оценку будущего: «вполне возможно, что мы начинаем разрушать барьеры послевоенной эпохи; вполне возможно, что мы вступаем в новую эру в истории, в эпоху длительных перемен в СССР» [42].

Однако Рейган, в отличие от Миттерана, проявлял осторожность по отношению к Горбачеву. На 14-м саммите G7 в июне 1988 г. он сказал Миттерану, что «Горбачев сильно отличается от предыдущих советских лидеров, и мы действительно продвинулись вперед, я доверяю ему, но все же надо постоянно предпринимать меры предосторожности» [50, p. 291]. Даже в совместном заявлении Рейгана и Горбачева во время Московского саммита 1988 г. американский президент отметил, что есть реальные различия в традициях и идеологии СССР и США, которые нельзя преодолеть, но диалог будет продолжаться ради безопасности всего человечества [2].

В течение следующих месяцев, предшествовавших нью-йоркскому саммиту 7 декабря 1988 г., отношения между двумя сверхдержавами были в основном безоблачными. Встреча между Горбачевым и Рейганом, в которой также участвовал вице-президент Буш, была скорее «церемониальной», чем содержательной. Это была последняя официальная встреча двух лидеров, она отличалась особой сердечностью. Более того, вскоре после того, как Горбачев покинул США, Рейган выступил по радио с обращением к нации, в котором высоко оценил Горбачева и их совместную деятельность в «период важных перемен внутри Советского Союза» [43].

Посол Мэтлок также положительно оценивал политику Горбачева. В конце декабря 1988 г., признавая заслуги Генерального секретаря ЦК КПСС в улучшении американско-советских отношений, он говорил: «Мы, американцы, положительно относимся к тому, что происходит в СССР, к политике перестройки, проводимой Горбачевым, ибо видим благо для себя, так как СССР перестает представлять угрозу» [5]. Личные встречи с Горбачевым повлияли и на Рейгана, для которого важно было увидеть в советском лидере не порождение коммунистической системы, а обычного человека, такого же, как и он сам. «Их встречи имели решающее значение для корректировки политического курса республиканской администрации», – писал американский историк М. П. Леффлер [30].

Личная дипломатия и новое политическое мышление Горбачева изначально были предназначены для того, чтобы убедить соотечественников, граждан союзных государств и стран Запада в искренности намерений руководства СССР демократизировать страну, в его восприимчивости к либеральным ценностям и в потенциальной совместимости двух систем. Однако это был опасный путь, поскольку он активизировал общественно-политические процессы, которые власть контролировать уже не могла [11, с. 9]. Последствия этой политики проявились в конце 1980-х гг., во время пребывания у власти американского президента Дж. Буша.

Трансформация дипломатии Вашингтона при Дж. Буше. Избрание Дж. Буша в 1988 г. удовлетворило Миттерана, который считал его по сравнению с предшественником более открытым политиком, лучше разбиравшимся в международных делах [31]. Буш и Миттеран неоднократно встречались неофициально: Сен-Мартен (1989), Ки-Ларго (1990), Мартиника (1991). Кувейтский кризис 1990–1991 гг. они использовали в качестве повода для обмена мнениями [31], который был отмечен взаимным доверием.

Администрация Буша первоначально соблюдала осторожность. Во второй половине 1989 г. геополитический ландшафт быстро менялся [49, р. 43]. Несмотря на то, что и Буш, и многие члены его команды занимали высокие должности при Рейгане, их отношение к Горбачеву и его реформам было иным. Теперь советского лидера оценивали скептически. Советник по национальной безопасности Б. Скоукрофт писал в своих мемуарах (совместных с Бушем): «Я попросту считал, что цель Горбачева состояла в том, чтобы восстановить динамизм социалистической экономической системы и оживить Советский Союз внутри страны и на международном уровне, чтобы конкурировать с Западом» [16]. Заместитель Скоукрофта Р. Гейтс (в 1991–1993 гг. директор ЦРУ) также не верил, что реформы Горбачева изменят что-либо в СССР. В меморандуме, опубликованном в ноябре 1987 г., он писал, что трудно обнаружить какие-либо фундаментальные изменения, происходящие в Советском Союзе, и что Коммунистическая партия «безусловно, сохранит свою монополию на власть, а базовые структуры сталинской экономики останутся неизменными» [25, р. 261].

Буш имел аналогичную точку зрения. В 1988 г., вскоре после визита Рейгана в Россию, он сказал репортеру, что «холодная война еще не закончилась» [15, р. 233]. 15 февраля 1989 г. в своей президентской директиве он заявил, что послевоенная политика в отношении Советского Союза была чрезвычайно успешной, сдерживание себя оправдало, поскольку народы мира отвергают устаревшую догму марксизма-ленинизма в поисках процветания и свободы, и было бы неразумно отказываться от политики, которая оказалась настолько успешной [40]. Глава Белого дома не отрицал, что в советской внешней политике происходят заметные изменения, и их необходимо учитывать. Именно поэтому и сам он, и госсекретарь Дж. Бейкер провели три заседания СНБ в конце марта и начале апреля 1989 г., специально посвященные Советскому Союзу и Восточной Европе. После этих совещаний Бейкер начал рассматривать отношения с Советским Союзом как битву за международное влияние. «Стратегия Горбачева, – полагал госсекретарь, – была основана на расколе альянса и подрыве позиций США в Западной Европе» [12, р. 68–69]. Буш же продолжал утверждать, что СССР остается противником, внушающим страх, и военной державой, чьи интересы в значительной степени противостоят американским. По мнению президента, Советский Союз являлся государством, которое после реформ могло стать еще опаснее, чем раньше. Образ СССР как внешнего врага продолжал сохраняться. Обновленная республиканская администрация упрекала кабинет Рейгана в опрометчивом и чрезмерном доверии Горбачеву.

Только после Мальтийского саммита (2–3 декабря 1989 г.) американско-советские отношения, казалось, взяли новый старт. Пауза продолжительностью почти в десять месяцев создавала впечатление, что в Вашингтоне в 1989 г. с равнодушием относились к внутренней политике Горбачева и к прогрессу на переговорах в области контроля над вооружениями. Администрация Буша сменила курс, отошла и заметно отклонилась от доверительных интонаций Рейгана, которые в свое время оказали столь глубокое влияние на мышление Горбачева [13]. Это породило в Москве недоумение, разочарование и в конечном счете подозрения. Горбачев жаловался М. Тэтчер в апреле 1989 г., что в Белом доме складывается точка зрения, что успех перестройки, развитие нового образа Советского Союза не выгодны для Запада [13]. То, что американская администрация сомневалась в политике перестройки и в самом Горбачеве, подтверждал доклад ЦРУ, подготовленный в сентябре 1989 г. В нем высказывались опасения, что преобразования Горбачева потерпят крах и самому ему не удастся сохранить пост [19]. Предлагалось при любых обстоятельствах противостоять СССР. Проблема заключалась лишь в том, чтобы в нестабильных условиях правильно выбрать способы давления на Москву.

Состояние американско-советских отношений беспокоило президента Миттерана, который продолжал поддерживать Горбачева и желал, чтобы тот сохранил власть. В середине июля Буш посетил Францию. В ходе обмена мнениями Миттеран призывал его встретиться с советским лидером, отметил, что власть Горбачева находится под угрозой, и предложил оказать ему поддержку [15, р. 271]. Он также напомнил, что Горбачев установил личные отношения с Рейганом и желал продолжения советско-американского диалога, поэтому следующий шаг теперь был за Бушем [15, р. 271]. Это означало, что и при новом президенте США Миттеран желал сохранить за собой роль посредника в советско-американских отношениях.

Однако до конца 1989 г. администрация Буша предпочла следовать курсом осторожности и бездействия. Мальтийский саммит несколько улучшил ситуацию. Дж. Бейкер охарактеризовал это событие как решающий момент в отношениях двух лидеров. Уже во время встречи Буш признался, что поменял свои взгляды и теперь является сторонником перестройки [3].

Многие вопросы на этих переговорах не были решены. Горбачев, например, не взял на себя обязательство отказаться от поддержки своих союзников, как того хотели США [51, р. 172]. Он также пытался заручиться (и без особого успеха) поддержкой Буша в реализации своей идеи постепенной трансформации Восточной Европы при тесном сотрудничестве сверхдержав с целью предотвращения нестабильности. Президент США со своей стороны заявлял, что он и впредь будет оказывать давление на советского лидера в вопросах участия СССР в региональных конфликтах, особенно в Центральной Америке [46].

Разногласия сохранялись, но, по словам госсекретаря Дж. Бейкера, саммит был важен, так как он способствовал сближению Буша и Горбачева и установлению между ними деловых отношений [49, р. 43]. На Мальте Горбачев констатировал, что только сейчас он видит готовность администрации Буша предпринимать «конкретные шаги» или, по крайней мере, «строить планы шагов» [35], направленных на поддержку перестройки. Он также похвалил Буша за то, что тот не разделяет известную аксиому холодной войны, согласно которой «США нужно держать свои корзины наготове, чтобы собирать плоды» [35] в случае начала глубоких изменений в Восточной Европе и в СССР. Буш на это ответил: «Меня называли осторожным или робким. Я осторожен, но не робок. И я вел себя так, чтобы не усложнять вам жизнь» [35] – и подчеркнул, что он поддерживает внутривластные процессы, происходившие в СССР.

После Мальты в США начали осознавать, что политика Горбачева не является фикцией и её результатом будет завершение холодной войны [13]. Подтверждением тому стали события в Румынии в декабре 1989 г. Когда массовые волнения в этой стране вылились в государственный переворот, министр иностранных дел Франции Дюма и государственный секретарь США Бейкер не исключали возможного советского вмешательства для стабилизации обстановки по аналогии с событиями 1968 г. в Чехословакии [13]. Однако этого не произошло.

Отношение к СССР со стороны США, тем не менее, продолжало оставаться подозрительным. На саммите G7 в июле 1990 г. в Хьюстоне Буш высказал сомнения относительно целей Москвы. Он сообщил, что Горбачев обратился к нему с просьбой о крупномасштабной помощи, и добавил, что у него вызывает беспокойство тот факт, что в этом обращении отсутствует конкретизация, что именно СССР намерен делать с этими деньгами [22]. Опасения Буша были связаны с тем, что СССР продолжал оказывать помощь Кубе и сохранял высокие военные расходы. Президент отказался предоставлять СССР финансовую поддержку. При этом он подчеркнул, что участники встречи могут оценивать ситуацию в СССР по-разному и вправе откликнуться на просьбу Горбачева, но он считает, что союзники должны действовать согласованно, насколько это возможно [22]. Миттеран не разделял настрой американского президента и ответил, что, по его мнению, Запад ведет себя слишком робко в вопросе о помощи СССР. Он напомнил, что за последние месяцы в СССР произошли большие изменения, что для проведения реформ там не хватает ресурсов и что в его стране никто не поймет нежелания помогать Горбачеву [22].

В конечном счете Миттеран все же поддержал Буша в том, что помощь не должна быть бездумной и её следует предоставлять в рамках конкретной программы реформ. Но в целом его подход заключался в немедленном оказании масштабной поддержки, в отличие от занявшего выжидательную позицию Буша. Осторожность Буша объяснялась во многом тем, что он сомневался в способности Горбачева удержать власть. Кроме того, США хотели получить максимум уступок, не прибегая к серьезным финансовым затратам.

29 мая 1990 г. председателем Верховного Совета РСФСР был избран Б. Н. Ельцин. Уже в конце 1990 г. Буш столкнулся с неприятной проблемой выбора между Горбачевым и Ельци-

ным, которая обострилась в июне 1991 г., когда Конгресс пригласил Ельцина в США. Президент США пытался найти ответ на сложный вопрос: надо ли с ним встречаться? Своими сомнениями он поделился с Миттераном, который ответил четко: не Ельцин у власти, а Горбачев, и не Соединенным Штатам с их западноевропейскими союзниками решать, должен ли Горбачев оставаться у власти [49, р. 44]. Глава Белого дома согласился с такой позицией, хотя конфиденциальную встречу с будущим президентом России он все же организовал. Миттерану он говорил, что Горбачев был надежным партнером и он надеется, что тому удастся остаться у власти [49, р. 45], но с восхождением политического влияния Ельцина открывались перспективы ускоренной дезинтеграции Советского Союза, и президент США предпочел установить с ним личный контакт.

10 апреля 1991 г. сотрудники Совета национальной безопасности запросили у ЦРУ сведения о потенциальных преемниках Горбачева и вероятности его дальнейшего пребывания у власти. Итоговый вывод начинался со слов: «Эпоха Горбачева фактически закончилась» [18]. В докладе высказывалось предположение, что его, скорее всего, заменят либо реформаторы, либо сторонники жесткой линии, причем шансы на осуществление второго варианта оценивались более высоко. Через несколько месяцев эти прогнозы подтвердились: 26 декабря распад Союза Советских Социалистических республик стал фактом. Стало ясно, что Горбачеву не удастся вернуться к власти.

Если советско-американские отношения при Буше не были лишены противоречий, то франко-советские отношения развивались менее драматично. После переизбрания Миттерана на второй срок (8 мая 1988 г.) наметилось сближение позиции Парижа с горбачевским проектом «европейского общего дома», о котором тот впервые сказал еще во время своей первой поездки во Францию в октябре 1985 г. Данный проект был направлен прежде всего на ослабление влияния США в Европе. С самого начала Миттеран был очарован этой концепцией, хотя и не делал ее приоритетной [23].

К началу 1989 г. произошло обрушение коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе, в ноябре того же года пала Берлинская стена. В этих условиях Миттеран предложил Советскому Союзу стать полноправным участником системы европейской безопасности, сопровождая своих бывших союзников по Варшавскому договору в их пути к демократии [23]. Вплоть до ухода Горбачева с политической арены Миттеран оказывал ему поддержку. Их встречи в Киеве (6 декабря 1989 г.), Москве (25 мая 1990 г.) свидетельствовали о высоком уровне доверия между двумя главами государств. Президент Франции повторял, что восстановление единой Германии не должно вести к изоляции СССР, что Франция этого не примет [23]. Заинтересованность Франции в сохранении позиций Горбачева подтверждает и деятельность некоторых французских дипломатов. Бывший посол в СССР А. Фроман-Мёрис в феврале 1991 г. признавал, что французские политические и деловые круги были обеспокоены судьбой перестройки (не желая свертывания этого процесса), сохранением экономических отношений России с Западом, а также устойчивостью власти Горбачева, избранного президентом СССР 15 марта 1990 г [4]. Франция продолжала выступать за сохранение важной роли СССР в Европе. Кроме того, Миттеран пытался убедить в целесообразности такого курса президента Буша.

Выводы. К 1990 г. советская угроза уже не воспринималась Западом столь же остро, как несколько лет назад. Стратегия, действовавшая в течение почти сорока лет, утрачивала свою актуальность. Миттеран в связи с этим отмечал, что у Буша осталась только одна проблема – сохранить НАТО [23]. Но несмотря на то, что президент Франции был искренним и убежденным союзником США, он также желал, чтобы его страна сохраняла автономию в международных делах, и был непреклонен, когда дело касалось коренных внешнеполитических интересов Франции.

Содействуя углублению разрядки и придерживаясь концепции многополярного мира, он поддерживал Генерального секретаря ЦК КПСС, в марте 1990 г. избранного президентом России. Миттеран последовательно способствовал углублению франко-советского сотрудничества, выступал посредником между американскими лидерами и Горбачевым.

Что касается американской политической элиты, то она длительное время не доверяла Горбачеву, сначала полагая, что новое политическое мышление не более чем очередная советская уловка, рожденная хитростью и политическими амбициями молодого лидера. Позднее, когда сомнения в его искренности отпали, они не верили в то, что он сможет сохранить контроль за ситуацией и выполнить все свои обещания. Даже после распада СССР негативные

представления о целях Горбачева у некоторых высокопоставленных политиков сохранялись. В интервью 1998 г. бывший министр обороны США К. Уайнбергер говорил про Горбачева: «Я не думаю, что он когда-либо менял свою философию. Он был и, я думаю, по сей день остается твердым сторонником коммунизма. Он много говорил о перестройке, гласности, обо всем этом, но на самом деле он никогда не менял свою точку зрения» [15, p. 224].

Изменения в восприятии образа Горбачева в США далеко не всегда зависели от его политических инициатив. Еще меньше на них влияли личные качества советского лидера. Главным критерием оценивания достижений Горбачева как государственного деятеля или его личных добродетелей было прагматичное и неизменное для республиканских администраций желание добиться преимуществ, а затем и победы в холодной войне. В свете такого прагматичного подхода становится понятной направленность эволюции образа Горбачева в глазах его политических оппонентов-партнеров из Вашингтона. В качестве лидера мощной державы, стоявшей во главе крупного военно-политического блока, Горбачев воспринимался как угроза и вызывал недоверие. Встав на путь односторонних уступок и растратив свои политические активы, он перестал представлять интерес для руководства США. На этом пути (11 марта 1985 г. – 25 декабря 1991 г.) внешнеполитическая стратегия США оставалась неизменной, перемены касались только М. С. Горбачевы и страны, которую он возглавлял.

Список литературы

1. *Бреслауэр Дж.* Горбачев и Ельцин как лидеры. СПб. : Библиороссика, 2021. 479 с.
2. Визит Рейгана в СССР Т. 3. РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 502. Л. Д. 113.
3. Документы советско-американской встречи на высшем уровне (М. С. Горбачева и Президента США Дж. Буша) на Мальте 2–3 декабря 1989 г. Т. 2. Дневниковые записи А. Н. Яковлева во время встречи. Автограф. ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 355. Л. Д. 2.
4. Записка В. Загладина о беседе с А. Фроман-Мерисом, бывшим послом Франции в СССР, затем в ФРГ (о курсе на реформы, о Прибалтике, о международной политике, перестройке в Федерации). Авториз. маш. Ксерокопия. ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 475. Л. Д. 4
5. Запись беседы А. Н. Яковлева с послом США в СССР Дж. Мэтлоком 26 декабря 1988 г., направленная в ЦК КПСС. Авториз. машинопись. ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 148. Л. Д. 5.
6. Заседание Политбюро ЦК КПСС О мерах в связи с выдворением из США советских сотрудников. От 22.10. 1986 г. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 036. Д. 021. Л. Д. 5.
7. Краткая запись А. Н. Яковлева о содержании встречи на высшем уровне Президента СССР М. С. Горбачева с Президентом США Р. Рейганом в Женеве 19–20 ноября 1985 года. Автограф. ГАРФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 115. Л. Д. 6.
8. Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада / Л. С. Окунева, В. О. Печатнов, Н. К. Капитонова [и др.] ; под ред. Л. С. Окуневой. М. : МГИМО-Университет, 2022. С. 14–107.
9. *Польнов М. Ф.* Внешняя политика Горбачева. 1985–1991 гг. СПб. : Алетейя, 2015. 502 с.
10. *Юнгблюд В. Т.* Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13 (4). С. 52–79.
11. *Юнгблюд В. Т.* Распад СССР не был неизбежным (размышления в связи с некоторыми юбилейными датами) // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4 (12). С. 7–15.
12. *Baker J. A.* The Politics of Diplomacy: revolution, war, and peace, 1989–1992. N. Y. : Putnam, 1992. 752 p.
13. *Blanton T.* U.S. Policy and the Revolutions of 1989. URL: <https://books.openedition.org/ceup/2760>.
14. *Bozo F.* «Winners» and «Losers»: France, the United States, and the End of the Cold War. URL: <https://academic.oup.com/dh/article-abstract/33/5/927/418297?redirectedFrom=fulltext>.
15. *Brown A.* The human factor. Gorbachev, Reagan, and Thatcher, and the End of the Cold War. Oxford : Oxford University Press, 2020. 513 p.
16. *Bush G., Scowcroft D.* A world transformed. N. Y. ; Toronto, 1998. P. 13.
17. *Chernyaev A.* My Six Years with Gorbachev. Pennsylvania State University Press, University Park, 2000. 464 p.
18. CIA Memorandum, The Gorbachev Succession. April 1991. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21550-document-13>.
19. Document No. 1: CIA Intelligence Assessment, «Gorbachev's Domestic Gambles and Instability in the USSR» September 1989. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB293/doc01.pdf>.
20. *Dumas R.* POLITIQUEMENT INCORRECT. Secrets d'État et autres confidences. URL: https://archive.org/stream/PolitiquementIncorrectRolandDumas/Politiquement%20incorrect%20Roland%20Dumas_djvu.txt.
21. Entretien avec Jean-Bernard Raimond. URL: <https://www.cairn.info/revue-histoire-politique-2012-1-page-203.htm>.

22. First Main Plenary of the G-7 Summit in Houston. July 10, 1990. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21549-document-12>.
23. François Mitterrand et l'URSS. Laurent Coumel. URL: <https://www.cairn.info/revue-materiaux-pour-l-histoire-de-notre-temps-2011-1-page-32.htm>.
24. Garthoff R. L. Great Transition American-Soviet Relations and the End of Cold War. Washington : Brookings Institution Press, 1994. 852 p.
25. Gates R. M. 'Gorbachev's Gameplan: The Long View', memorandum of 24 November 1987 // Masterpieces of History: The Peaceful End of the Cold War in Europe, 1989 / eds.Svetlana Savranskaya, Thomas Blanton, and Vladislav Zubok. Budapest ; N. Y. : Central European Press, 2010. 263 p.
26. François Mitterrand et l'URSS. Laurent Coumel. URL: <https://www.cairn.info/revue-materiaux-pour-l-histoire-de-notre-temps-2011-1-page-32.htm>.
27. Gorbatchev et la «Maison Commune Européenne» Une opportunité manqué? URL: <https://www.mitterrand.org/Gorbatchev-et-la-Maison-Commune.html>.
28. Gorbachev, Mémoires. N. Y. : Doubleday, 1996. 824 p.
29. Hoffman D. E. Why Gorbachev? URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=30147&page=37>.
30. How Gorbachev and Reagan's Friendship Helped Thaw the Cold War. The two leaders recognized in each other the desire to move past tense politics and end a nuclear standoff. LESLEY KENNEDYOCT 24, 2019. URL: <https://www.history.com/news/gorbachev-reagan-cold-war>.
31. Institut F. Mitterrand. URL: http://www.mitterrand.fr/IMG/pdf/Letre_24.pdf.
32. Letter from Reagan to Gorbachev. March 11, 1985. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21539-document-02>.
33. Letter to Reagan from Thatcher About Her Meetings with Gorbachev in Moscow. April 1, 1987. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21546-document-09>.
34. Lundberg K. CIA and the Fall of the Soviet Empire: The Politics of "Getting It Right". URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/19950601.pdf>.
35. Malta First Expanded Bilateral with George Bush. December 2, 1989. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21548-document-11>.
36. Mandelbaum M., Talbott S. Reagan and Gorbachev. N. Y. : A Council on Foreign Relations Book. 190 p.
37. Matlock J. F. Autopsy on an Empire. URL: <https://archive.org/details/autopsyonempirea00matl>.
38. Matlock, Reagan and Gorbachev: how the Cold War ended. N. Y. : Random House, 2004. 408 p.
39. Mitterrand in Moscow. French President's familiarity with Reagan and Gorbachev makes him good go-between July 9, 1986. By Paul Quinn-Judge Special to The Christian Science Monitor. URL: <https://www.csmonitor.com/1986/0709/omit.html>.
40. NATIONAL SECURITY REVIEW – 3. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsr/nsr3.pdf>.
41. Reagan R. An American Life: The Autobiography. N. Y. : Simon & Schuster. 1990. 792 p.
42. Remarks to Members of the Royal Institute of International Affairs in London, United Kingdom, June 3, 1988, Weekly Compilation of Presidential Documents 24.
43. Renshon S. A., Larson D. W. Good Judgment in Foreign Policy: Theory and Application. URL: <https://archive.org/details/goodjudgmentinfo0000unse>.
44. REPORT TO NATIONAL COUNCIL FOR SOVIET AND EAST EUROPEAN RESEARH. URL: <https://www.ucis.pitt.edu/nceer/1989-802-11-Stent.pdf>.
45. Ronald Reagan letter to George Murphy, December 19, 1985, in Ronald Reagan Presidential Library. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/public-papers-president-ronald-reagan>.
46. Savranskaya S., Blanton T., Zubok V. MASTERPIECES OF HISTORY. The Peaceful End of the Cold War in Europe, 1989. URL: <https://books.openedition.org/ceup/2758#notes>.
47. Shultz G. P. Turmoil and Triumph. My years as Secretary of State. N. Y., 1993. 1252 p.
48. The last decade of the Cold War: from conflict escalation to conflict transformation/editor: Olav Njølstad. URL: https://chinhnghia.com/Last_Decade_of_Cold_War.pdf.
49. Trust But Verify. The politics of Uncertainty and the Transformation of the Cold War Order, 1969–1991. Washington : Stanford University Press, 2016. 313 p.
50. Védrine H., Les Mondes De F. Mitterrand: A L'elysee. 1981–1995. Fayard, 1996. 796 p.
51. Wilson J. G. The triumph of improvisation. Gorbachev's adaptability, Reagan's engagement, and the end of the Cold War. Ithaca, 2015. 280 p.

The evolution of the image of Mikhail Gorbachev in the perception of the leadership of the USA and France (1985–1991)

Mishchenko Nina Sergeevna

junior researcher at the Faculty of History and Political Sciences, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: alenablumari@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of Gorbachev's perception by French and American politicians and the clarification of their assessments of the degree of influence of the Secretary General's policy on the collapse of the USSR. Chronologically, the study covers a significant period for research – the final stage of the existence of the Soviet state. In the early 1990s, the confrontation ended with the defeat of the USSR, and the United States lost its main opponent overnight. Gorbachev is the last General Secretary of this state, therefore it is advisable to trace how the impressions of the new Soviet leader and Soviet foreign policy have changed among the leaders of the United States and France in order to establish whether the internal political processes within the USSR, the personality of the General Secretary of the CPSU Central Committee have influenced the defusing of international tensions, the improvement of international relations. Or did the political agenda of the United States, which wanted to win the Cold War, not change significantly and did not depend on the events taking place inside the USSR? To achieve the goal, the methods of imagology were used in the study, as well as methods such as comparative, typological and system analysis. The sources were various electronic archives and declassified documents: the NSC, the CIA, FRUS (documents of US international relations), Russian state archives (GARF RF, RGANI). The work quotes the memoirs of American and French political figures.

Keywords: M. S. Gorbachev, R. Reagan, J. Bush, F. Mitterrand, detente of international tension, collapse of the USSR, Cold War, personal diplomacy.

References

1. Breslauer J. *Gorbachev i El'cin kak lidery* [Gorbachev and Yeltsin as leaders]. SPb. Bibliorossika. 2021. 479 p.
2. *Vizit Rejgana v SSSR T. 3* – Reagan's visit to the USSR Vol. 3. Russian State Archive of the Newest History (RSANH). F. 84. Inv. 1. File 502. L. File 113.
3. *Dokumenty sovetsko-amerikanskoj vstrechi na vysshem urovne (M. S. Gorbacheva i Prezidenta SShA Dzh. Busha) na Mal'te 2–3 dekabrya 1989 g. T. 2* – Documents of the Soviet-American summit (Mikhail Gorbachev and US President George Bush) in Malta on December 2–3, 1989 Vol. 2. Diary entries of A. N. Yakovlev during the meeting. Autograph. State Archive of Russian Federation (SARF). F. 10063. Inv. 2. File 355. L. File 2.
4. *Zapiska V. Zagladina o besede s A. Froman-Merisom, byvshim poslom Francii v SSSR, zatem v FRG (o kurse na reformy, o Pribaltike, o mezhdunarodnoj politike, perestrojke v Federacii)* – A note by V. Zagladin about a conversation with A. Froman-Meris, the former French ambassador to the USSR, then to Germany (about the course of reforms, about the Baltic States, about international politics, perestroika in the Federation) Authorized machine photocopy. SARF. F. 10063. Inv. 1. File 475. L. File 4.
5. *Zapis' besedy A. N. Yakovleva s poslom SShA v SSSR Dzh. Metlokom 26 dekabrya 1988 g., napravlennaya v CK KPSS* – Recording of the conversation of A. N. Yakovlev with the US Ambassador to the USSR J. Matlock on December 26, 1988, sent to the Central Committee of the CPSU. Authorized typescript. SARF. F. 10063. Inv. 2. File 148. L. File 5.
6. *Zasedanie Politbyuro CK KPSS O merah v svyazi s vydvorenim iz SShA sovetskih sotrudnikov* – Meeting of the Politburo of the Central Committee of the CPSU On measures in connection with the expulsion of Soviet employees from the United States. From 22.10. 1986, RGANI. F. 89. Inv. 036. File 021. L. File 5.
7. *Kratkaya zapis' A. N. Yakovleva o sodержanii vstrechi na vysshem urovne Prezidenta SSSR M. S. Gorbacheva s Prezidentom SShA R. Rejganom v Zheneve 19–20 noyabrya 1985 goda* – A brief note by A. N. Yakovlev on the contents of the summit meeting of the President of the USSR M. S. Gorbachev with the President of the USA R. Reagan in Geneva on November 19–20, 1985. Autograph. SARF. F. 10063. Inv. 1. File 115. L. File 6.
8. *Lider na fone epohi. Tradicii i novacii sovremennogo politicheskogo liderstva v stranah Zapada* – Leader against the background of the era. Traditions and innovations of modern political leadership in Western countries / L. S. Okuneva, V. O. Pechatnov, N. K. Kapitonova [et al.] ; ed. by L. S. Okuneva. M. Moscow State Institute of International Relations University. 2022. Pp. 14–107.
9. *Polynov M. F. Vneshnyaya politika Gorbacheva. 1985–1991 gg.* [Gorbachev's Foreign Policy. 1985–1991]. SPb. Aleteya. 2015. 502 p.
10. *Yungblud V. T. Mirovoj poryadok 1945 g. – process s "otkryтым" prodolzheniem* [The World Order of 1945 – a process with an "open" continuation] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* – Herald of Moscow State Institute of International Relations University. 2020. 13 (4). Pp. 52–79.
11. *Yungblud V. T. Raspad SSSR ne byl neizbezhnym (razmyshleniya v svyazi s nekotorymi yubilejnymi datami)* [The collapse of the USSR was not inevitable (reflections in connection with some anniversaries)] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2018. No. 4 (12). Pp. 7–15.

12. Baker J. A. *The Politics of Diplomacy: revolution, war, and peace, 1989–1992*. N. Y. : Putnam. 1992. 752 p.
13. Blanton T. *U.S. Policy and the Revolutions of 1989*. Available at: <https://books.openedition.org/ceup/2760>.
14. Bozo F. "Winners" and "Losers": France, the United States, and the End of the Cold War. Available at: <https://academic.oup.com/dh/article-abstract/33/5/927/418297?redirectedFrom=fulltext>.
15. Brown A. *The human factor. Gorbachev, Reagan, and Thatcher, and the End of the Cold War*. Oxford : Oxford University Press. 2020. 513 p.
16. Bush G., Scowcroft D. *A world transformed*. N. Y. ; Toronto. 1998. P. 13.
17. Chernyaev A. *My Six Years with Gorbachev*. Pennsylvania State University Press, University Park. 2000. 464 p.
18. CIA Memorandum, The Gorbachev Succession. April 1991. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21550-document-13>.
19. Document No. 1: CIA Intelligence Assessment, "Gorbachev's Domestic Gambles and Instability in the USSR" September 1989. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB293/doc01.pdf>.
20. Dumas R. POLITIQUEMENT INCORRECT. *Secrets d'État et autres confidences*. Available at: https://archive.org/stream/PolitiquementIncorrectRolandDumas/Politiquement%20incorrect%20Roland%20Dumas_djvu.txt.
21. Entretien avec Jean-Bernard Raimond. Available at: <https://www.cairn.info/revue-histoire-politique-2012-1-page-203.htm>.
22. First Main Plenary of the G-7 Summit in Houston. July 10, 1990. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21549-document-12>.
23. François Mitterrand et l'URSS. Laurent Coumel. Available at: <https://www.cairn.info/revue-materiaux-pour-l-histoire-de-notre-temps-2011-1-page-32.htm>.
24. Garthoff R. L. *Great Transition American-Soviet Relations and the End of Cold War*. Washington : Brookings Institution Press. 1994. 852 p.
25. Gates R. M. 'Gorbachev's Gameplan: The Long View', memorandum of 24 November 1987 // *Masterpieces of History: The Peaceful End of the Cold War in Europe, 1989* / eds. Svetlana Savranskaya, Thomas Blanton, and Vladislav Zubok. Budapest ; N. Y. : Central European Press. 2010. 263 p.
26. François Mitterrand et l'URSS. Laurent Coumel. Available at: <https://www.cairn.info/revue-materiaux-pour-l-histoire-de-notre-temps-2011-1-page-32.htm>.
27. Gorbatchev et la "Maison Commune Européenne" Une opportunité manqué? Available at: <https://www.mitterrand.org/Gorbatchev-et-la-Maison-Commune.html>.
28. Gorbachev, Mémoires. N. Y. : Doubleday. 1996. 824 p.
29. Hoffman D. E. *Why Gorbachev?* Available at: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=30147&page=37>.
30. How Gorbachev and Reagan's Friendship Helped Thaw the Cold War. The two leaders recognized in each other the desire to move past tense politics and end a nuclear standoff. LESLEY KENNEDY OCT 24, 2019. Available at: <https://www.history.com/news/gorbachev-reagan-cold-war>.
31. Institut F. Mitterrand. Available at: http://www.mitterrand.fr/IMG/pdf/Letre_24.pdf.
32. Letter from Reagan to Gorbachev. March 11, 1985. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21539-document-02>.
33. Letter to Reagan from Thatcher About Her Meetings with Gorbachev in Moscow. April 1, 1987. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21546-document-09>.
34. Lundberg K. *CIA and the Fall of the Soviet Empire: The Politics of "Getting It Right"*. Available at: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/19950601.pdf>.
35. Malta First Expanded Bilateral with George Bush. December 2, 1989. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/21548-document-11>.
36. Mandelbaum M., Talbott S. *Reagan and Gorbachev*. N. Y. : A Council on Foreign Relations Book. 190 p.
37. Matlock J. F. *Autopsy on an Empire*. Available at: <https://archive.org/details/autopsyonempirea00matl>.
38. Matlock, Reagan and Gorbachev: how the Cold War ended. N. Y. : Random House. 2004. 408 p.
39. Mitterrand in Moscow. French President's familiarity with Reagan and Gorbachev makes him good go-between July 9, 1986. By Paul Quinn-Judge Special to The Christian Science Monitor. Available at: <https://www.csmonitor.com/1986/0709/omit.html>.
40. NATIONAL SECURITY REVIEW – 3. Available at: <https://irp.fas.org/offdocs/nsr/nsr3.pdf>.
41. Reagan R. *An American Life: The Autobiography*. N. Y. : Simon & Schuster. 1990. 792 p.
42. Remarks to Members of the Royal Institute of International Affairs in London, United Kingdom, June 3, 1988, Weekly Compilation of Presidential Documents 24.
43. Renshon S. A., Larson D. W. *Good Judgment in Foreign Policy: Theory and Application*. Available at: <https://archive.org/details/goodjudgmentinfo000unse>.
44. REPORT TO NATIONAL COUNCIL FOR SOVIET AND EAST EUROPEAN RESEARH. Available at: <https://www.ucis.pitt.edu/nceer/1989-802-11-Stent.pdf>.
45. Ronald Reagan letter to George Murphy, December 19, 1985, in Ronald Reagan Presidential Library. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/public-papers-president-ronald-reagan>.

46. *Savranskaya S., Blanton T., Zubok V.* MASTERPIECES OF HISTORY. The Peaceful End of the Cold War in Europe, 1989. Available at: <https://books.openedition.org/ceup/2758#notes>.
47. *Shultz G. P.* Turmoil and Triumph. My years as Secretary of State. N. Y., 1993. 1252 p.
48. The last decade of the Cold War: from conflict escalation to conflict transformation/editor: Olav Njølstad. Available at: https://chinhghia.com/Last_Decade_of_Cold_War.pdf.
49. Trust But Verify. The politics of Uncertainty and the Transformation of the Cold War Order, 1969–1991. Washington : Stanford University Press. 2016. 313 p.
50. *Védrine H.*, Les Mondes De F. Mitterrand: A L'elysee. 1981–1995. Fayard. 1996. 796 p.
51. *Wilson J. G.* The triumph of improvisation. Gorbachev's adaptability, Reagan's engagement, and the end of the Cold War. Ithaca. 2015. 280 p.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК [327(560)+327(533)]"2005/2020"

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.008

Эволюция турецко-йеменских отношений 2005–2020 гг.

Парланова Айла Тельман кызы

аспирант факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: parlanova@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу этапов развития двусторонних турецко-йеменских отношений. Актуальность исследования определяется тем, что именно с 2017 г. в стратегиях внешней политики Турецкой Республики наблюдается повышенное внимание к Йемену. В связи с этим предмет исследования – внешнеполитическая стратегия Турецкой Республики, объект – турецко-йеменские отношения 2005–2017 гг. Цель – проследить эволюцию двусторонних отношений, выявить этапы их развития и характерные черты для каждого периода. В работе использовались методы: анализ официальных документов (стратегий внешней политики Турции), системный и хронологический подход и историко-сравнительный метод.

В результате проведенного исследования было выявлено: 1) в 2005–2011 гг. Йемен во внешнеполитической стратегии Турции рассматривался как часть региональной системы безопасности, а также государство арабского мира, способное оказать содействие в международной «изоляции» Израиля; 2) в период «арабской весны» Турция не оказала активную помощь «Братьям-мусульманам» (организации, запрещенной в РФ) в Йемене. Тем не менее Анкара официально заявила о поддержке международной военной операции «Буря решимости» в 2015 г.; 3) попытки «прозондировать почву» в Йемене в 2017–2019 гг. определяются стремлением турецкой стороны контролировать Баб-эль-Мандебский пролив. Именно в этот период Анкара предприняла конкретные действия в данном направлении (строительство базы в Сомали, соглашение об аренде о. Суакин в Судане); 4) с 2020 г. наблюдается спад интереса к «йеменскому вектору» в связи со смещением фокуса внешней политики в Средиземноморский регион.

На основе полученных результатов можно сделать следующий вывод: двусторонние отношения с Йеменом отодвигаются на второй план при изменении внутривосточной обстановки в Турции и геополитической ситуации в Средиземноморском регионе.

Данный вывод можно учитывать при прогнозировании последующих внешнеполитических действий Анкары, выявлении геополитического кода страны, а также определении приоритетных направлений внешней политики на ближайшие пять лет.

Ключевые слова: Турция, Йемен, геополитика, Африканский Рог, Баб-эль-Бандебский пролив.

Введение. В связи с активизацией гуманитарной политики Турции в Йемене с 2017 г. в научной среде наблюдается повышение интереса к данной теме, однако при изучении вопроса не уделяется должного внимания анализу предыстории двусторонних отношений и развитию событий после 2017 г.

При исследовании преемственности политики Турции в Йемене использовались труды турецких и российских исследователей. М. Niyazi [26] и Rüştü Paşa [27] – авторы исторических романов о жизни османов в Йемене. S. Eray и S. Bayram [24], E. Ertosun [25], С. Н. Утургаури и Н. Ю. Ульченко [11] исследуют внешнеполитическую стратегию Т. Озала на Ближнем Востоке.

Внешняя политика современной Турции – объект исследования в работах М. М. Агазаде [1], П. А. Гудева [3], И. И. Ивановой [4] и А. В. Сулейманова [10].

Ближневосточный вектор изучают турецкие исследователи Т. Агі и F. Pirinççi [13], а также европейские – F. Donelli, A. G. Levaggi [23].

Непосредственно турецко-йеменским отношениям уделяют отдельное внимание V. Ayhan [14], О. А. Капошин [5], И. А. Свистунова [9], Л. Цуканова [12].

Стратегии внешней политики Турецкой Республики 2016–2020 гг., а также отчеты ТИКА (Турецкого агентства по сотрудничеству и координации) позволяют проследить изменения в официальной риторике правительства Турции в вопросе разрешения йеменского конфликта.

Преемственность политики. С начала XVI в. и до окончания Первой мировой войны территория Северного Йемена находилась в составе Османской империи. В 1918 г. имам зейдитской ветви шиитского ислама Яхья бен Мухаммед провозгласил независимость Йемена и объявил себя королем Йеменского Мутаваккилийского королевства [26, р. 118]. Несмотря на общее историческое прошлое, в двусторонних отношениях была зафиксирована длительная стагнация, вплоть до 1980-х гг.

В 1986 г. премьер-министр Турции Тургут Озал совершил официальный визит в Йемен, а в 1988 г. было открыто посольство Турецкой Республики в Сана. Дальнейшего прорыва в отношениях не наблюдалось. Возникает вопрос: что послужило триггером активизации отношений и по какой причине не были предприняты последующие шаги?

Особое внимание к Йемену, возможно, объясняется попыткой Т. Озала восстановить авторитет Анкары, который был подорван в арабском мире после Ливанской войны 1982 г. С самого начала конфликта Турция осудила действия Израиля и потребовала прекратить агрессию против Ливана. Как известно, Израиль является основным союзником США на Ближнем Востоке, в то время как Турция – член НАТО. Рисковать отношениями с Вашингтоном Анкара не могла в связи с глубоким внутривосточным и экономическим кризисом. В результате турецкая авиабаза Инджирлик была использована США для переброски военных подразделений в Ливан. Несмотря на то что операция оказалась непродолжительной, не удалось избежать критики со стороны арабских государств [4, с. 110–115]. Следовательно, открытие турецкого посольства в Йемене – дипломатический ход для восстановления репутации Анкары.

Кроме того, российские [4; 11], турецкие [24; 25] и американские [23] исследователи сходятся во мнении о прагматичности внешней политики Т. Озала. В 1984 г. (за два года до визита в Йемен) в сопровождении турецких бизнесменов Т. Озал посетил Иран, Ирак, Пакистан, Ливию и Алжир [11, с. 53]. Однако Йемен с внутривосточной турбулентностью оказался непривлекательным для турецких деловых кругов. К тому же внимание Анкары было перенаправлено на другие политические процессы в регионе (иракское вторжение в Кувейт в 1990 г.) и переговоры о вступлении Турции в ЕС.

Таким образом, Сана – составная часть прагматичной ближневосточной стратегии Т. Озала и политики поиска новых торговых партнеров. Прорыва в отношениях не наблюдалось в связи с экономической нерентабельностью и смещением вектора внимания на Европейский регион.

2005–2011 гг. Начало нового этапа в турецко-йеменских отношениях ознаменовал приход к власти Партии справедливости и развития (ПСР). В июле 2005 г. занимавший в это время пост министра иностранных дел Турции Абдулла Гюль посетил Йемен в рамках заседания Организации исламского сотрудничества (ОИС). Впоследствии премьер-министр Йемена А. К. Баджамаль совершил рабочую поездку в Анкару, в октябре 2005 г. премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган нанес ответный визит в Йемен. Таким образом, 2005 г. стал отправной точкой в развитии двусторонних отношений.

В 2008 г. состоялась очередная встреча на высшем уровне: президент Йемена Али Абдалла Салех встретился с Абдуллах Гюлем в Анкаре. В ходе беседы обсуждались вопросы региональной безопасности и совместной борьбы с терроризмом, состоялся обмен мнениями о ситуации в Палестине и Ираке. В состав делегации президента также входили бизнесмены Йемена, был затронут вопрос совместных инвестиций. На пресс-конференции Али Абдалла Салех высоко оценил итоги встречи, а также отметил важную роль Турции в разрешении ливанского кризиса [14, р. 19]. В этот период Анкара принимала активное участие в урегулировании ливано-израильского вооруженного конфликта (2006 г.)¹. Турция оказала гуманитарную помощь правительству Ливана в размере \$ 20 млн, было выделено \$ 30 млн для работы

¹ Ливано-израильский вооруженный конфликт 2006 г. (Вторая Ливанская война) – арабо-израильская война между Израилем и радикальной группировкой «Хезболла», фактически контролировавшей южные районы Ливана. Конфликт был спровоцирован ракетным обстрелом северных районов Израиля организацией «Хезболла». После трех месяцев боевых действий резолюцией СБ ООН было объявлено прекращение огня, юг Ливана перешел под контроль подразделений правительственной ливанской армии и миротворцев ООН.

Стокгольмской и Парижской конференций по восстановлению государственности Ливана. Турция выполняла роль медиатора в переговорах между противоборствующими сторонами во время внутривосточного кризиса в Ливане (2008–2009 гг.) [13]. Именно с данными инициативами было связано высказывание Али Абдаллы Салеха о политике Анкары в Ливане. Как известно, отношения Йемена и Израиля всегда отличались напряженностью, поэтому вопрос «усмирения» Тель-Авива являлся устойчивым ориентиром в турецко-йеменском сотрудничестве.

В 2009 г., в ходе очередного вооруженного противостояния между правительственными и шиитскими силами в Йемене, МИД Турции опубликовало заявление, в котором выражалась обеспокоенность в связи со сложившейся в стране ситуацией, отмечалось, что Анкара выступает за «сохранение территориального и национального единства братского Йемена», а национальная безопасность Йемена является неотъемлемой частью региональной безопасности Ближнего Востока [15, р. 42].

После инцидента с нападением израильтян на турецкое судно «Мави Мармара» (май 2010 г.), направлявшееся с гуманитарным грузом в сектор Газа², новой задачей внешней политики Анкары стало международное осуждение действий Израиля [10]. В январе 2011 г., уже будучи президентом Турции, А. Гюль совершил повторный визит в Йемен. По официальным данным, на встрече не поднимался «палестинский вопрос», стороны договорились о наращивании военного сотрудничества, упрощении визового режима, развитии сотрудничества в сфере образования [9]. В Сане был открыт мемориал турецким солдатам, погибшим в Йемене в годы Первой мировой войны [32].

Таким образом, спектр обсуждаемых президентами вопросов на встрече в 2008 и 2011 гг., а также позиция Анкары по мирному разрешению региональных вооруженных и политических конфликтов позволяют сделать вывод о том, что двусторонние отношения с Йеменом в этот период рассматривались прежде всего сквозь призму региональной системы безопасности. Кроме того, после инцидента с судном «Мави Мармара» Йемен также стал составной частью «проекта» международной изоляции Израиля.

«Арабская весна». Международная военная операция. В ходе «арабской весны» на Ближнем Востоке Анкара сделала ставку на «Братьев мусульман» (организация, запрещенная в РФ). Представители данной организации демонстрировали наибольшую лояльность Анкаре. В результате «арабской весны» президент А. Салех потерял власть, в феврале 2012 г. новым президентом был избран А. Р. Мансур Хади, который имел связи с «Аль-Ислах», что стало поводом для более пристального рассмотрения «йеменского вектора», так как в Йемене с 1990-х гг. члены «Братьев мусульман» представлены в партии «Аль-Ислах» [6, с. 68].

20–21 октября 2012 г. в Йемен совершил визит министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу. В стратегии внешней политики Турции на 2013 г. в очередной раз зафиксирована гуманитарная катастрофа в Йемене, в стране, «которая, помимо своего экономического потенциала, обладает стратегической значимостью, т. к. находится на стыке Красного моря и Индийского океана, Азии и Африки» [16, р. 64].

В 2014 г. хуситы³ захватили Сану. 25 марта 2015 г. по просьбе президента М. Хади Саудовская Аравия объявила о начале международной военной операции «Буря решимости». Цель операции – свержение военизированной группировки хуситов «Ансар Аллах». В основе идеологии хуситов лежит идея возрождения норм зейдитского (шиитского) ислама. Как было отмечено выше, именно зейдитские племена поднимали восстания против Османской империи. Что касается современной Турции, то в качестве инструмента «мягкой силы» активно

---

² В мае 2010 г. на турецкое судно «Мави Мармара», направлявшееся с гуманитарным грузом в сектор Газа в составе международного конвоя «Флотилия Свободы», было совершено нападение израильского спецназа. В результате нападения были убитые и раненые пассажиры, граждане Турции. Президент Турции Р. Т. Эрдоган требовал извинений и компенсаций от Израиля. Интенсивное дипломатическое давление дало свои плоды: в 2013 г. премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху принес свои извинения во время телефонного разговора с Р. Т. Эрдоганом.

³ Хуситы – военизированная группировка шиитов-зейдитов, действующая на территории Йемена. Предполагается, что хуситы пользуются скрытой военной и финансовой поддержкой Ирана. В 2004 г. самопровозглашенный имам Хусейн аль-Хуси поднял антиправительственный мятеж, обвинив власти Йемена в дискриминации зейдитского населения. В результате хуситы захватили часть южных районов Йемена. В 2011 г., после начала в стране протестов против режима президента Али Абдаллаха Салеха, хуситы расширили своё влияние на севере страны.

применяется ислам. В результате Анкара поддержала военную операцию Саудовской Аравии и выразила готовность оказать логистическую поддержку [4]. В стратегии внешней политики Турции на 2016 г. также открыто поддерживается легитимная власть М. Хади [17, р. 71].

16–18 февраля 2016 г. М. Хади совершил визит в Турцию по приглашению Р. Т. Эрдогана. 24 февраля из Турции в порт Аден было доставлено 6000 тонн гуманитарной помощи общей стоимостью \$ 7,5 млн [17, р. 72]. Тем не менее Турция не принимала активного участия в боевых действиях и не входила в международную коалицию, возглавляемую Эр-Риядом, так как Анкара считает Саудовскую Аравию своим основным конкурентом в борьбе за «сердца и умы» мусульман всего мира.

С 2011 г. наблюдается активизация Турции в регионе Африканского Рога, в частности в Сомали. Благодаря оказанной гуманитарной помощи в Сомали было сформировано наиболее лояльное для Анкары правительство и население в Африке. Как отмечает чрезвычайный и полномочный посол Йеменской Республики, в Йемене проживает около 700 тыс. выходцев из Сомали и других африканских государств [2]. Следовательно, политика Анкары по восстановлению государственности Йемена являлась продолжением стратегии в Могадишо, где в 2017 г. была открыта первая зарубежная турецкая военная база, цель которой – контролировать стратегически важный Баб-эль-Мандебский пролив, через который транспортируется ближневосточная нефть.

В 2015 г. Р. Т. Эрдоган призвал Иран прекратить поддержку шиитских повстанцев-хуситов в Йемене [8]. Целью Анкары было ослабить позиции Тегерана в акватории Красного моря. Недовольство Турции было связано с политикой Ирана в регионе Африканского Рога: Тегеран, содействуя нелегальным поставкам древесного угля из Сомали, способствовал усилению террористической группировки «Аш-Шабаб». О недружественной политике сомалийских властей по отношению к Ирану свидетельствует то, что в 2016 г. Сомали разрывает отношения с Тегераном, назвав официальной причиной вмешательство Ирана в свои внутренние дела [7]. Следовательно, политика Турции в Йемене также формируется под воздействием двусторонних отношений с Ираном.

В стратегиях внешней политики на 2013 и 2016 гг. при рассмотрении турецко-йеменских отношений отдельное внимание акцентируется на политике Анкары в Персидском заливе и сотрудничестве в рамках ССАГПЗ.

Таким образом, в связи с конкуренцией со стороны Саудовской Аравии и Ирана во время «арабской весны» Анкара не принимает активного участия в йеменском конфликте и не оказывает широкомасштабную поддержку местным «Братьям-мусульманам», как это наблюдалось, например, в Сирии и Ливии. Йемен в этот период рассматривается только сквозь геополитическую призму как государство, контролирующее основной путь поставок нефти из Персидского залива в Европу.

2017–2020 гг. С 2017 г. внешнеполитическая стратегия в Йемене переходит на новый уровень. В 2017 г. Турция предоставила гуманитарную помощь более 550 тыс. человек в Йемене. С этого же года 53 тыс. пациентов в городах Аден и Таиз получили медицинскую помощь [33]. В сентябре 2017 г. в деревню Бейит Аль-Турки (мухафаза Эль-Махвит), населенную йеменцами турецкого происхождения, была доставлена продовольственная помощь [18]. Таким образом, в Йемене наблюдается продолжение политики пантюркизма и применения гуманитарной помощи в качестве инструмента «мягкой силы» для закрепления в регионе. Напомним, что проект по оказанию гуманитарной помощи Сомали в 2011 г. перерос в полномасштабную внешнеполитическую стратегию и строительство первой зарубежной военной базы Турции.

Во времена Османской империи для поставки продовольствия и переброски войск использовались порт Ходейда и дороги Ходейда-Сана, Ходейда-Таиз. В г. Массауа (Эритрея) и на о. Суакин (Судан) размещались османские вооруженные силы [27, р. 39–42]. В результате Красное море превращалось во внутреннее озеро Османской империи. На сегодняшний день Турция заявляет о своей приверженности осуществлению положений Стокгольмского соглашения⁴, в соответствии с которым порт Ходейда должен перейти под контроль ООН [20, р. 82], что также укладывается в неоосманскую концепцию Анкары.

В 2017 г. Анкара открыла военную базу в Сомали и получила право арендовать о. Суакин, что фактически также означало строительство военной базы. С 2019 г. в СМИ появились данные о том, что ОАЭ демонтируют элементы военной базы «Асэб» в Эритрее, следователь-

---

⁴ В декабре 2018 г. представители правительства Йемена и повстанцев-хуситов подписали соглашение о прекращении огня и отводе войск в провинции Ходейда, известное как Стокгольмское соглашение.

но, в ближайшее время возможны переговоры об использовании порта Асэб турецкими военными. Аналогичные цели преследуются в Джибути. Передача порта Ходейда под протекторат ООН означает вывод повстанцев-хуситов из данного региона, что может способствовать беспрепятственному проникновению Анкары в Йемен. Таким образом, в Йемене в очередной раз проявляются черты неосманизма, когда на противоположных берегах Красного моря могут находиться турецкие вооруженные формирования.

В этот период идеология панисламизма также находит свое применение в Йемене. Большая часть гуманитарной помощи поставлялась неправительственной организации *Insani Yardim Vakfi* (ИНН), которая, по мнению некоторых экспертов, поддерживает контакты с «Братями-мусульманами», следовательно, с партией «Ислах» в Йемене. Возможно, поводом к углублению контактов с «Ислах» стал Катарский дипломатический кризис. Активизацией политики в Йемене Анкара и Доха заявляли, что не готовы принимать матрицу, которую предлагают Саудовская Аравия и ОАЭ, и начинают вести свою геополитическую игру в Йемене.

Ситуацию усугубило убийство журналиста Джамала Хашоги. В октябре 2018 г. наблюдалась резкая смена риторики в адрес Эр-Рияда. Тем не менее в стратегии внешней политики Турции на 2019 г. осуждаются ракетные удары хуситов по Саудовской Аравии с территории Йемена [19, p. 90].

В апреле 2019 г. пал режим президента Судана Омар аль-Башира, с которым Турция заключила соглашение об аренде о. Суакин. Военный переворот был financирован Саудовской Аравией и ОАЭ, что подтверждается тем, что Абдель Фаттах аль-Бурхан, который де-факто возглавляет Судан, участвовал в операциях в Йемене в составе коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией.

В октябре 2019 г. сирийская операция Турции «Источник мира», направленная против запрещенной в Турции Рабочей партии Курдистан (РПК), вызвала резко негативную реакцию Эр-Рияда. В ответ министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу обвинил Саудовскую Аравию в разрушении Йемена [22].

Очевидно, что в сложившейся ситуации не могла идти речь о координации действий Анкары и Эр-Рияда в Йемене. Именно с 2019 г. появляются данные в СМИ о проникновении разведывательной службы Турции МИТ в провинции Шабва и Мариб под прикрытием турецких НПО, прежде всего, подразумевается организация ИНН и турецкая частная военная кампания SADAT [5; 12]. Примечательно также, что в Йемене не наблюдается активная деятельность Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА), по линии которого предоставляется государственная гуманитарная помощь Турции странам Африки, что подтверждается официальными отчетами Агентства [29–31]. Существует несколько причин отсутствия открытого государственного вмешательства в Йеменский конфликт.

Во-первых, население Турции уже устало от помощи «братским народам», когда сама страна с 2015 г. находится в глубоком экономическом кризисе. Оправдать военное вмешательство далеко за периметром национальных границ становится все сложнее.

Во-вторых, фактически Йемен уже поделен на сферы влияния и активные действия новых внешних акторов будут незамедлительно пресечены. В сложившейся ситуации Анкара пыталась для начала прозондировать почву на предмет возможных способов проникновения в Йемен.

В-третьих, с 2019 г. внешнеполитическая стратегия Анкары определяется доктриной «Голубая Родина» (*Mavi Vatan*)⁵, в соответствии с которой приоритетным направлением внешней политики определяется Средиземноморский регион [3]. Несмотря на то, что, по мнению некоторых исследователей, регион Африканского Рога и акватория Красного моря, следовательно и Йемен, входят в состав Большого Средиземноморья [1], данному направлению отводится второстепенное значение. В январе 2020 г. была осуществлена военная операция Турции в Ливии, что вызвало резко негативную реакцию ряда государств. Активизация в Йемене в данной ситуации еще больше накалила бы обстановку. В связи с этим в стратегии

⁵ Идея «Голубой родины» была обозначена адмиралом Джемом Гюрденизом в 2006 г. и была доработана до уровня государственной доктрины адмиралом Джихатом Яйджи. В 2013 г. доктрина была принята правительством Турции в качестве официальной политики. Конечный смысл доктрины заключается в расширении водных владений Турции в Средиземном, Черном и Эгейском морях путем заключения международных договоров и удовлетворения своих претензий на международном уровне. Доктрина была принята, прежде всего, для оправдания притязаний Турции в Восточном Средиземноморье, разграничения континентального шельфа с Грецией.

внешней политики на 2020 г. подчеркивается приверженность Анкары принципам Эр-Риядского соглашения (5 ноября 2019 г.) [20, р. 82]. Договор касается раздела сфер влияния между правительством президента Хади, т. е. Саудовской Аравией, и Южным переходным советом, подконтрольным ОАЭ [28]. Следовательно, Турция занимает позицию невмешательства и принимает сложившийся расклад сил в Йемене.

В стратегии внешней политики на 2021 г., в отличие от предыдущих, Йемен уже упоминается лишь один раз, когда заявляется о поддержке Анкары действий ООН по разрешению конфликта в Йемене [21, р. 26].

Таким образом, если в 2017–2019 гг. Анкара не только декларирует свою политику, но и предпринимает конкретные действия для изменения расклада сил в Йемене и в регионе в целом, то с 2020 г. в связи с изменениями в ближневосточной конъюнктуре Турция вновь придерживается принципа невмешательства в Йемен.

Таким образом, Йемен, с которым Анкара имеет исторические связи со времен Османской империи, также привлекал внимание руководителей современной Турции. Если политика Т. Озала была сосредоточена на поиске новых партнеров на Ближнем Востоке, а Йемен, в свою очередь, представлялся потенциальной площадкой для экономической экспансии, то с приходом ПСР Сана рассматривается как константа региональной системы безопасности. В ходе «арабской весны» Турция занимает выжидательную позицию и не предпринимает активных действий для изменения расклада сил в Йемене. Интерес при этом представляет лишь географическое расположение страны, контроль над Баб-эль-Мандебским проливом. Наблюдающаяся в 2017 г. активизация в Йемене была связана с успешной политикой закрепления в регионе Африканского Рога (военная база в Сомали и соглашение об аренде о. Суакин в Судане). С 2020 г. был зафиксирован спад в двусторонних отношениях в связи со смещением внешнеполитического акцента в сторону Средиземноморского региона и изменениями в расстановке сил на Ближнем Востоке (турецкая военная операция в Сирии и Ливии, расторжение соглашения об аренде о. Суакин).

Список литературы

1. Агазаде М. М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 429–440.
2. Аль-Хеляли М. С. Йеменская Республика на пути развития // Международная жизнь. 2010. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/305>.
3. Гудев П. А. Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 472–486.
4. Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. М. : Воробьев А. В., 2019. 380 с.
5. Капошин О. А. Израильские эксперты о возможном участии Турции в гражданской войне в Йемене // Институт Ближнего Востока. 27.07.2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=71572>.
6. Мартынкин А. В. Зеленый интернационал: история экспансии «Братьев-мусульман». Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2021. 239 с.
7. МИД Сомали объявил о разрыве дипломатических отношений страны с Ираном // РИА Новости. 07.01.2016. URL: <http://ria.ru/world/20160107/1355973075.html>.
8. Президент Турции обвинил Иран в стремлении к господству в регионе // РИА Новости. 27.03.2015. URL: <https://ria.ru/20150327/1054771819.html>.
9. Свистунова И. А. Визит президента Турции А. Гюля в Йеменскую Республику // Институт Ближнего Востока. 13.01.2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11948>.
10. Сулейманов А. В. Турецко-израильские отношения: история и современность // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 165–171.
11. Утургаури С. Н., Ульченко Н. Ю. Тургут Озал – премьер-министр и президент Турции. М. : Институт востоковедения РАН, 2009. 128 с.
12. Цуканова Л. Мотивы турецкой стратегии в Йемене // РСМД. 02.09.2020. URL: https://russian-council.ru/blogs/itsukanov/35234/?sphrase_id=91046719.
13. Ari T., Piringçi F. Turkey's New Foreign Policy Towards The Middle East And The Perceptions In Syria And Lebanon // Akademik Bakış. 2010. Cilt 4. № 7. 16 p.
14. Ayhan V. 2000 Sonrası Dönemde Türkiye-Yemen İlişkileri // Ortadoğu Analiz Aralık. 2010 – Cilt. 2. Sayı 24. Pp. 18–27.
15. Ayhan V. Civil War in Yemen: The Power Struggle, Regional Influences and Relations With Turkey // ORSAM. 2010. № 10. Pp. 29–45.
16. Çavuşoğlu M. 2013 Yılına Girerken Dış Politikamız // Т. С. Dışişleri Bakanlığı. 155 p.
17. Çavuşoğlu M. 2016 Yılı Başında Dış Politikamız // Т. С. Dışişleri Bakanlığı. 05.03.2016. 198 p.

18. Çavuşoğlu M. 2018 *Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 17.12.2017. 204 p.
19. Çavuşoğlu M. 2019 *Yılına Girerken Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sisteminde Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 17.12.2018. 200 p.
20. Çavuşoğlu M. 2020 *Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 18.11.2019. 195 p.
21. Çavuşoğlu M. 2021 *Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 18.11.2019. 78 p.
22. Demirci Z. Dışişleri Bakanı Çavuşoğlu: Biz Barış Pınarı Harekatı'nı terör örgütüne karşı yaptık // Anadolu Ajansı. 30.10.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/baris-pinari-harekati/disisleri-bakani-cavusoglu-biz-baris-pinari-harekatini-teror-orgutune-karsi-yaptik/1631132>.
23. Donelli F., Levaggi A. G. Becoming Global Actor: The Turkish Agenda for the Global South // *Rising Powers Quarterly*. 2016. Vol. 1. № 2. Pp. 93–115.
24. Eray S., Bayram S. The Role Of Turgut Özal In Turkish Foreign And Economic Policy During 1983–1993 // *Social Sciences Studies Journal*. 2018. № 4 (28). Pp. 6620–6625.
25. Ertoşun E. Change and Leadership in Foreign Policy: The Case of Turgut Ozal's Premiership in Turkey, 1983–1989 // *Mediterranean Quarterly*. 2016. Vol. 27. № 2. Pp. 47–66.
26. Mehmed Niyazi Yemen ah Yemen. Istanbul : Ötüken, 2020. 391 p.
27. Rüşü Paşa Ah O Yemen'dir Yemen Hatırası. Istanbul : İz Yayıncılık, 2017. 143 p.
28. The Riyadh Agreement on Yemen: Arrangements and Chances of Success // *Arab Center for Research and Policy Studies*. 18.11.2019. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-riyadh-agreement-on-yemen-arrangements-and-chances-of-success/>.
29. TİKA Faaliyet Raporu 2017 // TİKA. 2017. 128 p.
30. TİKA Faaliyet Raporu 2018 // TİKA. 2017. 136 p.
31. TİKA Faaliyet Raporu 2019 // TİKA. 2019. 165 p.
32. Yemen // Abdullah Gul. URL: <http://www.abdullahgul.gen.tr/ziyaretler/yemen/ozel>.
33. Yemen yardım bekliyor // İHH. URL: <https://ihh.org.tr/bagis/yemen>.

Evolution of Turkish-Yemeni Relations 2005–2020

Parlanova Ajla Tel'man kyzy

postgraduate student of the Faculty of International Relations, St. Petersburg State University.
Russia, St. Petersburg. E-mail: parlanova@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the stages of development of bilateral Turkish-Yemeni relations. The relevance of the study is determined by the fact that since 2017, increased attention to Yemen has been observed in the foreign policy strategies of the Republic of Turkey. In this regard, the subject of the study is the foreign policy strategy of the Republic of Turkey, the object is Turkish–Yemeni relations 2005–2017. The goal is to trace the evolution of bilateral relations, to identify the stages of their development and characteristic features for each period. The following methods were used in the work: analysis of official documents (strategies of Turkey's foreign policy), a systematic and chronological approach, and a historical-comparative method.

As a result of the conducted research, it was revealed: 1) in 2005–2011. In Turkey's foreign policy strategy, Yemen was considered as part of the regional security system, as well as a state of the Arab world capable of assisting in the international "isolation" of Israel; 2) during the "Arab Spring", Turkey did not actively assist the Muslim Brotherhood (an organization banned in the Russian Federation) in Yemen. Nevertheless, Ankara officially declared its support for the international military operation "Storm of Determination" in 2015; 3) attempts to "probe the ground" in Yemen in 2017–2019. They are determined by the desire of the Turkish side to control the Bab-el-Mandeb Strait. It was during this period that Ankara took concrete actions in this direction (the construction of a base in Somalia, the agreement on the lease of Suakin Island in Sudan); 4) since 2020, there has been a decline in interest in the "Yemeni vector" due to the shift in the focus of foreign policy to the Mediterranean region.

Based on the results obtained, the following conclusion can be drawn: bilateral relations with Yemen are relegated to the background when the internal political situation in Turkey and the geopolitical situation in the Mediterranean region change.

This conclusion can be taken into account when predicting Ankara's subsequent foreign policy actions, identifying the country's geopolitical code, as well as determining the priorities of foreign policy for the next five years.

Keywords: Turkey, Yemen, geopolitics, Horn of Africa, Bab-el-Bandeb Strait.

References

1. Agazade M. M. *Bol'shoj Sredizemnomorskij regional'nyj kompleks bezopasnosti: mif ili real'nost'?* [The Great Mediterranean Regional Security Complex: myth or reality?] // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of Russian University of Peoples' Friendship. Series: International Relations. 2021. Vol. 21. No. 3. Pp. 429–440.

2. Al'-Helyali M. S. *Jemenskaya Respublika na puti razvitiya* [The Republic of Yemen on the path of development] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* – International life. 2010. No. 9. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/305>.
3. Gudev P. A. *Osnovy tureckih prityazanij v Vostochnom Sredizemnomor'e* [Fundamentals of Turkish claims in the Eastern Mediterranean] // *Vestnik RUDN* – Herald of Russian University of Peoples' Friendship. Series: International Relations. 2021. Vol. 21. No. 3. Pp. 472–486.
4. Ivanova I. I. *Evolyciya bliznevostochnoj politiki Tureckoj Respubliki v XX–XXI vv.* [Evolution of the Middle East policy of the Republic of Turkey in the XX–XXI centuries]. M. Vorobyov A. V. 2019. 380 p.
5. Kaposhin O. A. *Izrail'skie eksperty o vozmozhnom uchastii Turcii v grazhdanskoj vojne v Jemene* [Israeli experts on Turkey's possible participation in the civil war in Yemen] // *Institut Blizhnego Vostoka* – Institute of the Middle East. 27.07.2020. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=71572>.
6. Martynkin A. V. *Zelenyj internacional: istoriya ekspansii "Brat'ev-musul'man"* [The Green International: the History of the Expansion of the Muslim Brotherhood]. Sevastopol. Moscow State University branch in Sevastopol. 2021. 239 p.
7. *MID Somali ob'yavil o razryve diplomaticheskikh otnoshenij strany s Iranom* – The Somali Foreign Ministry announced the severance of the country's diplomatic relations with Iran // *RIA Novosti* – RIA News. 07.01.2016. Available at: <http://ria.ru/world/20160107/1355973075.html>.
8. *Prezident Turcii obvinil Iran v stremlenii k gospodstvu v regione* – The Turkish President accused Iran of striving for domination in the region // *RIA Novosti* – RIA News. 27.03.2015. Available at: <https://ria.ru/20150327/1054771819.html>.
9. *Svistunova I. A. Vizit prezidenta Turcii A. Gyulya v Jemenskuyu Respubliku* [Visit of the President of Turkey A. Gul to the Republic of Yemen] // *Institut Blizhnego Vostoka* – Institute of the Middle East. 13.01.2011. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=11948>.
10. *Sulejmanov A. V. Turecko-izrail'skie otnosheniya: istoriya i sovremennost'* [Turkish-Israeli relations: history and modernity] // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of Russian University of Peoples' Friendship. Series: International Relations. 2014. No. 3. Pp. 165–171.
11. *Uturgauri S. N., Ul'chenko N. Yu. Turgut Ozal – prem'er-ministr i prezident Turcii* [Turgut Ozal – Prime Minister and President of Turkey]. M. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2009. 128 p.
12. *Tsukanova L. Motivy tureckoj strategii v Jemene* [Motives of the Turkish strategy in Yemen] // *RSMD* – Russian Council for International Affairs. 02.09.2020. Available at: https://russiancouncil.ru/blogs/ltsukanov/35234/?sphrase_id=91046719.
13. *Ari T., Pirinççi F. Turkey's New Foreign Policy Towards The Middle East And The Perceptions In Syria And Lebanon* // *Akademik Bakış*. 2010. Cilt 4. No. 7. 16 p.
14. *Ayhan V. 2000 Sonrası Dönemde Türkiye-Yemen İlişkileri* // *Ortadoğu Analiz Aralık*. 2010 – Cilt. 2. Sayı 24. Pp. 18–27.
15. *Ayhan V. Civil War in Yemen: The Power Struggle, Regional Influences and Relations With Turkey* // *ORSAM*. 2010. No. 10. Pp. 29–45.
16. *Çavuşoğlu M. 2013 Yılına GİRERKEN Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 155 p.
17. *Çavuşoğlu M. 2016 Yılı Başında Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 05.03.2016. 198 p.
18. *Çavuşoğlu M. 2018 GİRERKEN GİRİŞİMCI VE İNSANI Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 17.12.2017. 204 p.
19. *Çavuşoğlu M. 2019 Yılına GİRERKEN Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sisteminde GİRİŞİMCI VE İNSANI Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 17.12.2018. 200 p.
20. *Çavuşoğlu M. 2020 GİRERKEN GİRİŞİMCI VE İNSANI Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 18.11.2019. 195 p.
21. *Çavuşoğlu M. 2021 GİRERKEN GİRİŞİMCI VE İNSANI Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 18.11.2019. 78 p.
22. *Demirci Z. Dışişleri Bakanı Çavuşoğlu: Biz Barış Pınarı Harekatı'nı terör örgütüne karşı yaptık* // *Anadolu Ajansı*. 30.10.2019. Available at: <https://www.aa.com.tr/tr/baris-pinari-harekatini-teror-orgutune-karsi-yaptik/1631132>.
23. *Donelli F., Levaggi A. G. Becoming Global Actor: The Turkish Agenda for the Global South* // *Rising Powers Quarterly*. 2016. Vol. 1. No. 2. Pp. 93–115.
24. *Eray S., Bayram S. The Role Of Turgut Özal In Turkish Foreign And Economic Policy During 1983–1993* // *Social Sciences Studies Journal*. 2018. No. 4 (28). Pp. 6620–6625.
25. *Ertosun E. Change and Leadership in Foreign Policy: The Case of Turgut Ozal's Premiership in Turkey, 1983–1989* // *Mediterranean Quarterly*. 2016. Vol. 27. No. 2. Pp. 47–66.
26. *Mehmed Niyazi Yemen ah Yemen*. Istanbul : Ötüken, 2020. 391 p.
27. *Rüştü Paşa Ah O Yemen'dir Yemen Hatırası*. Istanbul : İz Yayıncılık, 2017. 143 p.
28. *The Riyadh Agreement on Yemen: Arrangements and Chances of Success* // *Arab Center for Research and Policy Studies*. 18.11.2019. Available at: <https://arabcenterdc.org/resource/the-riyadh-agreement-on-yemen-arrangements-and-chances-of-success/>.
29. *TİKA Faaliyet Raporu 2017* // TİKA. 2017. 128 p.
30. *TİKA Faaliyet Raporu 2018* // TİKA. 2017. 136 p.
31. *TİKA Faaliyet Raporu 2019* // TİKA. 2019. 165 p.
32. *Yemen* // Abdullah Gul. Available at: <http://www.abdullahgul.gen.tr/ziyaretler/yemen/ozel>.
33. *Yemen yardım bekliyor* // İHH. Available at: <https://ihh.org.tr/bagis/yemen>.

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.1"17"

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.009

Социальная история второй половины XVIII в. в поле изучения дореволюционной историографии

Гончарова Екатерина Викторовна¹, Павлова Мария Михайловна²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
Псковский государственный университет.

Россия, г. Псков. ORCID: 0000-0001-7089-9187. E-mail: diva1986@yandex.ru

²директор Колледжа, Псковский государственный университет.

Россия, г. Псков. ORCID: 0000-0002-1072-1819. E-mail: margo.lebedeva2011@yandex.ru

Аннотация. Историографическое исследование вопросов социальной истории русского общества второй половины XVIII в. выполнено на основе анализа широкого круга опубликованных материалов дореволюционного периода развития отечественной исторической науки. Актуальность исследования обусловлена вниманием исследователей к истории сословий, социальной истории провинции и дореволюционной России в целом. Авторы дореволюционного периода с особой тщательностью фиксировали не только значимые события с точки зрения социальной, экономической и политической повестки, но и тщательно описывали социальную структуру провинциального общества на основе широкого круга источников, что позволило изучить социальное положение сословий в структуре провинциального общества, процесс приобретения прав и привилегий от государства для одних и процесс закрепощения для других. Целью работы является обобщение исследовательской базы дореволюционного периода с учетом регионального компонента, поскольку провинциальное общество не только отражало общие черты развития социума в масштабах империи, но и характеризовалось региональными особенностями. Предмет изучения данного исследования – социальная история второй половины XVIII в. в поле изучения дореволюционной историографии. Результатом исследования стал комплексный анализ трудов дореволюционных авторов, в которых нашли свое отражение социальные процессы сословного общества Российской империи изучаемого периода. Привлеченные материалы позволили сделать вывод о значительном вовлечении в научный оборот исследователями дореволюционного периода массовых источников административного и церковного учета, многие из которых частично утрачены на данный момент, что позволит восполнить эти пробелы в архивных документах, не сохранившихся до современных историков. Область применения данной работы достаточно широка: от непосредственно историографических изысканий до изучения истории отдельных сословий регионов XVIII столетия.

Ключевые слова: историки, общество, сословия, историческая наука.

Историографическая повестка исторического исследования не только позволяет охарактеризовать вклад предыдущих исследователей в изучаемый вопрос, но и создает то информационное поле, которое формирует фундамент для понимания периода в его содержательной составляющей, с учетом мнений современников изучаемых событий и позднейших изысканий. В связи с этим актуальным становится вопрос обращения к исследованиям дореволюционного периода, их анализа в рамках социальной истории, обращение к которой не теряет свою значимость с развитием исторического знания. Таким образом, актуальность исследования обусловлена вниманием ученых к истории сословий, социальной истории провинции и дореволюционной России в целом в повестке применения метода микроистории. Таким образом, для анализа провинциального социума региона необходимо детально и комплексно изучить все имеющиеся сведения, привлеченные дореволюционными авторами.

Процесс становления и развития сословного общества Российской империи, его характеристики и явления общественной жизни стали интересовать еще современников. Князь М. М. Щербатов, рассуждая о повреждении нравов, утверждал, что добродетель как таковая в обществе и в отдельных сословиях в том числе будет «умножаться» тогда, когда все будут «ревностно» исполнять свои обязанности и трудиться на всеобщее благо [42, с. 84]. К сбору и

анализу статистических данных о народонаселении Российской империи одним из первых исследователей XIX в. обратился К. Ф. Герман. В своих статистических записках он собрал данные о числе и распределении жителей в России по данным 3, 4 и 5-й ревизий. Относительно последнего ревизского описания XVIII в. автор отмечает, что «пятая ревизия, начатая в 1794 г. и к окончанию приведенная в 1796 г., распространялась так же на всех жителей Российских с обыкновенными исключениями... ревизия сия с наивеличайшей точностью приведена к окончанию». Автор отмечает, что население России «более нежели удвоилось» в течение XVIII в. Распределение жителей в труде К. Ф. Германа представлено «в отношении к вере, состоянию и особенным правам и преимуществам» [7, с. 17–47].

П. И. Кеппен собрал значительный массив материалов о численности и составе всех категорий населения России, независимо от вероисповедания, и описал ревизии второй половины XVIII в. Согласно его замечаниям, в ходе третьей ревизии внимание при занесении сведений в формуляр ревизских описаний обращалось преимущественно на мужской пол, однако в сказках «при каждом семействе» показывались и женщины. Это была первая ревизия, произведенная «посредством сказок о каждом селении» без посылки «нарочных ревизоров». П. И. Кеппен отмечает, что одной из задач ревизии была юридическая: «как доказательство состояния записанного лица» [14, с. 1–94].

В. О. Ключевский, рассматривая историю сословий, указывал, что законодательные акты Екатерины Великой («Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г.) завершили процесс образования сословий, чье начало было «в самом возникновении древнерусского Московского государства» [15, с. 3–15]. Относительно правового закрепления сословной структуры общества и роли в этом процессе «Жалованной грамоты» (1762 г.) С. Ф. Платонов отмечал, что с момента появления «Жалованной грамоты» Россия начала превращаться в «односословную монархию», при которой дворянство получало «исключительное господство в государстве» [29, с. 34]. Н. П. Павлов-Сильванский утверждал, что наследственная служба и крупная земельная собственность стали основой феодальной системы и положения дворянства [27, с. 58–192]. П. Н. Милюков отмечал слабость сословной организации дворянства в России [22, с. 47–59]. В то же время К. Д. Кавелин, рассматривая сословную структуру общества Российской империи в контексте теории закрепощения сословий, указывал, что дворянство является таким же подчиненным государству сословием, как и другие общественные группы [12, с. 325–402].

Характеризуя сословное общество Российской империи, А. О. Кошелев отмечает следующее: «Много у нас говорят и пишут о сословиях... а меж тем сословий-то у нас нет ни в жизни, ни в законе». Однако автор выделяет «состояния», которые имеются в обществе, – это дворянство (потомственное и личное); духовенство (монашеское и белое), городские обыватели (среди которых купечество и мещане) и крестьяне [18, с. 3].

Крупный дореволюционный правовед Н. М. Коркунов описал положение различных сословных групп дореволюционной России. Он подробно проанализировал пути приобретения дворянства, отмечая, что «возведение в дворянство особым высочайшим пожалованием представляется редким исключением». При этом, по мнению автора, условия получения дворянства «весьма широки и делают достижение дворянского достоинства весьма незатруднительным». Отмечается и тот факт, что «привилегированное положение дворянства выражается, главным образом, в правах, принадлежащих ему в составе дворянских обществ» [16, с. 288–290]. Что касается мещан, то их положение характеризуется как положение сословной группы, которая «никакими особыми правами не пользуется». При этом купцы, как и мещане, образуют в каждом городе «особое купеческое общество», чья организация подчинена тем же правилам, как и устройство «мещанского общества» [Там же, с. 314].

В этот период многие исследователи изучали вопросы культурной жизни сословий, их быта и обычаев. Так, М. М. Богословский описал быт и нравы привилегированной части общества Российской империи, подробно и содержательно рассматривая как механизмы их эволюции, так и последствия западноевропейского влияния на сословную культуру [2, с. 27–34].

Важной частью характеристики социума является процесс движения населения и определение демографических показателей. Так, С. А. Новосельский, исследователь в сфере естественного движения населения и смертности, отмечал, что «первые исследования о движении населения в России появились в XVIII веке, но исследования эти не имеют научного значения». Он сам стал автором труда, в котором представил «опыт построения первой полной

русской таблицы смертности», где отмечал, что в течение XVII–XVIII вв. над церковными записями постепенно устанавливался контроль светских правительственных властей. Датой составления форм учета движения населения автор указывает 1764 г., когда они были «Высочайше утверждены» [24, с. 3–205].

В. Я. Буняковский осветил многие вопросы социальной истории, определив теоретические аспекты анализа явлений демографических процессов в дореволюционном обществе. В своих трудах он охватывал вопросы, касающиеся теории населения: «неподвижного населения», построения таблиц возрастного состава населения, соотношения между таблицами смертности и таблицами возрастного состава. В работе «Антропобиологические исследования и их приложение к мужскому населению России» он представил ведомость о числе родившихся мужского пола православного вероисповедания за 1796–1799 гг. на основании «метрических данных». Автор отмечал значимость таблиц возрастного состава населения для государства в экономическом и административном отношении [4, с. 54–128].

Изучению отдельных сословий в дореволюционной историографии также уделялось немало внимания. Так, историю дворянства, государственных, социальных функций привилегированной части русского общества, динамику состава, образование, виды служб, гербы, привилегии, их значение и права рассмотрел М. Т. Яблочков [43, с. 53–55]. А. В. Романович-Славатинский в своем труде «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права» отмечал, что «Жалованная грамота дворянству» стала окончательным моментом в истории образования дворянских обществ. Именно она составила из провинциального дворянства губернии «отдельное общество» [33, с. 219–225]. С. А. Корф отмечал, что в провинции дворян было очень мало, так как они находились либо в столицах, либо в войсках. В уездах жили пожилые и беднейшие представители сословия, чье повседневное существование было практически сопоставимо с крестьянским, и только с изданием манифеста 1762 г. дворяне смогли вернуться в свои деревни [17, с. 3]. Проанализировав отношение дворян к службе, С. М. Соловьев выявил различия в отношении к обязанностям у отдельных категорий. Так, дворяне, чьи должности были на высоких позициях, «имели все побуждения продолжить службу», в то время как менее выслужившиеся представители сословия предпочитали ее оставить [37]. Рассматривая служебную деятельность дворян, Д. И. Иловайский отмечал ее значительную роль как в деле защиты страны от внешнего врага, так и в вопросах культуры и просвещения [11, с. 517–628].

Л. М. Савелов описал процедуру формирования дворянских родословных книг, отметив, что с появлением «Табели о рангах» быстро увеличивается число дворянских родов. Древние роды сменяются целой массой новых, происходивших от государственных и военных деятелей XVIII в. [34]. В. К. Лукомский и С. Н. Тройницкий проанализировали дифференциацию дворянских гербов в зависимости от происхождения, положения и богатства владельца. Результатом работы стал список дворянских родов. В этот перечень были отнесены те роды, чей герб был утвержден или пожалован монархом [20]. В. К. Лукомский и Н. А. Типольт обратили внимание на массовое распространение «геральдических вкусов» в начале XVIII в. под влиянием западноевропейских обычаев, что способствовало тому, что гербовая печать стала считаться неотъемлемой принадлежностью человека «честного и старого рода» [19, с. 35–47]. А. О. Гернет изучил законодательство о приобретении дворянского достоинства, началом которого автор определил «Табель о рангах», отметив, что в XVI и XVII вв. русское дворянство состояло из нескольких элементов, объединенных обязательностью службы. «Жалованная грамота» систематизировала основные положения, определяющие статус дворянства, а также расширила «самую систему» Петра I [8, с. 2–6]. И. А. Порай-Кошиц рассмотрел образование дворянского сословия от эпохи Петра I до конца XVIII в., отметив в качестве сословной привилегии неприкосновенность «дворянского достоинства» [31, с. 20–172]. Как отмечал Н. Д. Чечулин, численный рост дворянского сословия и активность его представителей в жизни провинции сыграли весомую роль в появлении самого провинциального общества [41, с. 93–113].

Численность крепостных крестьян, их переселение, в том числе их продажу, наказания и сам процесс управления помещьем, где предметом контроля и распоряжения были брачные отношения крестьян, включая покупку невест, изучил В. И. Семевский. Автор обратился и к проблеме положения бывших церковных крестьян после секуляризации 1764 г. Он использовал в качестве источника для выявления среднего количества земли на крестьянскую душу «Экономические примечания к Генеральному межеванию». Изучив их, автор пришел к выводу об улучшении положения бывших крестьян духовных владельцев после секуляризации, глав-

ным признаком которого, по его мнению, стало уменьшение количества крестьянских волнений [35, с. 158].

Ю. В. Готье отмечал, что повинности крестьян не были оформлены законодательно и определялись помещиком. Автор рассмотрел численность крестьян и их распределение в XVIII в. по данным ревизских описаний, положение отдельных категорий крестьян и их соотношение в имении. Коснулся он и происхождения дворовых, которые, по его замечанию, были особенностью нашего крепостного права [9, с. 111–142].

Положение духовенства второй половины XVIII в. охарактеризовал И. В. Знаменский, обратив внимание на отрицательные последствия реформы 1764 г., результатом которой стало безоговорочное подчинение церкви государству. Он отмечает невнимание к духовенству как сословию и духовенству приходскому в частности, поскольку правительство Екатерины II оставило вопрос обеспечения духовенства без решения [10]. В. О. Милютин пришел к выводу, что вся дальнейшая законодательная деятельность Екатерины Великой и ее преемников ограничилась с тех пор развитием начал, заложенных в реформе 1764 г., их подтверждением и распространением. В исследовании рассматривается история постсекуляризационного развития церковного землевладения в России под покровительством государства [23, с. 568]. И. М. Покровский указал на то, что секуляризация практически полностью изменила прежний строй епархиального управления, «носившего преимущественно вотчинно-владельческий характер», при котором духовные интересы отходили на второе место [30, с. 146–434].

Дореволюционный период богат и работами регионального характера, среди которых необходимо выделить труд митрополита Евгения (Болховитинова) «История княжества Псковского» [3], где можно найти отдельные факты, касающиеся сословий Псковской губернии второй половины XVIII в. Важность работы еще и в том, что это был первый труд по истории Псковщины.

«Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии» И. И. Василёва содержит в себе ценные сведения о территории и расселения по региону, а также пояснения, что следует считать селом, приселком, погостом и т. д. [5] Автором были опубликованы сведения о «числе ревизских душ Псковской губернии», которые были записаны за разными сословиями согласно переписи 1756 г. В публикации представлены сведения о числе крепостных во владении Псковского архиерейского дома, монастырей, церквей, дворцовой вотчине и помещиков. Имеются сведения и о купечестве и «оного купечества работниках», разночинцах, ямщиках [6, с. 17–42].

Д. Лазарев, изучая материалы архива Псковского губернатора, оставил краткое, но достаточно информативное описание Псковского наместничества. Его описание, несмотря на некоторые технические погрешности при учете населения, содержит значительный массив сведений о народонаселении региона. Автором не только представлены статистические данные, но и приведена характеристика занятий отдельных категорий населения провинциального общества. В частности, указаны заводы, которыми владели дворяне в различных уездах. Группировка жителей региона формируется по сословному признаку [32].

И. М. Картавцов опубликовал алфавитный список дворян с указанием литературы, в приложении к которому автор приводит список дворянских родов, внесенных в родословную книгу Псковской губернии к 1 июля 1916 г. [13] В списке Н. И. Акулова можно уточнить личности предводителей дворянства и время пребывания их в должности [1, с. 149–155].

Отдельным дворянским фамилиям в дореволюционной историографии также уделялось внимание. Так, С. В. Любимов оставил заметки о князьях Костровых, где привел отдельные сведения о личностях, принадлежавших к этому древнему дворянскому роду [21, с. 219–225].

Л. И. Софийский представил жизнеописание Л. А. Травина в трудах Псковского археологического общества. Леонтий Автономович Травин происходил из крепостных крестьян Псковской губернии, после получения вольной грамотный и предприимчивый человек стал активно заниматься повышением своего материального благосостояния. Ему принадлежит труд «Исторические известия, касающиеся до начала и перемен города Опочки» [38, с. 25–37]. В этом же выпуске издания Псковского археологического общества и были опубликованы записки Л. А. Травина, в которых он не только оставил подробное описание собственного жизненного пути, но и охарактеризовал сословное общество второй середины – второй половины XVIII в., представив подробные картины быта и профессиональной деятельности отдельных представителей сословий [40, с. 38–72]. Л. И. Софийский, так же как и Л. А. Травин, стал автором книги по истории города Опочки и Опочецкому уезду, где были опубликованы факты и

события жизни провинциального общества уезда второй половины XVIII в. с описанием «занятий опочан», таких как земледелие и торговля, а также «о типах Опочецких помещиков» [39, с. 124–128].

Н. Ф. Окулич-Казарин стал автором объемного справочного издания по истории Псковщины [25, с. 124–128] и опубликовал «старинные документы» по истории региона второй половины XVIII в., где отражены социальные отношения помещиков и крестьян в призме крепостного права и организации быта. Так, примечательным фактом, характеризующим провинциальное дворянство через отдельных представителей привилегированного сословия региона, является описание помещика Пальчикова как «заботливого, обстоятельного и весьма строгого деревенского хозяина, входящего во все мелочи помещичьего распорядка» [26, с. 11–13].

В истории изучения псковской монастырской жизни Н. Серебрянский представил традиционную классификацию монастырей, разделив их на большие общежитийные, средние, маленькие. К категории «больших» автор относил монастыри, которые представляли собой самостоятельные единицы. В своем историческом очерке монастырской жизни он касался вопросов хозяйственного быта псковских монастырей XV–XVIII вв. Одной из главных причин, задерживающих развитие монастырского хозяйства, по мнению Н. Серебрянского, была малочисленность монастырских селений. Активное развитие духовных вотчин сдерживала заброшенность монастырских владений. Так, автор свидетельствует о структуре монастырских владений, которые «в редких случаях представляли собой ряд более или менее населенных деревень». Причинами, сдерживающими развитие монастырского землевладения, по мнению автора, стали низкая плодородность почв и частое участие Пскова в войнах [36, с. 427].

Пространное описание дореволюционной жизни города Острова и его уезда оставил Н. А. Панов [28]. История как отдельных жителей, так и целых сословий самого города и его окрестностей описана автором в хронологическом порядке с обстоятельными характеристиками происходивших событий. Относительно учета населения и характеристики третьей ревизии автор отмечает, что «эта ревизия отличалась от двух первых тем, что производилась без посылки офицеров; подача сказок была сосредоточена в губернских, провинциальных и воеводских канцеляриях». В 1767 г., по данным Н. А. Панова, в городе Острове было «120 граждан и столько же разночинцев, всего 150 домов. Однако есть значительные купцы, которые ведут торговлю льном и пенькой, доставляя их в Нарвскую гавань, и пользуются там кредитом». Описывает автор и роль дворянства в провинциальном социальном обществе уезда. Так, в 1772 г. во время эпидемии, которая затронула и Островский уезд, «частные смотрители из дворян» наблюдали «о народном здравии», пересматривая сельских обывателей на предмет отделения больных от здоровых, выстроив для больных особые избы [Там же, с. 215–216].

Авторы дореволюционного периода с особой тщательностью фиксировали не только значимые события с точки зрения социальной, экономической и политической повестки, но и тщательно описывали социальную структуру провинциального общества на основе широкого круга источников, что позволило изучить социальное положение сословий в структуре провинциального общества, процесс приобретения прав и привилегий от государства для одних и процесс закрепощения для других. Отношения между представителями разных сословий и внутри корпорации, быт и общественная жизнь стали ключевыми вопросами изучения сословий и характеристики этих общественных групп. Исследователям дореволюционного периода удалось проанализировать формирование и развитие сословий второй половины XVIII в. через нормативно-правовое регулирование их положения со стороны государства, характеристику корпоративной организации, права и привилегии. Движение населения и привлечение материалов административного и церковного учета также стало предметом изысканий авторов дореволюционной поры, а приведенные статистические сведения стали доступны широкому кругу исследователей благодаря скрупулёзной работе историков и современному уровню развития цифровой реальности, явив широкой научной общественности доступ к публикациям редких книг в онлайн-формате.

Список литературы

1. Акулов Н. И. Список предводителей дворянства Псковской губернии // Сборник Псковской губернской ученой архивной комиссии. Псков : Тип. губернского правления, 1917. 271 с.
2. Богословский М. М. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1906. 58 с.
3. Болховитинов Е. А. История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова : в 4 ч. Ч. 4. Киев : Тип. Киево-Печер. лавры, 1831. 208 с.

4. Буняковский В. Я. Антропобиологические исследования и их приложение к мужскому населению России. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1874. 152 с.
5. Василёв И. И. Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии. Псков : Тип. губернского правления, 1882. 353 с.
6. Василёв И. И. Сведения о числе ревизских душ Псковской губернии, числящихся за разными условиями и учреждениями по переписи 1756 г. // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1896 г. Псков, 1897. С. 17–42.
7. Герман К. Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. Ч. I. О народонаселении. СПб. : Печатано при Императорской Академии наук, 1819. 325 с.
8. Гернет А. О. Законодательство о приобретении дворянского достоинства Российской империи. СПб. : К. А. Риккер, 1898. 37 с.
9. Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад : Тип. И. И. Иванова, 1915. 208 с.
10. Знаменский И. В. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М. : тип. М. Н. Лаврова и К°, 1880. 186 с.
11. Иловайский Д. И. История России : в 5 т. Т. 5. СПб. : Тип. Грачева и К°, 1905. 663 с.
12. Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Вестник Европы. 1866. Т. 2. С. 325–402.
13. Картавцов И. М. Биографические заметки по истории некоторых дворянских фамилий, поместных в Псковской губернии. Псков : Тип. губернского правления, 1916. 29 с.
14. Кеппен П. И. О народных переписях в России // Записки императорского русского географического общества. СПб. : Тип. М-ва вн. дел, 1889. Т. 6. 94 с.
15. Ключевский В. О. История сословий в России : лекции ордин. проф. В. О. Ключевского, [чит. в Моск. ун-те]. М., 1886. 196 с.
16. Коркунов М. Н. Русское государственное право. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. Т. 1. 630 с.
17. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 гг. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1906. 720 с.
18. Кошелев А. О. О сословиях и состояниях в России. М. : Печатня С. П. Яковлева, 1881. 16 с.
19. Лукомский В. К., Тимольт Н. А. Русская геральдика: Руководство к составлению и описанию гербов. Пг. : Имп. О-во поощрения художеств, 1915. 51 с.
20. Лукомский В. К., Троицкий С. Н. Указатели к высочайше утвержденному Общему Гербовнику дворянских родов Всероссийской Империи и Гербовнику дворянских родов Царства Польского. СПб. : Тип. Сириус, 1910. 153 с.
21. Любимов С. В. Князья Костровы // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1896 г. Псков : Тип. губернского правления, 1897. С. 219–225.
22. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1904. 223 с.
23. Милютин В. О. О недвижимых имуществах духовенства в России. М. : Унив. тип., 1862. 571 с.
24. Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг. : Тип. М-ва вн. дел, 1916. 208 с.
25. Окулич-Казарин Н. Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков : Псковское археол. о-во, 1913. 331 с.
26. Окулич-Казарин Н. Ф. Старинный документ // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1914–1915 гг. Псков : Электр. типо-лит. Псковского Губернского Земства, 1915. 338 с.
27. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб. : Гос. тип., 1898. 330 с.
28. Панов Н. А. Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии : (материалы к истории г. Острова и его уезда). Остров : Тип. А. И. Фуфаевой, 1913. 416 с.
29. Платонов С. Ф. Лекции по русской истории Профессора Платонова. Вып. III. СПб. : Столичная Скоропечатня, 1899. 204 с.
30. Покровский И. М. Русские епархии в XVI–XIX вв. Их открытие, состав, пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань : Центр. тип., 1913. Т. 2. 966 с.
31. Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от первой половины IX до конца XVIII века. 862–1796. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1874. 256 с.
32. Псковское наместничество. По материалам архива Псковского губернатора собрал Д. Лазарев. Псков : Тип. губернского правления, 1887. 38 с.
33. Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1870. 554 с.
34. Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте преподавателем Института Л. М. Савеловым. Первое полугодие. М. : Моск. археол. ин-т, 1908. 115 с.
35. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II : в 2 т. Т. 2. СПб. : Тип. Ф. С. Сущинского, 1901. 865 с.
36. Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1908. 586 с.
37. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. XXVI–XXIX. СПб. : Товарищество «Общественная польза», 1851–1879. 595 с.

38. Софийский Л. И. Л. А. Травин // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1913–1914 гг. Псков : Тип. губернского правления, 1914. 191 с.

39. Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. (1414–1914 гг.) Псков : Опочеч. гор. дума, 1912. 209 с.

40. Травин Л. А. Записки Л. А. Травина // Сборник трудов членов Псковского археологического общества за 1913–1914 гг. Псков : Тип. губернского правления, 1914. 191 с.

41. Чечулин Н. Д. Русское провинциальное общество второй половины XVIII в. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1889. 121 с.

42. Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. СПб. : В. Врублевский, 1906. 84 с.

43. Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1876. 680 с.

Social history of the second half of the XVIII century in the field of studying pre-revolutionary historiography

Goncharova Ekaterina Viktorovna¹, Pavlova Maria Mikhailovna²

¹PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of National History, Pskov State University, Russia, Pskov. ORCID: 0000-0001-7089-9187. E-mail: diva1986@yandex.ru

²director of the College, Pskov State University.

Russia, Pskov. ORCID: 0000-0002-1072-1819. E-mail: margo.lebedeva2011@yandex.ru

Abstract. Historiographical research of the issues of the social history of Russian society in the second half of the XVIII century is based on the analysis of a wide range of published materials of the pre-revolutionary period of the development of Russian historical science. The relevance of the study is due to the attention of researchers to the history of estates, the social history of the province and pre-revolutionary Russia as a whole. The authors of the pre-revolutionary period recorded with special care not only significant events from the point of view of the social, economic and political agenda, but also carefully described the social structure of provincial society on the basis of a wide range of sources, which made it possible to study the social position of estates in the structure of provincial society, the process of acquiring rights and privileges from the state for some and the process of enslavement for others. The aim of the work is to generalize the research base of the pre-revolutionary period, taking into account the regional component, since provincial society not only reflected the general features of the development of society on the scale of the empire, but was also characterized by regional peculiarities. The subject of this study is the social history of the second half of the XVIII century. in the field of studying pre-revolutionary historiography. The result of the study was a comprehensive analysis of the works of pre-revolutionary authors, which reflected the social processes of the estate society of the Russian Empire of the studied period. The materials involved allowed us to conclude that researchers of the pre-revolutionary period significantly involved in scientific circulation mass sources of administrative and church records, many of which are partially lost at the moment, which will make it possible to fill in these gaps in archival documents that have not survived to modern historians. The scope of this work is quite wide: from direct historiographical research to the study of the history of individual estates of the regions of the XVIII century.

Keywords: historians, society, estates, historical science.

References

1. Akulov N. I. *Spisok predvoditelej dvoryanstva Pskovskoj gubernii* [List of the leaders of the nobility of the Pskov province] // *Sbornik Pskovskoj gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii* – Collection of the Pskov Provincial Scientific Archival Commission. Pskov. Typ. of the provincial government. 1917. 271 p.

2. Bogoslovskij M. M. *Byt i nruvy russkogo dvoryanstva v pervoj polovine XVIII veka* [The life and customs of the Russian nobility in the first half of the XVIII century]. M. Typ. of G. Lissner and D. Sovko. 1906. 58 p.

3. Bolhovitinov E. A. *Istoriya knyazhestva Pskovskogo s prisovokupleniem plana goroda Pskova : v 4 ch. Ch. 4* [History of the Principality of Pskov with the addition of the Pskov city plan : in 4 parts. Part 4]. Kiev. Typ. of Kiev-Pechersk lavra. 1831. 208 p.

4. Bunyakovskij V. Ya. *Antropobiologicheskie issledovaniya i ih prilozhenie k muzhskomu naseleniyu Rossii* [Anthropobiological studies and their application to the male population of Russia]. SPb. Typ. of Imperial Academy of Sciences, 1874. 152 p.

5. Vasilyov I. I. *Opyt statisticheskogo-geograficheskogo slovarya Pskovskogo uyezda Pskovskoj gubernii* [The experience of the statistical and geographical dictionary of the Pskov district of the Pskov province]. Pskov. Typ. of the provincial government. 1882. 353 p.

6. Vasilyov I. I. *Svedeniya o chisle revizskih dush Pskovskoj gubernii, chislyashchihsya za raznymi sosloviyami i uchrezhdeniyami po perepisi 1756 g.* [Information on the number of audit souls of the Pskov province, listed for different estates and institutions according to the census of 1756] // *Sbornik trudov chlenov*

Pskovskogo arheologicheskogo obshchestva za 1896 g. – Collection of works of members of the Pskov Archaeological Society for 1896. Pskov. 1897. Pp. 17–42.

7. Herman K. F. *Statisticheskie issledovaniya otnositel'no Rossijskoj imperii. Ch. I. O narodonaselenii* [Statistical research on the Russian Empire. Part I. On population]. SPb. Published at the Imperial Academy of Sciences. 1819. 325 p.

8. Gernet A. O. *Zakonodatel'stvo o priobretenii dvoryanskogo dostoinstva Rossijskoj imperii* [Legislation on the acquisition of noble dignity of the Russian Empire]. SPb. K. A. Rikker. 1898. 37 p.

9. Gauthier Yu. V. *Oчерк istorii zemlevladieniya v Rossii* [An essay on the history of land ownership in Russia]. Sergiev Posad. I. I. Ivanov's Typography. 1915. 208 p.

10. Znamenskij I. V. *Polozhenie duhovenstva v carstvovanie Ekateriny II i Pavla I* [The position of the clergy in the reign of Catherine II and Paul I]. M. Typ. of M. N. Lavrov and Co. 1880. 186 p.

11. Ilovajskij D. I. *Istoriya Rossii : v 5 t. T. 5* [History of Russia : in 5 vols. Vol. 5]. SPb. Typ. of Grachev and Co. 1905. 663 p.

12. Kavelin K. D. *Mysli i zametki o russkoj istorii* [Thoughts and notes on Russian history] // *Vestnik Evropy* – Herald of Europe. 1866. Vol. 2. Pp. 325–402.

13. Kartavcov I. M. *Biograficheskie zametki po istorii nekotoryh dvoryanskijh familij, pomestnyh v Pskovskoj gubernii* [Biographical notes on the history of some noble families, local in Pskov province]. Pskov. Typ. of the provincial government. 1916. 29 p.

14. Keppen P. I. *O narodnyh perepisyah v Rossii* [On national censuses in Russia] // *Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* – Notes of the Imperial Russian Geographical Society. SPb. Typ. of Ministry of internal affairs. 1889. Vol. 6. 94 p.

15. Klyuchevskij V. O. *Istoriya soslovij v Rossii : lekcii ordin. prof. V. O. Klyuchevskogo, [chit. v Mosk. un-te]* [The history of estates in Russia : lectures by ordin. Prof. V. O. Klyuchevsky, [read in Moscow University]]. M. 1886. 196 p.

16. Korkunov M. N. *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian State law]. SPb. Typ. of M. M. Stasyulevich. 1909. Vol. 1. 630 p.

17. Korf S. A. *Dvoryanstvo i ego soslovnoe upravlenie za stoletie 1762–1855 gg.* [The nobility and its estate management for the century 1762–1855]. SPb. Typ. of Trenke and Fusno. 1906. 720 p.

18. Koshelev A. O. *O sosloviyah i sostoyaniyah v Rossii* [About estates and states in Russia]. M. S. P. Yakovlev's Printing Press. 1881. 16 p.

19. Lukomskij V. K., Tipol't N. A. *Russkaya geraldika: Rukovodstvo k sostavleniyu i opisaniyu gerbov* [Russian heraldry: A guide to the compilation and description of coats of arms]. Pg. Imperial Society of the Encouragement of Arts. 1915. 51 p.

20. Lukomskij V. K., Trojnickij S. N. *Ukazateli k vysochajshe utverzhdennomu Obshchemu Gerbovniku dvoryanskijh rodov Vserossijskoj Imperii i Gerbovniku dvoryanskijh rodov Carstva Pol'skogo* [Pointers to the most highly approved General Coat of Arms of the noble families of the All-Russian Empire and the Coat of Arms of the noble families of the Kingdom of Poland]. SPb. Typ. Sirius. 1910. 153 p.

21. Lyubimov S. V. *Knyaz'ya Kostrovy* [Knyazi Kostrovy] // *Sbornik trudov chlenov Pskovskogo arheologicheskogo obshchestva za 1896 g.* – Collection of works of members of the Pskov Archaeological Society for 1896. Pskov. Typ. of the provincial government. 1897. Pp. 219–225.

22. Milyukov P. N. *Oчерki po istorii russkoj kul'tury. Ch. I* [Essays on the history of Russian culture. Part I]. SPb. Typ. of I. N. Skorokhodov. 1904. 223 p.

23. Milyutin V. O. *O nedvizhimykh imushchestvah duhovenstva v Rossii* [On the immovable property of the clergy in Russia]. M. Univ. typ. 1862. 571 p.

24. Novosel'skij S. A. *Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii* [Mortality and life expectancy in Russia]. Pg. Typ. of Ministry of Internal Affairs. 1916. 208 p.

25. Okulich-Kazarin N. F. *Sputnik po drevnemu Pskovu* [A companion to ancient Pskov]. Pskov. Pskov archeol. Society. 1913. 331 p.

26. Okulich-Kazarin N. F. *Starinnyj dokument* [Ancient document] // *Sbornik trudov chlenov Pskovskogo arheologicheskogo obshchestva za 1914–1915 gg.* – Collection of works of members of the Pskov Archaeological Society for 1914–1915. Pskov. Electric. Typ.-lit. Pskov Provincial Zemstvo, 1915. 338 p.

27. Pavlov-Sil'vanskij N. P. *Gosudarevy sluzhilye lyudi. Proiskhozhdenie russkogo dvoryanstva* [The sovereign's servants. The origin of the Russian nobility]. SPb. State Printing House. 1898. 330 p.

28. Panov N. A. *Letopis' g. Ostrova i ego uezda Pskovskoj gubernii: (materialy k istorii g. Ostrova i ego uezda)* [Chronicle of the Island and its county of Pskov province: (materials for the history of the Island and its county)]. Ostrov. Typ. of A. I. Fufaev. 1913. 416 p.

29. Platonov S. F. *Lekcii po russkoj istorii Professora Platonova. Vyp. III* [Lectures on Russian history by Professor Platonov. Is. III]. SPb. Stolichnaya Skoropechatnya. 1899. 204 p.

30. Pokrovskij I. M. *Russkie eparhii v XVI–XIX vv. Ih otkrytie, sostav, predely. Opyt cerkovno-istoricheskogo, statisticheskogo i geograficheskogo issledovaniya* [Russian dioceses in the XVI–XIX centuries. Their discovery, composition, limits. Experience of church-historical, statistical and geographical research]. Kazan. Center. typ. 1913. Vol. 2. 966 p.

31. Poraj-Koshic I. A. *Ocherk istorii russkogo dvoryanstva ot pervoj poloviny IX do konca XVIII veka. 862–1796* [An essay on the history of the Russian nobility from the first half of the IX to the end of the XVIII century. 862–1796]. SPb. V. S. Balashev Typ. 1874. 256 p.
32. *Pskovskoe namestnichestvo. Po materialam arhiva Pskovskogo gubernatora sobral D. Lazarev* – Pskov viceroyalty. Based on the materials of the Pskov Governor's archive, collected by D. Lazarev. Pskov. Typ. of the provincial government. 1887. 38 p.
33. Romanovich-Slavatinskij A. V. *Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava* [The nobility in Russia from the beginning of the XVIII century to the abolition of serfdom]. SPb. Typ. of Ministry of Internal Affairs. 1870. 554 p.
34. Savelov L. M. *Lekcii po russkoj genealogii, chitannye v Moskovskom arheologicheskom institute prepodavatelem Instituta L. M. Savelovym. Pervoe polugodie* [Lectures on Russian genealogy, delivered at the Moscow Archaeological Institute by the Institute's teacher L. M. Savelov. The first half of the year]. M. Moscow Archaeological Institute. 1908. 115 p.
35. Semevskij V. I. *Krest'jane v carstvovanie imperatricy Ekateriny II : v 2 t. T. 2* [Peasants in the reign of Empress Catherine II : in 2 vols. Vol 2]. SPb. Typ. of F. S. Sushchinsky. 1901. 865 p.
36. Serebryanskij N. I. *Ocherki po istorii monastyrskoj zhizni v Pskovskoj zemle* [Essays on the history of monastic life in the Pskov land]. M. Society of the history and antiquities of Russia at Moscow University. 1908. 586 p.
37. Solov'ev S. M. *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Kn. 6. T. XXVI–XXIX* [The history of Russia since ancient times. Book 6. Vol. XXVI–XXIX]. SPb. Partnership "Public benefit". 1851–1879. 595 p.
38. Sofijskij L. I. L. A. Travin [L. A. Travin] // *Sbornik trudov chlenov Pskovskogo arheologicheskogo obshchestva za 1913–1914 gg.* – Collection of works of members of the Pskov Archaeological Society for 1913–1914. Pskov. Typ. of the provincial government. 1914. 191 p.
39. Sofijskij L. I. *Gorod Opochka i ego uezd v proshlom i nastoyashchem (1414–1914 gg.)* [The city of Opochka and its county in the past and present (1414–1914)]. Pskov. Opochka city Duma. 1912. 209 p.
40. Travin L. A. *Zapiski L. A. Travina* [Notes of L. A. Travin] // *Sbornik trudov chlenov Pskovskogo arheologicheskogo obshchestva za 1913–1914 gg.* – Collection of works of members of the Pskov Archaeological Society for 1913–1914. Pskov. Typ. of the provincial government. 1914. 191 p.
41. Chechulin N. D. *Russkoe provincial'noe obshchestvo vtoroj poloviny XVIII v.* [Russian provincial society of the second half of the XVIII century]. SPb. V. S. Balashev typ. 1889. 121 p.
42. Shcherbatov M. M. *O povrezhdenii nraov v Rossii* [On the damage of morals in Russia]. SPb. V. Vrublevsky. 1906. 84 p.
43. Yablochkov M. T. *Istoriya dvoryanskogo sosloviya v Rossii* [The history of the nobility in Russia]. SPb. Typ. of A. M. Kotomin. 1876. 680 p.

Дискурс о патриотизме в советском историческом образовании послевоенного периода

Тихомиров Никита Вадимович

кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения,
Российский государственный гуманитарный университет.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-2808-3763. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса становления и реализации патриотического дискурса в контексте образовательной и просветительской деятельности советского государства конца 1930-х – начала 1950-х гг. Проанализированы закономерности складывания идейного концепта «советский патриотизм» как одного из ключевых элементов в системе советской пропаганды и агитации в указанный период. Актуальность исследования обусловлена устойчиво высоким интересом со стороны научных кругов и общественности к истории эпохи сталинизма. Кроме того, особую остроту обретает проблема патриотического воспитания в условиях современности, что даёт основания для внимательного изучения опыта прошлого и делает его востребованным в текущих условиях. Основу источниковой базы составили архивные материалы, раскрывающие содержание и внутреннюю логику работы советских историков и методистов, участвовавших в организации учебной, воспитательной и просветительской деятельности в послевоенное время. Показаны предпосылки интеграции патриотической тематики в структуру политического дискурса, а также научную и образовательную сферы. Выявлены ключевые задачи, решавшиеся советским руководством при обращении к патриотической тематике. Прослежены семантические изменения в официальном дискурсе о советском патриотизме в период послевоенного развития СССР. Раскрыты закономерности формирования смысловой и содержательной наполненности понятия «советский патриотизм». Сделаны выводы о целях и способах актуализации патриотической риторики в сфере образования и просвещения. Результаты исследования призваны углубить и уточнить существующие научные представления об идейно-воспитательной политике советского государства сталинского периода и могут быть использованы в научной, методической, просветительской работе.

Ключевые слова: идеология, И. В. Сталин, историческое образование, пропаганда, советский патриотизм.

В центре рассмотрения находится один из коренных элементов советской системы пропаганды – концепт советского патриотизма. Формат статьи не позволяет представить во всей полноте функционирование дискурса о патриотизме в советском обществе. Это требовало бы как досконального анализа понятия советского патриотизма, так и подробного исследования идейного контекста его актуализации. Такая задача отчасти решена в ряде современных исследований [5; 25], позволяющих составить представление об особенностях советской гуманитарной политики. Мы же, обращаясь к более узкой тематике, намерены показать, как происходило преломление комплекса патриотических представлений в системе советского народного просвещения.

Проблема исследования распадается на два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, когда и почему тема советского патриотизма была введена сообществом историков и методистов в структуру представлений о функциях исторического образования в СССР? Во-вторых, каким образом названная тема была актуализована в научных публикациях и установочных документах, относящихся к организации системы исторического образования? Поставленные вопросы определяют хронологические рамки анализа. Нижней временной границей для нас является конец 1930-х гг. – это время оформившегося идейного поворота в политике партийно-государственного руководства, когда патриотическая риторика была возвращена в систему политической пропаганды. Верхняя временная граница относится к исходу 1940-х – началу 1950-х гг. Это период послевоенного восстановления страны, осознания новых внешних вызовов и связанного с этим стремления закрепить и усилить патриотические установки в системе идейной мотивации населения. На годы позднего сталинизма приходится завершение процесса концептуального оформления советского патриотизма как составной части смыслового ядра советской культуры.

Итак, объектом анализа выступает дискурс о советском патриотизме конца 1930-х – начала 1950-х гг., предметом являются особенности встраивания данного дискурса в систему исторического образования СССР.

В функциональном отношении патриотизм как смысловой конструкт служит обеспечению двух взаимосвязанных направлений в деятельности государства. Во-первых, определяет содержание воспитательной работы, создающей возможности для массовой идейно-нравственной мобилизации общества. Во-вторых, задаёт условия и характер целеполагания и постановки рабочих задач в деле принятия управленческих решений.

Отношение большевистского руководства к патриотической тематике в эпоху советской культурной революции было откровенно враждебным. Начавшаяся в 1929 г. эпоха «великого перелома» не принесла поначалу заметных изменений. Примечательно выступление И. В. Сталина на XVII съезде ВКП(б), проходившем в январе–феврале 1934 г. В своём докладе он остановился на проблемах идейно-политического руководства и указал в качестве насущных задач преодоление пережитков чуждой «буржуазной» идеологии, усиление теоретической подготовки членов партии, борьбу с «национал-уклонистами всякого рода» [3, с. 28]. Звучавшие заявления выражали озабоченность низким уровнем социалистической грамотности ответственных руководителей и рядовых членов партии. Недовольство Сталина вызвало идейное нестроение в рядах партии, что, по его мнению, препятствовало успешному проведению в жизнь масштабных социально-экономических мероприятий. «Остатки идеологии разбитых антипартийных групп имеют довольно большую живучесть» [3, с. 30], – констатировал он. Главной задачей на фронте идейно-политической работы советский руководитель видел изживание чуждых марксизму-ленинизму течений. Таким образом, для высшего партийно-государственного руководства содержанием политической повестки середины 1930-х гг. оставалась борьба за чистоту господствующей идеологии. Соответствующие установки проецировались на работу профессионального сообщества учёных-историков, методистов и преподавателей.

Примечательно, что проблема патриотизма не артикулировалась делегатами партсъезда в 1934 г. и не была заявлена в числе ведущих направлений идейно-просветительской работы. О патриотизме как таковом в ходе выступлений было упомянуто лишь несколько раз, причём в контексте критики зарубежных буржуазных обществ [3, с. 330, 346, 349].

Причину пренебрежения патриотической тематикой на официальном уровне в это время раскрыл М. И. Калинин в докладе, сделанном 2 октября 1940 г. на собрании московского партактива. Председатель Президиума ВС СССР отметил, что до революции слово «патриотизм» широко использовали различные реакционные круги, отчего слово «опоганилось», и «наиболее честные люди», усматривая в нём «национальный шовинизм», считали невозможным причислить себя к патриотам [13, с. 71–72]. Соответствующие установки были восприняты и усвоены представителями гуманитарной науки, в частности сообществом историков – учёных и преподавателей. Вектор просветительской работы государства в середине 1930-х гг. был направлен к формированию в массовом сознании единой системы выверенных марксистско-ленинских представлений, последовательную дискредитацию и устранение изо всех сфер общественной жизни признанных идейно вредными положений. Такая повестка закономерно была подхвачена учёными и педагогами. Важно помнить, что многие крупные историки – организаторы науки и системы образования, в особенности представители нового поколения историков-марксистов, понимали свою деятельность как строго подчинённую политической целесообразности [2, ф. 2306, оп. 70, д. 3510, л. 45].

Так, в начале 1935 г. руководство курсов усовершенствования преподавателей-историков средней школы при МГУ разослало слушателям методическое письмо, в котором разъясняло ключевые задачи предстоящего обучения: «В результате изучения курса заочник должен отчётливо представлять себе причины, ход и следствия Октябрьской социалистической революции, почему Октябрь победил в первую очередь в России, содержание и мировое значение социалистического строительства» [2, ф. 2306, оп. 70, д. 3510, л. 41]. В духе сталинских формулировок, озвученных на последнем партийном съезде, авторы письма призывали учителей уделять особое внимание борьбе партии с «различными оппортунистическими течениями и контрреволюционным троцкизмом» [2, ф. 2306, оп. 70, д. 3510, л. 41 об. – 42].

Таким образом, идеалы патриотизма, будучи дискредитированными на высшем государственном уровне, оказались невостребованными и в системе советского образования. Из-

менения в содержании гуманитарной политики обозначились к исходу 1930-х гг. Знаменательным стал пересмотр подхода к содержанию исторического образования, вылившийся в разработку новой концепции истории СССР, в официальной риторике появились тезисы о величии русского народа, его исторической роли. В новых условиях идея патриотизма была постепенно реабилитирована. Подспудно была разработана теоретическая схема, различавшая две качественно противоположные формы патриотизма: буржуазную и советскую [1, ф. 32, оп. 2, д. 493, л. 4]. Так удалось, с одной стороны, избежать противоречия, вызванного простым восстановлением опороченного ранее понятия, а с другой стороны, показать преемственность и развитие идейной надстройки в духе диалектического учения.

Ощутимое и порой решающее влияние на учёное сообщество оказывали новации в политической сфере. Показательны формулировки, содержащиеся в докладах XVIII съезда ВКП(б) 10–21 марта 1939 г. В докладе Сталина прозвучали слова о советском патриотизме как движущей силе советского общества [4, с. 26], его «развитие и культивирование» было названо задачей партии во внутренней политике. К идее советского патриотизма в этот раз обращались и такие деятели, как Е. М. Ярославский, Л. П. Берия, Н. М. Шверник, К. Е. Ворошилов, Л. З. Мехлис.

Таким образом, указанный концепт прочно вошёл в политическое сознание государственных функционеров. Заметно его влияние и на сферу пропагандистской деятельности. В исходе 1930-х гг. увидели свет книги популярной направленности, призванные распространить патриотическую повестку в массовом сознании [9; 26]. Те же тенденции затронули историческое образование, прежде всего, наиболее массовое его звено – среднюю школу. Тема патриотизма получила развитие в школьном учебнике, подготовленном группой видных советских историков и выпущенном весной 1941 г. Так, «пылким патриотом своей родины» в нём назван автор «Слова о полку Игореве» [11, с. 52]. Как фактор преодоления Смуты начала XVII в. объявлено «патриотическое движение против поляков» [11, с. 162], а решающей причиной победы русской армии в войне 1812 г. – «общий подъём народного патриотизма в России» [11, с. 318].

Тезисы нового содержания появляются в периодической печати. Так, статья в журнале «Большевик» середины 1937 г. характеризовала школьный учебник для младших классов как «пронизанный духом советского патриотизма» [15, с. 24]. Это позволяет говорить об успешной рецепции советским историческим сообществом заданного «сверху» идейного посыла, его встраивании в систему профессионального мировоззрения. Закрепление патриотической дискурсивной практики происходило в военную пору, «подъём патриотической риторики накануне и в годы Великой Отечественной войны оказал мощное воздействие на идейно-воспитательную политику государства, а через неё – на сферу научной работы» [23, с. 125]. В разгар боёв под Москвой М. И. Калинин в речи, произнесённой перед представителями комсомола, указывал, что «проповедь советского патриотизма не может быть оторванной, не связанной с корнями прошлой истории своего народа» [13, с. 83–84].

Остро возникающая потребность в идейной мобилизации подстегнула перестройку теоретических установок в области образования и просвещения и соответствующей системы нормативных высказываний. «Никогда роль советского учительства не была так велика и ответственна, как в настоящее время» [19, с. 3], – писали в 1942 г. авторы методического пособия для учителей. Тогда же А. М. Панкратова, крупный историк и организатор образования, чётко сформулировала главнейшую задачу советской педагогики: «Воспитание в миллионных массах подрастающей молодёжи чувства советского патриотизма» [17, с. 145].

И. В. Сталин в публичных выступлениях военного времени поднял идею патриотизма на качественно новый уровень, сообщив ей дополнительную смысловую насыщенность. В 1944 г. он объявил, что подвиги советских людей в тылу и на фронте «имеют своим источником горячий и животворный советский патриотизм» [22, с. 146]. Учитывая скрупулёзность Сталина в деле идеологической риторики, можно утверждать, что появление в его речи нового торжественного эпитета свидетельствует о возросшем внимании к патриотической тематике и её конкретному содержанию. Развивая мысль, вождь указывал, что «в советском патриотизме гармонично сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза» [22, с. 146].

Завершение войны и переход к мирной жизни не упразднили патриотическую повестку. Напротив, послевоенное время знаменуется усложнением дискурса об отношениях гражданина с Родиной. В период позднего сталинизма закрепляются и риторически совершенству-

ются соответствующие дискурсивные практики. Продолжается теоретическое осмысление понятия «советский патриотизм» и творческое развитие связанных с ним представлений. Показательным является труд популярно-просветительской направленности «Наша великая Родина» (1946). Авторский коллектив составили крупные советские историки и организаторы науки: А. М. Панкратова, И. И. Минц, А. Л. Сидоров и др. Дело патриотического воспитания советских граждан оказалось поставлено на прочную академическую основу.

Указанный труд представлял собой короткий обзор истории СССР, поданной как прогрессивное развитие народов страны во главе с великим русским народом. Вехи прошлого живописались высокопарным слогом, характеристикой ряда выдающихся деятелей разных времён служила их любовь к Отечеству. Даже события октября 1917 г. получили патриотическое измерение [16, с. 301], а большевики были названы «пламенными патриотами своего отечества» [16, с. 330]. Вообразить подобные трактовки в литературе 1920-х – 1930-х гг. решительно невозможно.

Книга учила, что советский патриотизм есть «сила совсем особенная, не знающая себе равных в других странах, у других народов» [16, с. 492]. Авторы использовали разнообразные риторические конструкты, не свойственные в основном довоенным дискурсивным практикам, как-то: «патриотический подъём», «патриотический долг», «патриотическое движение» и т. д. Понятия «родина» и «отечество» были употреблены в тексте многократно и в различных контекстах. Таким образом, патриотическая тематика была не только гармонично вписана в систему государственной пропаганды, но и получила развитие в рамках идейно-просветительских мероприятий, призванных транслировать заданные смыслы на предельно широкую аудиторию.

Переход СССР к мирной жизни потребовал переосмысления целей и задач агитационно-пропагандистской работы. В условиях войны установка на привитие молодёжи патриотического сознания была подчинена прежде всего задаче мобилизации общества на борьбу с вооружёнными захватчиками. Идеологическая работа была направлена к тому, чтобы насадить в обществе «уверенность в конечной победе великого советского народа» [17, с. 145] в тяжелейшем противостоянии. Актуализация патриотической темы в послевоенное время была обусловлена уже иными задачами, относящимися к области мирного строительства и невоенного противодействия внешнеполитическим соперникам в лице стран империалистического лагеря. 18 апреля 1947 г. Агитпропом ЦК ВКП(б) был утверждён план мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма. Среди соображений, которыми следует руководствоваться при ведении такой работы, было названо следующее: «Показывая величие нашей социалистической родины, героического советского народа, необходимо в то же время разъяснять, что наш народ вправе гордиться и своим великим историческим прошлым» [21, с. 112]. Последующие годы ознаменованы чередой массовых пропагандистских мероприятий патриотической направленности.

Постепенно происходило расширение и уточнение понятия «советский патриотизм» с учётом понимания политическим руководством актуальных задач и вызовов, стоявших перед страной. Осознание роста международной напряжённости в связи с разворачиванием холодной войны подсказывало усилить традиционный для советской пропаганды посыл о превосходстве социалистического строя и важности его укрепления стараниями каждого сознательного человека. В качестве дополнительного нравственного основания для подкрепления такой установки всё шире привлекалась патриотическая фразеология. Так, в 1948 г. состоялась публичная лекция А. И. Соболева «О советском патриотизме», который был определён как «глубоко сознательный», в основе которого «лежит понимание превосходства советского общественного и государственного строя над любым другим» [20, с. 18].

Примеры проявления патриотизма широко подыскивались в области мирного строительства. Так, в мае 1950 г. газета «Правда» назвала «могучей демонстрацией советского патриотизма» подписку населения на очередной государственный заём (т. н. заём восстановления и развития народного хозяйства) [18, с. 1]. А газета «Знамя коммунизма» в августе 1952 г. писала об «огромном патриотическом подъёме трудящихся монтажной конторы», решивших ознаменовать открытие XIX съезда коммунистической партии «новыми трудовыми успехами» [10, с. 4].

В текущих исторических условиях советская система образования закономерно становилась одним из инструментов насаждения патриотически ориентированного мировоззрения. В особенности это относится к школьному историческому образованию как основному

агенту формирования массовых представлений о прошлом и месте советского общества во всемирно-историческом процессе. Перед авторами школьных учебников по истории СССР стояла задача «воспитания гражданского патриотизма, основанного на целостном понимании прошлого как непрерывного процесса, определяющего содержание исторической памяти современных поколений» [23, с. 179].

В 1950 г. научный сотрудник Академии педагогических наук РСФСР Л. П. Бущик отмечал, что историческое образование развивается «в условиях чрезвычайного обострения противоречий между империалистическим и антиимпериалистическим лагерем» [1, ф. 32, оп. 2, д. 478, л. 3], что требует значительного повышения идейно-политического уровня преподавания общественных наук, и прежде всего истории. Такое понимание момента, общее для политического руководства СССР и научно-педагогического сообщества, предполагало усовершенствование идейно-нравственных оснований для мобилизации советского общества с целью обеспечения его социально-экономического и духовного благополучия. В этой же связи указывала на «огромное идейно-воспитательное значение истории» [1, ф. 32, оп. 2, д. 471, л. 3] и А. М. Панкратова, которая подчёркивала приоритетность подготовки советских патриотов, «полных решимости защищать свой советский общественный и государственный строй», будучи носителями «высокой идейности и убеждённости в великой исторической правде марксизма-ленинизма» [1, ф. 32, оп. 2, д. 471, л. 20].

Особенно выпукло представления о советском патриотизме проявились в публичном дискурсе периода кампании по борьбе с космополитизмом, явившейся «наиболее агрессивной идеологической кампанией послевоенного времени» [24, с. 123]. Названная борьба ожидаемо нашла отражение в научно-просветительской деятельности, получив продолжение в работе теоретиков и методистов, обеспечивавших школьное историческое образование. В 1948 г. член-корреспондент АПН РСФСР, автор учебников по новой истории профессор А. В. Ефимов определял историю как «один из основных общеобразовательных предметов, к тому же предмет, имеющий наибольшее значение для выработки мировоззрения» [1, ф. 32, оп. 2, д. 493, л. 3]. В связи с этим учёный предлагал подойти к раскрытию сущности советского патриотизма «используя конкретные исторические примеры» [1, ф. 32, оп. 2, д. 493, л. 5], тем более что в лоно исторической памяти уже к началу 1940-х гг. были возвращены видные деятели дореволюционного прошлого. А. М. Панкратова так оценивала вновь обретенных героев: «Мы можем и должны называть патриотами своей Родины тех из наших далёких предков, которые всей своей деятельностью способствовали прогрессивному развитию нашего народа <...> великих полководцев Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Суворова и Кутузова, которые мужественно и стойко защищали русскую землю» [1, ф. 32, оп. 2, д. 471, л. 23] <...> государственных деятелей, как Иван Грозный и Пётр Великий, которые понимали прогрессивные исторические задачи развития нашей страны и последовательно боролись за их осуществление» [1, ф. 32, оп. 2, д. 471, л. 24].

Эти послы нашли отражение в опорной документации, служащей организации школьного преподавания. В объяснительной записке к программе по истории СССР (1948), разработанной в ИМО АПН РСФСР, подчёркивалось, что изучение прогрессивной роли исторических деятелей имеет не только образовательное, но и воспитательное значение: «На показе наших великих предков <...> мы должны воспитывать учащихся в духе беззаветного служения народу, прививать им черты и качества советских патриотов» [1, ф. 32, оп. 2, д. 1439, л. 3].

В августе 1949 г. Л. П. Бущик, выступая в лектории АПН РСФСР, призывал советских учителей разоблачать «безродный буржуазный космополитизм как антипатриотическую идеологию» [1, ф. 32, оп. 2, д. 477, л. 4], воспитывая учащихся в духе «советской национальной гордости» и «животворного советского патриотизма» [1, ф. 32, оп. 2, д. 477, л. 5]. Эта сталинская формулировка позднего военного времени прочно вошла в арсенал руководителей советской пропаганды и просвещения. Показательно её появление в объяснительной записке к программе по истории СССР для средней школы (1951). Согласно документу, история как школьный учебный предмет играет ведущую роль «в воспитании будущих борцов за коммунизм в духе животворного советского патриотизма, в духе беззаветной преданности нашей советской Родине» [1, ф. 32, оп. 2, д. 1443, л. 2]. По мысли составителей программы, изучение истории, во-первых, «даёт учащимся знание важнейших фактов»; во-вторых, «формирует сознание неизмеримого превосходства социалистического строя над строем капиталистическим»; в-третьих, «содействует воспитанию советского патриотизма и советской национальной гордости» [1, ф. 32, оп. 2, д. 1443, л. 27]. С ещё большей остротой вопрос о патриотическом

воспитании был поставлен в методическом пособии для учителей истории за авторством В. Г. Карцова. Автор указывал: «Первой и основной задачей, разрешению которой должен быть посвящён буквально весь курс, все его темы и уроки, – является воспитание советского патриотизма, беззаветной любви к социалистической родине, к своему народу; воспитание чувства гордости за свой народ, чувства ненависти ко всем его врагам <...> преданности делу Ленина-Сталина» [14, с. 5].

Данные тезисы закономерно нашли отражение в содержании послевоенных учебников по отечественной истории. Учебная литература последовательно воспроизводила идейные установки, насаждавшиеся государственной пропагандой и отражавшиеся в периодической печати (см. выше). Таков учебник для 10-го класса по истории СССР под редакцией А. М. Панкратовой. Авторы стремились обнаружить патриотическое измерение в деле послевоенного гражданского строительства: «в 1948 г. в СССР развернулось патриотическое движение за сверхплановые накопления», которое «приобрело общенародное значение» [12, с. 409]. Также книга рассказывала о разоблачении «антипатриотической группы безродных космополитов в критике, литературе, искусстве и науке» [12, с. 413]. Появилась в тексте и упомянутая выше формула «животворный советский патриотизм» [12, с. 415].

До закрепления в чётких дискурсивных формах идея советского патриотизма во многом оставалась вещью в себе. Таковой она представляется в официальной риторике 1930-х гг. Высказывания более позднего времени, когда высокие руководители деятельно развивали патриотическую тему, её центральное понятие всё ещё употреблялось и, соответственно, воспринималось по наитию, как нечто само собою понятное и не требующее развёрнутого толкования.

Широкое и систематическое использование патриотической риторики в официальном политическом дискурсе, а равно образовательной практике закономерно потребовало теоретического осмысления понятия «патриотизм» с его последующей формализацией на словарно-энциклопедическом уровне. В связи с этим интересно обратиться к опыту главной энциклопедии СССР – Большой советской энциклопедии. Первое издание (1926–1947) не содержало специальной статьи, посвящённой патриотизму, хотя данное понятие было многократно употреблено в очерке «Родина», написанном П. Е. Вышинским. Автор указывал, что «Советский патриотизм, любовь к родине, чувство ответственности каждого за страну социализма стали неотъемлемыми чертами нового, социалистического сознания трудящихся СССР» [6, стб. 49–50]. При этом строгого определения понятию «патриотизм» дано не было.

Во втором издании БСЭ положение коренным образом изменилось: появились сразу две статьи, посвящённые патриотизму как таковому и отдельно – советскому патриотизму. В томе 32 (1955) разъяснялось значение понятия «патриотизм» как «любовь к родине, Отечеству и своему народу, к лучшим национальным традициям, “одно из наиболее глубоких чувств, закреплённых веками и тысячелетиями обособленных Отецеств” (Ленин В. И.)» [7, с. 236]. В томе 39 (1956) дано следующее толкование советского патриотизма: «безграничная преданность советских людей советскому общественному и государственному строю, своему социалистическому отечеству, делу коммунизма; патриотизм нового, высшего типа, одна из движущих сил развития советского социалистического общества» [8, с. 486].

Характерна эмоциональная наполненность формулировок, сообщающая статьям до некоторой степени пропагандистский характер, что в целом типично для рассматриваемой эпохи.

Примечательно, что в крупнейшем энциклопедическом издании дореволюционной России – словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона – слова «патриотизм» и «родина» не получили собственных статей. Это можно объяснить несколькими взаимосвязанными причинами. Включение некоторого понятия из области гуманитарных представлений в энциклопедическое издание общенационального формата предполагает признание его высокой значимости для общества в целом. Актуализация патриотической повестки в национальном масштабе требует государственного почину и является в значительной мере областью государственной же ответственности. Это предполагает существование в том или ином виде развитой сферы массовой политики, что в Российской империи имело место лишь в зачатках. Далее, массовая политика государства предполагает систематические мероприятия в области управления культурой, формирования корпуса идейно-политических представлений и деятельное внедрение его в общественное сознание. Российская история до большевистской революции знает примеры широкой мобилизации населения, как правило, в связи с военной угрозой, вроде наполеоновского вторжения или Первой мировой войны. Однако развёрнутые в этой связи агитационно-пропагандистские мероприятия со стороны царского правительства носили

чрезвычайный характер и не являлись логическим продолжением политики мирного времени. Наконец, немалую роль в деле насаждения патриотического дискурса имеет наличие у государства возможности контроля над сферой народного образования и средствами массовой информации в широком смысле, включая книгоиздательскую деятельность.

Огосударствление общественных отношений было для пришедших в 1917 г. ко власти революционеров не целью, но средством осуществления масштабного замысла социально-экономического переустройства страны. Выстроенная система государственной пропаганды в СССР служила идейным камертоном всем сферам общественной деятельности, включая народное образование. Забвение патриотической тематики сообществом историков явилось производной от отношения к ней высшего политического руководства, выказывавшего в этом вопросе решительное отторжение пережиткам «буржуазного» мышления.

Возврат к патриотическому дискурсу был связан с попыткой советского государства освоить его как орудие массовой политики, для чего потребовалось новое осмысление и концептуализация любви к Отечеству. Таким образом, в конце 1930-х гг. понятие патриотизма было очищено от отрицательных коннотаций и восстановлено в поле идейно-политической риторики. На протяжении военных и послевоенных лет функциональность его использования расширилась: патриотические сюжеты вошли в ядро советской идеологии, обрели орудийную значимость в управлении общественным сознанием, формировании идентичности десятков миллионов людей, не в последнюю очередь – посредством школьного образования.

Впервые в российской истории патриотизм обрёл значение общенациональной идеи, сделавшись достоянием массовой культуры, получив мощную опору в мероприятиях государственной пропаганды. Патриотические сюжеты вошли в структуру идейно-воспитательных практик, стали неотъемлемой частью системы народного просвещения. Важно подчеркнуть, что дискурс о советском патриотизме и национальной гордости в изводе 1930-х – начале 1950-х гг. не был выхолощенной обрядностью. Высказывания об идейно-политическом воспитании молодёжи не существовали в ценностном и умственном вакууме. Напротив, патриотическая риторика организаторов советского исторического образования обладала выраженным прикладным измерением. То, что грозило превратить представления о прошлом в некую вещь в себе, т. е. не могло быть удачно встроено в концептуальную марксистскую модель объяснения исторического процесса, исключалось из школьных программ в пользу более идейно ёмких сюжетов. Подбор фактов для нужд образовательной работы был в меньшей мере обусловлен историографической традицией и в большей мере – соображениями педагогической прагматики.

За годы сталинского руководства гуманитарная политика большевиков претерпела заметные изменения: появились новые ориентиры идейно-политической работы, были выдвинуты новые задачи в деле нравственного воспитания и просвещения. Наглядным примером развития теории и практики управления культурой в СССР указанного периода является сюжет о становлении концепции советского патриотизма и её деятельного прикладного освоения. В представленной работе мы стремились показать прагматическую установку идеологов и руководителей советского образования на актуализацию идеи патриотизма в качестве одного из ведущих факторов мобилизации населения (военной, экономической, социальной). Исторический опыт гуманитарной политики сталинского времени ценен как пример успешного решения насущных задач формирования общественного сознания в условиях острой необходимости массовой идейно-нравственной мобилизации. Задачи такого толка регулярно возникают перед обществом современного типа, что делает актуальным внимательное и критическое изучение образовательно-просветительской работы в прошлом.

Список литературы

1. Архив Российской академии образования (АРАО).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
3. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчёт. М. : Партиздат, 1934. 716 с.
4. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчёт. М. : Госполитиздат, 1939. 743 с.
5. *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Политическая энциклопедия, 2017. 407 с.

6. БСЭ. Т. 49. М. : Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1941. 485 с.
7. БСЭ. 2-е изд. Т. 32. М. : Большая советская энциклопедия, 1955. 648 с.
8. БСЭ. 2-е изд. Т. 39. М. : Большая советская энциклопедия, 1956. 664 с.
9. *Весенин Е. М.* Советский патриотизм. М. : Соцэкгиз, 1938. 112 с.
10. Знамя коммунизма. 1952. № 69 (76).
11. История СССР. Т. 1 / под ред. В. И. Пичета, М. Н. Тихомирова, А. В. Шестакова. М. : ОГИЗ, 1941. 440 с.
12. История СССР : учеб. для 10 класса средней школы / под ред. А. М. Панкратовой. 11-е изд. М. : Учпедгиз, 1952. 424 с.
13. *Калинин М. И.* О коммунистическом воспитании. М. : Молодая гвардия, 1945. 231 с.
14. *Карцов В. Г.* Методика преподавания истории СССР в начальной школе. М. : Учпедгиз, 1951. 216 с.
15. Материалы к преподаванию истории СССР. М. : Учпедгиз, 1937. 32 с.
16. Наша великая Родина / Н. Н. Михайлов, А. М. Панкратова, Б. М. Волин и др. М. : Госполитиздат, 1946. 646 с.
17. *Панкратова А.* Преподавание истории СССР в средней школе в дни отечественной войны против германского фашизма // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 145–152.
18. Правда. 1950. № 126 (11598).
19. Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны: методическое пособие для учителей средней школы Казахской ССР. Ч. 1 / под ред. А. М. Панкратовой. Алма-Ата : Наркомпрос КазССР, 1942. 134 с.
20. *Соболев А. И.* О советском патриотизме. М. : Правда, 1948. 30 с.
21. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК КПСС / под ред. А. Н. Яковлева. М. : Материк, 2005. 768 с.
22. *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне. М. : Госполитиздат, 1944. 160 с.
23. *Тихомиров Н. В.* Проблема образования русского централизованного государства в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1950-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 315 с. DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.008.
24. *Тихонов В. В.* Историки, идеология, власть в России XX века. М. : ИРИ РАН, 2014. 218 с.
25. *Тихонов В. В.* Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала 1950-х годов : дис. ... д-ра исторических наук. М., 2018. 686 с.
26. *Штефель С. П.* Советский патриотизм. М. : Госвоениздат, 1939. 62 с.

Discourse on patriotism in the Soviet historical education of the post-war period

Tihomirov Nikita Vadimovich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Source Studies, Russian State University for the Humanities. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-2808-3763. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the process of formation and implementation of patriotic discourse in the context of educational and educational activities of the Soviet state in the late 1930s – early 1950s. The regularities of the formation of the ideological concept of "Soviet patriotism" as one of the key elements in the system of Soviet propaganda and agitation during this period are analyzed. The relevance of the research is due to the consistently high interest on the part of the scientific community and the public in the history of the era of Stalinism. In addition, the problem of patriotic education in modern conditions becomes particularly acute, which gives grounds for a careful study of the experience of the past and makes it in demand in the current conditions. The basis of the source base was made up of archival materials that reveal the content and internal logic of the work of Soviet historians and methodologists who participated in the organization of educational, educational and educational activities in the post-war period. The prerequisites for the integration of patriotic themes into the structure of political discourse, as well as scientific and educational spheres are shown. The key tasks solved by the Soviet leadership when addressing the patriotic theme are identified. Semantic changes in the official discourse on Soviet patriotism during the post-war development of the USSR are traced. The regularities of the formation of the semantic and content content of the concept of "Soviet patriotism" are revealed. Conclusions are drawn about the goals and ways of actualizing patriotic rhetoric in the field of education and enlightenment. The results of the study are intended to deepen and clarify the existing scientific ideas about the ideological and educational policy of the Soviet state of the Stalin period and can be used in scientific, methodological, educational work.

Keywords: ideology, I. V. Stalin, historical education, propaganda, Soviet patriotism.

References

1. Archive of the Russian Academy of Education (ARAE).
2. State Archive of the Russian Federation (SARF).
3. *XVII s'ezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (b) 26 yanvarya – 10 fevralya 1934 g. Stenograficheskij otchyot* – XVII Congress of the All-Union Communist Party (b) January 26 – February 10, 1934. Verbatim report. M. Partizdat. 1934. 716 p.
4. *XVIII s'ezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (b) 10–21 marta 1939 g. Stenograficheskij otchyot* – XVIII Congress of the All-Union Communist Party (b) March 10–21, 1939. Verbatim report. M. Gospolitizdat. 1939. 743 p.
5. Brandenberger D. *Stalinskij russocentrizm: sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956 gg.). 2-e izd., pererab. i dop.* [Stalin's Russocentrism: Soviet Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956). 2nd ed., reprinted and add.]. M. Political Encyclopedia. 2017. 407 p.
6. BSE – Big Soviet Encyclopedia (BSE). Vol. 49. M. Soviet Encyclopedia: OGIZ. 1941. 485 p.
7. BSE. 2nd ed., vol. 32. M. Big Soviet Encyclopedia. 1955. 648 p.
8. BSE. 2nd ed. Vol. 39. M. Big Soviet Encyclopedia. 1956. 664 p.
9. Vesenin E. M. *Sovetskij patriotizm* [Soviet patriotism]. M. Socekgiz. 1938. 112 p.
10. *Znamya kommunizma* – The banner of Communism. 1952. No. 69 (76).
11. *Istoriya SSSR. T. 1 – History of the USSR. Vol. 1 / ed. by V. I. Pichet, M. N. Tikhomirov, A. V. Shestakov.* M. OGIZ. 1941. 440 p.
12. *Istoriya SSSR : ucheb. dlya 10 klassa srednej shkoly* – History of the USSR : textbook for the 10th grade of secondary school / ed. by A.M. Pankratova. 11th ed. M. Uchpedgiz. 1952. 424 p.
13. Kalinin M. I. *O kommunisticheskom vospitanii* [On communist education]. M. Molodaya gvardiya (Young guard). 1945. 231 p.
14. Karcov V. G. *Metodika prepodavaniya istorii SSSR v nachal'noj shkole* [Methods of teaching the history of the USSR in primary school]. M. Uchpedgiz. 1951. 216 p.
15. *Materialy k prepodavaniyu istorii SSSR* – Materials for teaching the history of the USSR. M. Uchpedgiz. 1937. 32 p.
16. *Nasha velikaya Rodina* – Our great Motherland / N. N. Mikhailov, A. M. Pankratova, B. M. Volin and others. M. Gospolitizdat. 1946. 646 p.
17. Pankratova A. *Prepodavanie istorii SSSR v srednej shkole v dni otechestvennoj vojny protiv germanskogo fashizma* [Teaching the history of the USSR in secondary school in the days of the Patriotic War against German fascism] // *istoricheskij zhurnal* – Historical Journal. 1942. No. 5. Pp. 145–152.
18. *Pravda* – Truth. 1950. No. 126 (11598).
19. *Prepodavanie istorii v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny: metodicheskoe posobie dlya uchitelej srednej shkoly Kazahskoj SSR. Ch. 1* – Teaching history in the conditions of the Great Patriotic War: a methodological guide for secondary school teachers of the Kazakh SSR. Part 1 / ed. by A. M. Pankratova. Alma-Ata. People's Commissariat of the Kazakh SSR. 1942. 134 p.
20. Sobolev A. I. *O sovetskom patriotizme* [About Soviet patriotism]. M. Pravda (Truth). 1948. 30 p.
21. *Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953. Dokumenty Agitpropa CK KPSS* – Stalin and cosmopolitanism. 1945–1953. Documents of the Agitprop of the Central Committee of the CPSU / ed. by A. N. Yakovlev. M. Materik (Mainland). 2005. 768 p.
22. Stalin I. V. *O Velikoj Otechestvennoj vojne* [About the Great Patriotic War]. M. Gospolitizdat. 1944. 160 p.
23. Tihomirov N. V. *Problema obrazovaniya russkogo centralizovannogo gosudarstva v otechestvennoj istoriografii konca 1930-h – nachala 1950-h gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [The problem of the formation of the Russian centralized state in the Russian historiography of the late 1930s – early 1950s : dis. ... PhD in Historical Sciences]. M. 2021. 315 p. DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.008.
24. Tihonov V. V. *Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka* [Historians, ideology, power in Russia of the twentieth century]. M. Institute of Russian History of RAS. 2014. 218 p.
25. Tihonov V. V. *Sovetskaya istoricheskaya nauka v usloviyah ideologicheskikh kampanij serediny 1940-h – nachala 1950-h godov : dis. ... d-ra istoricheskikh nauk* [Soviet historical science in the conditions of ideological campaigns of the mid-1940s – early 1950s : dis. ... Doctor of Historical Sciences]. M. 2018. 686 p.
26. Shtefel' S. P. *Sovetskij patriotizm* [Soviet patriotism]. M. Gosvoenizdat. 1939. 62 p.

Радиоуглеродные даты курганного могильника эпохи Великого переселения народов у деревни Митино Пермского края*

Шмуратко Дмитрий Владимирович

кандидат исторических наук, декан исторического факультета,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Россия, г. Пермь. ORCID 0000-0002-3918-2687. ResearcherID: H-8981-2013. E-mail: dshmuratko@mail.ru

Аннотация. Проблема хронологии древностей раннего средневековья бассейна р. Камы до сих пор не нашла своего окончательного решения. Первые раскопки курганных могильников, относящиеся к рассматриваемой эпохе, были совершены еще в конце XIX в. Чуть позже эти могильники получают наименование «памятники харинского типа» по названию одноименного могильника, расположенного около д. Харино и изученного в 1900–1901 гг. Важно понимать, что от решения вопроса хронологии памятников харинского типа зависит не только датировка конкретных комплексов, но и понимание характера и степени интенсивности контактов местного населения с территориями Причерноморья. Есть ли основания синхронизировать прикамские находки с аналогичными материалами Причерноморья или необходимо заложить «люфт запаздывания» между типами? Простой типологический анализ не может дать ответ на этот вопрос, необходимо обращаться к другим методам, в том числе к абсолютному радиоуглеродному датированию. Самая крупная на сегодняшний день серия радиоуглеродных дат, включающая 10 образцов, была собрана в ходе раскопок 2014–2018 гг. с Митинского курганного могильника, расположенного в Кочевском районе Пермского края. Даты получены по костным останкам людей и животных, обнаруженных в погребениях и курганных канавах, а также по образцам обуглившейся древесины. Анализ полученных дат и инвентаря могильника позволит отнести наиболее древние комплексы Митинского могильника к концу IV в., а наиболее «молодые» – к концу VI в. Таким образом, «люфт запаздывания» между прикамскими и причерноморскими материалами представляется минимальным.

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, хронология, раннее средневековье, памятники харинского типа, Пермское Предуралье.

Проблема датировки памятников эпохи Великого переселения народов с территории Прикамья (курганного могильников, т. н. «харинского типа») неоднократно поднималась в исследовательской литературе, однако так и не получила своего окончательного решения. Краткий историографический обзор вопроса был представлен в 2002 г. на Оборинских чтениях В. А. Бернц и А. В. Богдановым [4].

В самых общих чертах проблема хронологии памятников харинского типа сводится к двум принципиальным вопросам: первый касается абсолютных дат обозначенных памятников, т. е. верхней и нижней границ харинского этапа, второй – наличия или отсутствия внутренней периодизации внутри харинской эпохи.

Остановимся подробнее на историографии каждого вопроса.

Первые раскопки курганных могильников эпохи Великого переселения народов на территории Прикамья можно отнести к 1897 г., когда председателем Пермской ученой архивной комиссии Н. Н. Новокрешенных были изучены восемь насыпей Плехановских курганов у д. Плеханово на р. Шакве [14, с. 111–114]. 21 июля 1898 г. в той же местности начались раскопки курганов Бродовского могильника [14, с. 123]. Обнаруженные материалы были датированы А. А. Спициным концом VIII – началом IX в. [16, с. 46].

© Шмуратко Дмитрий Владимирович, 2023

* Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края (соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019) в рамках программы развития «Пермской археолого-этнографической научной школы».

В 1900–1901 гг. инспектору народных училищ Чердынского уезда В. Л. Борисову «предложено было обратить внимание на памятники древности, расположенные между р. Лолог и течением Камы» [17, с. 87]. Автор изучил погребения Харинского, Пыштайнского и Агафоновского могильников и отнес их к VIII–IX вв. [17, с. 87–88; 18, с. 116].

На тот момент курганные погребения рассматривались как часть общей совокупности средневековых памятников VIII–IX вв. и были объединены А. А. Спициным в «ломоватовский период» пермских древностей [20, с. 23]. Позже А. В. Шмидт, на основании раскопок могильника Качка, осуществленных летом 1924 г., заговорил о необходимости выделения памятников харинского типа из общего массива ломоватовских древностей [23, с. 23]. В своей работе А. В. Шмидт писал: «Культура может быть названа Харинской. Возможно, правильнее было бы говорить не о харинской культуре, а о харинском периоде культуры среднего пермского железного века... Но для краткости я буду использовать термин “харинская культура”» [23, с. 28]. Анализ материала могильника Качка позволил А. В. Шмидту датировать его временем с III по начало V в., а саму харинскую культуру – второй половиной IV – V в. «Следовательно, вещи Качки, аналогичные харинским, должны быть датированы временем с III по начало V века до нашей эры. Мы вряд ли ошибемся, если будем утверждать, что предметы описанных типов были распространены на севере и в несколько более поздний период, а потому хотим датировать харинскую культуру примерно второй половиной IV и V веком» [23, с. 30].

Против выделения харинских древностей в отдельную культуру был А. П. Смирнов. Исследователь заявлял, что «общий характер материала IV–V вв., тесно связанного с более ранними пьяноборскими могильниками, не позволяет выделять его в особую харинскую культуру, тем более что Харинский могильник имеет несколько хронологических стадий, а находки с других памятников, расположенных около этого селения, относятся к разному времени, что прекрасно видно на материалах теплоуховской коллекции. Поэтому самый термин “харинская культура” не соответствует вкладываемому в него содержанию культуры IV–V вв. н. э.: он значительно шире» [19, с. 81]. Несмотря на явные отличия выявленных комплексов от предшествующей автохтонной традиции, А. П. Смирнов отнес могильники Харинский и Качка к третьему, заключительному, периоду местной пьяноборской культуры, ознаменовавшему ее закат. При этом хронология курганных комплексов была сохранена, период был датирован по вещам сарматского облика IV–V вв. В конце V в. по хронологии А. П. Смирнова пьяноборская культура сменяется ломоватовской [19, с. 81–82].

В 1951–1952 гг. под руководством В. Ф. Генинга были проведены исследования памятников в бассейне р. Туй и Гаревая, стационарные раскопки были проведены в том числе и на памятниках «харинского времени» (Бурковский курганный могильник, Опутятское городище и Усть-Туйское костыще). Полученные новые данные не изменили устоявшиеся на тот момент представления о датировке курганных погребений. В. Ф. Генинг отнес харинский период к IV–V вв. [8, с. 120]. Однако после раскопок уже знакомого нам могильника Качка в 1959 г. мнение В. Ф. Генинга относительно датировки харинских древностей изменилось. Древнейшие памятники эпохи переселения народов в Прикамье исследователь стал относить к III в. н. э. [6, с. 206] Ссылаясь на упомянутую выше работу А. В. Шмидта, автор пишет: «Начало харинской эпохи в Прикамье А. В. Шмидт относил ко второй половине IV в. н. э., хотя им же приведенные аналогии датировались временем от III до V в.» [6, с. 206]. Таким образом, нижняя граница харинского времени В. Ф. Генингом была удревнена на столетие. В «Очерке этнических культур Прикамья в эпоху железа», опубликованном В. Ф. Генингом в 1959 г., корректировке подверглась и верхняя дата харинского этапа. В. Ф. Генинг причислил харинские комплексы к ломоватовской археологической культуре, выделив в последней два этапа: ранний – харинский, с III до середины VI в., и поздний – неволинский, со второй половины VI до конца VIII в., каждый из которых «имеет характерные комплексы вещей, поселений, погребальный обряд» [7, с. 184]. «В III в. в Верхнем Прикамье появляются курганные могильники харинского типа. Обряд курганного захоронения просуществовал недолго – до начала VI в., когда сменился обычными грунтовыми захоронениями», – пишет автор [7, с. 184].

Следует отметить, что далеко не все археологи-современники приняли предложенные В. Ф. Генингом даты харинского этапа. В пределах IV–V вв. датировать харинский этап ломоватовской культуры продолжал В. А. Оборин, связывая его с проникновением на территорию Прикамья скотоводческого угорского населения [3, с. 147]. Подводя итоги изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья в 1961 г., В. А. Оборин говорит о «харинском» и «нево-

линском» этапах ломоватовской культуры, обозначая хронологические рамки последней в пределах IV–VIII вв. н. э. [15, с. 64].

В 1971 г. к дискуссии о хронологии пермских древностей раннего средневековья присоединился А. К. Амброз, заявив о необходимости омоложения харинских памятников, и предложил дату конец V – начало VIII в. Автор справедливо отмечает, что вся раннесредневековая хронология Восточной Европы построена на аналогиях, полученных из немногочисленных могильников с монетами (Керчь, Суук-Су, Чми). «Монеты сами по себе не дают точной даты комплексов. Даже в некрополях античных городов они нередко “запаздывают” на 100–400 лет», – отмечает А. К. Амброз [2, с. 96]. Между А. К. Амброзом с одной стороны и Г. В. Генингом и Р. Д. Голдиной – с другой велась научная дискуссия об абсолютных датах харинского периода. В 1973 г. Р. Д. Голдина и В. Ф. Генинг пишут: «Рассуждения А. К. Амброза о датировке харинских памятников сводятся все к тому же пресловутому представлению о сильном запаздывании и консерватизме в типологическом развитии верхнекамских вещей. По А. К. Амброзу, прототипами харинских вещей являются южные образцы V в., но бытуют они в Прикамье с конца V до начала VIII в., когда на юге повсеместно распространяются уже иные формы. Причем среди сотен харинских образцов нет ни одной вещи этого нового типа! Не странно ли? Прикамье, судя по находкам большого количества монет, прекрасных образцов серебряной посуды, многочисленных бус и многих других вещей южного производства, отнюдь не было “медвежьим углом”, где все застывало и консервировалось на века. Население Прикамья поддерживало самые оживленные связи с соседними областями и регулярно в обмен на меха получало новейшие образцы многих изделий, в том числе поясных принадлежностей, которые и служили образцами для местных мастеров. Еще раз приходится только сожалеть, что некоторые археологи игнорируют столь очевидные факты» [9, с. 87]. Тем не менее, видимо не без влияния аргументов А. К. Амброза, Р. Д. Голдина и В. Ф. Генинг корректируют нижнюю границу харинского этапа, предлагая дату V – первая половина VI в.

Стоит обратить внимание, что несколькими годами ранее Р. Д. Голдиной под руководством В. Ф. Генинга была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье», в которой автор датировала могильники харинского типа «в пределах с конца IV, а может быть [начала]¹ V – до середины VI в.» [10, с. 70].

В 1979 г. Р. Д. Голдина уже отдельно от В. Ф. Генинга публикует собственную хронологию ломоватовской культуры, разработанную в кандидатской диссертации, сама культура датируется в пределах IV–IX вв. Внутренняя периодизация ломоватовской культуры включает четыре последовательных этапа: харинский (конец IV – VI в.), агафоновский (конец VI – первая половина VII в.), деменковский (неволинский, вторая половина VII – первая половина VIII в.), урьинский (переходный, вторая половина VIII – IX в.) [11, с. 80]. При этом харинская группа уже не рассматривается как «единый культурно-хронологический комплекс», а поделена Р. Д. Голдиной на две подгруппы: раннюю и позднюю. Первая подгруппа маркируется «трехсоставными пряжками мелких и средних размеров с пластинами различных форм; наконечниками ремней в виде обойм, украшенных полугорошинами» и др. [11, с. 80] Для второй характерными становятся «височные подвески с напускной бусиной и калачевидные; крупные трехсоставные пряжки, иногда с В-образным кольцом; цельнолитые пряжки разных типов; привозные пряжки, украшенные зернью и вставками; трехгранные в сечении гривны» и др. [11, с. 80] Таким образом, Р. Д. Голдина впервые заговорила о неоднородности харинских древностей и наличии внутренней хронологии данного периода, тем самым подняв второй принципиальный вопрос в установлении хронологии харинских древностей. Но вопрос о включении нижней границы харинского этапа, видимо, Р. Д. Голдиной на тот момент окончательно не решен. Относить ли начало харинского времени к концу IV в., тем самым практически синхронизируя его с материалами керченских катакомб, или все-таки несколько отодвинуть его начало в сторону V в., заложив небольшой временной люфт для «запаздывания» керченских аналогий в Прикамье?

Напомним, что идею «запаздывания» харинских древностей активно транслировал А. К. Амброз. В статье 1980 г. А. К. Амброз выделил в харинских древностях уже три периода: I период – V в., II период – VI в., III период – VII в. «Две первые группы выделены по мелким пряжкам... Могильные комплексы III группы, кроме мелких пряжек, содержали <...> также

¹ Дописано от руки.

“серповидные” гривны ромбического и треугольного сечения, двускатные наконечники ремней, браслеты со звериными головками, подвески в виде бутылочек, коньков и полые серьги с гроздьё шариков» [1, с. 30].

В 1985 г. выходит фундаментальный труд Р. Д. Голдиной «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье», основой которого стала защищенная в 1971 г. диссертация. В монографии харинские древности были отнесены к V–VI вв. (без конца VI в.). Нижняя граница была обоснована по аналогиям из материалов керченских катакомб, датированных монетами конца IV – первой половиной V в., верхняя – по времени распространения в степях Евразии поясной гарнитуры геральдического типа [12, с. 126]. Таким образом, идея с «запаздыванием» харинских материалов все-таки взяла верх.

Однако появившиеся в первой четверти XXI в. первые радиоуглеродные даты, полученные с памятников харинского типа, вновь делают актуальным возвращение к вопросу датировки прикамских древностей раннего средневековья уже в свете естественно-научных данных.

Первые радиоуглеродные даты харинских памятников с территории Прикамья были опубликованы В. В. Мингалевым в 2011 г. по результатам раскопок 2007 г. могильника Чазево I (Косинский район Пермского края). Образцы, взятые из погребений 1 и 2 кургана 25, дали даты 1330±120BP (535–991 AD; 94,2 %), 1550±100 BP (327–661 AD; 92,9 %), 1560±100 BP (325–657 AD; 92,3 %) [13, с. 66–67].

Таблица

**Радиоуглеродные даты Митинского курганного могильника
у д. Митино Кочевского района Пермского края**

№	Год раскопок	Номер образца	Объект	Дата не калиброванная	Дата калиброванная (вероятность) ²	Век
1	2015	Ле-11071	погребение 49Б, кости	1819±75 BP	60–409 AD (94,8 %)	I–V
2	2015	Ле-11069	погребение 49А, кости	1637±80 BP	247–580 AD (95,4 %)	III–VI
3	2014	Ле-10779	погребение № 43, кости.	1610±60 BP	341–587 AD (93,4 %)	IV–VI
4	2015	Ле-11070	погребение 50А, кости	1581±50 BP	406–596 AD (95,4 %)	V–VI
5	2017	Ле-11717	погребение 57, кости	1480±80 BP	414–575 AD (95,4 %)	V–VI
6	2018	Ле-11871	погребение 64, кости	1523±50 BP	429–611 AD (89,3 %)	V–VII
7	2014	Ле-10798	яма 2, кости лошади	1620±60 BP	333–576 AD (92,1 %)	IV–VI
8	2015	Ле-11068	яма 1, кости лошади	1383±90 BP	534–879 AD (93,1 %)	VI–IX
9	2014	Ле-10797	яма 1, уголь	915±30 BP	1039–1181 AD (86,5 %)	XI–XIII
10	2014	Ле-10796	яма 3, уголь	1450±200 BP	202–996 AD (94,7 %)	III–X

С 2014 г. были начаты раскопки Митинского курганного могильника, расположенного в Кочевском районе Пермского края. На момент написания статьи серия радиоуглеродных дат, полученная в результате раскопок курганов у д. Митино, является самой обширной и включает в себя 10 дат. По костным останкам человека получено шесть дат, по костным останкам животных – две даты, по обуглившимся фрагментам древесины – две даты. Радиоуглеродная датировка образцов была выполнена в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург).

Наибольший интерес, конечно же, представляют даты, полученные по костным останкам индивидов, захороненных в погребениях, поскольку они позволяют синхронизировать и датировать сопровождающий умершего инвентарь.

² Калибровка по калибровочной шале IntCal 20. URL: <https://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal/OxCal.html> (дата обращения 23.09.2022).

Если довериться полученным радиоуглеродным датам, то самым ранним следует признать погребение 49Б (1819±75 ВР) раскопки 2015 г.

Погребение № 49. Могильная яма размером 2,60 на 2,78 м была зафиксирована на глубине –0,30 м от современной поверхности в виде пятна неправильной формы, заполненного светло-коричневым суглинком с вкраплениями известковой крошки и углей. Глубина дна погребения –0,10–0,13 м от уровня фиксации. В погребении обнаружены кости трех индивидов (индивид А; индивид Б; индивид В). Судя по положению костей, покойные были уложены на спину головой на СЗ/ССЗ.

При втором (центральном) **индивиде Б** в области левого бедра обнаружены бронзовые обкладки от ножен, справа и слева от голеней погребенного найдены наконечник ремня и поясная пряжка. В погребальной яме зафиксированы остатки деревянной конструкции типа рамы размером 1,83 на 0,65 м. Под костями погребенного также фиксируются остатки деревянной плахи. Вероятно, умерший был уложен в ящик-гробовище.

Ножны, по-видимому, представляли собой деревянный футляр, частично обтянутый сверху бронзовыми пластинками и обоймами. Вдоль одной из сторон ножен была размещена пластинка с рядом полусферических головок заклепок [21, с. 96, 100] (см. рис. 1). Подобные ножны Р. Д. Голдиной датируются V–VI вв.

Поясная пряжка, обнаруженная в погребении, имеет овальное кольцо с ярко выраженным утолщением спереди – небольшую полукруглую обойму, фиксируемую на ремне при помощи одного штифта, язычок пряжки плотно обнимает кольцо (см. рис. 2, 1). Подобные пряжки А. К. Амброс относит к I группе [1, рис. 8, 2] и датирует V в. Полученная радиоуглеродная дата верхней своей границей в целом попадает в самое начало V в., хотя и не исключает более раннего времени.

Следующим во времени, судя по полученным радиоуглеродным датам, должно стать погребение 49А (1637±80 ВР).

При западном **индивиде А** в области пояса обнаружены бронзовая пряжка и наконечник ремня, на правое бедро покойного был уложен дольный нож (нож «харинского типа») (см. рис. 1). Под костями погребенного зафиксированы остатки деревянной конструкции в виде плахи (размером 2,42 на 0,35 м), на которую был уложен умерший.

Пряжка, обнаруженная в погребении, имеет далеко выступающий за рамку язычок, овальное кольцо и трапециевидную обойму (см. рис. 2, 2). А. К. Амброс относит подобные пряжки к III группе [1, рис. 8, 30], датируя VII в. Однако у данного экземпляра нет характерных выступов по бокам обоймы и насечек, к тому же полученная радиоуглеродная дата исключает датировку комплекса VII в. Максимально допустимая верхняя дата не выходит за пределы конца VI в. При этом следует учесть, что рассматриваемое погребение (№ 49) включает в себя останки трех индивидов и сопроводительный инвентарь одного из них (центрального, индивида Б) датирован концом IV – началом V в., в таком случае комплекс предметов индивида А, вероятно, следует относить к первой половине V в.

Следующие позиции в хронологии Митинского могильника занимают погребения 43 (1610±60 ВР) и 50А (1581±50 ВР).

Погребение № 43. Могильная яма размером 2,07 на 0,63 м была зафиксирована на глубине –0,30 м от современной поверхности в виде подпрямоугольного пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей. Глубина дна погребения –0,13 м от уровня фиксации. В погребении обнаружены кости одного индивида. Судя по положению костей, покойный был уложен на спину головой на СЗ. В районе колен погребенного обнаружен железный дольный нож [22, с. 47–48] (см. рис. 1).

Погребение № 50. Могильная яма подпрямоугольной формы имела размеры 2,40 на 1,29 м и была зафиксирована на глубине –0,30 м от уровня современной поверхности в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, окаймленного узкой (0,04–0,07 м) полоской коричневого вязкого суглинка. В погребении обнаружены расположенные в анатомическом порядке скелеты двух индивидов (индивид А; индивид Б).

Между ног западного **индивида А** в области колен был уложен железный нож, относящийся к типу бытовых, с резким уступчиком со стороны спинки и лезвия при переходе к черешку. Подобный же нож был уложен на правое бедро восточного индивида Б [21, с. 100] (см. рис. 1).

Как видим, оба погребения имеют весьма скудный инвентарь, представленный исключительно ножами. Тем не менее в шкале относительной хронологии, безусловно, погребение № 43 следует ставить раньше, чем погребение № 50А. В погребении № 43 обнаружен дольный нож, аналогичный экземпляру, расчищенному в погребении 49А. Таким образом, погребение № 43,

вероятно, можно отнести к началу V–VI в. (хотя радиоуглеродная дата в принципе не исключает и второй половины IV в.). В погребении № 50А обнаружен нож без дола, а полученная радиоуглеродная дата свидетельствует в пользу V–VI вв. (более ранний период исключен).

Далее следует погребение № 57 (1480±80BP). В сравнении с описанными выше погребениями сопроводительный инвентарь индивида, погребенного в погребении № 57, весьма богат. Этому погребению уже была посвящена отдельная публикация на страницах журнала «Российская археология», в которой совместно с антропологом Н. Г. Брюховой нами были проанализированы некоторые обстоятельства смерти погребенного [5].

Погребение № 57. Могильная яма подпрямоугольной формы размером 2,40 на 0,85 м отмечена на глубине –0,30 м от поверхности в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, вмещающего в себя пятно темно-коричневого гумусированного суглинка. Южный и западный края очертаний погребальной ямы были окаймлены узкой полосой коричневого вязкого суглинка шириной не более 0,04 м. Погребальная яма ориентирована длинной стороной по линии СЗ-ЮВ. Глубина дна погребения –0,54 м от поверхности, стенки ямы отвесные. В погребении с частичным нарушением анатомического соответствия расчищены костные останки одного индивида. Судя по положению костей, умерший, вероятно, был уложен на спину головой на СВ. Помимо костных останков в погребении обнаружен сопроводительный инвентарь: серебряная гривна, железный нож, фрагменты деревянных ножен с бронзовыми обкладками, бронзовые пряжки (3 шт.) (см. рис. 2, 4–6), бронзовый наконечник ремня (3 шт.) (см. рис. 2, 7–9), костяной наконечник стрелы (обломок) (см. рис. 1).

Инвентарь погребения соответствует поздней группе харинских древностей, выделяемой Р. Д. Голдиной и относимой к VI в. А. К. Амброз комплексы с серповидными гривнами треугольного и ромбического сечения относят к III группе и датируют VII в. Поскольку калиброванная радиоуглеродная дата 414–575 AD (95,4 %) исключает VII в., следует отдать предпочтение в пользу VI в.

Верхнюю границу в серии рассматриваемых радиоуглеродных дат Митинского могильника занимает погребение № 64.

Погребение № 64. Могильная яма прямоугольной формы размером 2,50 на 0,82 м была зафиксирована на глубине –0,30 м от поверхности в виде пятна светло-коричневого суглинка с вкраплениями известковой крошки и углей, окаймленного с восточной и южной сторон узкой полоской коричневого вязкого суглинка и ориентированного длинной стороной по линии СЗ-ЮВ. Стенки погребения пологие, дно плоское. Глубина погребения – 0,35 м от уровня фиксации. В погребении обнаружены останки костей человека. Умерший был уложен на спину головой на СЗ. Помимо костного материала в погребении расчищены вещи: железный нож был расчищен в северо-западной четверти погребения на тазовых костях умершего; бронзовая пряжка (2 шт.) были расчищены в южной половине погребения на костях правой и левой ступни умершего (см. рис. 1).

Обнаруженные в погребении пряжки с подтреугольными обоями, тремя штифтами, кольцом с небольшим утолщением и язычком, плотно обнимающим кольцо, А. К. Амброз относил ко II группе, датируя V в. (см. рис. 2, 10–11). В принципе, полученная радиоуглеродная дата не противоречит этой датировке. Однако в контексте рассматриваемой серии, безусловно, выглядит «моложе» и после калибровки с вероятностью 89,3 % ложится в интервал 429–611 гг. н. э. (V–VII вв.). Учитывая, что поясные пряжки из погребения 64 практически идентичны пряжкам из 57-го погребения, отнесенного к VI в., полагаем, что и данный комплекс следует датировать временем не ранее VI в.

Что касается радиоуглеродных дат, полученных по костям животных, обнаруженным в курганных канавках (ямах), то дата ямы 2 (раскопки 2014 г.) 1620±60 BP оказалась практически синхронной дате погребения № 43, к западу от которого яма расположена (333–576 AD; 92,1 %). Можно предположить, что останки животного связаны непосредственно с ритуалом погребальной тризны. Вторая дата из ямы 1 (раскопки 2015 г.) 1383±90 BP оказалась несколько «моложе» (534–879 AD; 93,1 %), чем рядом расположенные погребения, ее, вероятно, можно связывать со следами поминального обряда по усопшим, проводимого уже после совершения захоронения. Датy, полученные по углям, обнаруженным в ямах, оказались менее точными. Угли из ямы 3 (раскопки 2014 г.) дали дату в диапазоне III–X вв. (202–996 AD; 94,7 %), а образец угля из ямы 1 (раскопки 2014 г.) относится к XI–XII вв. (1039–1181 AD; 86,5 %) Если первую дату еще можно как-то связывать со временем бытования могильника, интерпретируя обнаруженные угли как следы погребального или поминального обряда, то вторая дата представляет собой след из совсем другой эпохи и иллюстрирует лесной пожар

природного либо антропогенного происхождения. Если допустить антропогенный характер пожара, то его вполне можно связывать с системой подсечно-огневого земледелия, практикуемого местным населением вплоть до XX в.

Анализируя всю имеющуюся серию радиоуглеродных дат Митинского курганного могильника, можно отметить, что 9 из 10 дат укладываются в период раннего средневековья. Наиболее древние комплексы Митинского могильника вполне могут быть отнесены к концу IV в., наиболее «молодые» – к концу VI в. Таким образом, «люфт запаздывания» между прикамскими и причерноморскими материалами представляется минимальным. По рассмотренным материалам Митинского курганного могильника «харинский период» в Прикамье можно датировать концом IV – концом VI в. При этом следует отметить, что рассмотренные радиоуглеродные даты имеют весьма широкий диапазон, в ряде случаев превышающий 300 лет, что делает невозможным использовать их для разработки дробной внутренней хронологии периода. Удовлетворительный результат может быть получен только при комплексном применении типологического и радиоуглеродного методов датирования.

Список литературы

1. Амброз А. К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М, 1980. С. 3–56.
2. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // Советская археология. 1971. № 2. С. 96–123.
3. Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. 244 с.
4. Бернц В. А., Богданов А. В. Вопросы хронологии и периодизации памятников Верхнего Прикамья эпохи Великого переселения народов // III Оборинские чтения: материалы археологической конференции (15 марта 2001). Пермь, 2002. Вып. 2. С. 38–43.
5. Брюхова Н. Г., Шмуратко Д. В. Погребение со следами ранения (Пермское Предуралье в эпоху Великого переселения народов) // Российская археология. 2019. № 2. С. 178–182.
6. Генинг В. Ф. Могильник Качка // Отчеты Камско-Вятской археологической экспедиции. М., 1959. Вып. 1. С. 196–209.
7. Генинг В. Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. 1959. № 2. С. 182–219.
8. Генинг В. Ф. Памятники харинского времени в Прикамье // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1955. Вып. 57. С. 115–123.
9. Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 58–121.
10. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье : дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1971. 406 с.
11. Голдина Р. Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // Краткие сообщения института археологии. 1979. Вып. 158. С. 79–90.
12. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1985. 279 с.
13. Мингалев В. В. Особенности внутрикурганной конструкции могильника Чазево I // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2011. № 7. С. 52–68.
14. Новокрещеных Н. Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1901. Вып. IV. С. 107–141.
15. Оборин В. А. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 53–65.
16. Отчет императорской археологической комиссии за 1898 г. СПб. : Типография главного управления уделов, 1901. С. 46–49.
17. Отчет императорской археологической комиссии за 1900 г. СПб. : Типография главного управления уделов, 1902. С. 87–89.
18. Отчет императорской археологической комиссии за 1901 г. СПб. : Типография главного управления уделов, 1903. С. 115–116.
19. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 28.
20. Спицын А. А. Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых. Атлас рисунков. СПб. 1902. 110 с.
21. Шмуратко Д. В. Митинская курганная группа в системе расселения харинских племен: результаты раскопок 2015–2016 гг. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2016. № 11. С. 94–116.
22. Шмуратко Д. В., Брюхова Н. Г. Митинская курганная группа: результаты новых исследований (раскопки 2014 года) // Камской археолого-этнографической экспедиции. 2015. № 10. С. 46–63.
23. Schmidt A. V. Качка. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrussland in der Zeit der Völkerwanderung, (III–IV Jh.) // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1927. V. I. Helsingfors. Pp. 18–50.

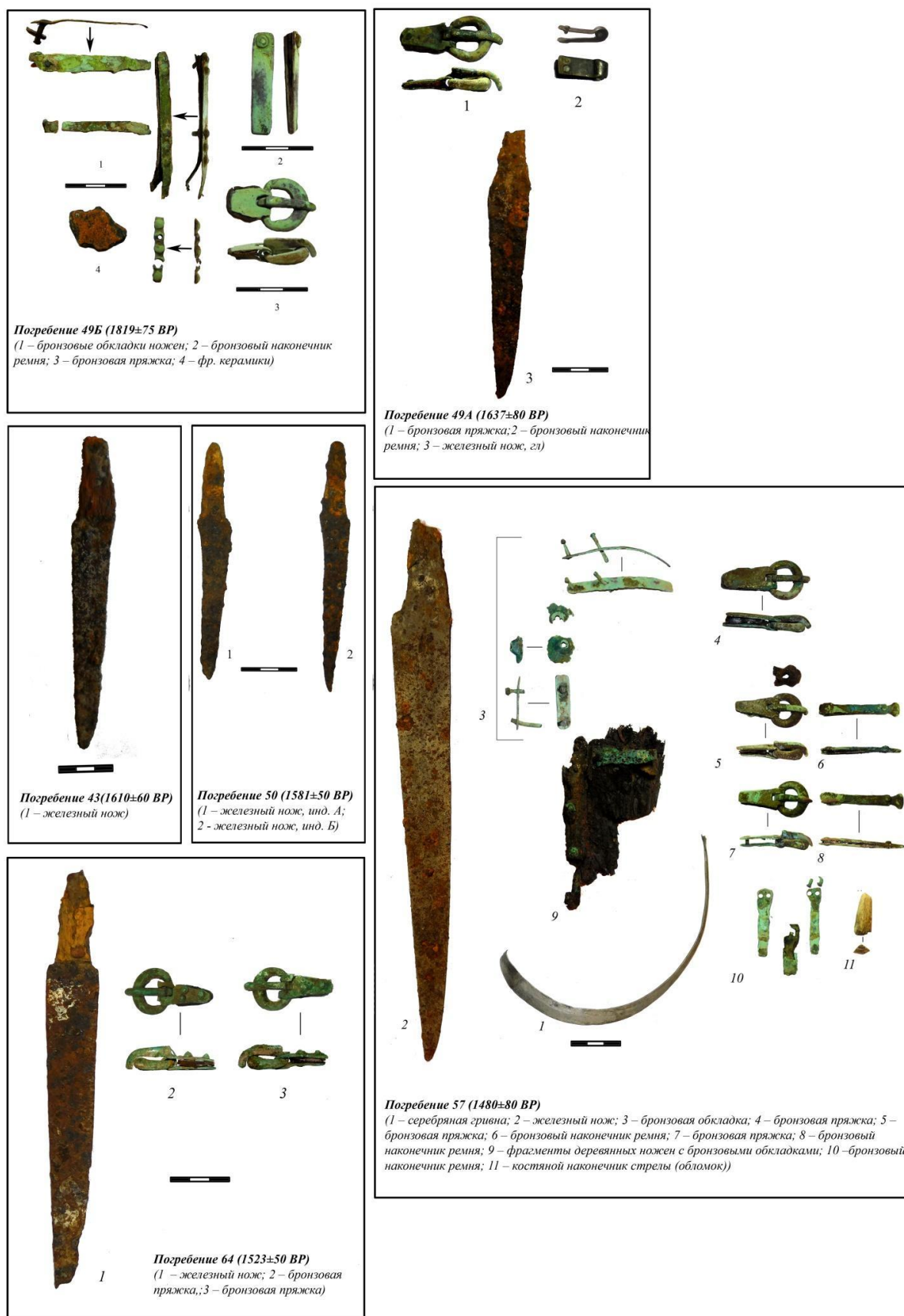

Рис. 1. Инвентарь погребений Митинского курганного могильника

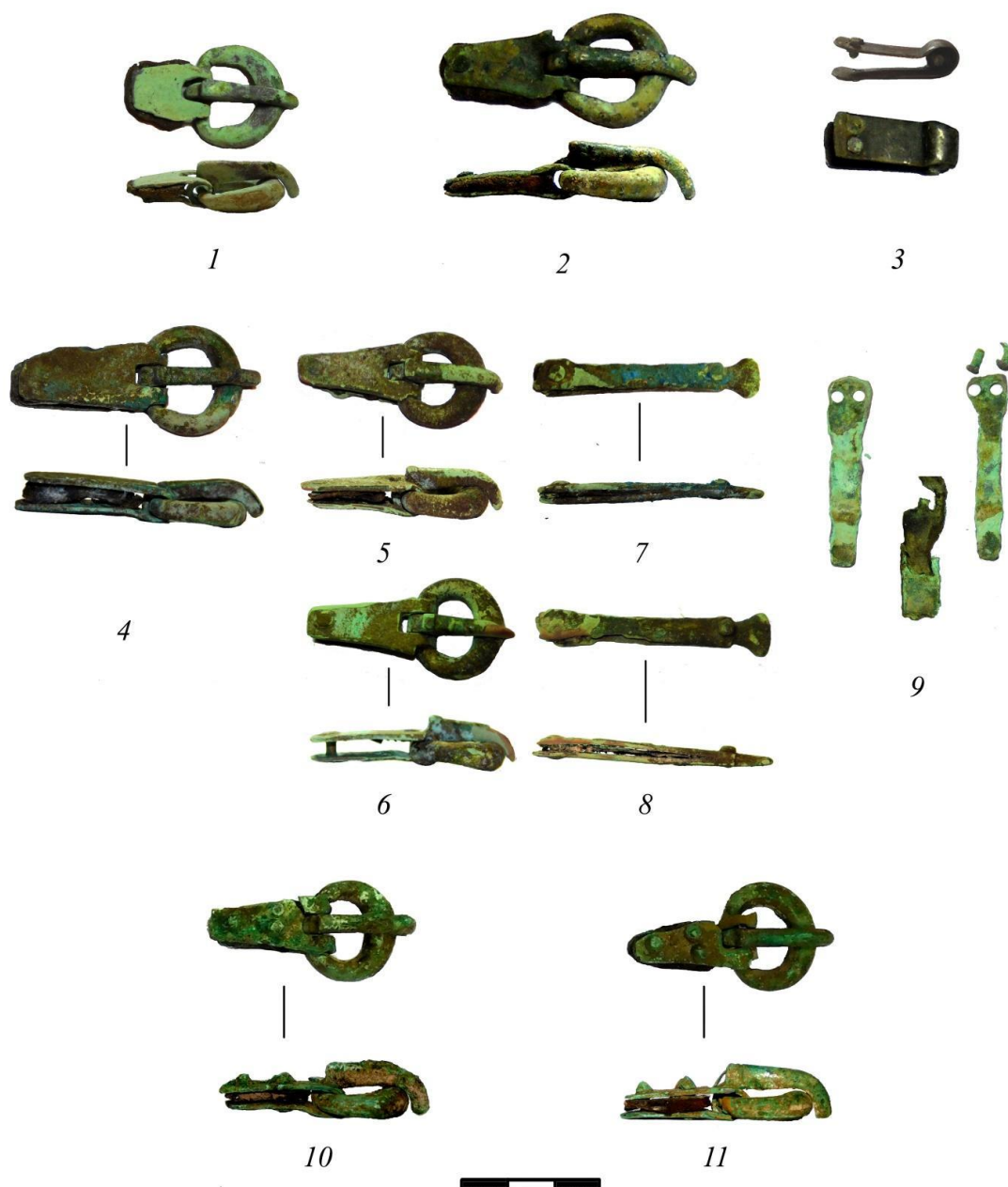

Рис. 2. Элементы поясной гарнитуры (пряжки, наконечники ремней):
1 – погребение 49Б; 2-3 – погребение 49А; 4-9 – погребение 57; 10-11 – погребение 64

Radiocarbon dates of the burial mound of the epoch of the Great Migration of Peoples near the village of Mitino, Perm Krai

Shmuratko Dmitrij Vladimirovich

PhD in Historical Sciences, dean of the Faculty of History, Perm State Humanitarian Pedagogical University.
Russia, Perm. ORCID 0000-0002-3918-2687. ResearcherID: H-8981-2013. E-mail: dshmuratko@mail.ru

Abstract. The problem of chronology of antiquities of the early Middle Ages of the Kama River basin has not yet found its final solution. The first excavations of burial mounds belonging to the era under consideration were carried out at the end of the XIX century. A little later, these burial grounds will receive the name "monuments of the Kharinsky type" after the name of the burial ground of the same name, located near the village of Kharino and studied in 1900–1901. It is important to understand that not only the dating of specific complexes,

but also the understanding of the nature and intensity of contacts of the local population with the territories of the Black Sea region depends on the solution of the chronology of monuments of the Kharinsky type. Is there any reason to synchronize the Kama finds with similar materials of the Black Sea region, or is it necessary to lay a "lag gap" between the types? A simple typological analysis cannot answer this question, it is necessary to turn to other methods, including absolute radiocarbon dating. The largest series of radiocarbon dates to date, including 10 samples, was collected during excavations in 2014–2018 from the Mitinsky burial mound, located in the Kochevsky district of Perm Krai. The dates were obtained from the skeletal remains of people and animals found in burials and burial ditches, as well as from samples of charred wood. The analysis of the obtained dates and inventory of the burial ground will allow us to attribute the most ancient complexes of the Mitinsky burial ground to the end of the IV century, and the most "young" ones to the end of the VI century. Thus, the "lag gap" between the Kama and Black Sea materials seems to be minimal.

Keywords: radiocarbon dating, chronology, early Middle Ages, monuments of the Kharinsky type, Permian Urals.

References

1. Ambrose A. K. *Birskij mogil'nik i problemy hronologii Priural'ya v IV–VII vv.* [Birsky burial ground and problems of chronology of the Urals in the IV–VII centuries] // *Srednevekovye drevnosti evrazijskih stepej – Medieval antiquities of the Eurasian steppes.* M. 1980. Pp. 3–56.
2. Ambrose A. K. *Problemy rannesrednevekovoj hronologii Vostochnoj Evropy* [Problems of early medieval chronology of Eastern Europe] // *Sovetskaya arheologiya – Soviet Archeology.* 1971. No. 2. Pp. 96–123.
3. Bader O. N., Oborin V. A. *Na zare istorii Prikam'ya* [At the dawn of the history of the Kama region]. Perm. 1958. 244 p.
4. Bernc V. A., Bogdanov A. V. *Voprosy hronologii i periodizacii pamyatnikov Verhnego Prikam'ya epohi Velikogo pereseleniya narodov* [Questions of chronology and periodization of monuments of the Upper Kama region of the epoch of the Great Migration of peoples] // *II Oborinskie chteniya: materialy arheologicheskoy konferencii (15 marta 2001) – III Oborin readings: materials of the archaeological conference (March 15, 2001).* Perm. 2002. Is. 2. Pp. 38–43.
5. Bryuhova N. G., Shmuratko D. V. *Pogrebenie so sledami raneniya (Permskoe Predural'e v epohu Velikogo pereseleniya narodov)* [Burial with traces of injury (Permian Urals in the era of the Great Migration of peoples)] // *Rossijskaya arheologiya – Russian Archeology.* 2019. No. 2. Pp. 178–182.
6. Gening V. F. *Mogil'nik Kachka* [Burial ground Kachka] // *Otchety Kamsko-Vyatskoj arheologicheskoy ekspedicii – Reports of the Kamsko-Vyatka Archaeological expedition.* M. 1959. Is. 1. Pp. 196–209.
7. Gening V. F. *Ocherki etnicheskikh kul'tur Prikam'ya v epohu zheleza* [Essays on ethnic cultures of the Kama region in the Iron Age] // *Trudy kazanskogo filiala AN SSSR. Seriya gumanitarnyh nauk – Proceedings of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences. Humanities Series.* 1959. No. 2. Pp. 182–219.
8. Gening V. F. *Pamyatniki harinskogo vremeni v Prikam'e* [Monuments of the Kharinsky time in the Kama region] // *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noj kul'tury – Brief reports of the Institute of the History of Material Culture.* 1955. Is. 57. Pp. 115–123.
9. Gening V. F., Goldina R. D. *Kurgannye mogil'niki harinskogo tipa v Verhnem Prikam'e* [Burial mounds of the Harinsky type in the Upper Kama region] // *Voprosy arheologii Urala – Questions of the archeology of the Urals.* Sverdlovsk. 1973. Is. 12. Pp. 58–121.
10. Goldina R. D. *Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e : dis. ... kand. ist. nauk* [Lomovatov culture in the Upper Kama region : dis. ... PhD in Historical Sciences]. Sverdlovsk. 1971. 406 p.
11. Goldina R. D. *Hronologiya pogrebal'nykh kompleksov rannego srednevekov'ya v Verhnem Prikam'e* [Chronology of burial complexes of the early Middle Ages in the Upper Kama region] // *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii – Brief reports of the Institute of Archeology.* 1979. Is. 158. Pp. 79–90.
12. Goldina R. D. *Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e* [Lomovatov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk. Publishing House of Irkutsk University. 1985. 279 p.
13. Mingalev V. V. *Osobennosti vnturikurgannykh konstrukcij mogil'nika Chazevo I* [Features of vnturikurgan constructions of the Chazevo I burial ground] // *Trudy KAEE PGPU – Proceedings of the KAE PSPU.* 2011. No. 7. Pp. 52–68.
14. Novokreshchenyh N. N. *Arheologicheskie issledovaniya v zapadnoj chasti Permskoj gubernii* [Archaeological research in the western part of the Perm province] // *Trudy Permskoj uchenoj arhivnoj komissii – Proceedings of the Perm Scientific Archival Commission.* Perm. 1901. Is. IV. Pp. 107–141.
15. Oborin V. A. *Nekotorye itogi i zadachi izucheniya zhelezhnogo veka Verhnego i Srednego Prikam'ya* [Some results and tasks of studying the Iron Age of the Upper and Middle Kama] // *Voprosy arheologii Urala – Questions of the archeology of the Urals.* Sverdlovsk. 1961. Is. 1. Pp. 53–65.
16. *Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1898 g.* – Report of the Imperial Archaeological Commission for 1898 SPb. Printing house of the Main department of the estates. 1901. Pp. 46–49.
17. *Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1900 g.* – Report of the Imperial Archaeological Commission for 1900 SPb. Printing house of the Main Department of the estates. 1902. Pp. 87–89.

18. *Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1901 g.* – Report of the Imperial Archaeological Commission commissions for 1901, SPb. Printing house of the Main Department of the estates. 1903. Pp. 115–116.
19. Smirnov A. P. *Ocherki drevnej i srednevekovoj istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya* – [Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga region and the Kama region] // *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* – Materials and research on the archeology of the USSR. M. 1952. No. 28.
20. Spicyn A. A. *Drevnosti Kamskoj Chudi po kollekcii Teplouhovyh. Atlas risunkov* [Antiquities of the Kama Chud from the collection of the Teploukhovs. Atlas of drawings]. SPb. 1902. 110 p.
21. Shmuratko D. V. *Mitinskaya kurgannaya gruppa v sisteme rasseleniya harinskih plemen: rezul'taty raskopok 2015–2016 gg.* [Mitinskaya kurgan group in the settlement system of the Kharin tribes: the results of excavations 2015–2016] // *Trudy Kamskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii* – Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition. 2016. No. 11. Pp. 94–116.
22. Shmuratko D. V., Bryuhova N. G. *Mitinskaya kurgannaya gruppa: rezul'taty novyh issledovanij (raskopki 2014 goda)* – [Mitinskaya kurgan group: results of new research (excavations in 2014)] // *Kamskoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii* – Kama archaeological and ethnographic expedition. 2015. No. 10. Pp. 46–63.
23. Schmidt A. V. Kačka. *Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrussland in der Zeit der Völkerwanderung, (III–IV Jh.)* // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1927. V. I. Helsingfors. Pp. 18–50.

«Непротивление», «проповедничество» и «толстовство» как мифологемы толстовского мифа в творчестве М. Горького

Курьянова Валерия Викторовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы
Института филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского.
Россия, г. Симферополь. ORCID: 0000-0001-7570-1926. E-mail: kuryanova_v@mail.ru

Аннотация. Миф о Л. Н. Толстом – неомиф, сложившийся еще при жизни писателя из константных представлений о его личности, жизни и творчестве, которые в силу их повторяемости у разных авторов и в разных произведениях мифологизируются в общественном сознании. Толстовский миф активно развивается на протяжении полутора столетий, но особенную актуальность получает в начале XX века в период популяризации духовного наследия писателя. Анализируется структура биографического мифа, выявляются свойственные ему мифологемы.

В творчестве М. Горького три разных, но тесно взаимосвязанных константных мифологизированных представления (мифологемы) толстовского мифа: «Толстой-проповедник», «непротивление злу насилием» и «толстовство», вошедших еще при жизни писателя в российское общественное сознание, занимают значительное место.

В данной статье показывается, как усваиваются и интерпретируются в произведениях М. Горького эти важные для толстовского мифа устойчивые мифологизированные представления.

Учитывая постоянный и неизменный интерес Горького к Толстому и обращение «пролетарского писателя» в своих произведениях к толстовскому проповедничеству и непротивленчеству как формам общественной позиции и к толстовству как идеологии и общественному движению, которые в общественном сознании приобрели формы мифологем, можно утверждать, что эти знаковые явления имеют, по суждениям Горького, в основном отрицательную коннотацию. Но писатель не только использует эти мифологемы в качестве иллюстраций ошибочности толстовских идей, но и, развивая их, добавляя им новые черты и смыслы, утверждает их мифологичность, закрепляя в читательском сознании.

Ключевые слова: толстовский миф, толстовство, проповедничество, Л. Толстой, М. Горький.

С юных лет для М. Горького Л. Н. Толстой был писательским и нравственным ориентиром. Будущий «пролетарский писатель» искал встречи с ним, хотел организовать со своими единомышленниками толстовскую колонию, совершал паломничество и в Ясную Поляну, и в дом Толстого в Хамовниках. В многочисленных воспоминаниях и автобиографических произведениях Горького обязательно упоминается, как рассказчик читает книги Толстого. К тому же не только сам герой, но и встречающиеся на его пути люди меряют писательский дар по дару яснополянского мыслителя. Так в произведениях Горького складывается миф о Толстом, продолжающий и отчасти трансформирующий мифологизированные представления о нём предшественников и современников.

Миф о Л. Н. Толстом – неомиф, биографический миф (наряду с пушкинским [14; 22], лермонтовским [15], ломоносовским [1], гоголевским [21] и т. п.), сложившийся еще при жизни писателя и мыслителя из константных представлений о его личности, жизни и творчестве, которые в силу их повторяемости у разных авторов и в разных произведениях мифологизируются в общественном сознании [16, с. 29–30].

Три разных, но тесно взаимосвязанных константных мифологизированных представления (мифологемы) толстовского мифа: «Толстой-проповедник», «непротивление злу насилием» и «толстовство», вошедших еще при жизни писателя в российское общественное сознание, занимают в творчестве Горького значительное (если не главное) место.

Цель данной статьи – показать, как усваиваются и интерпретируются в произведениях М. Горького эти важные для толстовского мифа устойчивые мифологизированные представления.

Но начинать, видимо, следует всё-таки с истоков – с желания Толстого создать новую религию, что зафиксировано в его дневниковой записи, сделанной в марте 1855 года во время Крымской войны, и с посетившего его в арзамасской гостинице в одну из ночей в начале сентября 1869 года ужаса, связанного с пониманием бессмысленности собственного существования, так называемого «арзамасского ужаса». И если первый эпизод стал достоянием публики только с публикацией записей из его дневников И. И. Бирюковым и в общественном сознании не закрепился в связи с тем, что в первые годы Советской власти любая религия подвергалась остракизму, то история с «арзамасским ужасом» была сама поведена Толстым при жизни в момент так называемого нравственного кризиса и мифологизировалась. В этих двух известных фактах жизни великого писателя – истоки его проповедничества, непротивленчества и толстовства. И мифологема «арзамасского ужаса» неоднократно появляется в творчестве М. Горького: например, в повести «Всё то же» (1915) [3, с. 418] и в очерке о Л. Андрееве (1919) [7, с. 340].

Мысль о Толстом-проповеднике является одной из значимых в знаменитом горьковском очерке о великом писателе. Она является следствием размышлений о противоречивости личности писателя, о борьбе двух начал в нём – мысли и художественного творчества. И побеждающая творческую одарённость мысль доводит Толстого до отрицания искусства, то есть до отрицания своего собственного дара, что не может нравиться Горькому и во что поэтому он не может поверить до конца. Противоречивость и сложность характера Толстого он видит упрощённо, уверенный, что великий художник всегда и во всём побеждает религиозного проповедника («гениальный художник Толстой смотрел на упрямого проповедника Толстого, снисходительно улыбаясь, насмешливо покачивая головою» [9, с. 364]), опровергая миф о натуральности проповедничества Толстого и поддерживая тем самым миф о гениальном (великом) писателе в нём.

Миф о религиозном проповеднике Толстом поддерживает повесть «Исповедь» (1908) Горького. Так же как и в «Исповеди» (1882) Толстого, здесь отражены поиски смысла жизни рассказчиком. Но если Толстой анализирует свой путь и свои искания, то в произведении Горького исповедующимся является вымышленный герой Матвей. В своих поисках Толстой приходит к тому, что «если я хочу жить и понимать смысл жизни, то искать этого смысла жизни мне надо не у тех, которые потеряли смысл жизни и хотят убить себя, а у тех миллиардов отживших и живых людей, которые делают жизнь и на себе несут свою и нашу жизнь» [19, с. 32]. Великий русский мыслитель начинает находить истину благодаря «странной физической любви к настоящему рабочему народу» [19, с. 32].

Горький же решает вопрос иначе. Матвей (как и рассказчик у Толстого) ищет веру, проходит похожий путь: от безусловного следования обрядам православной церкви через искушение материальным благополучием светской жизни, через монашество к тому, что Горький обозначает как «богостроительство». Конечно, герой близок личному духовному поиску автора, но всё же такая попытка создать дистанцию, не характерная для исповедального жанра, даёт возможность Горькому обозначить неопределённость положения человека того времени в целом. Рассказчик Толстого, открывая читателю свои собственные сомнения и выбор, поднимается до общечеловеческого, вечного, а не просто социально-политического. В этом во многом отличия художественных миров этих писателей не только в конкретных одноименных произведениях, но и в целом: их картины мира не близки. Так или иначе роль «религиозного проповедника» (по выражению Г. В. Плеханова) [18, с. 328] Горький не выдерживает, в отличие от Толстого, для которого «Исповедью» начинается вхождение в эту роль. И, примеряя на себя рясу проповедника, младший современник подчёркивает величие проповедничества старшего, мифологизирует его.

По Горькому, для Толстого всегда, в любом разговоре было существенным подчеркнуть необходимость придерживаться тех мыслей, тех принципов, которые он считал особенно важными. Таковым являлся принцип непротивления злу насилем, который также заметно мифологизирован Горьким, как, впрочем, и многими другими современниками Толстого.

В горьковской повести «Всё то же» в речах главного героя Смагина (прообраз будущего Самгина) позиция Толстого-мыслителя расценивается как просветительская и истинная. Но, взяв великого русского писателя в авторитеты, герой не может отстоять своё мнение даже перед родным ему по духу портным Щукиным, потому как, по словам последнего, «предводительствуют» у Толстого мысли (то есть мудрствование), а человеческого (живого, необходимого в повседневной жизни) мало [3, с. 411]. Недостаточное понимание своей позиции, её неукоренённость, неумение её отстоять и даже в какой-то мере утеря этой позиции приводит

героя к пассивности, незащищенности от влияний разных людей, и в конце концов он оказывается «между двух непримиримых мироощущений, одно – покорствуется тайнам жизни, другое – стремится познать их; одно – жаждет покоя, хочет видеть человека праведником во что бы то ни стало, другое – ускоряя движение жизни силами воли и разума, воспитывает человека борцом за его власть над планетой; одно – верит в чудо и ждет его, другое – создает истину» [3, с. 424]. И Толстой в этих бинарных оппозициях младшего современника оказывается вовсе не деятельной натурой, а покорным праведником, верящим в чудо. Поэтому и толстовский миф интерпретируется не с позиций Смагина и Толстого, а с позиций Горького и Ницше – с верой в превосходство индивидуума над миром, фокусируя внимание читателя на мифологеме слабости и недейственности толстовства. В представлении Горького смагинская пассивность зиждется на учении Толстого о непротавлении злу насилием.

Эта мысль доказательно утверждается младшим писателем в десятой сказке цикла «Русские сказки» (1912). «Добродушный» герой этого произведения – горьковское утверждение оторванности толстовской идеи непротавления от жизни. Решил человек не сопротивляться злу, а, так как был не без характера, стал одолевать зло терпением, «сидит и терпит» [10, с. 211]. Доложили Игемону, что появился такой человек. Правитель привык к постоянно-му сопротивлению людей и, конечно, к усмирению этого сопротивления, поэтому очень удивился и решил испытывать героя. Но тот прошел все испытания, и Игемон, убедившись в искренности намерений человека, разрешил ему проповедовать учение среди других жителей. В результате все люди приняли теорию непротавления злу насилием, легли и лежат, абсолютно бездействуя, пожираемые насекомыми. Остался правитель один, а «исторически необходимо, национально неизбежно» революцию делать, но одному это не под силу. «Так все молча и примерли, а отчаявшийся Игемон – после всех. Из чего следует, что даже и в терпении должна быть соблюдаема умеренность» [10, с. 216]. Доведя до крайности мифологему о «непротавлении злу силою», Горький критикует пассивность непротавленцев, будучи уверенным вслед за Лениным в необходимости волевого усилия. И, хотя гуманизм как философская позиция есть плод человеческой эволюции и сам в себе имеет смысл, автор убежден, что в тяжёлые времена, когда важно действие, гуманизм становится тем равным пассивности тормозом, который не даёт возможности общественного развития.

Критика интеллигенции с помощью использования другой, но вмещающей в себя толстовство как основу мифологемы «Лев Толстой – зеркало русской революции» представлена Горьким в хронике «Городок Окуров» (1909). Как известно, В. И. Ленин в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (1908) создал мифологему о непонимании Толстым при всей его гениальности ни сути рабочего движения, ни самой революции [17]. Горький использует ленинское прочтение Толстого, обрисовывая уездную глушь. Писатель предлагает целую галерею персонажей, пребывающих в пассивном состоянии. А утверждает такую аморфную позицию идеолог городка доктор Ряхин, основываясь на вульгарно понимаемом им учении Льва Толстого: «Сидите смиренно, читайте Льва Толстого, и – больше ничего не нужно! Главное – Толстой: он знает, в чем смысл жизни, – ничего не делай, всё сделается само собой, к счастью твоему и радости твоей. Это... замечательнейший и необходимейший философ для уездных жителей» [4, с. 71].

После выхода рассказа «В степи» (1897) наряду с восторженными откликами Горький получил и критические замечания (см.: С.-Петербургские ведомости. 1900. № 287. 19 окт.): в произведении увидели умышленное проведение идей толстовства, отрицательное изображение интеллигенции (именно «студент» грабит и убивает столяра) и отсутствие в рассказе свойственного прозе М. Горького «духа протеста».

Критика, видимо, возымела действие, поскольку уже в пьесе «Враги» (1906) писатель представляет ряд сочувствующих рабочим интеллигентов, среди которых – помещик Захар Бардин, чувствующий необходимость перемен, понимающий, что на заводе нужно проводить иную политику, что время жесткого управления ушло, но вот как это сделать, он не знает. Однако жалость к народу, сочувствие его положению вызывают неприятие философии рабочего Ефима Левшина: «...ты, Левшин, что-то там проповедуешь... какое-то новое учение – не нужно денег, не нужно хозяев и прочее... Это простительно... т. е. понятно у Льва Толстого, да... Ты бы, мой друг, прекратил это! Из таких разговоров ничего хорошего для тебя не будет» [2, с. 522–533]. Мифологема толстовства интерпретируется здесь Горьким с максимальной точностью: идеи опрощения вполне логичны в трудах графа, интеллигента, помещика, но установка бедного ткача на руководство в жизни не «медной копеечкой», не личным обогащением,

а отказом от жизненных благ, выглядят, с точки зрения Бардина, более чем странно. Толстовство для Горького, как, впрочем, и для многих радикально мыслящих людей, несомненно, было проблемой социальной.

Мифологема толстовства в её негативном восприятии присутствует и в очерке «И. Е. Каронин-Петропавловский» (1911). Несмотря на несомненный автобиографизм произведения, рассказчик и второстепенные персонажи вполне типичны для конца XIX века. Увлеченность самого Горького идеями Толстого и желание создать коммуны со своими единомышленниками вполне обыденны для того времени. Также понятен и образ толстовца, приехавшего в Нижний Новгород «с целью пропаганды нового учения». Молодой образованный парень внешне всячески старался играть роль опрошенного: оделся соответствующе, использовал просторечия в общении, «играл роль простого мужичка с хорошей выдержкой и не без любви к делу» [6, с. 76]. Но истинная сущность проповедника быстро раскрылась: в споре он стал бросаться научными терминами и выдал весь свой интерес к учительствованию. «В учителя он записался не потому, должно быть, что людей жалко и добра им хочется, а потому, что приятно для него учить людей. Холодная душа», – резюмирует Каронин» [6, с. 78]. Вывод Горького о том, что именно такие последователи Толстого впоследствии становились зачастую самыми яркими критиками «яснополянского старца», подтверждает эти слова. Цель очерка, вышедшего в первой редакции под заглавием «Учитель», – показать настоящих писателей, для которых правда, честность, ясность были основополагающими жизненными приоритетами, то есть таких, как Каронин. Поэтому используемая здесь мифологема толстовства подчёркивает отсутствие искренности среди, казалось бы, внешне очень увлеченных людей и последователей философии Л. Толстого.

Как и в очерке, посвященном Каронину, в рассказе «Три дня» (1912) также ставится проблема учительствования. Молодой крестьянин Николай Назаров ищет того, кто бы его научил, как выйти из опостылевшей жизненной парадигмы отца-мельника: обогащение в тяжелом труде, жесткое давление на близких и компаньонов и, как следствие, ненависть к семье всей округи. Тогда и встречается ему помещик Будилов, который берётся воспитывать его, глуповатого парня. Но всё не так просто: помещик между делом желает заработать в будущем на возможной сделке с ним по покупке-продаже земли. С одной стороны, барин учит многому и немаловажному: правильно произносить слова, не чавкать во время еды, пытается приобщить героя к чтению («Больше всего читайте Толстого, но – будьте осторожны! Когда он говорит: не насильничайте, не обижайте друг друга – это верно, это – голос настоящей христианской культуры, это надо принять и помнить. <...> Но – его крик: не надо государства, не надо науки – это чепуха! Без науки теперь сапога не шьют, а без государства вы мне, сударь, голову откусите» [12, с. 99–100]). А вот с другой стороны, Будилов использует идеи толстовства в своих интересах, никак не считаясь ни с природой Николая, ни с его желаниями. Зародив сомнение в душе крестьянина, растравив душу картинками скорого счастья, а потом и возможностью его не получить (поскольку появился другой покупатель земли), помещик фактически подталкивает Назарова к убийству (хоть и не прямому) собственного отца. Мифологема толстовства тут формируется автором не просто с привычным ироничным оттенком, а приобретает ярко выраженную отрицательную коннотацию.

В рассказе «Сторож» (1922), вспоминая рассуждения некоего толстовца о Дарвине и Евангелии, герой произведения Пешков в разговоре с Е. П. Баженовым поднимает давно мучающий его вопрос выбора между необходимостью борьбы за жизнь в обществе и жалости человека к человеку. Собеседник ответил вполне определенно: «Я думаю, что гуманизм уже опоздал войти в жизнь, – опоздал тысячи на две лет» [11, с. 158], то есть должен был появиться еще до рождения Христа, но не случилось. Для Горького вопрос толстовства как явления давно опоздавшего решен, не время для милосердия в эту эпоху, а время для борьбы, общественного противостояния.

В повести «Мои университеты» (1922) рассказчик повествует, как, увлекшись идеями толстовства, но не вполне разобравшись в них, думал найти ответы у появившегося в городе толстовца, некоего Клопского – «высокого, жилистого человека, смуглолицего, с черной бородой козла и толстыми губами негра». Уже во внешности было мало приятного, но это героя поначалу не смутило, но затем он увидел что-то «ненавидящее» в «остром взгляде» толстовца и пришел к выводу, что Клопский из тех, кто готов ради «милосердия к людям резать их и жечь на кострах» [8, с. 74]. Правда, всё оказалось гораздо прозаичнее. В конце концов выяснилось, что Клопский признался в любви поочередно двум сестрам, за что был изгнан из их дома, и «проповедник любви» пропал из города.

Тем не менее при всём критическом отношении к толстовству к началу 1930-х годов Горький корректирует свои взгляды, и мифологема получает новые семантические уточнения. В пьесе «Достигаев и другие» (1933) толстовство расценивается автором уже как возможная ступень к большевизму. Так, большевик Рябинин, характеризуя лесника Доната, утверждает: «Продумал, пропустил сквозь себя кучу вреднейшей ерунды и – достиг настоящей правды. Во Христа веровал, в хозяев и царей, во Льва Толстого. “Для бога жил – толка не вышло, говорит, теперь попробую для бедных людей жить”» [5, с. 94]. Герой, таким образом, ушёл от монархизма и через постижение Толстого пришёл к большевистским взглядам, то есть, по мысли автора, проделал путь человека, искренне стремящегося помогать простым людям.

Справедливости ради стоит заметить, что образ жизни многочисленных последователей Толстого мало соответствовал их проповедям, поэтому писатель чувствовал опасность превращения толстовства в секту. Известно, что в 1892 году, когда к нему обратились с просьбой собрать единомышленников, Толстой ответил, что «такое внешнее единение... по всем вероятностям, только разъединит тех, <которые> этим способом затеют единяться», «не есть ли это единение с десятками – разъединение с тысячами и миллионами»? [20, с. 240–241]. Любовь Гуревич вспоминала, что приблизительно в это же время, в период ее пребывания в Ясной Поляне, кто-то сообщил, что в газетах говорят о предполагаемом съезде толстовцев. Реакция Толстого была насмешлива и отрицала всякую организацию: «Вот отлично!.. Явлюсь на этот съезд и учредим что-нибудь вроде Армии спасения. Форму заведем – шапки с кокардой. Меня авось в генералы произведут. Маша портки синие мне сошьет...» [13, с. 42].

Таким образом, учитывая постоянный и неизменный интерес Горького к Толстому и обращение «пролетарского писателя» в своих произведениях к толстовскому проповедничеству и непротивленчеству как формам общественной позиции и к толстовству как идеологии и общественному движению, которые в общественном сознании приобрели формы мифологем, можно утверждать, что эти знаковые явления имеют, по суждениям Горького, в основном (или большей частью) отрицательную коннотацию. Но писатель не только использует эти мифологемы в качестве иллюстраций ошибочности толстовских идей, но и, развивая их, добавляя им новые черты и смыслы, утверждает их мифологичность, закрепляя в читательском сознании.

Для Горького отказ Толстого от художественного творчества, переход к публицистике, проповедничество, которое, по мысли Толстого, способно переубедить человека и взрастить человека нового, не понятны, поскольку для Горького воспитание в себе самом нищеанского сверхчеловека, действенность в достижении собственных интересов без оглядки на ближнего до поры до времени являются едва ли не главными. А в дальнейшем постепенно вовлечённый в революционную борьбу Горький видит в непротивленчестве и толстовстве отказ от достижения всеобщего счастья и благоденствия.

В то же время Горький не выхолащивает из этих мифологем их гуманистический смысл. И по мере взросления чем более он осмысливает прошлое, тем значительнее становится в его восприятии гуманистическая сущность толстовских идей. Так, несмотря на гонения, которым подвергаются толстовцы, писатель дополняет мифологему толстовства значением, которое подчеркивает насущную необходимость гуманистической составляющей для любого революционного действия.

Список литературы

1. Абрамзон Т. «Ломоносовский текст» русской культуры: избранные страницы. М. : ОГИ, 2011. 240 с.
2. Горький М. Враги. Сцены // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 7. Пьесы, драматические наброски. 1897–1906. М. : Наука, 1970. С. 485–564.
3. Горький М. Все то же // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 11. Повести, рассказы, очерки, стихи. 1907–1917. М. : Наука, 1971. С. 354–424.
4. Горький М. Городок Окуров // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 10. Городок Окуров. Жизнь Матвея Кожемякина. Наброски. 1909–1911. М. : Наука, 1971. С. 5–122.
5. Горький М. Достигаев и другие // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 19. Пьесы, сценарии, драматические наброски. 1917–1935. М. : Наука, 1973. С. 61–126.
6. Горький М. И. Е. Каронин-Петропавловский // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 11. Повести, рассказы, очерки, стихи. 1907–1917. М. : Наука, 1971. С. 63–83.
7. Горький М. Леонид Андреев // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 16. Повесть. Рассказы, очерки, стихи. 1917–1924. М. : Наука, 1973. С. 313–357.

8. Горький М. Мои университеты // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 16. Повесть. Рассказы, очерки, стихи. 1917–1924. М. : Наука, 1973. С. 7–137.
9. Горький М. О С. А. Толстой // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 16. Повесть. Рассказы, очерки, стихи. 1917–1924. М. : Наука, 1973. С. 358–376.
10. Горький М. Русские сказки // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 12. Сказки, рассказы <Автобиография Ф. И. Шаляпина>. 1909–1917. М. : Наука, 1971. С. 167–239.
11. Горький М. Сторож // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 16. Повесть. Рассказы, очерки, стихи. 1917–1924. М. : Наука, 1973. С. 138–166.
12. Горький М. Три дня // Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения : в 25 т. Т. 11. Повести, рассказы, очерки, стихи. 1907–1917. М. : Наука, 1971. С. 84–158.
13. Гуревич Л. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 2 / сост., подготовка текста и коммент. Н. М. Фортунатова. М. : Худож. лит., 1978. С. 41–49.
14. Заидулина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001. 245 с.
15. Кудряшова А. А. Лермонтовский миф в русской литературе : дис. ... канд. наук. М. : МГУ, 2007. 137 с.
16. Курьянов С. О. Тайный ключ русской литературы: формирование и становление крымского текста в русской литературе X–XIX веков : монография. М. : ИНФРА-М, 2019. 312 с.
17. Ленин В. И. О литературе и искусстве / сост. Н. И. Крутикова. М. : Худож. лит., 1979. 827 с.
18. Плеханов Г. В. О так называемых религиозных исканиях в России // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. С. 326–438.
19. Толстой Л. Н. Исповедь // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 23. Произведения 1879–1884 / подготовка текста и комм. Н. Н. Гусева. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1957. С. 515–537.
20. Толстой Л. Н. Письмо И. Б. Файнерману от 4 августа 1892 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 66. Письма 1891 (июль–декабрь) – 1893. М. : Худож. лит., 1953. 536 с.
21. Цыпуштанова М. А. Гоголевский текст в современном культурном пространстве // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы X Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2012. Т. 1. С. 186–192.
22. Шеметова Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периода : дис. ... д-ра наук. М. : МГУ, 2011. 318 с.

"Non-resistance", "preaching" and "Tolstoyism" as mythologems of the Tolstoy myth in the works of M. Gorky

Kuryanova Valeria Viktorovna

PhD in Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University.
Russia, Simferopol. ORCID: 0000-0001-7570-1926. E-mail: kuryanova_v@mail.ru

Abstract. The myth of Leo Tolstoy is a neo-myth that developed during the writer's lifetime from constant ideas about his personality, life and work, which, due to their repetition in different authors and in different works, are mythologized in the public consciousness. The Tolstoy myth has been actively developing for a century and a half, but it gets especially relevant at the beginning of the XX century during the popularization of the spiritual heritage of the writer. The structure of the biographical myth is analyzed, the mythologems peculiar to it are revealed.

In the works of M. Gorky there are three different, but closely interrelated constant mythologized representations (mythologems) of Tolstoy's myth: "Tolstoy the Preacher", "non-resistance to evil by violence" and "Tolstoyism", which entered the Russian public consciousness during the writer's lifetime, occupy a significant place.

This article shows how these stable mythologized representations, important for Tolstoy's myth, are assimilated and interpreted in the works of M. Gorky.

Taking into account Gorky's constant and unchanging interest in Tolstoy and the appeal of the "proletarian writer" in his works to Tolstoy's preaching and non-resistance as forms of public position and to Tolstoyism as an ideology and social movement, which in the public consciousness have acquired the forms of mythologies, it can be argued that these iconic phenomena have, according to Gorky's judgments, mainly a negative connotation. But the writer not only uses these mythologems as illustrations of the fallacy of Tolstoy's ideas, but also, developing them, adding new features and meanings to them, asserts their mythologicity, fixing them in the reader's consciousness.

Keywords: Tolstoy myth, Tolstoyism, preaching, L. Tolstoy, M. Gorky.

References

1. Abramzon T. *"Lomonosovskij tekst" russkoj kul'tury: izbrannye stranicy* ["Lomonosov text" of Russian culture: selected pages]. M. OGI. 2011. 240 p.
2. Gor'kij M. *Vragi. Sceny* [Enemies. Scenes] // *Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya* : v 25 t. T. 7. *P'esy, dramaticheskie nabroski. 1897–1906* [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 7. Plays, dramatic sketches. 1897–1906]. M. Nauka (Science). 1970. Pp. 485–564.

3. Gor'kij M. Vse to zhe [All the same] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 11. Povesti, rasskazy, ocherki, stihi. 1907–1917 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 11. Novellas, short stories, essays, poems. 1907–1917]. M. Nauka (Science). 1971. Pp. 354–424.
4. Gor'kij M. Gorodok Okurov [The town of Okurov] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 10. Gorodok Okurov. Zhizn' Matveya Kozhemyakina. Nabroski. 1909–1911 [Complete Works. Fiction : in 25 vols. Vol. 10. The town of Okurov. The life of Matvey Kozhemyakin. Sketches. 1909–1911]. M. Nauka (Science). 1971. Pp. 5–122.
5. Gor'kij M. Dostigaev i drugie [Reach and others] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 19. P'esy, scenarii, dramaticheskie nabroski. 1917–1935 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 19. Plays, scripts, dramatic sketches. 1917–1935]. M. Nauka (Science). 1973. Pp. 61–126.
6. Gor'kij M. I. E. Karonin-Petropavlovskij [I. E. Karonin-Petropavlovsk] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 11. Povesti, rasskazy, ocherki, stihi. 1907–1917 [Complete Works. Fiction : in 25 vols. Vol. 11. Novellas, short stories, essays, poems. 1907–1917]. M. Nauka (Science). 1971. Pp. 63–83.
7. Gor'kij M. Leonid Andreev [Leonid Andreev] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 16. Povest'. Rasskazy, ocherki, stihi. 1917–1924 [Complete Works. Fiction : in 25 vols. Vol. 16. Novella. Stories, essays, poems. 1917–1924]. M. Nauka (Science). 1973. Pp. 313–357.
8. Gor'kij M. Moi universitety [My universities] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 16. Povest'. Rasskazy, ocherki, stihi. 1917–1924 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 16. Novella. Stories, essays, poems. 1917–1924]. M. Nauka (Science). 1973. Pp. 7–137.
9. Gor'kij M. O S. A. Tolstoj [About S. A. Tolstoy] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 16. Povest'. Rasskazy, ocherki, stihi. 1917–1924 [Complete Works. Fiction : in 25 vols. Vol. 16. Novella. Stories, essays, poems. 1917–1924]. M. Nauka (Science). 1973. Pp. 358–376.
10. Gor'kij M. Russkie skazki [Russian fairy tales] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 12. Skazki, rasskazy <Avtobiografiya F. I. Shalyapina>. 1909–1917 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 12. Fairy tales, stories <Autobiography of F. I. Shaliapin>. 1909–1917]. M. Nauka (Science). 1971. Pp. 167–239.
11. Gor'kij M. Storozh [The watchman] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 16. Povest'. Rasskazy, ocherki, stihi. 1917–1924 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 16. Novella. Stories, essays, poems. 1917–1924]. M. Nauka (Science). 1973. Pp. 138–166.
12. Gor'kij M. Tri dnya [Three days] // Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennyye proizvedeniya : v 25 t. T. 11. Povesti, rasskazy, ocherki, stihi. 1907–1917 [Complete works. Fiction : in 25 vols. Vol. 11. Novellas, short stories, essays, poems. 1907–1917]. M. Nauka (Science). 1971. Pp. 84–158.
13. Gurevich L. Iz vospominanij o L. N. Tolstom [From the memoirs of L. N. Tolstoy] // L. N. Tolstoj v vospominaniyah sovremennikov : v 2 t. T. 2 – L. N. Tolstoy in the memoirs of contemporaries : in 2 vols. Vol. 2 / comp., text preparation and commentary by N. M. Fortunatov. M. Hud. lit. (Fiction). 1978. Pp. 41–49.
14. Zagidullina M. V. Pushkinskij mif v konce XX veka [Pushkin's myth at the end of the twentieth century]. Chelyabinsk. 2001. 245 p.
15. Kudryashova A. A. Lermontovskij mif v russkoj literature : dis. ... kand. nauk [Lermontov myth in Russian literature : dis. ... PhD in Sciences]. M. MSU. 2007. 137 p.
16. Kur'yanov S. O. Tajnyj klyuch russkoj literatury: formirovanie i stanovlenie krymskogo teksta v russkoj literature X–XIX vekov : monografiya [The secret key of Russian literature: the formation and formation of the Crimean text in Russian literature of the X–XIX centuries : monograph]. M. INFRA-M. 2019. 312 p.
17. Lenin V. I. O literature i iskusstve [On literature and art] / comp. N. I. Krutikova. M. Hud. lit. (Fiction). 1979. 827 p.
18. Plekhanov G. V. O tak nazyvaemyh religioznyh iskanijah v Rossii [On the so-called religious searches in Russia] // Plekhanov G. V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya : v 5 t. T. 3 [Selected philosophical works : in 5 vols. Vol. 3]. M. State Publishing House of Political Literature. 1957. Pp. 326–438.
19. Tolstoj L. N. Isповед' [Confession] // Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t. T. 23. Proizvedeniya 1879–1884 [Complete collected works : in 90 vols. Vol. 23. Works of 1879–1884] / preparation of the text and commentary by N. N. Gusev. M. State Publishing House of Fiction. 1957. Pp. 515–537.
20. Tolstoj L. N. Pis'mo I. B. Fajnermanu ot 4 avgusta 1892 g. [Letter to I. B. Finerman dated August 4, 1892] // Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij : v 90 t. T. 66. Pis'ma 1891 (Ijul'–Dekabr') – 1893 [Complete collected works : in 90 vols. Vol. 66. Letters 1891 (July–December) – 1893]. M. Hud. lit. (Fiction). 1953. 536 p.
21. Cypushtanova M. A. Gogolevskij tekst v sovremennom kul'turnom prostranstve [Gogol's text in the modern cultural space] // Dergachevskie chteniya – 2011. Russkaya literatura: nacional'noe razvitie i regional'nye osobennosti : materialy X Vseros. nauch. konf. – Dergachevsky readings – 2011. Russian Literature: National Development and Regional peculiarities : materials of the X All-Russian Scientific Conference. Yekaterinburg. 2012. Vol. 1. Pp. 186–192.
22. Shemetova T. G. Biograficheskij mif o Pushkine v russkoj literature sovetskogo i postsovetskogo perioda : dis. ... d-ra nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet period : dis. ... Doctor of Sciences]. M. MSU. 2011. 318 p.

Музыкальное мировосприятие Александра Грина: экзистенциальный смысл, ценностные основания, художественное воплощение

Мокеева Галина Ивановна

кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0003-3457-7193. E-mail: galina@mech.unn.ru

Аннотация. Предмет исследования – музыкальность как фактор мировоззрения и творчества А. С. Грина. Целью статьи является анализ музыкального мировосприятия Грина с точки зрения экзистенциального смысла, ценностных оснований и отражения в творчестве. Автор исходит из допущения, что музыкальное мировосприятие сформировалось у Грина в результате глубоко пережитого представления о мире как гармоническом Целом, чье единство обеспечивается посредством музыкального пространственно-временного континуума, задающего ритм, тональность и мелодию вселенского бытия. Это допущение определяет новизну и оригинальность подхода к рассмотрению заявленного предмета исследования.

Главными итогами переживания целостности мира стали для Грина пробуждение музыкального чувства и осознание своей главной жизненной задачей поиск, созидание и служение «истинной родине». Решение этой задачи писатель связывал с верностью высокому идеалу и следованием его зову – зову прекрасного Несбывшегося, приверженностью «логике сердца» и верой в чудо как подвиг любви. Высокая любовь, наделившая его глубиной понимания окружающей действительности, ясностью видения своего пути, – важнейший элемент музыкального чувства Грина, движущая сила его творчества. Благодаря ей он смог сотворить свое чудо, создать свой мир, ее светом проникнуты его лучшие рассказы и романы. Высшее художественное воплощение музыкального мировосприятия Грина – концепция человека-недотроги, обладателя «живой души», живущего в согласии с высшими ценностями бытия, каковыми являются для него Любовь, Свобода, Природа, Правда и Красота, самоотверженно следующего путем противостояния враждебной к нему жизни и молча принимающего свой трагический удел.

На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что музыкальное мировосприятие играло важную роль в жизни и творчестве Грина, являясь его духовно-ценностным жизненным ориентиром, средством сохранения себя во враждебной действительности, дававшим ему необходимый для творчества «духовный простор», помогавшим находить дорогу в царство воображения.

Ключевые слова: Александр Грин, музыкальное мировосприятие, зов Несбывшегося, голос сердца, работа веры и любви, человек-недотрога.

Творчество Грина проникнуто символизмом [1; 15]. Располагаясь «на границе идеи и материи, трансцендентности и имманентности, непознаваемости и познаваемости» [23, с. 51], символ приближает к пониманию онтологических и экзистенциальных оснований бытия, и признаваемая исследователями философская и психологическая глубина лучших сочинений писателя [14; 20] обуславливается во многом их символизмом. Одновременно символ «является бесконечным и органическим объединением противоположностей» [23, с. 51] и в качестве такового служит средством отображения музыкальной, антиномичной сущности мироздания [22, с. 92], гармонично сочетающего самые разнородные элементы. «Символ музыкален» [2, с. 246], и символизм Грина есть прямое следствие и выражение музыкального характера его мироощущения, проявление его музыкальности. Однако проблема музыкальной природы личностного и творческого феномена Грина исследована крайне недостаточно. Диссертация О. Л. Максимовой [17], посвященная анализу музыки как фактору художественного сознания писателя, по сути, единственное серьезное исследование в этом направлении за более чем полувековой период активного изучения творчества Грина. Ее основное содержание составляет рассмотрение эстетических сторон музыкально-художественного мира Грина, функционирования музыки в его прозе. При этом за рамками исследования остаются вопросы генезиса, метафизических и ценностных оснований гриновского музыкального мировосприятия, уяснение которых очень важно для углубления понимания этико-эстети-

ческой системы и творческого метода писателя. Эти вопросы составляют предмет исследования настоящей статьи, целью которой является анализ музыкально-романтического мировосприятия Грина с точки зрения его экзистенциального смысла, ценностных оснований и практической реализации в творчестве писателя.

В понимании роли музыки в мировой жизни Грин был близок позиции немецких романтиков, полагавших музыку первоосновой бытия и важнейшим из искусств, которое максимально приближено к миру чувств и может выражать невыразимое; почитавших музыканта высшим типом личности, способным постигать музыку бытия и следовать ее велениям. Значительное влияние на него также оказали эстетические воззрения его современников-символистов, прежде всего А. Блока и А. Белого. Он разделял их представление о символичности музыки, убежденность в том, что «музыка – духовное тело мира – мысль мира» [28, с. 18]. Ему было близко их понимание символа и связанных с ним понятий как «функций сознания, открывающих доступ к реальности» [23, с. 13], обеспечивающих «проникновение в таинственный слой действительности» [22, с. 91], их представление о «дуализме “музыкального” и “немузыкального” как двух способов отношения к сущности» [23, с. 13]. Он соглашался с ними в том, что «смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге» [3, с. 25], что гармония в жизни и творчестве утверждается постоянным преодолением дисгармонии.

Общий характер жизнепереживания у Грина, как и у высокочтимого им Блока, основывался на «живом сознании присутствия в мире бесконечного, Божественного, чудесного» [13, с. 282]. Жизненное кредо Грина созвучно блоковскому девизу: «Мира восторг беспредельный / Сердцу певучему дан. / В путь роковой и бесцельный / Шумный зовет океан. / Сдайся мечте невозможной, / Сбудется, что суждено. / Сердцу закон непреложный – / Радость-Страданье одно!» В своих сочинениях он ярко воплотил представление о музыке как «способе соединения мира духовного (божественного) и мира материального (земного)» [17, с. 10]. И допустимо предположить, что музыкальное мировосприятие Грина в значительной мере сформировалось в результате глубокого переживания мира как Целого, существующего в форме двуединства незримой духовной и зримой материальной реальностей, взаимодействующих благодаря посредству особой колебательной субстанции – музыки, проявляющейся «как ритм во времени, как тональность в пространстве, как мелодия в причинности» [2, с. 172]. Несомненно также, что доминирующим чувством в этом процессе являлась любовь, преодолевающая непонимание и неприязнь в отношении к другому, побуждающая воспринимать другого как равного, как друга, а не как врага, делающая мир вокруг себя более чистым, добрым, музыкальным. Ибо вопреки ясному сознанию ужасающей антимузыкальности человеческого мира, пониманию того, что общество крепко запуталось в сетях лжи и зла, что связь его с духовной реальностью истончается, а чувство красоты, бескорыстное стремление к истине и добру у людей слабеет, Грина никогда не покидала потребность в справедливости и гармонии «для всех и всего. Для земли, камней, птиц, людей и животных» [9, с. 86], не оставляла вера в возможность высоких, подлинных чувств и лучших людей, желание одолеть ужас жизни, не позволить возобладать в душе «темным инстинктам», толкающим «к злему искусству и злой жизни» [9, с. 333].

Согласно Хайдеггеру, глубоко исследовавшему вопрос о мире как Целом, переживание целостности мира представляет «экзистенциальную драму» [24, с. 274], доминантами которой выступают «такие настроения, как скука и ужас» и которая реализуется «в те мгновения, когда мир от нас ускользает» [24, с. 275]. Сутью этой драмы является «поиск средоточия пустыни» [24, с. 269], имеющий целью обретение сокровеннейшего для человека мира – мира его души и сердца. В результате ее успешного завершения «между человеком и миром разверзается некое свободное пространство» [24, с. 277] и человек обретает «более свободное отношение к миру, которое философ называет мирозозидающим (weltbildend)» [24, с. 278]. В полном соответствии с хайдеггеровским пониманием экзистенциального смысла переживания мира как Целого это «фундаментальное событие человеческого бытия» [24, с. 265] совершилось в жизни Грина. Свидетельством тому – новелла «Арвентур», впервые опубликованная в 1910 году, а позднее на правах последней «главки» включенная в рассказ «Наследство Пик-Мика» (1915).

Как можно заключить на основании этого рассказа, решающий поворот в жизни Грина (напомним его слова: «Моя биография – в моих книгах» [12, с. 88]) случился в один из долгих дней тоски, «когда у человека начинает отцветать сердце и он мечется по земле, полный смутных видений, музыки горя и ужаса» [6, с. 329]: тогда в его сознании вдруг вспыхнуло сло-

во Арвентур. Оно наполнило душу радостью, верой и отвагой, за ним словно бы открывался величественный мир, где «должны быть чудесные, немислимые для нас вещи» [6, с. 422]. В звучании его восьми букв слышались «печальный зов, торжественное напоминание, сила и нежность; бесконечное утешение, отделенное пропастью» [6, с. 330]. И это звучание было осознано им как зов его «второй, настоящей родины» [10, с. 504], принявшей то «прекрасное несбыточное» [5, с. 190], которое человечество всячески изгоняло из мира и которое столь дорого и значимо для него. С этим зовом пришло к нему понимание его жизненной задачи как борьбы за свою истинную родину, завоевание ее, служение ей, созидание ее.

Из душевных и нравственных испытаний периода мистического прохождения через «средоточие пустыни» бытия Грин вынес понимание, что жизнь несовершенна и абсурдна, полна лжи, зла, страданий, она настоящий ад, но человек не имеет права бежать от этого ада, должен преодолевать «тревогу пустоты и отсутствия смысла» в «мужестве быть» [26, с. 58]. В этом – суть духовного прозрения, которое пришло к нему в результате переживания целостности мира, прозрения, которым он наделил героя рассказа «Возвращенный ад» (1915). Внятным эхом этого переживания звучит и написанный позднее рассказ «Сердце пустыни» (1923) – своеобразная аллегория человеческого самосозидания и существования в целостном мире, облагораживания человеком души и сердца, строительства гармонии в себе и вокруг себя. Герой рассказа, поверив шутке трех скучающих скептиков, отправляется на поиски некоего Сердца Пустыни, затерянного среди тропических лесов, где люди, «связанные одинаковыми вкусами и любовью к цветущей заброшенности» [11, с. 488], живут, словно они «сошлись петь» [11, с. 489]. Не найдя искомого, так как его, конечно, там и не было, он решает построить Сердце Пустыни сам. И действительно создает его, ибо, как убежден Грин, когда человеком владеет мечта, которая сделалась сокровенным его желанием, когда он ясно видит цель, ему не страшны никакие преграды.

Пробуждение музыкального чувства, характеризующегося мирозидательным и исполненным любви отношением к действительности, и формирование музыкального мировосприятия, а также осознание завоевания истинной родины своей главной жизненной задачей – таковы главные итоги глубоко пережитого Грином представления о целостности и единстве мира. С этого момента он начинает строительство своего мира, начинает борьбу за истинную родину, суть которой мыслится им как превращение Несбывшегося в то, что реально существует. «Власть Несбывшегося» [5, с. 120] велика, оно «зовет нас» [5, с. 120], и его зов есть зов высокого идеала, зов духа музыки и гармонии, зов души и сердца. Грин верит в возможность сотворения собственного гармоничного мира – «мира душевной ясной игры» [12, с. 369], отделенного незримой стеной от враждебной реальности, сознавая саму эту возможность одновременно как главную жизненную задачу и как чудо. И вера его в эту чудесную возможность, реализующую «право человека видеть мир таким, как он хочет» [12, с. 368], представление о чуде как подвиге веры и любви – той же природы, что и теургическая мечта А. Белого «о чуде искусства и чуде преображения» [28, с. 32].

Вера в чудо – один из столпов гриновского музыкального мировосприятия. Другим принципом, которому он стремился следовать в созидании своей родины и служении ей, является жизнь по совести, иначе говоря, жизнь в согласии с «логикой сердца», основывающейся на признании сердца метафизическим «субъектом» моральной интуиции, «голосом» духовного разума в человеке [25]. Представление о сердце как особом метафизическом моральном органе и критерии нравственной истины получило глубокую разработку в трудах известных русских философов и религиозных мыслителей периода Серебряного века: Б. П. Вышеславцева, С. Л. Франка, П. А. Флоренского и др. [25] Так, согласно Вышеславцеву, сердце есть «пределный таинственный центр личности, где лежит вся ее ценность и вся ее вечность» [25, с. 374]. В свою очередь Франк утверждает, что «порядок сердца» предуказан заветами христианства и «есть условие осмысленности, прочности нашей жизни... и самого нашего бытия» [25, с. 375]. Впрочем, даже если Грин не был знаком с работами упомянутых мыслителей, он, вне всякого сомнения, жил по законам сердца, ибо «логика сердца», согласно М. Шелеру, восходит к «чувству ценностей» [25], а это чувство было неотъемлемым качеством Грина, убежденного, что высшая цель человеческого бытия неразделима с ценностями «Любви, Свободы, Природы, Правды и Красоты» [9, с. 417]. В соответствии с этими ценностями он строил свою жизнь. Они составляют духовную основу его мировосприятия. И важнейшая из них – любовь.

Гриновское понимание любви как чувства чистого, нежного, самоотверженного в полной мере раскрылось в его отношении к жене – Нине Николаевне Грин. Высокая любовь Гри-

на была воистину «любовью художника» [4, с. 198], которая, по Гофману, «только светит и греет» [4, с. 196], а также необыкновенно обостряет в человеке творческое начало, изливаясь «из самой души художника как его песня – его картина – его поэма» [4, с. 196]. Любовь к Нине Николаевне одарила Грина максимальной ясностью понимания мира и творческой силой. Благодаря ей он сохранил лучшее своей души: ее чистоту, нежность, благородство; смог справиться со своими человеческими слабостями, одолеть тяготы судьбы и, умирая, простить жизнь. Она помогла ему сотворить свой мир, свое чудо – действительно чудо, принимая во внимание, в каких условиях довелось ему жить и творить.

Любовью освещены написанные в годы совместной жизни с Ниной Николаевной замечательные романы и рассказы: «Блистающий мир», «Бегущая по волнам», «Золотая цепь», «Дорога никуда», «Фанданго», «Крысолов», «Серый автомобиль», «Сердце пустыни» и другие, представляющие целостную картину мира, каким его мыслит и видит Грин. В них – полное и точное выражение гриновского мировосприятия – музыкального, поэтического, романтического; его любовь и «вера в лучшее при ясном понимании всей проблемности жизни» [18, с. 42]. В них он полностью раскрывается как художник-романтик, сфокусированный на человеке и его праве и счастье видеть мир таким, каким он его видит. Важнейшее творческое достижение Грина и высшее художественное воплощение его музыкального мировосприятия – образ человека чистой души, не способного «уступить в главном» [8, с. 231], «чье чувство собственного достоинства сильнее инстинкта самосохранения» [16, с. 324]; человека, активно не приемлющего зло и в противодействии ему нередко идущего на незаурядные поступки; человека, который противодействует «враждебной нам жизни молчанием и спокойствием» [15, с. 464]. Определение, присвоенное им этому человеческому типу, возможно, не очень удачное – «недотрога». В «недотрогах», «людях, стоящих в тени» [6, с. 461], воплотилась его сокровенная мечта о подлинном человеке, человеке во многом Несбывшемся.

Гриновские «недотроги» – люди музыкального мировосприятия, «с обостренной душевной чувствительностью и любовью ко всему истинно красивому, чистому и справедливому» [12, с. 156], живущие «в своем мире душевной ясной игры» [12, с. 369], следуя «глубокой, древней музыке ощущения полноты жизни и совершенного спокойствия» [9, с. 383]. Они ощущают нерасторжимую связь с остальным миром, испытывая к нему дружеское, любовное отношение, и верят, как верит герой рассказа «Возвращение», что «вся земля, со всем, что на ней есть, дана для жизни и для признания этой жизни всюду, где она есть» [29, с. 75]. Взаимоотношения с миром основываются у них на чувстве, «пропущенном» через сердце, и движимы единственно «логикой сердца». Жизненно важной для них потребностью внимать «голосу сердца» обусловлена их предрасположенность к внутренней сосредоточенности, подобной тишине ночи или «особенной тишине знойного дня, полного молчанием замкнутой, насыщенной жизни» [6, с. 148]. В тишине перед ними открывается дорога в «страну человеческого сердца» [10, с. 428] и явственнее проступают контуры Несбывшегося. Так, Ассунта («Трагедия плоскогорья Суан»), выйдя в ночной сад, полный тишины и покоя, вслушивается в стук своего сердца и чувствует, что «немой голос его не то звал куда-то, не то спрашивал» [10, с. 380]. Ей кажется, что «неслышный призрачный звон ночи пришел к ней из бархатных глубин мрака», чудится «звон маленьких колокольчиков, пение земли, игра микроскопических цитр» [10, с. 380]. И вся эта «взволнованная жизнь крови» [10, с. 380] есть результат приобщения героини к таинству тишины, благодаря которому она переживает счастливое мгновение единения с миром, миг полноты ощущения жизни, испытывая желание длить его всегда, вечно.

Отличительное качество «недотрог» – неприятие самодовольной ограниченности, тупости, бессмысленной жестокости в человеке, непримиримость к злу, порой толкающая их на отчаянные поступки. Наблюдая, как глумится над любовью циник-богачей Ван-Конет, не может сдержаться Давенант («Дорога никуда»). Любовь является для него высшей ценностью, и поношение ее он воспринимает как личное оскорбление, когда «молчание равно пощечине самому себе» [8, с. 230]. Потому по «естественной его склонности сопротивляться нечистоте» [8, с. 226] он дает пощечину негодяю, не задумываясь о том, какими мрачными последствиями обернется для него этот поступок. Сходным образом ведет себя Гарвей («Бегущая по волнам»), давая отпор распустившему руки капитану Гезу, ибо «нельзя было допустить избиения женщины – безотносительно к ее репутации» [5, с. 197]. Впечатляет поведение Лонгрена («Алые паруса»), молча, неподвижно и строго, как судья, наблюдающего за тем, как тонет Меннерс, когда-то погубивший его любимую жену, – так выражает он свое «глубокое презрение к Меннерсу – большее, чем ненависть, было в его молчании» [5, с. 36]. Столь же «внуши-

тельно» [5, с. 36] поступает и Рейтар-Дегж («Недотрога»): он убивает негодяя Гуда Гайбера, надругавшегося над его любимым ручным ястребом, который был для него символом свободы его души, был как бы он «сам – ставший птицей» [7, с. 114]; убивает потому, что «была непобедимая сила уничтожить Гуда» [7, с. 117], уничтожить конкретного носителя и проводника зла. И самое существенное в противостоянии гриновских «недотрог» злу то, что, давая злу деятельный отпор, сами они никогда «не становятся злом, не допускают его в себя» [16, с. 339]. Их поступки сверены с «голосом сердца», продиктованы совестью и непоколебимой верой в то, что в жизни не должно быть места грубости и жестокости, что в ней должны царить гармония, милосердие и прощение.

Силу духа герои Грина обнаруживают не только при столкновении с проявлениями внешнего зла, но и в своей личной жизни. Им присущи «сила самосвержения» [9, с. 412], позволяющая изживать лживое и злое (если угодно, «крысиное») в себе, упорство в достижении цели, решимость начать все с чистого листа, порвав с прошлой, неудовлетворяющей и гнетущей жизнью, умение ждать, верность мечте. «Со стиснутыми зубами и побледневшим лицом <...> с решительным напряжением воли» [17, с. 64] идет к цели Артур Грэй («Алые паруса»), решив стать капитаном, в фигуре которого соединились для него «в одно целое все сокровища жизни» [5, с. 62]. Томас Гарвей («Бегущая по волнам»), самоотверженно следующий зову Несбывшегося в стремлении угадать свое истинное предназначение, мужественно отстаивает право видеть мир по-своему. Эли Стар («Путь»), открывший однажды «странный и величественный мир, который стал близок его душе» [6, с. 419], мир, принесший ему «ощущение глубокого, торжественного простора» [6, с. 420] и внутренней свободы, неутомим в искании своей «страны, лежащей за горами» [6, с. 423].

Сущностным качеством «недотрог» является также отсутствие у них страха перед чудом, естественное мужество приятия чудесного – качество исключительно важное в представлении Грина. Он верил в чудо как подвиг веры и любви, верил в способность людей творить чудеса своими руками, в могущество вдохновения, в «высшую степень преодоления, казалось бы непреодолимого, когда непреодолимое покоряется» [27, с. 290], видя в этом возможный путь к преображению мира. Вместе с тем он сознавал, что в современном обществе, в котором так велика наука и столь мала вера, люди по большей части не готовы к встрече с чудесным, страшатся чуда и, тайне ожидая его всю жизнь, «когда оно наконец блеснет, готовы закричать или спрятаться» [10, с. 17]. При этом единственной силой, способной победить страх людей перед чудом и тайной красоты, музыки, поэзии, по мнению Грина, является чистота сердца и души. И ею сполна наделены его любимые «недотроги», чистые души которых таят «зерно пламенного растения – чуда» [5, с. 109], которым неведом страх перед чудом, ибо Прекрасным Чудом является для них весь мир.

Путь возрождения, в понимании Грина, требует от человека очистить свои душу и сердце, отказаться от душевной, духовной и нравственной «пестроты» [9, с. 407], ставшей для многих определяющим качеством, толкающим к оборотничеству, подлости и обману. Он подразумевает также готовность к страданию, к жертве, требует открытого выхода в пространство жизненной трагедии. Мысль о закономерной и неизбежной трагичности жизни для личности с музыкальным мировосприятием и эстетическим отношением к действительности в условиях современности присутствует уже в ранних рассказах Грина (так, к примеру, в «Зурбаганском стрелке» (1915) упоминается «нищий поэт, умерший из гордости голодной смертью в мансарде, потому что он не хотел просить ни у кого помощи», и приводятся его строки: «Каждый жизнь целуя в губы, должен должное платить, / И без жалоб, стиснув зубы, молча, твердо уходить» [6, с. 380]), но с максимальной отчетливостью высказана она в романе «Дорога никуда» (1930) – самом лучшем, самом сильном, самом трагическом из его сочинений. В основе этого произведения – «конфликт между великими запросами человеческого духа и преградами, которые воздвигает жизнь» [19, с. 198] на пути тех, кто дерзает этим запросам соответствовать. Грин поднимает в нем главные вопросы, волнующие всякого думающего человека: о смысле жизни, о человеческом предназначении, о том, что движет людьми на дороге жизни. И отвечает на них с высоты опыта своей горькой и многотрудной жизни истинного романтика и музыканта.

Смысл жизни – в искании, обретении и служении духовной родине. Верность родине – важнейшая человеческая добродетель, суть которой заключается в высшей честности и неспособности «уступить в главном» [8, с. 231], составляющих основу жертвенности, требуемой родиной. Жизнь человека, взятая как символ, – это, согласно Грину, следование зову родины,

верность пути, ведущему на родину. А «на дороге многое с л у ч а е т с я и будет с л у ч а т ь с я» [8, с. 68] (разрядка А. С. Грина. – Г. М.), и потому, полагает он, нелишне соблюдать в пути разумную осторожность, хотя не следует бояться подстерегающих на нем опасностей, иначе говоря, жизненных превратностей, ошибок или разочарований. «Разочарование есть плата за что-то прежде полученное, может быть, несоразмерная иногда» [8, с. 45], но не надо скупиться. Бояться нужно лишь «обобщать разочарование», «окрашивать им все остальное»: иначе едва ли возможно «обрести силу сопротивления злу жизни и правильно оценить ее хорошие стороны» [8, с. 45].

Для героя «Дороги никуда» Тиррея Давенанта родина – это «все лучшее, что может пожелать человек» [8, с. 273], и прежде всего честность, доброта, благородство в отношении людей. Однако его верность этим принципам, питаемая «естественнейшей его склонностью сопротивляться нечистоте» [8, с. 226], оборачивается в жестоком мире «внушительно и мрачно развивающейся судьбой» [23, с. 232], шаг за шагом выстраивающей вокруг него «мир и стены страдания» [23, с. 261]. Но, хотя Тиррея «немного горько» [8, с. 287] за выпавшую на его долю судьбу, он умеет «пересилить горе» [8, с. 314] без того, чтобы стать озлобленным мизантропом. Последние слова, произнесенные им на пороге смерти: «Бой был прекрасен» [8, с. 315] – свидетельствуют о том, что он не жалеет, как прожил жизнь, и даже испытывает определенное удовлетворение и гордость, что не поступился главным и «отстоял с честью свет солнечного луча на ярком ковре со скачущими золотыми кошками» [8, с. 184]. В сознании этого – последнее утешение для Давенанта, умирающего с чувством выполненного долга и незапятнанной совести.

Грин не позволяет своему герою выйти победителем из схватки со смертельной болезнью потому, что ясно сознает неумолимость закона трагичности бытия для тех, кому суждено находиться на теневой стороне жизни: для любимых своих «недотрог» и романтиков. Его последний роман – это гимн возвышающей силе трагического и романтического, признание трагизма жизни в качестве необходимого условия бытия, во всяком случае, на нынешнем его этапе, и в особенности для человека с возвышенной, музыкально-романтической душой.

Подводя итоги, отметим, что в рамках принятого гипотетического допущения, что источником формирования мировосприятия Грина является глубоко пережитое представление о целостности мира, музыкальное чувство писателя допустимо интерпретировать как исполненный экзистенциального и духовно-ценностного смысла жизненный ориентир, дававший ему силы противостоять враждебной действительности, обеспечивавший необходимый для творчества «духовный простор» [12, с. 118], помогавший находить дорогу в «светлые страны своего воображения» [12, с. 145]. Высшее художественное воплощение гриновского музыкального мировосприятия – концепция человека-«недотроги», представляющая настоящее откровение о романтической личности нашего времени. Благородные, чистые душой, бескомпромиссные в главном, умеющие ждать и терпеть, внутренне свободные и безгранично преданные высокому идеалу, ради которого они готовы на страдания и жертву, романтики Грина предстают по сути выразителями культурного запроса времени на подлинного человека, немислимого сегодня, по мысли Б. Пастернака, без двух вещей: «идеи свободной личности и идеи жизни как жертвы» [21, с. 26]. В «недотрогах» Грином гениально угадан прообраз человека Будущего, человека во многом пока Несбывшегося. Несправедливо теснимые обществом на обочину жизни, они живут, мужественно преодолевая сознание напрасности своей не находящей отклика духовной беспокойности, активности, настойчивости, но Грин верит, что неизбежно наступит их день, «день людей, стоявших в тени, они выйдут из тени на яркий свет, и никто не оскорбит их» [6, с. 461].

Список литературы

1. Белогорская Л. В. Многоплановость символических образов в романе А. Грина «Блистающий мир» // Александр Грин: творческая биография. Статьи, очерки, исследования. Феодосия : Арт Лайф, 2014. С. 221–230.
2. Бельй А. Символизм как миропонимание. М. : Республика, 1994. 528 с.
3. Блок А. А. Искусство и революция (По поводу творения Рихарда Вагнера) // Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 6. М. ; Л. : Гослитиздат, 1962. С. 23–25.
4. Гофман Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мурра с присовокуплением макулатурных листов из биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсlera / пер. с нем. А. Голембы. М. : Время, 2018. 512 с.
5. Грин А. С. Алые паруса : феерия; Бегущая по волнам; Золотая цепь : романы. М. : Дет. лит., 2014. 544 с.
6. Грин А. С. Вокруг Центральных озер : сб. Екатеринбург: КРОК-Центр, 1993. 576 с.

7. Грин А. С. Дикая Роза. Алые паруса. Недотрога. Феодосия ; М. : Коктебель, 2010. 128 с.
8. Грин А. С. Дорога никуда. М. : АСТ ; Астрель, 2011. 320 с.
9. Грин А. С. Психологические новеллы. М. : Сов. Россия, 1988. 448 с.
10. Грин А. С. Ранчо «Каменный столб» : сб. Екатеринбург : КРОК-Центр, 1993. 592 с.
11. Грин А. С. Сердце пустыни // Грин А. С. Алые паруса. Блистающий мир. Золотая цепь. Рассказы. М. : Худож. лит., 1986. С. 485–494.
12. Грин Н. Н. Воспоминания об Александре Грине: Петроград. Феодосия. Старый Крым. Мемуарные очерки. Дневниковые записи. Письма. Феодосия ; М. : Коктебель, 2021. 496 с.
13. Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока // Жирмунский В. М. Поэтика русской поэзии. СПб. : Азбука-классика, 2001. С. 282–350.
14. Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. М. : Наука, 1969. 296 с.
15. Козлова Е. А. Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2004. 20 с.
16. Макс Фрай. Заметки о Лиловом Драконе (Александр Грин) // Литературная матрица: внеклассное чтение. СПб. : Лимбус Пресс, 2014. С. 307–339.
17. Максимова О. А. Проза А. С. Грина: музыка в художественном сознании писателя : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004. 24 с. URL: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=30293835> (дата обращения: 24.06.2022).
18. Матвеева Н. Н. Божией милостью прозаик. Мысли об Александре Грине // Наша школа. 2011. № 4 (123). С. 40–48.
19. Михайлова Л. Александр Грин: жизнь, личность, творчество. Изд. 2-е, дораб. и доп. М. : Худож. лит., 1980. 216 с.
20. Павлов В. Л. Философская тональность творчества Александра Грина // Мысль: журнал Санкт-Петербургского философского общества. 2016. Т. 20. С. 120–127. URL: <http://www.elybrary.ru/item.asp?id=27316854> (дата обращения: 24.06.2022).
21. Пастернак Б. Л. Избранное : в 2 т. Т. 2. Доктор Живаго. Роман. СПб. : Кристалл ; Респекс, 1998. 560 с.
22. Римонди Дж. Музыкальное восприятие мира в прозе А. Ф. Лосева // Соловьевские исследования. 2017. № 3 (55). С. 88–95. URL: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=30507035> (дата обращения: 24.06.2022).
23. Римонди Дж. Философские и мировоззренческие основы художественной прозы А. Ф. Лосева (Символическое и музыкальное выражение смысла). М. : Водолей, 2019. 168с.
24. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время / пер. с нем. Т. А. Баскаковой при участии В. А. Брун-Цехового. М. : Молодая гвардия, 2002. 614 с.
25. Стрельцова Г. Я. Метафизика сердца // Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М. : Республика, 1994. С. 374–401.
26. Тиллих П. Мужество быть / пер. с англ. Т. И. Вевюрко. М. : МОДЕРН, 2014. 240 с.
27. Шкловский В. Б. Три встречи с Грином // Жизнь Александра Грина, рассказанная им самим и его современниками : автобиографическая проза. Воспоминания. М. : Изд-во Литературного института имени А. М. Горького ; Феодосия : Коктебель, 2012. С. 287–290.
28. Юрьева З. О. Творимый космос у Андрея Белого. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. 116 с.
29. Яблоков Е. А. Роман Александра Грина «Блистающий мир». М. : МАКС Пресс, 2005. 148 с.

Alexander Green 's musical worldview: existential meaning, value grounds, artistic embodiment

Mokeyeva Galina Ivanovna

PhD in Physical and Mathematical Sciences, senior researcher,
Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky. Russia, Nizhny Novgorod.
ORCID: 0000-0003-3457-7193. E-mail: galina@mech.unn.ru

Abstract. The subject of the research is musicality as a factor of A. S. Green's worldview and creativity. The purpose of the article is to analyze Green's musical worldview from the point of view of existential meaning, value grounds and reflection in creativity. The author proceeds from the assumption that Green's musical worldview was formed as a result of a deeply experienced idea of the world as a harmonious Whole, whose unity is ensured through a musical space-time continuum that sets the rhythm, tonality and melody of universal existence. This assumption determines the novelty and originality of the approach to the consideration of the claimed subject of research.

The main results of experiencing the integrity of the world were for Green the awakening of a musical sense and awareness of his main life task as a search, creation and service to the "true homeland". The writer associated the solution of this problem with loyalty to a high ideal and following its call – the call of the beautiful Unfulfilled, adherence to the "logic of the heart" and faith in a miracle as a feat of love. High love, which en-

dowed him with a deep understanding of the surrounding reality, clarity of vision of his path, is the most important element of Green's musical feeling, the driving force of his creativity. Thanks to her, he was able to create his miracle, create his own world; his best stories and novels are imbued with her light. The highest artistic embodiment of Green's musical worldview is the concept of a touchy-feely person, the owner of a "living soul", living in harmony with the highest values of being, which are Love, Freedom, Nature, Truth and Beauty for him, selflessly following the path of opposing life hostile to him and silently accepting his tragic destiny.

Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the musical worldview played an important role in Green's life and work, being his spiritual and valuable life guide, a means of preserving himself in hostile reality, giving him the "spiritual space" necessary for creativity, helping him find his way into the realm of imagination.

Keywords: Alexander Green, musical perception of the world, the call of the Unfulfilled, the voice of the heart, the work of faith and love, a touchy-feely person.

References

1. Belogorskaya L. V. *Mnogoplanovost' simvolicheskikh obrazov v romane A. Grina "Blistayushchij mir"* [The versatility of symbolic images in A. Green's novel "The Shining World"] // *Aleksandr Grin: tvorcheskaya biografija. Stat'i, ocherki, issledovaniya* – Alexander Green: a creative biography. Articles, essays, researches. Feodosia. Art Life. 2014. Pp. 221–230.
2. Belyj A. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a worldview]. M. Respublika (Republic). 1994. 528 p.
3. Blok A. A. *Iskusstvo i revolyuciya (Po povodu tvoreniya Riharda Vagnera)* [Art and Revolution (About the creature of Richard Wagner)] // *Blok A. A. Sobr. soch. : v 8 t. T. 6* [Collected works : in 8 vols. Vol. 6]. M.; L. Goslitizdat. 1962. Pp. 23–25.
4. Hoffman E. T. A. *Zhitejskie vozzreniya kota Murra s prisovokupleniem makulaturnykh listov iz biografii kapel'mejstera Iogannesa Krejslera* [The Life and Opinions of the Tomcat Murr together with a fragmentary biography of kapellmeister Johannes Kreisler on random sheets of waste paper] / transl. from German by A. Golembe. M. Vremya (Time). 2018. 512 p.
5. Green A. S. *Alye parusa : feeriya; Begushchaya po volnam; Zolotaya cep' : romany* [Scarlet sails : extravaganza; Running on the waves; Golden chain : novels]. M. Detskaya lit. (Children lit.) 2014. 544 p.
6. Green A. S. *Vokrug Central'nykh ozer : sb.* [Around the Central Lakes : collection]. Yekaterinburg. KROK-Center. 1993. 576 p.
7. Green A. S. *Dikaya Roza. Alye parusa. Nedotroga* [Wild Rose. Scarlet sails. Touchy]. Feodosia; M. Koktebel. 2010. 128 p.
8. Green A. S. *Doroga nikuda* [The road to nowhere]. M. AST; Astrel. 2011. 320 p.
9. Green A. S. *Psihologicheskie novelly* [Psychological short stories]. M. Sov. Russia. 1988. 448 p.
10. Green A. S. *Rancho "Kamennyj stolb" : sb.* [The Stone Pillar Ranch : coll.] Yekaterinburg. KROK-Center. 1993. 592 p.
11. Green A. S. *Serdce pustyni* [The Heart of the Desert] // *Green A. S. Alye parusa. Blistayushchij mir. Zolotaya cep'. Rassказы* [Scarlet Sails. The shining world. Gold chain. Stories]. M. Hud. lit. (Fiction). 1986. Pp. 485–494.
12. Green N. N. *Vospominaniya ob Aleksandre Grine: Petrograd. Feodosiya. Staryj Krym. Memuarnye ocherki. Dnevnikovye zapisi. Pis'ma* [Memories about Alexander Green: Petrograd. Feodosia. Old Crimea. Memoir essays. Diary entries. Letters]. Feodosia; M. Koktebel. 2021. 496 p.
13. Zhirmunskij V. M. *Poeziya Aleksandra Bloka* [Poetry of Alexander Blok] // *Zhirmunskij V. M. Poetika russkoj poezii* [Poetics of Russian poetry]. SPb. Azbuka-klassika (ABC-classics). 2001. Pp. 282–350.
14. Kovskij V. E. *Romanticheskij mir Aleksandra Grina* [The romantic world of Alexander Green]. M. Nauka (Science). 1969. 296 p.
15. Kozlova E. A. *Principy hudozhestvennogo obobshcheniya v proze A. Grina: razvitie simvolicheskoy obraznosti : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The principles of artistic generalization in A. Green's prose: the development of symbolic imagery : abstract. dis. ... PhD in Philological Sciences]. Pskov. 2004. 20 p.
16. Max Fry. *Zametki o Lilovom Drakone (Aleksandr Grin)* [Notes on the Purple Dragon (Alexander Green)] // *Literaturnaya matrica: vneklassnoe chtenie* – Literary Matrix: extracurricular reading. SPb. Limbus Press. 2014. Pp. 307–339.
17. Maksimova O. A. *Proza A. S. Grina: muzyka v hudozhestvennom soznanii pisatelya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Prose of A. S. Green: music in the artistic consciousness of the writer : abstract. dis. ... PhD in Philological Sciences]. Vologda. 2004. 24 p. Available at: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=30293835> (date accessed: 24.06.2022).
18. Matveeva N. N. *Bozhiej milost'yu prozaik. Mysli ob Aleksandre Grine* [By the grace of God prose writer. Thoughts about Alexander Green] // *Nasha shkola* – Our school. 2011. No. 4 (123). Pp. 40–48.
19. Mihajlova L. *Aleksandr Grin: zhizn', lichnost', tvorchestvo. Izd. 2-e, dorab. i dop.* [Alexander Green: life, personality, creativity. 2nd ed., compl. and add.] M. Hud. lit. (Fiction). 1980. 216 p.
20. Pavlov V. L. *Filosofskaya tonal'nost' tvorchestva Aleksandra Grina* [Philosophical tonality of Alexander Green's creativity] // *Mysl': zhurnal Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* – Thought: Journal of the

St. Petersburg Philosophical Society. 2016. Vol. 20. Pp. 120–127. Available at: <http://www.elybrary.ru/item.asp?id=27316854> (date accessed: 24.06.2022).

21. Pasternak B. L. *Izbrannoe : v 2 t. T. 2. Doktor Zhivago. Roman* [Favorites : in 2 vols. Vol. 2. Doctor Zhivago. Roman]. SPb. Kristall ; Respex. 1998. 560 p.

22. Rimondi J. *Muzykal'noe vospriyatie mira v proze A. F. Loseva* [Musical perception of the world in A. F. Losev's prose] // *Solov'evskie issledovaniya – Solovyov Studies*. 2017. No. 3 (55). Pp. 88–95. Available at: <https://www.elybrary.ru/item.asp?id=30507035> (date accessed: 24.06.2022).

23. Rimondi J. *Filosofskie i mirovozzrencheskie osnovy hudozhestvennoj prozy A. F. Loseva (Simvolicheskoe i muzykal'noe vyrazhenie smysla)* [Philosophical and ideological foundations of A. F. Losev's artistic prose (Symbolic and musical expression of meaning)]. M. Vodoley (Aquarius). 2019. 168 p.

24. Safranski R. *Hajdegger: germanskij master i ego vremya* [Heidegger: the German master and his time] / transl. from German by T. A. Baskakova with the participation of V. A. Brun-Tsekhovoy. M. Molodaya guardia (Young guard). 2002. 614 p.

25. Strel'cova G. Ya. *Metafizika serdca* [Metaphysics of the heart] // *Strel'cova G. Ya. Paskal' i evropejskaya kul'tura* [Pascal and European culture]. M. Respublika (Republic). 1994. Pp. 374–401.

26. Tillich P. *Muzhestvo byt'* [Courage to be] / transl. from English by T. I. Vevyurko. M. MODERN. 2014. 240 p.

27. Shklovskij V. B. *Tri vstrechi s Grinom* [Three meetings with Green] // *Zhizn' Aleksandra Grina, rasskazannaya im samim i ego sovremennikami : avtobiograficheskaya proza. Vospominaniya* – The life of Alexander Green, told by himself and his contemporaries: autobiographical prose. Memoirs. M. Publishing House of the Gorky Literary Institute ; Feodosia. Koktebel. 2012. Pp. 287–290.

28. Yur'eva Z. O. *Tvorimyj kosmos u Andreye Belogo* [The created cosmos by Andrei Bely]. SPb. Dmitry Bulanin. 2000. 116 p.

29. Yablokov E. A. *Roman Aleksandra Grina "Blistayushchij mir"* [Alexander Green's novel "The Shining World"]. M. MAKS Press. 2005. 148 p.

Женские образы в прозе Н. Д. Телешова конца XIX – начала XX в.

Хе Ци

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: stud147143@vyatsu.ru

Аннотация. Интерес к гендерной проблематике в литературоведении – явление вполне закономерное, обусловленное спецификой развития русской литературы и культуры. Актуальность исследования заключается в том, что в статье впервые рассматриваются женская тема и образы в рассказах Н. Д. Телешова конца XIX – начала XX в. В исследованиях творчества Н. Д. Телешова XX–XXI вв. поднимались проблемы, связанные с образами переселенцев: мужчин и женщин, детей, однако конкретного исследования образов женщин не было. Целью статьи является исследование воплощения женской темы и женских образов в сюжетике, поэтике повестей и рассказов автора. В статье анализируются повесть «На тройках», рассказы «Сухая беда», «Крамола», «Дуэль», «Счастливец. (Из дневника приятеля)». Они были созданы Н. Д. Телешовым в разные годы и отразили различные тенденции, взгляды на женский вопрос своего времени. Результаты исследования показывают, что в прозе Н. Д. Телешова преобладает субъективное начало, которое способствует изображению психологии, жизненной позиции, общественного поведения героини, что становится ядром фабульного и тематического многообразия, сюжетно-композиционного строя его произведений. В некоторых произведениях выявляется влияние на творчество Н. Д. Телешова известных писателей XIX в. Выводы: образы женщин в этих произведениях показаны с различных сторон: их портреты, их поведение в различных ситуациях, их мысли и настроения. Для изображения этих образов автор использует различные художественные приемы.

Ключевые слова: Н. Д. Телешов, рассказ, повесть, женская тема, женские образы.

Введение. Интерес к гендерной проблематике в литературоведении – явление вполне закономерное, обусловленное спецификой развития русской литературы и культуры. «Женский вопрос» в это время стоял достаточно остро, вокруг этой проблемы возникали дискуссии, острая полемика [4–6; 18]. Так, «женская» тема в контексте историко-литературных тенденций 2-й половины XIX – начала XX в. была достаточно актуальна. В свое время В. К. Кантор в рецензии на работу по гендерной проблематике в русской литературе д-ра Каролины Де Мэгд-Соеп (Dr. Carolina De Maegd-Soep) [20] отмечал, что «автор анализирует подробно творчество трех писателей: Гончарова, Тургенева и Чернышевского, – рассматривая произведения остальных либо как фон, либо как предвестие». [3] Н. Д. Телешов не прошел мимо злободневной темы – положения женщины в разных социальных слоях. В связи с этим **целью статьи** является исследование воплощения женской темы и женских образов в поэтике прозаических произведений Н. Д. Телешова конца XIX – начала XX в.

Основные методы исследования. В статье использовались культурно-исторический и метод литературной герменевтики. Интерпретация литературных произведений Н. Д. Телешова предполагает выявление особенностей художественного воплощения различных тем, в том числе и темы положения женщины в России.

Творчество Н. Д. Телешова в 1960–1970-х гг. рассматривалось в статьях и диссертациях М. И. Шемеловой [19], К. Д. Пантелеевой [12]; в этих работах обозначились только общие проблемы творчества писателя. Работы 2000-х гг., И. А. Айзиковой и Е. А. Макаровой [1], О. А. Мамонтовой [7–10], большей частью связаны с отражением в творчестве Н. Д. Телешова проблем «переселенческих потоков» в Сибирь, а также образов детей переселенцев.

Конец XIX – начало XX в. – важный рубеж в жизни России: нарастает ощущение неизбежности социального кризиса, потребности в смене приоритетов и ценностей в культуре, в литературе. «Образ человека реалистической литературы, – писала Л. А. Иезуитова, – существовал в конкретно-типизированном мире. Сюжетно-тематический план литературы был тесно связан с актуальными проблемами социально-исторической действительности. При бесчисленном многообразии ведущих мотивов магистральными темами были темы деревни, труда и капитала, быта, поисков миропонимания и новых жизненных путей. В сравнении с литературой XIX в. в их трактовке появились существенно новые аспекты» [2, с. 233]. Эта мысль становится основопо-

лагающей в творчестве многих писателей и философов. В этом же ряду стоит и проблематика «женского», которая неразрывно связана с поиском нравственного идеала и которая является одной из главных тем в творчестве русских писателей. Они всегда стремились поставить и по возможности разрешить вопросы смысла жизни, проблемы социальные и гуманитарные, проблемы неравенства женщин в России. Их отношение к концепту «русская женщина» всегда отличалось правдивостью изображения, поэтому они стремились выявить в женских образах прекрасные и чистые черты. В то же время русские писатели обращали внимание на те социально-культурные обстоятельства, которые формировали в человеке, в том числе и в женщине, отрицательные черты: подлость и коварство, низменные человеческие страсти.

Освобождение женщины, эмансипация порождают не только «свободу» выбора для женщин, но и негативные явления, например проституцию, так как в условиях патриархата женщина не могла получить образование или достойную работу. В XIX в. русская литература не могла не откликнуться на эти проблемы. Однако именно в этот период появляется и новый тип женщины, женщины независимой, самодостаточной и даже с «бунтарским» характером, также впервые в русской литературе все чаще писатели обращаются к теме женской эмансипации. Как следствие этого явления серьезно была затронута проблема «падшей женщины» [11].

В прозе Н. Д. Телешова раскрывается путь женщины-героини со своим характером, достоинствами и недостатками. В своих ранних произведениях Н. Д. Телешов ориентировался на творчество известных писателей: А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. В 1880-е гг. Н. Д. Телешов как начинающий писатель органично вписывался в круг молодых писателей своего времени: А. П. Чехова, В. М. Гаршина, В. Г. Короленко, М. Горького, А. С. Серафимовича, В. В. Вересаева, И. А. Бунина и др. Все они впоследствии стали участниками литературного кружка «Среда» у Н. Д. Телешова. Как отмечала Л. А. Иезуитова, «творчески осваивая художественные достижения великих реалистов XIX в., писатели рубежа веков обновляли вместе с тем реалистическую поэтику. На смену щедрой описательности и фабульной детализованной развернутости приходит более лаконичное письмо с нередкой разорванностью фабулы и ассоциативной многоплановостью сюжета, с резким повышением художественной функции детали. Усиливается и освежается арсенал устойчивых аллегорий и реалистических символов, которые в 1900-х гг. приобретают резкую публицистическую направленность и политическую окраску» [2, с. 268].

Чаще всего Н. Д. Телешов обращался к прозе малой формы (рассказы, небольшие повести). Как правило, в произведениях писатель лаконичен в построении сюжета. В раскрытии характеристик мужских, женских и детских персонажей автор пользуется «крупным планом», но несколько односторонне. Как правило, в них выделены и показаны читателю какие-либо основные черты героя или героини, которые автор считал главными.

В повести Н. Д. Телешова «На тройках» помимо основной темы – «соперничества» купцов – раскрывается и коллизия в отношениях между мужчиной и женщиной. Одним из персонажей является Ольга Васильевна, жена Леонида, чиновника, который едет в Малмыж по делам службы («получив место инспектора, не то податного, не то еще какого-то» [16]). Н. Д. Телешов показывает молодую женщину, Ольгу Васильевну, на почтовых станциях в компании купцов, едущих на Ирбитскую ярмарку. Автор не уточняет материальное положение молодой пары, но, по всей видимости, Леонид – мелкий чиновник, не имеющий большого дохода, что делает его и его жену «зависимыми» от богатых купцов.

Н. Д. Телешов дает лаконичный, но выразительный портрет молодой женщины. Она «лет двадцати двух», с темными и длинными волосами. Особо писатель выделяет ее глаза: «когда она открывала глаза (взгляды ее были внезапны), то ресницы, казалось, блестели заодно с ее крупными лучистыми глазами» [16]. Ее появление в компании купцов, внесло что-то между ними, как писал автор, «живое, непонятно бодрое, вызывающее» [16]. Некоторых ее появление заставило задуматься «о чем-то очень лукавом...», например купца Тирмана. Все поведение Ольги Васильевны показывает ее молодую, любвеобильную натуру. «Ольга Васильевна то хохотала, то куталась в свою шубу и ни минуты не могла пробыть спокойно на месте» [16]. Н. Д. Телешов как бы противопоставляет серьезность, деловитость, целеустремленность и скрытность купцов (соревнующихся, кто первым приедет на ярмарку) легкомысленному поведению молодой женщины. В Казани, когда муж едет по делам, «она стала еще бойчее. Шалила, как гимназистка, топала на Мифочку ногами, обвязала его салфеткой и заставила что-то съесть» [16]. Однако никакого развития этой сюжетной линии, связанной с взаимоотношениями Ольги Васильевны и Мифочки, молодого купца Мефодия Кумачева, в повести нет.

Другой купец, Тирман, более хитрый и изворотливый, подумал об Ольге Васильевне, о ее будущем в городе Малмыже, «которому судьба посылает такую инспекторшу» [16]. В этом плане Телешов как бы отсылает читателя к прозе А. П. Чехова, у которого героини такого поведения доставляют много хлопот своим мужьям.

Судьба женщин в России складывалась по-разному. Так, в рассказе «Сухая беда» описывается «дом Емельянихи», в котором живут Емельяниха – хозяйка, Степанида Егоровна – вдова и внучка Феня – молодая девушка. В этом доме все правила устанавливает Емельяниха, которой все подчиняются, тем самым Телешов как бы отсылает к сюжету драмы А. Н. Островского «Гроза». Даже имена перекликаются: Кабаниха и Емельяниха. Так, Емельяниха распоряжается судьбой Фени, безропотной девушки, заставляет ее много работать, иногда в гневе таскает за косы.

В доме Емельянихи любят останавливаться купцы, там же собирается их общество. Постоянно в этом доме останавливается богатый купец Афанасий Львович Курганов, вокруг которого организован сюжет повести. Он не прочь провести время со Степанидой, живущей в доме Емельянихи. Писатель раскрывает еще один женский тип: молодой вдовы. Писатель показывает, что «Степаниде было на вид около тридцати лет. Высокая, дородная, с крупными черными глазами и с непонятной улыбкой, не то застенчивой, не то задорной, она производила загадочное впечатление на свежего человека...» [17]. Н. Д. Телешов отмечает и своеобразное поведение Степаниды и несколько иронично называет, что она «считалась вдовой». Можно сказать, изображен особый тип женщины, которая «о вдовстве своем, кажется, не печалилась; для развлечения у нее имелась гитара <...> в шкафчике стояла наливка для хороших знакомых» [17]. Писатель подмечает, что многим знакома была «вдовья» наливка.

В повести возникает мотив «женского соперничества». Курганов обращает внимание молоденькую Феню и предлагает ей уехать с ним за границу. Состояние девушки показывает ее волнение, и в то же время у нее мелькает некая надежда на личную свободу: «У Фени екнуло сердце. Она хотела было убежать, но заколебалась и, наконец, сделала шаг вперед и вошла в эту дымную комнату, куда ей было запрещено показываться» [17]. Ее подкупил тон купца: «А, Фенюша! Иди! Иди сюда! Я уж давно про тебя спрашиваю» [17]. Всю последующую ночь Феня взволнованно думала о своем будущем с Кургановым.

Такое внимание Курганова к Фене насторожило Степаниду, которая имела давние отношения с купцом. Обвинение Фени в краже кошелька у Курганова раскрывает истинные отношения купца к девушке.

Однако Феня показана как своеобразный «товар» для купцов. Так, «татарин в цветной тюбетейке, пивший пиво, грузно поднялся из-за стола и, подойдя к Фене, начал ее рассматривать, повторяя вполголоса: “Хор-руш товар! хорущ товар!”» [17] Как и во многих произведениях писателей конца XIX – начала XX в., Н. Д. Телешов изобразил и женщин легкого поведения. На ярмарке эти женщины «доступны каждому без симпатии, без любви, даже без уважения» [17], купцы попадают в этот «чад продажной любви», теряя человеческий облик.

Феня не такая уж бессловесная, она гордая, но робкая. Так, в разговоре с Кургановым выясняется, что она давно собирается уйти в монастырь.

После случая с кошельком Степанида Егоровна говорит Курганову: «Наше ведь женское горе короткое, Афанасий Львович: поцелует милый человек – вот и все прошло!» [17]

Трагический финал повести переводит внимание читателей на образ молодого чуваша, который не смог вытерпеть клеветы на Феню и повесился в комнате Курганова.

В повести «Крамола» (1905) молодая девушка Дуня мечтает о личной свободе. Семейный уклад дома, обстоятельства, в которые попадает отец и вся семья, заставляют менять не только образ жизни, но и планы на будущее. Она любит и даже понимает своих близких, говоря о них: «Я знаю одно: все мы несчастны. Все несчастны, которые здесь живем. Не потому, Яша, что дедушка с бабушкой и папаша люди дурные, – не потому. Они люди вовсе не дурные. Может быть, мы с тобой хуже их. Они хорошие, но – по-своему. Они честные и добрые... очень честные... но по-своему... Их не переделаешь» [15]. Телешов раскрывает ставшую для своего времени уже традиционной тему стремления молодых к личной свободе, к изменению образа жизни, к возможности делать нужные дела. Писатель опирается на известные образы Чехова, Горького и других писателей того времени. Поэтому Дуня, обращаясь к Яше, восклицает: «Я задыхаюсь здесь. Понимаешь, задыхаюсь. Точно меня зарыли в могилу... точно я для них какой-то щенок или котенок, или... я уж не знаю сама - что я для них. А ведь они меня любят, – я знаю, – желают мне счастья... Но беда в том, что ихнее счастье для меня все равно что для птицы клетка, для живого человека – тюрьма!.. Видишь, какая я нехорошая, неблагодарная...» [15].

Яша – учитель младшей сестры – равнодушен к Дуне, он тоже пытается выбраться из трудных обстоятельств (дает уроки). Однако он более рационален. Дуня же мечтательна, оторвана от жизни, но ее цели почти недостижимы: «Я, как пленница, Яша, каждую ночь подкапываю свою тюрьму. Каждую ночь я приближаюсь к цели. И настанет день, когда я вырвусь отсюда и уйду, куда захочу» [15].

Ее мечты о будущей свободной жизни связаны с практической деятельностью. Она говорит: «Яша! Подумай, быть учительницей в деревне – да что же еще человеку нужно? Это такое счастье!.. Это такая жизнь!..» [15].

В рассказе «Дуэль» писатель показывает образ любящей Пелагеи Петровны, матери молодого офицера, которого убили на дуэли. Один из сослуживцев, Иван Иванович, приходит передать эту трагическую весть матери. Телешов концентрирует внимание читателей на состоянии Ивана Ивановича, который не может сообщить эту новость, и на той безмятежности, радости матери за сына в преддверии скорой свадьбы с Леночкой. Пелагея Петровна «сейчас же забылась в мечтах о своем близком счастье, которое казалось ей ненарушимым и полным» [14, с. 149] – такой финал рассказа. Н. Д. Телешов с любовью показывает Пелагею Петровну: как и все старые женщины, она склонна к многословию, к сентиментальности и, естественно, к обожанию своего единственного сына.

В рассказе «Счастливец. (Из дневника приятеля)» показан образ Агнии Петровны, жены приятеля, которого после нескольких лет разлуки путешественник встречает на пути в Сибири. Как всегда, несколькими штрихами писатель дает портрет Агнии Петровны: «вышла хозяйка, женщина лет 25, в цветной бумажной кофточке. На первый взгляд она мне показалась костлявой и некрасивой, хотя глаза большие и серые глядели смело и вызывающе» [14, с. 151]. Сюжет рассказа строится на том, как женщина пытается «соблазнить» путешественника. Она, по ее рассказу, часто остается одна, потому что муж уезжает и «все лето живет на заимках» [14, с. 155]. Н. Д. Телешов создает своеобразную интригу в сюжете. Вечером она и путешественник долго сидели в беседке в саду: «она тихо промолвила: “Свежо...” и тихо прижалась плечом к моему плечу...» [14, с. 158]. Утром же возвращается хозяин Николай Смарагдович и узнает в путешественнике своего доброго приятеля Александра. Однако путешественника удивила не столько встреча с другом, сколько его вера в Агнию Петровну, Огонька, как ее называет муж. «Огонька-то?.. Ну, брат, сейчас видно, что ты ее не знаешь. Да ведь это кремь! Не женщина, а кремь!.. Э, да что! У нас здесь и воздух совсем особенный, у нас “это-го” здесь не водится. Здесь труд да дело, да семейный очаг – вот что у нас на уме. Это не Питер, не столица, где разные флирты, да всякая нечисть! У нас, брат, строго. У нас труд да дело, а эти глупости и в голову никому не приходят. Ах, ты чудак, чудак!» [14, с. 161–162]. Путешественник удивлен такой наивности мужа. А свидетельство «тайного поведения» Агнии Петровны он не только сам узнал, но и увидел «результаты»: «Дети, как я заметил невольно, все трое были на разные лица. Ни один из них не походил на другого» [8, с. 162].

Вывод. Как отмечает О. А. Мамонтова, прозу Н. Д. Телешова конца XIX – начала XX в. отличает очевидная принципиальная устойчивость «интереса писателя к реализму, определившая, в конечном итоге, место его имени и творчества в литературном процессе. Жанрово-стилевое своеобразие обусловлено индивидуально-авторским преломлением таких тенденций русской литературы, как актуализация малых и традиционных жанров, тенденция к эпизации, вовлечение в круг литературы промежуточных текстов. Основой его индивидуального стиля стал синтез объективного и субъективно-лирического начал, проявившийся в психологизме, номинативности, умеренной лирической экспрессии» [6, с. 20]. В его прозе изображение героинь отражает основные тенденции в развитии русской литературы. В этих образах хотя нет динамики развития, но подмечены самые главные черты женщин-современниц. Во многих рассказах писатель изображает натуры цельные, сильные, имеющие возможность бросить вызов судьбе. В их характерах (особенно в ранних произведениях 1890-х гг.) много общего: мученичество, готовность к всепрощению и самопожертвованию, скромность и женственная чувственность. Эти черты отражают общий настрой в русской литературе того времени – времени ощущения приближающихся перемен. В то же время усиление субъективного начала в прозе Н. Д. Телешова способствует изображению поступков героинь, их психологии, жизненной позиции, общественного поведения, что становится ядром фабульного и тематического многообразия, сюжетно-композиционного строя его произведений.

Список литературы

1. Айзикова И. А. Цикл рассказов Н. Д. Телешова «Переселенцы» // И. А. Айзикова, Е. А. Макарова. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск, 2009. С. 217–237.

2. *Иезутова Л. А.* Реалистическая литература 1890–1907 годов // История русской литературы. Литература конца XIX – начала XX в. (1881–1917) : в 4 т. Т. 4. Л., 1983. С. 233–268.
3. *Кантор В. К.* Русская литература и женская эмансипация // Вопросы литературы. 1979. № 9. С. 272–275. URL: <https://voplit.ru/article/russkaya-literatura-i-zhenskaya-emansipatsiya/> (дата обращения: 24.10.2022).
4. *Кардапольцева В. Н.* Женщина и женственность в русской культуре. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. горн. ун-та, 2005. 432 с.
5. *Кашкарева А. П.* Рецепция феномена женской эмансипации в творческом наследии Н. С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. 24 с.
6. *Лукьянова Л. В.* Проблема женских характеров в рассказах А. П. Чехова: в свете дискуссии по "женскому вопросу" : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 19 с.
7. *Мамонтова О. А.* Генезис и жанровая природа цикла рассказов Н. Д. Телешова «Переселенцы» // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых : материалы Всерос. молодежной конф. Томск, 2012. С. 374–378.
8. *Мамонтова О. А.* Формирование творческой системы Н. Д. Телешова в контексте литературного быта 1880-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 9–12.
9. *Мамонтова О. А.* Цикл рассказов Н. Д. Телешова: картина мира и концепция личности // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: материалы XIV Всерос. конф. молодых ученых 4–6 апреля 2013 г. Томск, 2012. Вып. 14 : в 2 т. Т. 2. С. 196–199.
10. *Мамонтова О. А.* Творчество Н. Д. Телешова в контексте русской литературы 1880–1920-х гг. : автореф... дис. канд. филол. наук. Томск, 2012. 22 с.
11. *Мельникова Н. Е.* Архетип грешницы в русской литературе конца XIX – начала XX века) : автореф... дис. канд. филол. наук. М., 2011. 33 с.
12. *Пантелеева К. Н. Д.* Телешов (к проблематике творчества) : автореф... дис. канд. филол. наук. М., 1971. 14 с.
13. *Рыкунина Ю. А. И.* Бунин и Н. Телешов: два рассказа о провинциальном городе // Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2010. № 31. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/31/rykunina31.shtml>.
14. *Телешов Н. Д.* Избранные сочинения : в 3-х т. / вступ. ст. В. Борисовой. М. : Гослитиздат, 1956. Т. 1. 384 с.
15. *Телешов Н. Д.* Крамола. URL: http://az.lib.ru/t/teleshov_n_d/text_1906_kramola.shtml (дата обращения: 24.10.2022).
16. *Телешов Н. Д.* На тройках. URL: http://az.lib.ru/t/teleshov_n_d/text_1892_na_troykah.shtml (дата обращения: 24.10.2022).
17. *Телешов Н. Д.* Сухая беда. URL: http://az.lib.ru/t/teleshov_n_d/text_1897_suhaya_beda.shtml (дата обращения: 24.10.2022).
18. *Тишкин Г. А.* Женский вопрос в России. 50–60-е годы XIX века. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 233 с.
19. *Шемелова М. И.* Творчество Н. Д. Телешова // Вестник Ленинградского университета. 1957. № 14. Вып. 3. С. 94–109.
20. De Maegd-Soep Carolina Dr. The Emancipation of Women in Russian Literature and Society. A contribution to the knowledge of the Russian Society during the 1860's. Ghent State University, 1978. 402 p.

Female images in N. D. Teleshov's prose of the late XIX – early XX century.

He Qi

postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: stud147143@vyatsu.ru

Abstract. Interest in gender issues in literary studies is a quite natural phenomenon, due to the specifics of the development of Russian literature and culture. The relevance of the research lies in the fact that the article for the first time examines the female theme and images in the stories of N. D. Teleshov of the late XIX – early XX century. In the studies of N. D. Teleshov's creativity of the XX–XXI centuries, problems related to the images of immigrants were raised: men and women, children, but there was no specific study of the images of women. The purpose of the article is to study the embodiment of the female theme and female images in the plot, poetics of the author's novels and short stories. The article analyzes the story "On threes", the stories "Dry trouble", "Sedition", "Duel", "Lucky Man. (From a friend's diary)". They were created by N. D. Teleshov in different years and reflected various trends, views on the women's issue of their time. The results of the study show that in the prose of N. D. Teleshov is dominated by the subjective principle, which contributes to the depiction of psychology, life position, social behavior of the heroine, which becomes the core of the plot and thematic diversity, the plot-compositional structure of his works. In some works, the influence of famous writers of the nineteenth

century on the work of N. D. Teleshov is revealed. Conclusions: the images of women in these works are shown from different sides: their portraits, their behavior in various situations, their thoughts and moods. To depict these images, the author uses various artistic techniques.

Keywords: N. D. Teleshov, short story, novella, female theme, female images.

References

1. Ajzikova I. A. *Cikl rasskazov N. D. Teleshova "Pereseleniy"* [The cycle of N. D. Teleshov's stories "Settlers"] // I. A. Ajzikova, E. A. Makarova. *Tema pereseleniya v Sibir' v literature centra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-h gg.: problema dialoga* [The theme of resettlement to Siberia in the literature of the center and the Siberian region of Russia in the 1860s–1890s: the problem of dialogue]. Tomsk. 2009. Pp. 217–237.
2. Iezuitova L. A. *Realisticheskaya literatura 1890–1907 godov* [Realistic literature of 1890–1907] // *Istoriya russkoj literatury. Literatura konca XIX – nachala XX v. (1881–1917) : v 4 t. T. 4* – History of Russian Literature. Literature of the late XIX – early XX century (1881–1917) : in 4 vols. Vol. 4. L. 1983. Pp. 233–268.
3. Kantor V. K. *Russkaya literatura i zhenskaya emansipaciya* [Russian literature and women's emancipation] // *Voprosy literatury* – Questions of literature. 1979. No. 9. Pp. 272–275. Available at: <https://voplit.ru/article/russkaya-literatura-i-zhenskaya-emansipatsiya/> (date accessed: 24.10.2022).
4. Kardapol'ceva V. N. *Zhenshchina i zhenstvennost' v russkoj kul'ture* [Woman and femininity in Russian culture]. Yekaterinburg. Publishing House of the Ural State Mining University. 2005. 432 p.
5. Kashkareva A. P. *Receptiya fenomena zhenskoj emansipacii v tvorcheskom nasledii N. S. Leskova : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Reception of the phenomenon of female emancipation in the creative heritage of N. S. Leskov : abstract of diss. ... PhD in Philological Sciences]. Yekaterinburg. 2017. 24 p.
6. Luk'yanova L. V. *Problema zhenskikh karakterov v rasskazah A. P. Chekhova: v svete diskussii po "zhenskomu voprosu" : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The problem of female characters in the stories of A. P. Chekhov: in the light of the discussion on the "women's issue" : abstract of diss. ... PhD in Philological Sciences]. M. 1996. 19 p.
7. Mamontova O. A. *Genesis i zhanrovaya priroda cikla rasskazov N. D. Teleshova "Pereseleniy"* [Genesis and genre nature of the cycle of N. D. Teleshov's short stories "Settlers"] // *Tradicii i innovacii v filologii XXI veka: vzglyad molodyh uchenyh : materialy Vseros. molodezhnoj konf.* – Traditions and innovations in philology of the XXI century: the view of young scientists : materials of All-Russia youth conf. Tomsk. 2012. Pp. 374–378.
8. Mamontova O. A. *Formirovanie tvorcheskoj sistemy N. D. Teleshova v kontekste literaturnogo byta 1880-h gg.* [Formation of N. D. Teleshov's creative system in the context of literary life of the 1880s] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2012. No. 364. Pp. 9–12.
9. Mamontova O. A. *Cikl rasskazov N. D. Teleshova: kartina mira i koncepciya lichnosti* [The cycle of N. D. Teleshov's stories: the picture of the world and the concept of personality] // *Aktual'nye problemy literaturovedeniya i lingvistiki : materialy XIV Vseros. konf. molodyh uchenyh 4–6 aprelya 2013 g.* – Actual problems of literary studies and linguistics : materials of the XIV All-Russian Conference of Young Scientists April 4–6, 2013. Tomsk. 2012. Is. 14 : in 2 vols. Vol. 2. Pp. 196–199.
10. Mamontova O. A. *Tvorchestvo N. D. Teleshova v kontekste russkoj literatury 1880–1920-h gg. : avtoref... dis. kand. filol. nauk* [N. D. Teleshov's creativity in the context of Russian literature of the 1880s–1920s : abstract of diss. ... PhD in Philological sciences]. Tomsk. 2012. 22 p.
11. Mel'nikova N. E. *Arhetip greshnicy v russkoj literature konca XIX – nachala XX veka) : avtoref... dis. kand. filol. nauk* [The archetype of the sinner in the Russian literature of the late XIX – early XX century) : abstract ... diss. PhD in Philological Sciences]. M. 2011. 33 p.
12. Panteleeva K. N. *D. Teleshov (k problematike tvorchestva) : avtoref... dis. kand. filol. nauk* [D. Teleshov (on the problems of creativity) : abstract diss. ... PhD in Philological Sciences]. M. 1971. 14 p.
13. Rykunina Yu. A. I. *Bunin i N. Teleshov: dva rasskaza o provincial'nom gorode* [I. Bunin and N. Teleshov: two stories about a provincial town] // *Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies* – Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. 2010. No. 31. Available at: <http://www.utoronto.ca/tsq/31/rykunina31.shtml>.
14. *Teleshov N. D. Izbrannye sochineniya : v 3-h t.* [Selected works : in 3 volumes] / introduction by V. Borisova. M. Goslitizdat. 1956. Vol. 1. 384 p.
15. *Teleshov N. D. Kramola* [Sedition]. Available at: http://az.lib.ru/t/teleshov_n_d/text_1906_kramola.shtml (date accessed: 24.10.2022).
16. *Teleshov N. D. Na trojkah* [On threes]. Available at: http://az.lib.ru/t/teleshov_n_d/text_1892_na_trojkah.shtml (date accessed: 24.10.2022).
17. *Teleshov N. D. Suhaya beda* [Dry trouble]. Available at: http://az.lib.ru/t/teleshov_n_d/text_1897_suhaya_beda.shtml (date accessed: 24.10.2022).
18. Tishkin G. A. *Zhenskij vopros v Rossii. 50–60-e gody XIX veka* [Women's issue in Russia. 50–60s of the XIX century]. L. Publishing house of Leningrad University. 1984. 233 p.
19. Shemelova M. I. *Tvorchestvo N. D. Teleshova* [Creativity of N. D. Teleshov] // *Vestnik Leningradskogo universiteta* – Herald of Leningrad University. 1957. No. 14. Is. 3. Pp. 94–109.
20. De Maegd-Soep Carolina Dr. *The Emancipation of Women in Russian Literature and Society. A contribution to the knowledge of the Russian Society during the 1860's*. Ghent State University, 1978. 402 p.

Социальная сеть «ВКонтакте» как «культурный преемник» жалобной книги (на примере интернет-сообщества «ЗК – злой кировчанин»)

Москвин Артем Сергеевич¹, Бушкова-Шиклина Эльвира Васильевна²,
Кушова Ирина Андреевна³

¹кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9971-7292. ResearcherID: M-5022-2017. E-mail: as_moskvin@vyatsu.ru

²кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-3929-5240. E-mail: bushkova-shiklina@vyatsu.ru

³кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-4591-5488. ResearcherID: B-9521-2019. E-mail: ia_kushova@vyatsu.ru

Аннотация. В статье проанализированы особенности использования так называемой жалобной книги в социально-культурном пространстве СССР и постсоветской России. Актуальность исследования обусловлена трансформацией данного феномена, которая в современном мире выражается в переходе к использованию сети Интернет (в том числе социальных сетей) для написания разнообразных жалоб. Целью статьи является анализ кировского интернет-сообщества «ЗК – злой кировчанин» в социальной сети «ВКонтакте» в качестве «культурного преемника» (то есть культурной институции, перенявшей черты иной, более ранней по времени институции) «книги жалоб и предложений». В ходе анализа была рассмотрена совокупность постов за 2021 год в изучаемом сообществе, в результате чего было выявлено, что жалобы составляют подавляющее число сообщений в данном сообществе. Выявлены категории жалоб: жалобы на работу коммунальных служб, жалобы на дорожную ситуацию, жалобы на плохую инфраструктуру городской среды, жалобы на низкое качество обслуживания в магазинах, жалобы на работу общественного транспорта, жалобы на запах и шум на улице, жалобы на плохое отношение к домашним животным. Помимо этого, сообщения в сообществе соотносятся с особенностями их написания в «книгах отзывов и предложений», а именно: сообщения пишутся «по горячим следам», являются «голосом низов», не предполагают ответа, а также в редких случаях включают в себя и благодарности. Сделан вывод, что анализируемое сообщество частично выполняет функцию «культурного преемника» «книги жалоб и предложений». Результаты данной статьи могут быть использованы для выстраивания работы властей и бизнеса с различными группами населения.

Ключевые слова: жалобная книга, книга отзывов и предложений, социальная сеть, ВКонтакте, культурный преемник.

Жалобная книга (официально – «Книга отзывов и предложений») – культурный феномен, получивший особую популярность в СССР и постсоветской России.

Исследователи выделяют ряд особенностей функционирования жалобной книги в социокультурном пространстве.

К первой особенности можно отнести то обстоятельство, что жалобы чаще всего пишутся «по горячим следам», «непосредственно после факта нарушения права, они не имеют характера продуманности, а, как правило, с живой непосредственностью отражают видение автором сложившегося положения вещей» [15, с. 27].

Вторая особенность записей в жалобных книгах – это всегда «голос низов», попытка компенсировать чувство ущемленной справедливости во взаимоотношениях «власть – общество», либо (уже в постсоветской России) «бизнес – общество» [6; 7]. Так, Т. В. Шуматова назы-

ваает данную стилистику **«естественной письменной речью»** и делает отсылку к ее основным особенностям: «письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения, неофициальность (повседневность) сферы бытования, отсутствие промежуточных лиц и инстанций между текстом, написанным самим автором, и читателем» [19, с. 166]. Е. Д. Твердюкова отмечает, что жалобы «представляли собой так называемый письменный вариант “народной” речи, эмоционально насыщенной, стилистически ярко окрашенной» [15, с. 24].

В-третьих, жалоба в жалобной книге зачастую **не предполагает ответа**. «Обыватели, выплеснув свою обиду на месте, далеко не всегда имели желание и находили время добиваться справедливости и доводить жалобу до рассмотрения по существу», – отмечает Е. Д. Твердюкова [15, с. 24]. Ш. Фицпатрик пишет о том, что в СССР было написано «очень много жалоб, буквально пышущих негодованием, однако не указывающих на конкретных виновников» [17, с. 188]. Можно сказать, что жалоба – это инструмент «выпуска пара» здесь и сейчас и с мыслью о том, что власть все равно разберется с нарушителями.

В-четвертых, жалобная книга **в редких случаях включала в себя и благодарности**. При этом в общекультурном представлении жалобная книга несет в себе в целом негативную коннотацию.

В последнее десятилетие отмечается спад популярности использования «книги отзывов и предложений». Об этом, например, свидетельствует отсутствие данного феномена в современном социально-культурном и медийном дискурсе. Так, в СССР, наоборот, тематика жалобных книг часто становилась объектом внимания кинематографа (в фильмах «Дайте жалобную книгу», «Зигзаг удачи», «История с пирожками» и прочие), журнальных фельетонов, а также народных шуток и анекдотов [16; 20]. Отметим и тот факт, что с конца 2020 года¹ большинство российских организаций вообще не обязаны вести «книгу отзывов и предложений».

Возникает вопрос: необходимость в написании жалоб исчезла или форма подачи жалоб каким-то образом трансформировалась? Постараемся ответить на этот вопрос. В связи с входом в повседневную жизнь сети Интернет люди начинают использовать другие способы донесения жалоб до адресатов. К ним относятся разделы для написания жалоб на сайтах государственных и частных организаций, а также обращения в специализированные надзорные органы власти («Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека»², «Федеральная служба по надзору в сфере образования»³ и др.) [2; 4; 11; 13; 18]. Но при этом нельзя не заметить, что появилась новая (неофициальная) форма написания жалобы – через социальные сети. Попытаемся подтвердить высказанное утверждение с помощью анализа одного из интернет-сообществ города Кирова.

В ходе работы нами был проведен анализ сообщества в социальной сети «ВКонтакте» «ЗК – злой кировчанин». Сама суть данного сообщества заключается именно в сборе жалоб. Так, на главной странице сообщества указано: «Есть жалобы на наш город? Тебя что-то достало? Тебя что-то бесит? ХВАТИТ ТЕРПЕТЬ! Высказывай свои мысли! Рассказывайте о яме на дороге, об отключении воды, о частых ДТП, о неработающих светофорах, О ВСЕМ ЧТО ВАМ НЕ ПРАВИТСЯ в КИРОВЕ!!! Поделится своей ЗЛОСТЬЮ с Кировчанами можно, предложив новость на стене сообщества»⁴. Отметим также, что это наиболее массовое сообщество Кировской области (в нем состоит около 300 000 человек), а также то, что новости в этом интернет-пространстве формируются исключительно ее рядовыми членами, а не администрацией сообщества.

Было проанализировано 9763 поста, написанных пользователями за 2021 год.

В ходе анализа пользовательских постов были выделены следующие их категории (рисунок 1):

- жалобы: 57 %;
- городские происшествия: 11 %;
- объявления: 10 %;
- реклама: 9 %;
- просьбы высказать мнение: 8 %;
- благодарности: 4 %.

¹ Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463.

² <https://petition.rosпотребнадзор.ru/petition/>.

³ <https://obrnadzor.gov.ru/otkrytoe-pravitelstvo/elektronnaya-priemnaya/>.

⁴ <https://vk.com/zlo43>.

Рис. 1. Категории постов

В таблице ниже дадим описание каждой категории (табл. 1).

Таблица 1

Категории постов

Категория	Описание	Примеры
Жалоба	Сообщение о нарушении прав и свобод гражданина и его личных интересов	«Анонимно пожалуйста, суббота, выезд с поворота не видно из вечно стоящих фур, ГИБДД примите меры»
Благодарность	Сообщение, в котором выражено чувство признательности	«Благодарность работником ковидного госпиталя по адресу: г. Киров, Советская, 41 за чуткое, внимательное отношение к каждому пациенту. Особенно, большое спасибо лечащему врачу Алине Александровне. От пациентки из г. Кирово-Чепецк»
Просьба высказать мнение	Обращение к участникам сообщества с просьбой высказать мнение о какой-либо проблемной ситуации	«Анонимно. Подскажите злые, что это за гриб? Нашли гриб, и стоит ли его употреблять в пищу?»
Городское происшествие	Рассказ участников сообщества о случившемся в городе	«Анонимно: 2 недели назад вот такую детскую площадку установили по программе Городская среда, на Монтажников 28»
Объявление	Извещение о чем-либо от участников сообществ	«Найдены ключи неподалёку от Кафе-столовой "Ланч-Бранч". Владелец отзовись».
Реклама	Коммерческое сообщение о купле, продаже товара либо услуги	«Магазин модной одежды Sinsay в ТРЦ Макси уже открыт! В эту субботу, 6 марта».

Мы отчетливо видим, что жалобы в рассматриваемом интернет-сообществе составляют чуть больше половины от всех сообщений, которые оставляют пользователи.

Проведенная многоуровневая кластеризация полученной текстовой информации методом вероятностного латентно-семантического анализа (при помощи компьютерной программы PolyAnalyst)⁵ показала тематическое распределение жалоб, отображенное на рис. 2, а также в табл. 2.

⁵ Вероятностный латентно-семантический анализ – это статистический метод, использующийся для выявления латентных ассоциативно-семантических связей между лексемами.

Рис. 2. Категории жалоб

Таблица 2

Тематическое распределение жалоб

Категория жалоб	Описание категории	Процентное соотношение	Примеры
Жалобы на работу коммунальных служб	Жалобы на уборку улиц, крыш, мусора во дворах, на очистку дорог и тротуаров, на работу управляющих компаний, на оплату коммунальных услуг, на отсутствие горячей воды и отопления и пр.	37 %	«Ленина 184К3, вода сегодня горячая бежит ржавая с песком. В чем причина и как долго так будет?» «Помните в том году машина улетела из-за небранного снега с моста на Воровского? А как поставили разделительные болты на Октябрьском и Воровского, все говорили как будут чистить? Сказали в ручную лопатами. И что в итоге? Трамплин из снега на Воровского снова в деле, снег между разделительными столбиками тоже присутствует».
Жалобы на дорожную ситуацию	Жалобы на дорожные заторы, на нарушения правил дорожного движения, на плохо работающие светофоры	21 %	«Когда эту яму на кольце на луганской заделают? Или ждут когда в нее кто то на скорости попадет и авария случится»???
Жалобы на плохую инфраструктуру городской среды	Жалобы на плохую инфраструктуру парков, плохое состояние дорог и тротуаров, фонарей, подземных переходов	13 %	«Добрый день, первый раз пишу подобное сообщение, не знаю опубликуете или нет, если да, то пожалуйста Анонимно. Суть в том что ЛУЖА гигантских размеров напротив Вятского колледжа культуры достала по-моему всех она просто нигда не исчезает круглый год, и дорогу делали и забор поставили (теперь люди ходят по "газону" которые не могут изловчиться и перепрыгнуть), бедные мамы с колясками, пожилые люди и вообще все те которые просто хотят пройти по тротуару и не запачкать обувь и не утонуть в грязи»!!! «Здравствуйте. Может стоит убрать насовсем сцену в Кочуровском парке. Все лето подростки качаются на цепях сцены, возле опор, а там 15-сантиметровые штыри торчат сверху по несколько штук у каждой опоры».

Окончание табл. 2

Категория жалоб	Описание категории	Процентное соотношение	Примеры
Жалобы на низкое качество обслуживания в магазинах	Жалобы на низкое качество доставки продуктов, на просроченный и дорогой товар в магазинах	11 %	<p>«Такую красоту продают в (Светофоре) Дадада, все знаю: “что хочешь от этого магазина?” Но тут по орехам реально ходили! Не пыль какая-то, а втоптанная грязь».</p> <p>«Анонимно ТРЦ “Глобус” на Воровского, пришли выбирать растение. Попалась флорист крайне раздражительная, совсем не скрывала своих эмоций. Грубо разговаривала с нами, не хотела вернуть в бумагу цветок в -20, пришлось убедительно просить. Настроение испортили. Следите за своими продавцами и как они общаются с вашими покупателями! Ужас»</p>
Жалобы на работу общественного транспорта	Жалобы на расписание автобусов и троллейбусов, на работу кондукторов	9 %	<p>«Не возможно с утра уехать на работу с ул. Хлыновской/Ленина, постоянно переполненные автобусы, особенно 16 маршрут, ходит ужасно, раз в 30 мин. И это в час пик!!! С 44 маршрутом таже история»!!!</p> <p>«Анонимно. 47 минут стою жду 54 автобус. И это изо дня в день! В мороз! Когда же будет кто то их контролировать?»</p>
Жалобы на запах и шум на улице	Жалобы на громкие звуки ночью, мешающие спать, на неприятные запахи с улицы	7 %	<p>«Анонимно. Пожалуйста!!! может уже начнут обращать внимание на бесконечные алко-нарко-кальяно тусовки на октябрьском у цирка! Понятно что с хрустниками (мотоциклистами) и гонциками (пердунами) управы ни какой нет, но бл* с этими вечными криками, музыкой, воплями ни как не привыкнем»!!!</p> <p>«Пост аля накопело “уважаемые” псевдомеломаны. Убедительная просьба гоните свои ведра с “музыкой” в лес и там слушайте свой пердеж! После работы народ хочет отдыхать а не вашу пое### слушать. Совесть ска поймите».</p>
Жалобы на отношение к домашним животным	Жалобы на незнание правил выгула, а также на опасное поведение бездомных животных	2 %	<p>«Анонимно. Люди которые любят заводить экзотических животных – смотрите за своими питомцами. Возможно он сбежал, может быть надоел, но мне крайне не приятно это увидеть дома!!! Мыла ванну, стены, скорее всего от химии и вышел...»</p> <p>«Анонимно. Второй месяц подряд круглосуточно лает и скулит соседская собака. Днями и ночами!!! Просыпаемся постоянно под этот лай, засыпаем так же. подскажите, как бы вы поступили? Может её приучают к чему то (закрывают на кухне или ещё что-то подобное), или все таки можно обратиться в органы полиции? Вдруг там случилось что...»</p>

Частотный анализ данных дает нам понимание того, что сообщество «ЗК – злой кировчанин», по крайней мере по формальным показателям, выполняет функцию современной жалобной книги.

Но является ли устоявшаяся в современном обществе традиция писать жалобы в социальных сетях еще и одним из «культурных преемников» (то есть институцией, перенявшей культурные черты иной, более ранней по времени институции) «книги жалоб и предложений», получившей распространение в СССР и постсоветской России? Для этого вновь обратимся к особенностям функционирования жалобной книги в социокультурном пространстве

Советского Союза, рассмотренным нами выше, и сравним с особенностями написания жалоб в рассматриваемом сообществе.

Первое. Сама специфика использования Интернета и социальной сети «ВКонтакте» в современном мире дает возможность написать жалобу мгновенно, **«по горячим следам»**, не прибегая к помощи каких-либо посредников. Жалобы в сообществе «ЗК – злой Кировчанин» в подавляющем числе случаев содержат информацию о случившемся в день написания жалобы: *«Анон! Сколько интересно будет продолжаться утренняя лепсенская пробка!»*; *«Анонимно. Нововятский р-н, остановка Дом культуры в 9.40. Интервал движения транспорта от 33 до 53 мин. Это нормально?»*; *«Вчера знакомая кассирша в Глобусе сказала мне, что с сегодняшнего дня (с 17 января) полиэтиленовые одноразовые пакеты, дававшиеся раньше бесплатно, отныне будут стоить денег. 5 рублей – большой пакет и 3 рубля – маленький! Как вам такие новости, друзья?»*; *«Вот такая низкая цена на гречку в пятёрочке, а стоила вчера 71»* и пр.

Второе. Сообщения в анализируемом сообществе совершенно точно можно отнести к категории **«голоса низов»**. Жалобы направлены снизу вверх по вертикали «власть – общество» либо «бизнес – общество». Эти сообщения можно считать народной, «естественной письменной речью», поскольку они изобилуют как минимум орфографическими и пунктуационными ошибками. При помощи программы PolyAnalyst⁶ были выявлены распространенные орфографические ошибки. Наиболее популярными ошибками являются слова *«Не возможно» (65 раз)*, *«Анонимно» (20 раз)*, *«В течени» (15 раз)*, *«Вообщем» (14 раз)*, *«Тратуары» (8 раз)* и пр.

Приведем наиболее яркий пример предложения с пунктуационными ошибками: *«Анон дочь купила воду в бристоле на Ленина 167 после того как выпила ее спустя час стало тошнить головокружение вызвали скорую осмотрел срок годности бутылки и очумел он кончился три месяца назад прибежал в магазин и на этом же прилавке обнаружил еще три таких бутылки с просроком сказал продавцам что случилось в ответ услышал просто извените.Вы че курицы речь идет о здоровье ребенка а так же о здоровье покупателей ждите роспотребнадзор. Я Анонимно»*.

Третье. Таким же образом, как и в жалобных книгах, подавляющее число жалоб в сообществе «Злой Кировчанин» **не требует конкретного ответа со стороны адресата жалобы**. Авторы ограничиваются не более чем просьбой (либо требованием) к исправлению ситуации: *«<...> Буду очень благодарен если вы не будете ставить на это место свои автомобили!!!»*, *«<...> Следите за своими продавцами и как они общаются с вашими покупателями!»*, *«<...> Хотелось пожелать всем Кировчанам, чтоб те, кто живёт на наши с вами деньги, начали заботиться о нас в новом году!!!»* В некоторых сообщениях пользователи обращаются с вопросом к адресатам жалоб, но это не более чем риторическая фигура речи, «вопрос в пустоту», явно не выражающий жесткого требования об ответе: *«Анонимно. Нововятский р-н, остановка Дом культуры в 9.40. Интервал движения транспорта от 33 до 53 мин. Это нормально? Администрация города и прокуратура, когда начнёте штрафовать транспортные кампании???»*; *«<...> Кто вообще за это отвечает? Почему в 2022 году до сих пор такой бардак там?»*

Четвертое. Мы видим, что среди сообщений пользователей анализируемого сообщества изредка встречаются и **благодарности**, что также соотносится с практикой использования «книги жалоб и предложений». Благодарности составляют 4 % от всех сообщений за год. Из них благодарности за помощь на дорогах составляют 22 %; благодарности за ремонт городской инфраструктуры – 19 %; благодарности врачам – 15 %; благодарности работникам общественного транспорта – 8 %; благодарности за возвращения пропажи – 4 %.

Отметим, что социальная сеть как инструмент подачи жалобы гораздо более удобна и привлекательна, нежели бумажная «книга отзывов и предложений». К удобствам можно отнести следующие характеристики:

- доступность (гаджет всегда под рукой);
- существует возможность добавлять к жалобе фото- и видеофайлы в качестве подтверждения нарушенных прав;
- возможность обсуждения проблемы, заложенной в жалобе, в комментариях к посту;
- жалоба имеет высокий потенциал стать известной как другим жителям населенного пункта, так и адресатам жалобы.

Таким образом, мы можем видеть, что сообщество «ЗК – злой Кировчанин» в социальной сети «ВКонтакте» выполняет функции, которые традиционно были прерогативой «книги жалоб и предложений».

⁶ Polyanalyst – компьютерная программа для анализа больших данных.

Помимо этого, сама культура использования социальной сети для написания жалоб во многом повторяет культурные паттерны использования «книги жалоб и предложений» в «доинтернетную эпоху», исходя из чего можно сделать предположение: социальная сеть частично переняла на себя особенности функционирования жалобной книги и является ее «культурным наследником».

Данное предположение нуждается в дальнейшем изучении и подтверждении на примерах использования социальных сетей в формате жалобной книги в иных регионах страны.

Список литературы

1. Андрющенко О. К. Речевой акт жалобы: семантика, прагматика, типология // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 134–136. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22629967_22984139.pdf (дата обращения: 30.08.2022).
2. Балякина В. Д., Скабеева Л. И. Современные технологии повышения сайта гостиничного предприятия // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2020. Т. 14. № 2 (2). С. 52–59.
3. Барлоу Д., Мёллер К. Жалоба – это подарок. Как сохранить лояльность клиентов в сложных ситуациях. М. : Олимп-Бизнес, 2011. 352 с.
4. Вологина О. В. Ответьте на сообщение: маркетинговые коммуникации в социальных медиа // Маркетинговые коммуникации. 2017. № 4. С. 300–305.
5. Галмонова Ю. А. Современные технологии продвижения гостиниц в соцсетях // Бизнес-технологии в туризме и гостеприимстве : сб. ст. и тез. науч. докл. студ. и аспирантов по итогам II науч. конф. / под ред. О. Е. Афанасьева. М., 2019. С. 105–111.
6. Глущенко И. Сервис против клиента. Отношение посетителей и персонала как советский антагонизм (по материалам жалобных книг вагонов-ресторанов начала 1930-х годов) // Логос. 2015. Т. 25. № 1 (103). С. 23–40. URL: http://intelros.ru/pdf/logos/2015_01/103_2.pdf (дата обращения: 30.08.2022).
7. Кульпанович О. А. Эволюция системы обратной связи в здравоохранении // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2015. № 3. С. 114–115. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30322645_27325112.pdf (дата обращения: 30.08.2022).
8. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования // Вестник БГПУ: гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 4–10. URL: <https://old.altspu.ru/Journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/lebedeva.pdf> (дата обращения: 30.08.2022).
9. Новоселов В. Рынок и этика: дайте жалобную книгу // Компоненты и технологии. 2007. № 5. С. 28–29. URL: <https://kit-e.ru/market/rynok-i-etika-dajte-zhalobnuyu-knigu/> (дата обращения: 30.08.2022).
10. Печерица Е. В., Чернов Д. С. Социальные сети как способ продвижения гостиничных услуг // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2015. № 3 (33). С. 93–99.
11. Рублев Р. Р., Долгов М. О. Об организации всероссийского интернет-сайта «Жалобнаякнига.рф» // Международный электронный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. 2015. 1 (4). С. 22–38.
12. Саргатская А. Н. Нарушение прав потребителей в сфере оказания услуг // Вопросы студенческой науки. 2020. № 2 (42). С. 391–395. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42617823_69446_694.pdf (дата обращения: 30.08.2022).
13. Соловьева Я. В., Назарова А. Н. Автоматизированная система «Книга жалоб и предложений гостиницы» // Перспективные информационные технологии : тр. междунар. науч.-техн. конф. Самара, 2016. С. 365–368.
14. Сухина В. А. Жалобная книга – индикатор качества лекарственного обслуживания // Новая аптека. Эффективное управление. 2008. № 2. С. 48–50.
15. Твердюкова Е. Д. Жалобные книги советских предприятий торговли и общественного питания (1920-х – 1980-х годов) как форма апелляции к власти // Вестник СПбГУ. 2015. Серия 2. Вып. 1. С. 19–28. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23205004_89142434.pdf (дата обращения: 30.08.2022).
16. Точный Д. С., Точная Н. Г. «Кто последний? Я за вами» (к характеристике образа жизни советского человека в 1938 году) // Симбирский научный вестник. 2012. № 4 (10). С. 62–68.
17. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 375 с.
18. Хабибуллина А. Р., Качагин Е. А. Организация обратной связи с клиентами как инструмент повышения качества обслуживания в автомобильном дилерском центре // Практический маркетинг. 2014. № 9 (211). С. 35–41.
19. Шуматова Т. В. Фактор адресата в речевом жанре «Книга отзывов и предложений» // Вестник КемГУ. 2011. № 2 (46). С. 166–172. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16463588_84701211.pdf (дата обращения: 30.08.2022).

20. Fedorova M. «Give me the book of complaints»: complaint in post-Stalin comedy // *Laboratorium*. 2014. № 6 (3). Pp. 80–92. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24142645_25701882.pdf (дата обращения: 30.08.2022).

Vkontakte social network as a "cultural successor" of the complaint book (on the example of the Internet community "ZK – Zloy Kirovchanin" (Evil Kirovite))

**Moskvin Artem Sergeevich¹, Bushkova–Shiklina El'vira Vasil'evna²,
Kushova Irina Andreevna³**

¹PhD in Cultural Studies, associate professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9971-7292.

ResearcherID: M-5022-2017. E-mail: as_moskvin@vyatsu.ru

²PhD in Sociological Sciences, associate professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-3929-5240. E-mail: bushkova-shiklina@vyatsu.ru

³PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-4591-5488.

ResearcherID: B-9521-2019. E-mail: ia_kushova@vyatsu.ru

Abstract. The article analyzes the features of the use of the so-called complaint book in the socio-cultural space of the USSR and post-Soviet Russia. The relevance of the study is due to the transformation of this phenomenon, which in the modern world is expressed in the transition to the use of the Internet (including social networks) for writing various complaints. The purpose of the article is to analyze the Kirov Internet community "ZK – evil Kirov resident" in the social network "VKontakte" as a "cultural successor" (that is, a cultural institution that has adopted the features of another, earlier institution) "book of complaints and suggestions". The analysis examined the totality of posts for 2021 in the studied community, as a result of which it was revealed that complaints make up the overwhelming number of posts in this community. Categories of complaints were identified: complaints about the work of public utilities, complaints about the traffic situation, complaints about the poor infrastructure of the urban environment, complaints about the poor quality of service in stores, complaints about the work of public transport, complaints about the smell and noise on the street, complaints about the poor attitude to pets. In addition, messages in the community correspond to the peculiarities of their writing in the "books of reviews and suggestions", namely: messages are written "hot on the trail", are the "voice of the grassroots", do not imply a response, and also in rare cases include thanks. It is concluded that the analyzed community partially performs the function of a "cultural successor" of the "book of complaints and suggestions". The results of this article can be used to build the work of the authorities and businesses with various groups of the population.

Keywords: complaint book, book of reviews and suggestions, social network, VKontakte, cultural successor.

References

1. Andryushchenko O. K. *Rechevoj akt zhaloby: semantika, pragmatika, tipologiya* [Speech act of complaint: semantics, pragmatics, typology] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* – The world of science, culture, education. 2014. No. 5 (48). Pp. 134–136. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_22629967_22984139.pdf (date accessed: 30.08.2022).

2. Balyakina V. D., Skabeeva L. I. *Sovremennye tekhnologii povysheniya sajta gostinichnogo predpriyatiya* [Modern technologies for improving the website of a hotel enterprise] // *Vestnik asociacii vuzov turizma i servisa* – Herald of the Association of Universities of Tourism and Service. 2020. Vol. 14. No. 2 (2). Pp. 52–59.

3. Barlow D., Meller K. *Zhaloba – eto podarok. Kak sohranit' loyal'nost' klientov v slozhnyh situatsiyah* [Complaint is a gift. How to maintain customer loyalty in difficult situations]. M. Olymp-Business. 2011. 352 p.

4. Vologina O. V. *Otvet'te na soobshchenie: marketingovye kommunikacii v social'nyh media* [Reply to the message: marketing communications in social media] // *Marketingovye kommunikacii* – Marketing communications. 2017. No. 4. Pp. 300–305.

5. Galmonova Yu. A. *Sovremennye tekhnologii prodvizheniya gostinic v socsetyah* [Modern technologies for promoting hotels in social networks] // *Biznes-tekhnologii v turizme i gostepriimstve : sb. st. i tez. nauch. dokl. stud. i aspirantov po itogam II nauch. konf.* – Business technologies in tourism and hospitality : coll. art. and abstracts of scientific reports of students and postgraduates following the results of the II scientific conference / ed. by O. E. Afanasyev. M. 2019. Pp. 105–111.

6. Glushchenko I. *Servis protiv klienta. Otnoshenie posetitelej i personala kak sovetskij antagonizm (po materialam zhalobnyh knig vagonov-restoranov nachala 1930-h godov)* [Service against the client. The attitude of visitors and staff as Soviet antagonism (based on the materials of the complaint books of the dining cars of the early 1930s)] // *Logos* – Logos. 2015. Vol. 25. No. 1 (103). Pp. 23–40. Available at: http://intelros.ru/pdf/logos/2015_01/103_2.pdf (date accessed: 30.08.2022).

7. Kul'panovich O. A. *Evoljuciya sistemy obratnoj svyazi v zdavoohranenii* [Evolution of the feedback system in healthcare] // *Byulleten' nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko* – Bulletin of National Research Institute of Public Health n. a. N. A. Semashko. 2015. No. 3. Pp. 114–115. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_30322645_27325112.pdf (date accessed: 30.08.2022).

8. Lebedeva N. B. *Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech' kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Natural written Russian speech as an object of linguistic research] // *Vestnik BGPU: gumanitarnye nauki* – Herald of BSPU: Humanities. 2001. No. 1. Pp. 4–10. Available at: <https://old.altspu.ru/journal/vestbspu/2001/gumanit/PDF/lebedeva.pdf> (date accessed: 30.08.2022).

9. Novoselov V. *Rynok i etika: dajte zhalobnyu knigu* [Market and ethics: give a complaint book] // *Komponenty i tekhnologii* – Components and Technologies. 2007. No. 5. Pp. 28–29. Available at: <https://kit-e.ru/market/rynok-i-etika-dajte-zhalobnyu-knigu/> (date accessed: 30.08.2022).

10. Pecherica E. V., Chernov D. S. *Social'nye seti kak sposob prodvizheniya gostinichnyh uslug* [Social networks as a way to promote hotel services] // *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa* – Technical and technological problems of service. 2015. No. 3 (33). Pp. 93–99.

11. Rublev R. R., Dolgov M. O. *Ob organizacii vserossijskogo internet-sajta "Zhalobnayakniga.rf"* [On the organization of the All-Russian Internet site "Complaint Book.rf"] // *Mezhdunarodnyj elektronnyj zhurnal. Ustojchivoe razvitie: nauka i praktika* – International electronic Journal. Sustainable development: Science and practice. 2015. 1 (4). Pp. 22–38.

12. Sarsatskaya A. N. *Narusenie prav potrebitel'ev v sfere okazaniya uslug* [Violation of consumer rights in the provision of services] // *Voprosy studencheskoj nauki* – Questions of student science. 2020. No. 2 (42). Pp. 391–395. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_42617823_69446694.pdf (date accessed: 30.08.2022).

13. Solov'eva Ya. V., Nazarova A. N. *Avtomatizirovannaya sistema "Kniga zhalob i predlozhenij gostinicy"* [Automated system "Book of complaints and suggestions of the hotel"] // *Perspektivnye informacionnye tekhnologii : tr. mezhdunar. nauch.-tekhn. konf.* – Perspective information technologies : works of international scientific-technical conf. Samara. 2016. Pp. 365–368.

14. Suhinina V. A. *Zhalobnaya kniga – indikator kachestva lekarstvennogo obsluzhivaniya* [Complaint book – indicator of the quality of medical care] // *Novaya apteka. Effektivnoe upravlenie* – New pharmacy. Effective management. 2008. No. 2. Pp. 48–50.

15. Tverdyukova E. D. *Zhalobnye knigi sovetskij predpriyatij trgovli i obshchestvennogo pitaniya (1920-h – 1980-h godov) kak forma apellyacii k vlasti* [Complaint books of Soviet trade and catering enterprises (1920s – 1980s) as a form of appeal to the authorities] // *Vestnik SPbGU* – Herald of St. Petersburg State University. 2015. Series 2. Is. 1. Pp. 19–28. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23205004_89142434.pdf (date accessed: 30.08.2022).

16. Tochenyj D. S., Tochenaya N. G. *"Kto poslednij? Ya za vami" (k harakteristike obraza zhizni sovetskogo cheloveka v 1938 godu)* ["Who is the last? I am behind you" (on the characteristics of the lifestyle of a Soviet person in 1938)] // *Simbirskij nauchnyj vestnik* – Simbirsk Scientific herald. 2012. No. 4 (10). Pp. 62–68.

17. Fitzpatrick Sh. *Sryvajte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the masks! Identity and imposture in Russia of the XX century]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSPEN) : Foundation "Presidential Center of B. N. Yeltsin". 2011. 375 p.

18. Habibullina A. R., Kachagin E. A. *Organizaciya obratnoj svyazi s klientami kak instrument povysheniya kachestva obsluzhivaniya v avtomobil'nom dilerskom centre* [Organization of customer feedback as a tool for improving the quality of service in an automobile dealership] // *Prakticheskij marketing* – Practical marketing. 2014. No. 9 (211). Pp. 35–41.

19. Shumatova T. V. *Faktor adresata v rechevom zhanre "Kniga otzyvov i predlozhenij"* [The addressee factor in the speech genre "Book of reviews and suggestions"] // *Vestnik KemGU* – Herald of KemSU. 2011. No. 2 (46). Pp. 166–172. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16463588_84701211.pdf (date accessed: 30.08.2022).

20. Fedorova M. *"Give me the book of complaints": complaint in post-Stalin comedy* // *Laboratorium*. 2014. No. 6 (3). Pp. 80–92. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24142645_25701882.pdf (date accessed: 30.08.2022).

Вятский сундучный промысел на российских выставках (конец XIX – начало XX в.)

Пудов Глеб Александрович

кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник, отдел народного искусства,
Государственный Русский музей. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0001-7270-8065.
ResearcherID: 1078986. E-mail: narodnik80@list.ru

Аннотация. Важность изучения региональных центров традиционного искусства общепризнана. Подобные исследования способствуют формированию исторической памяти, что представляется весьма актуальным с учетом современных реалий. Цель публикации – определение особенностей выставочной деятельности сундучников Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. Основные задачи: обобщение и анализ сведений выставочной литературы, а также введение новых данных в научный оборот. В статье рассматриваются четыре крупные выставки: Всероссийская промышленно-художественная (Москва, 1882), Казанская научно-промышленная (1890), Всероссийская промышленная и художественная (Нижний Новгород, 1896) и Всероссийская кустарно-промышленная (Санкт-Петербург, 1902). Публикуются сведения о количестве экспонентов-сундучников из Вятской губернии, представленных ими изделиях и полученных наградах. Дан анализ этой информации, на основе которого сделаны выводы об особенностях выставочной деятельности вятских кустарей. К числу главных относятся следующие: участие в выставках вятских мастеров зависело не столько от положения дел в сундучном промысле, сколько от результатов деятельности уездных и губернского земств; крупные выставки не были показателем текущего состояния вятского сундучного центра и не отражали его значение для культурной и социально-экономической жизни страны; на выставках чаще всего экспонировался определенный тип сундучных изделий; экспонирование вятскими мастерами на выставках своих произведений положительным образом сказывалось на развитии сундучного производства Вятской губернии. Результаты настоящего исследования могут быть применены в музейной работе, а также при составлении курса по истории народного искусства.

Ключевые слова: сундучное производство, Вятская губерния, кустарная промышленность, экспонент.

Введение. Сундучный промысел – неотъемлемая часть культуры Вятского края. Однако здесь он был частью столярного и не достигал таких масштабов, как, например, производство в Муромском уезде Владимирской губернии или в заводских поселках Среднего Урала. Вятские мастера оставались земледельцами и делали сундуки только в свободное от полевых работ время. Тем не менее постепенно промысел приобрел всероссийское значение, став одним из самых крупных центров по производству сундуков и шкатулок в России. Мастера делали сотни сундуков и шкатулок, которые продавались на местных рынках и вывозились скупщиками далеко за пределы губернии (они встречались на Нижегородской, Ирбитской и других крупных ярмарках) [9, с. 44–97].

Однако вятские изделия не только привозились на ярмарки, но и участвовали в различных выставках, о чем свидетельствуют каталоги и указатели. В них названы конкретные фамилии мастеров и приведена краткая информация об их заведениях. В научной литературе упоминания об участии вятских сундучников в выставках также встречаются часто. Как правило, это Казанская научно-промышленная (1890), XVI Всероссийская промышленная и художественная (Нижний Новгород, 1896) и Всероссийская кустарно-промышленная (Санкт-Петербург, 1902) выставки. В книге В. А. Барадюлина есть упоминания об участии вятского мастера Я. Ф. Машковцева во Всероссийской кустарно-промышленной выставке 1902 г. [2, с. 188]. В монографии Г. А. Пудова, посвященной истории сундучного производства Вятской губернии, приведена информация о сундучных заведениях: объемы производства, количество наемных мастеров, участие в выставках. Эти сведения почерпнуты из выставочной литературы [13, с. 60–67]. Однако в этой работе отсутствует подробный анализ приводимой информации. Это не входило в задачи автора, поскольку монография касалась общих проблем истории вятского сундучного промысла, в ней создавалась широкая картина его эволюции без глубо-

кого погружения в частные вопросы. В статье того же автора об участии русских сундучников во всероссийских выставках конца XIX – начала XX в. [14, с. 358–367] есть сведения о мастерах Вятской губернии. Однако и здесь анализ информации из выставочной литературы явно недостаточен – в статье идет речь о русском сундучном промысле в целом. Следует отметить, что вообще тема участия сундучников (не только вятских) в выставках нашла слабое отражение в литературе, поскольку даже опубликованные факты, имена и цифры использовались при исследовании других аспектов истории промысла.

Цель настоящей статьи – определение особенностей выставочной деятельности сундучников Вятской губернии в конце XIX – начале XX в. Задачи – обобщение и анализ информации выставочной литературы (каталогов, указателей и проч.), а также введение новых данных в научный оборот. При работе использовались документы Российского государственного исторического архива (РГИА). Хронологические рамки исследования: конец XIX – начало XX в., в этот период вятские сундучники наиболее активно принимали участие в выставках.

Следует отметить, что в России во второй половине XIX – начале XX в. проводилось огромное количество выставок разного уровня и профиля, в одной статье все охватить невозможно. Поэтому были учтены только те выставки, которые являются наиболее показательными для темы настоящей публикации.

Основная часть. Участие в выставках, как и продажа изделий на ярмарках, было важной частью деятельности вятских сундучников. Однако, в отличие от мастеров других центров, важную роль в истории вятского сундучного производства играли разного рода посредники (причины этого будут рассмотрены ниже): если речь идет о выставках разного уровня, то это представители Вятского губернского земства и статистического комитета, а если речь идет о продаже изделий, то скупщики.

Одним из первых участников выставок от Вятской губернии стал кустарь Мамаев (Вятский уезд, Щербининская волость), который представил шкатулку из липы и спичечницу из карельской березы. Его фамилия указана среди экспонентов Всероссийской промышленно-художественной выставки, которая была организована в Москве в 1882 г. [18, с. 457] В указателе той же выставки значится сундук из Югринской волости, представленный статистическим комитетом [18, с. 458]. Неслучайно, что и мастер, и сундук связаны с Вятским уездом. Именно он был центром столярного промысла Вятской губернии, частью которого, как было указано выше, было сундучное производство.

Однако сведения о кустаре Мамаеве и сундуке из Югринской волости лишь свидетельство того, что время активной выставочной деятельности хозяев сундучных заведений и мастеров, в том числе вятских, было еще впереди¹.

В 1890 г. в Казани состоялась научно-промышленная выставка. Она проводилась с 15 мая по 16 сентября и была организована по инициативе Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Наряду с многочисленными представителями уральского сундучного производства (А. С. Алексеев, П. Я. Кокушкин, А. М., Д. И., П. А. и М. Е. Селянкины, братья Розановы, М. Д. Сеницын и И. Г. Штукин) в выставочной литературе упомянуты вятские мастера: Н. Юдников, Л. Е. Кокорев, Д. И. Никулин, Н. В. Дерендяев, Г. Н. Лютиков, М. И. Вылегжанин, А. И. Попов и А. Л. Югрин [5, с. 15, 16, 39]. В документах РГИА упоминается, что на этой выставке петербургским Кустарным музеем был приобретен у Вятского кустарного отдела сосновый сундук кустаря Малахова из Елабуги [6, л. 33 об].

В выставке участвовали вятские сундучники, которые непосредственно занимались производством, а не были лишь его организаторами, как это зачастую происходило в других сундучных центрах, например уральском. Чаще всего вятские мастера – хозяева семейных мастерских с незначительным количеством наемных рабочих. Ни по масштабам производства, ни по географии сбыта продукции, ни по качеству своих изделий они не могли сравниться с представителями уральского сундучного центра. Например, о Леонтии Ефимовиче Кокореве (деревня Дресва Югринской волости Вятского уезда) указывалось, что до сотни «ставок» шкатулок он сдавал скупщикам, особенно Ф. М. Богданову, по 1 руб. 10 коп. До 400 «ставок» продавал на Вятском базаре. Окованных сундуков сбывал до сотни штук по 5–7 рублей, около 50 штук сдавал в магазин Клобукова. Работал без наемных рабочих, только с членами семьи. На выставке 1890 г. он представил шкатулки, обитые «мороженой» жостью [5, с. 15].

¹ Можно отметить, что, например, в Указателе Всероссийской мануфактурной выставки 1870 г. сундучников нет совсем.

Следует отметить, что даже масштабы производства Григория Николаевича Лютикова, «уржумского мещанина, жительствовавшего в Холуницком заводе», владельца известной мастерской, которая производила сундуки, обитые «мороженой» жестью и металлическими полосами, были весьма невелики.

В очерке кустарной промышленности Вятской губернии справедливо указывалось: «Тип вятского кустаря есть тип кустаря-земледелец... Духа промышленности, ремесленности, торговли у вятского кустаря вовсе нет... Кустарь не имеет ни средств, ни времени заняться более или менее сложным производством и довольствуется обыкновенно теми, которые требуют грошовых затрат и могут быть приурочены к свободному от полевых работ времени» [5, с. 1, 2].

Тем не менее многие вятские мастера получили на выставке награды: М. И. Вылегжанин (бронзовая медаль за обитые «мороженой» жестью шкатулки), Л. Е. Кокорев (похвальный лист за «шкатулки, обитые мороженой жестью»), А. Д. Кушов (бронзовая медаль «за чистоту работы шкатулки»), Г. Н. Лютиков (бронзовая медаль «за весьма тщательную работу обитых жестью сундуков»), Д. И. Никулин (похвальный лист за «шкатулки, обитые мороженой жестью»), А. И. Попов (похвальный лист «за хорошую работу шкатулки и окованных жестью сундуков») [15, с. 67, 104, 70, 65, 108, 110].

Несмотря на то, что в Казань приехали далеко не все вятские кустари, можно утверждать, что выставочные каталоги и указатели вполне ясно представили общую картину эволюции сундучного промысла Вятской губернии.

Что же побуждало вятских мастеров-сундучников привозить свои изделия на крупные выставки? Как справедливо указывала московский исследователь М. Ю. Лачаева, «выставка открывала перед серьезными производителями новые социальные и экономические горизонты и эта сторона подчеркивалась и в периодической печати, и в правительственных документах» [10, с. 107]. Однако по отношению к вятским сундучникам это было справедливо лишь отчасти, ибо определяющую роль в их деятельности зачастую играли представители Вятского губернского земства.

Крупнейшая промышленная выставка дореволюционной России была организована в Нижнем Новгороде в 1896 г. В ее цели входило: определение результатов, достигнутых русской промышленностью, сближение потребителя и производителя, расширение рынков сбыта. В Кустарном отделе этой выставки, которым заведовал Александр Михайлович Воронежский (статский советник, «консерватор кустарного дела Императорского сельскохозяйственного музея»), собрали экспонаты из 37 губерний. 1275 кустарей участвовали самостоятельно, приблизительно такое же число – при посредстве губернских и уездных земств. Полнее других была представлена кустарная промышленность трех наиболее сильных земств: Московского, Нижегородского и Вятского. От вятского сундучного центра были выставлены изделия мастерских А. Е. и Л. А. Кокоревых, Д. Е. Чугунова, С. Д. Новокшенова, Н. И. Самойлова, Л. Ф., П. Г. и К. Г. Кормщиковых, А. Д. Никулина, К. Г. Лютикова, Л. С. Лелькова, И. Салтыкова [12, с. 40–45; 20, с. 32, 33]. Согласно «Списку кустарей, желавших принять участие в выставке...», в нем значились не только названные лица, но и А. Т. Савельев (д. Крапивинская Орловского уезда; сундучные и шкатулочные замки) и Л. Е. Кокорев (деревня Дресва Югринской волости; шкатулка, обитая листами «мороженой» жести) [16, л. 3, 28]. Анфиноген Ефимович Кокорев представил на выставку «сундук, обложенный мороженой жестью», Лука Анфиногенович – «шкатулку, обложенную мороженой жестью», Лаврентий Семенович Лелеков выставил деревянную шкатулку и ломберные столы [16, л. 3, 27 об].

Из всех мастеров только Лаврентий Филиппович Кормщиков получил награду – похвальный отзыв. Именно его мастерская была самой крупной среди представленных (годовое производство в ней исчислялось в 2000 рублей – другие вятские мастера по торговым оборотам даже близко не могли приблизиться к Л. Ф. Кормщикову).

По сравнению с предыдущей выставкой количество вятских экспонентов увеличилось. Однако это отразило лишь количественные, а не качественные изменения в промысле. Как и раньше, основным его очагом оставался Вятский уезд, на более заметные роли вышел поселок Белохолуницкого завода.

Следующим крупным смотром, на котором были представлены сундуки вятских мастеров, стала Всероссийская кустарно-промышленная выставка, которая состоялась в Санкт-Петербурге в 1902 г. Она проходила в марте-апреле, в Таврическом дворце. В выставке приняли участие представители 75 губерний и областей. Экспонаты были разделены на 19 тематиче-

ских групп. Вятский сундучный центр был представлен лишь двумя именами, это Яков Филиппович Машковцев и Петр Иванович Рубцов (оба мастера из Вятского уезда, из Якимовинской и Югринской волостей соответственно). Первый представил семь «сундуков крашенных деревянных». О его мастерской указано, что годовое производство в ней равнялось 100 рублям; лес Я. Ф. Машковцев покупал на Вятском базаре у крестьян, а изделия сдавал в Вятский земский кустарный склад; наемных рабочих у него не было [17, с. 369; 21, с. 8]. Яков Машковцев был не только сундучником, но и известным мастером декоративных росписей [1, с. 44–49]. П. И. Рубцов из деревни Победиловской Югринской волости выставил «сундуки деревянные, обитые жостью». Годовое производство его мастерской оценивалось в 400 рублей. Лес он покупал у лесоторговцев, а жость – в кустарном складе (на сумму до 180 рублей). Готовые изделия сдавал в Вятский кустарный склад. Нанимал двух мастеров [17, с. 370].

Наличие связей обоих сундучников с земскими учреждениями не случайно – деятельность Вятского губернского земства по поддержке кустарной промышленности приносила плоды [7; 8; 11].

Необходимо отметить, что отсутствие большого количества вятских сундучников на выставке вряд ли свидетельствовало о существенных изменениях в промысле – в начале XX столетия Вятская губерния продолжала играть значительную роль в истории русского сундучного производства.

После 1902 г. имена русских мастеров-сундучников становятся редкостью в каталогах крупных выставок². Тем не менее имя вятского кустика упомянуто еще в указателе Второй всероссийской кустарной выставки (Санкт-Петербург, 1913). Это Лаврентий Филиппович Кормщик из деревни Дресва Югринской волости Вятского уезда, который представил сундуки [19, с. 38]. Как уже указывалось выше, по местным масштабам это была крупная мастерская, в которой круглый год работали члены одной семьи.

После революции 1917 г. земства были упразднены. В соответствии с этим произошли изменения и в выставочной деятельности вятских мастеров-сундучников. Однако эта тема уже выходит за рамки настоящей статьи.

Выводы. Анализ участия вятских сундучников в крупных выставках приводит к следующим выводам: 1) участие в выставках вятских кустика зависело не столько от ситуации в промысле, сколько от результатов деятельности уездных и губернского земств; в подавляющем большинстве случаев вятские кустики не имели возможности самостоятельно приехать на какую-либо выставку; 2) крупные выставки не были показателем состояния дел в вятском сундучном центре и не отражали его роль в культурной и социально-экономической жизни России; 3) на выставках чаще всего экспонировался определенный тип сундучных изделий, а именно предметы, обитые «морозом» по жости; расписные сундуки и шкатулки оценивались значительно ниже и поэтому были представлены на выставках значительно реже; 4) вятские кустики-сундучники получали награды на выставках, однако по сравнению с представителями других центров они были более низкого достоинства (чаще похвальные отзывы, а не медали³); 5) выставки оказывали существенное влияние на развитие сундучного производства Вятской губернии: они улучшали сбыт продукции, сближая производителя и покупателя, расширяли географию продаж сундучных изделий; в этом видится результат активной деятельности Вятского губернского земства.

Список литературы

1. Барадулин В. А. Отхожий малярный промысел на Среднем Урале (вятские мастера рубежа XIX–XX веков) // Сообщения ГРМ. М., 1976. Вып. 11. С. 44–49.
2. Барадулин В. А. Народные росписи Урала и Приуралья (Крестьянский расписной дом). Л. : Художник РСФСР, 1988. 198 с.
3. Всероссийская кустарная выставка с художественно-промышленным и иностранным отделами. СПб. : Тов.-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 125 с.

² Например, на Всероссийской кустарной выставке (Санкт-Петербург, 1907) упомянут только Василий Иванович Федулов из Московской губернии [3, с. 31], на Всероссийской ремесленной и фабрично-заводской выставке (Москва, 1914) – только великоустюгский мастер Николай Николаевич Торлов [4, с. 20].

³ Справедливости ради надо отметить, что часто члены жури на выставках не особо жаловали сундучный промысел (речь вообще о русском сундучном производстве, а не только о вятском). Это вызывало нарекания со стороны земских статистиков, например Е. И. Красноперова.

4. Каталог Всероссийской ремесленной и фабрично-заводской выставки в Москве на Ходыньском поле. М. : Т-во А. А. Левенсон, 1913. 38 с.
5. Каталог Вятского кустарного отдела на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. : краткий очерк кустарной промышленности Вятской губернии. Вятка, 1890. 45 с.
6. Копии счетов на кустарные изделия, приобретенные музеем от кустарей // РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 400. Оп. 1 (1889–1895). Д. 30.
7. Кустарные промыслы Вятской губернии и деятельность вятских земств по улучшению кустарной промышленности. СПб. : Тип. Альтшулера, 1902. 98 с.
8. Кустарный склад и учебные мастерские Вятского губернского земства / Издание Вятского губернского земства. Казань : Центр. тип., 1909. 34 с.
9. Кучин Ф. Г. Сундучный промысел // Материалы по описанию промыслов Вятской губернии. Вятка, 1890. Вып. 2. С. 44–97.
10. Лачаева М. Ю. Приглашается вся Россия... Всероссийские промышленные выставки (XIX – XX начало в.): Петербург, Москва, провинция. М. : Сфера, 1997. 167 с.
11. О мероприятиях Вятского губернского земства по улучшению кустарной промышленности / Издание Вятского губернского земства. Вятка : Тип. Маишеева, 1896. 31 с.
12. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. Отд. XI. Кустарные промыслы. М. : Типо-лит. «Русского товарищества печатного и издательского дела», 1896. 90 с.
13. Пудов Г. А. Производство сундуков в Вятской губернии (XIX – начало XX века). История, мастера, произведения. [б. м.] : Издательские решения, 2021. 80 с.
14. Пудов Г. А. Сундучный промысел на всероссийских выставках (конец XIX – начало XX века) // «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА» / Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова. МГХПА, 2022. № 1. Ч. 1. С. 358–367. DOI: 10.37485/1997-4663_2022_1_1_358_367.
15. Список наград, присужденных на Казанской научно-промышленной выставке 1890 г., состоящей под покровительством его императорского высочества государя наследника цесаревича. Казань, 1890. 116 с.
16. Список кустарей, желавших принять участие в выставке // РГИА. Ф. 401. Оп. 1 (1896). Д. 67.
17. Указатель ... Всероссийской кустарно-промышленной выставки 1902 г. СПб. : Тип. В. С. Балашев и К, 1902. 432 с.
18. Указатель Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 года в Москве. М. : Издание Мартынова, 1882. 596 с.
19. Указатель Второй Всероссийской кустарной выставки в Санкт-Петербурге 1913 года, устроенной Главным управлением землеустройства и земледелия / ГУЗ и З. СПб. : Тип. «Якорь», 1913. 788 с.
20. Указатель экспонатам Вятского кустарного отдела на Всероссийской выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Вятка : Вят. губ. земство, 1896. 99 с.
21. Указатель экспонатам Вятского кустарного отдела на Всероссийской кустарно-промышленной выставке 1902 г. в С.-Петербурге. Вятка : Тип. и хромолит. Маишеевой, 1902. 72 с.

Vyatka chest craft at Russian exhibitions (late XIX – early XX century)

Pudov Gleb Aleksandrovich

PhD in Art History, senior researcher, Department of Folk Art, State Russian Museum.
Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0001-7270-8065. ResearcherID: 1078986. E-mail: narodnik80@list.ru

Abstract. The importance of studying regional centers of traditional art is generally recognized. Such studies contribute to the formation of historical memory, which seems very relevant in view of modern realities. The purpose of the publication is to determine the features of the exhibition activities of the chest workers of the Vyatka province in the late XIX – early XX century. Main tasks: generalization and analysis of information from the exhibition literature, as well as the introduction of new data into scientific circulation. The article discusses four major exhibitions: the All-Russian Industrial and Artistic (Moscow, 1882), the Kazan Scientific and Industrial (1890), the All-Russian Industrial and Artistic (Nizhny Novgorod, 1896) and the All-Russian Handicraft Industrial (St. Petersburg, 1902). Information is published on the number of chest exhibitors from the Vyatka province, the products presented by them and the awards received. The analysis of this information is given, on the basis of which conclusions are drawn about the peculiarities of the exhibition activity of Vyatka artisans. The main ones include the following: participation in exhibitions of Vyatka craftsmen depended not so much on the state of affairs in the chest trade, as on the results of the activities of the county and provincial zemstvos; large exhibitions were not an indicator of the current state of the Vyatka chest center and did not

reflect its significance for the cultural and socio-economic life of the country; a certain type of chest products was most often exhibited at exhibitions; masters at exhibitions of their works had a positive effect on the development of the chest production of the Vyatka province. The results of this research can be applied in museum work, as well as in the preparation of a course on the history of folk art.

Keywords: chest production, Vyatka province, handicraft industry, exhibitor.

References

1. Baradulin V. A. *Othozhij malyarnyj promysel na Srednem Urale (vyatskie мастера rubezha XIX–XX vekov)* [Latrine painting craft in the Middle Urals (Vyatka masters of the turn of the XIX–XX centuries)] // *Soobshcheniya GRM – Messages of the GRM*. M. 1976. Is. 11. Pp. 44–49.
2. Baradulin V. A. *Narodnye raspisi Urala i Priural'ya (Krest'yanskij raspisnoj dom)* [Folk paintings of the Urals and the Urals (Peasant painted house)]. L. Hudozhnik RSFSR (Artist of RSFSR). 1988. 198 p.
3. *Vserossijskaya kustarnaya vystavka s hudozhestvenno-promyshlennym i inostrannym otdelami – All-Russian handicraft exhibition with art-industrial and foreign departments*. SPb. Partnership of R. Golike and A. Vilborg. 1907. 125 p.
4. *Katalog Vserossijskoj remeslennoj i fabrichno-zavodskoj vystavki v Moskve na Hodynskom pole – Catalog of the All-Russian handicraft and factory exhibition in Moscow on the Khodynka field*. M. A. A. Levenson. 1913. 38 p.
5. *Katalog Vyatskogo kustarnogo otdela na Kazanskoj nauchno-promyshlennoj vystavke 1890 g. : kratkij ocherk kustarnoj promyshlennosti Vyatskoj gubernii – Catalog of the Vyatka handicraft Department at the Kazan Scientific and Industrial Exhibition of 1890: a brief sketch of the handicraft industry of the Vyatka province*. Vyatka. 1890. 45 p.
6. *Kopii schetov na kustarnye izdeliya, priobretennye muzeem ot kustarej – Copies of invoices for handicrafts purchased by the museum from artisans* // RSHA (Russian State Historical Archive). F. 400. Inv. 1 (1889–1895). File 30.
7. *Kustarnye promysly Vyatskoj gubernii i deyatelnost' vyatskih zemstv po uluchsheniyu kustarnoj promyshlennosti – Handicrafts of the Vyatka province and the activities of the Vyatka zemstvos to improve the handicraft industry*. SPb. Altshuler typography. 1902. 98 p.
8. *Kustarnyj sklad i uchebnye masterskie Vyatskogo gubernskogo zemstva – Handicraft warehouse and training workshops of the Vyatka provincial Zemstvo / Publication of the Vyatka Provincial Zemstvo*. Kazan. Central typography. 1909. 34 p.
9. Kuchin F. G. *Sunduchnyj promysel* [Chest handicraft] // *Materialy po opisaniyu promyslov Vyatskoj gubernii – Materials on the description of the Vyatka province crafts*. Vyatka. 1890. Vol. 2. Pp. 44–97.
10. Lachaeva M. Yu. *Priglasaetsya vsya Rossiya... Vserossijskie promyshlennye vystavki (XIX – XX nachalo v.): Peterburg, Moskva, provinciya* [The whole of Russia is invited... All-Russian industrial exhibitions (XIX – XX beginning of the century)]: St. Petersburg, Moscow, province]. M. Sfera (Sphere). 1997. 167 p.
11. *O meropriyatiyah Vyatskogo gubernskogo zemstva po uluchsheniyu kustarnoj promyshlennosti – On the measures of the Vyatka provincial zemstvo to improve the handicraft industry / Publication of the Vyatka Provincial Zemstvo*. Vyatka. Maishev typography. 1896. 31 p.
12. *Podrobnij ukazatel' po otdelam Vserossijskoj promyshlennoj i hudozhestvennoj vystavki 1896 g. v Nizhnem Novgorode. Otd. XI. Kustarnye promysly – A detailed index of the departments of the All-Russian Industrial and Art Exhibition of 1896 in Nizhny Novgorod. Department XI. Handicrafts*. M. Tipo-lit. "Russian Association of Printing and Publishing". 1896. 90 p.
13. Pudov G. A. *Proizvodstvo sundukov v Vyatskoj gubernii (XIX – nachalo XX veka). Istoriya, мастера, proizvedeniya* [Production of chests in Vyatka province (XIX – early XX century). History, masters, works. [without place] : Publishing solutions. 2021. 80 p.
14. Pudov G. A. *Sunduchnyj promysel na vserossijskih vystavkah (konec XIX – nachalo XX veka)* [Chest craft at All-Russian exhibitions (late XIX – early XX century)] // *"Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGHPA"* – "Decorative art and subject-spatial environment. Herald of MSAIA" / Moscow State Art and Industrial Academy n. a. S. G. Stroganov. MSAIA. 2022. No. 1. Part 1. Pp. 358–367. DOI: 10.37485/1997-4663_2022_1_1_358_367.
15. *Spisok nagrad, prisuzhdennyh na Kazanskoj nauchno-promyshlennoj vystavke 1890 g., sostoyashchej pod pokrovitel'stvom ego imperatorskogo vysochestva gosudarya naslednika cesarevicha – List of awards awarded at the Kazan Scientific and Industrial Exhibition of 1890, consisting under the patronage of His Imperial Highness the Sovereign Heir Tsarevich*. Kazan. 1890. 116 p.
16. *Spisok kustarej, zhelavshih prinyat' uchastie v vystavke – List of artisans who wanted to take part in the exhibition* // RSHA. F. 401. Inv. 1 (1896). File 67.
17. *Ukazatel' ... Vserossijskoj kustarno-promyshlennoj vystavki 1902 g. – Index... All-Russian handicraft and industrial Exhibition of 1902*. SPb. Typography of V. S. Balashev and Co. 1902. 432 p.
18. *Ukazatel' Vserossijskoj promyshlenno-hudozhestvennoj vystavki 1882 goda v Moskve – Index of the All-Russian Industrial and Art Exhibition of 1882 in Moscow*. M. Martynov Edition. 1882. 596 p.

19. *Ukazatel' Vtoroj Vserossijskoj kustarnoj vystavki v Sankt-Peterburge 1913 goda, ustroennoj Glavnym upravleniem zemleustrojstva i zemledeliya* – Index of the Second All-Russian handicraft exhibition in St. Petersburg in 1913, organized by the Main Directorate of Land Management and Agriculture / GUZ and Z. SPb. Typography "Anchor". 1913. 788 p.

20. *Ukazatel' eksponatam Vyatskogo kustarnogo otdela na Vserossijskoj vystavke 1896 g. v Nizhnem Novgorode* – Index to the exhibits of the Vyatka handicraft Department at the All-Russian Exhibition of 1896 in Nizhny Novgorod. Vyatka. Vyatka Gubernia Zemstvo. 1896. 99 p.

21. *Ukazatel' eksponatam Vyatskogo kustarnogo otdela na Vserossijskoj kustarno-promyshlennoj vystavke 1902 g. v S.-Peterburge* – Index to the exhibits of the Vyatka handicraft Department at the All-Russian Handicraft and Industrial Exhibition of 1902 in St. Petersburg. Vyatka. Maisheeva Typography and chromolite. 1902. 72 p.

Харбин: культурный код города в контексте судеб русской эмиграции

Осипова Нина Осиповна¹, Голенок Марина Петровна²

¹доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9247-9279. E-mail: nina.osipova@list.ru

²кандидат культурологии, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-8812-9655. E-mail: gmp0889@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен Харбина в системе городских культурных кодов, сформировавшихся в том числе под влиянием русской эмиграции 1920-х гг.: историко-генетического, природного, социокультурного, художественного, праздничного, кодов повседневности и др. Прослеживается становление культурной мифологии города, в частности связь с «петербургским текстом», системой национальных символаобразующих факторов. Представлены особенности функционирования городской жизни, идеологическая, религиозная и культурная толерантность. Отмечается уникальная особенность Харбина, заключающаяся в том, что при пестром многонациональном и социальном разнообразии в Харбине формировался своеобразный «плавильный котел» поликультурности во всех сферах городской жизни. Одновременное присутствие и функционирование на относительно небольшом временном промежутке разных систем – государственных, финансовых, политических, религиозных, языковых, национально-этнических – создавало впечатление некоего успешного социального эксперимента и делало Харбин местом культурного трансфера.

Ключевые слова: русская эмиграция, культурный код города, «харбинский текст».

Харбин – это особый город, не случайно получивший название «столицы русской эмиграции», феномену которой посвящены горы литературы, часто объединенной междисциплинарным подходом [6; 7] и охватывающей систему уровней харбинской культуры – от архитектурно-градостроительных идей до общественно-политической и повседневной жизни. В то же время Харбин был больше чем столица – своего рода «государством в государстве» со своей промышленностью, управлением, финансовой системой, охраной границ, системой коммуникаций... Конечно, харбинская эмиграция разделяла общую судьбу изгнанников и повторяла судьбу города, в течение полувека переходившего от одной власти к другой, но при этом сохранила довольно высокий градус «русскости»/«российскости». Несмотря на всю горечь эмиграции «на скучных сунгарийских берегах» (Е. Яшнов) и непростую адаптацию к Желтороссии (так русское правительство до революции называло эту часть Маньчжурии), ее представители ехали не в чужую страну, не «под чуждый небосвод», они до определенного времени не страдали в попытках (часто бесперспективных, как у их соотечественников в Европе) встроиться в культурное пространство, реализовать свой личностный потенциал, они воспринимали Харбин островком России, так напомиравшим их малую родину. Отец Нестор (Н. Анисимов), состоявший в то время архиепископом, а затем и митрополитом Харбинским и Манчжурским, писал в своих воспоминаниях: «Только там – на дальнем востоке Азии, у самого рубежа родных просторов Сибири, оказалась страна, где русские могли и могут жить доселе не в чуждых, незнакомых условиях, а в родном, с детства привычном и милом быте. Страна эта – Маньчжурия с центром в Харбине [16, с. 217].

Вот почему так важно выявить ту систему кодов, организующих культурный рельеф города, его урбосферу, семиотические смыслы, городскую идентичность, которые связаны с его историей. Все эти параметры не были раз и навсегда установленными – они представляли постоянно пульсирующее пространство, изменяющееся под влиянием событий, социокодов, коммуникативных практик.

Харбин сформировал свою уникальную символическую сферу, собственные смысловые доминанты и собственную идентичность. За 50 лет (со дня основания в 1898-м до 1950-х гг.) Харбин был поочередно русским, русско-китайским, китайским, японским, советским... и вновь китайским. Конечно, это влияло на его жизнь, облик, социокультурную составляющую далеко не лучшим образом, но до массового исхода русских после Второй мировой войны

он сохранял неповторимую атмосферу «русскости» (в широком смысле) в силу устойчивости культурных кодов, формировавшихся в истоках его развития как своеобразного «города-государства», аналогов которому не было со времен княжеской Руси. И как любой город-государство, он развивался по своим законам, семиотически закреплявшимся в архитектуре, мифологии, повседневной, культурной, политической жизни, языке, художественном творчестве.

Они определяли ключевые доминанты города, становясь текстообразующими, формирующими «харбинский текст» не только истории русской эмиграции, но и ее культуры. В этом смысле к изучению «харбинского текста» применима методология Ю. Лотмана, В. Топорова, Г. Кнабе и других исследователей городского текста, но она дополняется новыми атрибутивными характеристиками, которые эту методологию расширяют.

Основу семиозиса городского текста составляет символизация – символ связывает разные уровни города, выполняя медиаторную функцию и определяя такое свойство культурного кода, как система архетипов, образов и аксиологических характеристик, составляющих матрицу духовной и повседневной жизни. В этой матрице заложены ритуалы горожан, механизм их коллективной памяти и многое другое, влияющее на сознание разных социальных групп через множество контекстов – лингвокультурных, климатических, культурно-исторических.

Как и в отношении к любому городу-тексту, обозначенные коды применительно к Харбину отчетливо проявляют свою символическую природу, в основе которой лежит миф. В знаковой системе харбинского текста мифосимволическая составляющая определяется сразу несколькими основными кодами, формирующими «полилингвистичность» этого «странного» города: историко-генетическим, природным, пространственным, социокультурным, художественным, повседневным...

В детских воспоминаниях харбинцев город предстает райским уголком, «городом-сказкой», население которого составляли уроженцы разных регионов России, видевшие в Харбине уголки Иркутска, Ростова, Одессы, Москвы и даже Парижа – не случайно его называли «Восточным Петербургом», «Восточным Парижем», «Восточной Москвой», «Восточным Сионом» и даже «Восточным Клондайком». Этому способствовало разнообразие географических условий города, представлявших климатический симбиоз одновременно петербургского, сибирского, южного степного климата. Климатический код Харбина определяется его северным положением на карте Китая, объяснявшим любопытное смешение разных природных зон: кедр и сосны соседствовали с тропическими лианами, экзотическими цветами и среднерусскими березами. Находясь на одной параллели с Краснодаром, Харбин под влиянием сибирских воздушных потоков дарил долгую, снежную, хотя и очень ветреную зиму: «Снег блестит яркими красками под улыбкой солнца и кажется каким-то таинственным сказочным одеянием под белым светом луны. Ах, как красив в первом свежем, чистом, снежном уборе Харбин. Еще ближе становится он тогда русскому сердцу <...> Темною, черною ночью, когда снег хрустит под ногами и белый покров на деревянных низеньких домах Модягоу сверкает огоньками в ответ на огоньки звезд, кажется русскому человеку Харбина, что он снова в России, в одном из бесчисленных русских уездных городов» [16, с. 232–233].

Вообще, в восприятии русского эмигрантского сознания метафорический ряд, связанный с зимним кодом, приобретает особую функциональность, отражая национальную ментальность, связанную с осознанием России как северной страны, а Петербурга – как ее сакрального центра. В европейском пространстве русской эмиграции символика зимы была связана с потерянной родиной, покинутым «зимним раем», «вакхической русской пургой», веселыми зимними забавами – всем тем, что осталось в прошлом. Знаковым произведением в этом плане воспринимается название мемуаров Г. Иванова «Петербургские зимы», «Зимних сонетов» Вяч. Иванова, многочисленные описания русской зимы в эмигрантской прозе. Однако харбинская эмиграция, в отличие от западноевропейской, не знала тоски по русской зиме – зимние пейзажи, зимние игры и забавы тоже были в Харбине частью родины, что находит подтверждение в описаниях рождественских, крещенских и масленичных гуляний, купания в проруби на Сунгари, катания на коньках, лыжах, санях: «К декабрю заливали водой каток, и мы с нетерпением ждали его открытия... Каток был большой и благоустроенный с беговыми дорожками для конькобежцев, хоккейным полем и общим полем для обычного катания... Вечером каток ярко освещался, и играла музыка...» [21, с. 193–194]

В своем генезисе Харбин абсолютно уникален: «странный, не похожий на другие города мира» русский город «вырос» не просто на периферии империи (такие города получили

название «эксцентричных»), но даже на территории другого государства, отчетливо обнаруживая при этом систему кодов «петербургского» текста. Подобно Петербургу, он стал реализацией утопии рационального проекта, созданной на пустом месте, в борьбе культуры и природы, хаоса и космоса, искусственного и естественного. Вот как эту преемственность передал поэт А. Несмелов:

Перед днем Российской встряски,
Через двести лет,
Не Петровской ли закваски
Запоздалый след?

А. Несмелов. Стихи о Харбине [19, с. 328]

Обращают на себя внимание и похожие условия строительства города, на месте которого, по воспоминаниям первых строителей дороги, было заросшее топкое болото, «глинистый обрыв, желтая поверхность реки с квадратными парусами шаланд, да жирные от ливней дороги в полях гаоляна, по которым скрипели арбы на высоких колесах» [8]. И это «отсутствие истории», как отмечал Ю. М. Лотман по поводу Петербурга, стимулировало бурный рост мифологии: «Миф восполнял семиотическую пустоту, и ситуация искусственного города оказывалась исключительно мифогенной» [11, с. 14], наполненной в том числе эсхатологической символикой и предсказаниями гибели. Не случайно харбинское наводнение 1932 г. вызвало в культурном сознании харбинцев ассоциацию с Петербургом: «И вот в наступившее лето город постигло наводнение (1932). Весь город был затоплен водою, так что на некоторых улицах вода достигла сажени глубины. Было снесено более тысячи домов, погибли огромные запасы хлеба, утонуло несколько тысяч китайцев» [16, с. 234].

Подобно Петербургу, Харбин был соткан из противоречий и контрастов, что отражается в его характеристиках: «Харбин – дэнди. Он любит хорошо одеваться, вкусно есть, ухаживать за красивыми дамами, ездить на отличных автомобилях. <...> Харбин любит все настоящее, хорошее, добротное, неподдельное. Город – щеголь, город – дэнди, город шика и блеска. Мужские лакированные ботинки, английское пальто, лакированная трость с золотым набалдашником, дорогой смокинг, модные дамские шляпки, манильские сигары. <...> Фокстрот, коктейль, джесс и т. п.» [17, с. 3]. Но одновременно за этим тянулся отчетливый шлейф русской купеческой культуры, торговых традиций, многочисленных лавочек и торговых рядов, трактиров и буфетов, что придавало городу заметные московские штрихи.

Напрашиваются интертекстуальные переключки с «Петербургскими записками 1836 года» Н. В. Гоголя, с его изящно-ироническим и точным противопоставлением Москвы и Петербурга: «А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до сих пор русская борода, а он уже аккуратный немец. Как раскинулась, как расширилась старая Москва! Какая она нечесанная! Как сдвинулся, как вытянулся в струнку щеголь Петербург! Перед ним со всех сторон зеркала: там Нева, там Финский залив. Ему есть куда поглядеться. Как только заметит он на себе перышко или пушок, ту ж минуту его щелчком. Москва – старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете» [5, с. 177–178].

Примечательно, что Харбин не знал этой разницы – при общем доминировании петербургской мифологии в харбинский текст проникала культурная семантика Москвы – прежде всего с её принципом застройки, ярко выраженной православной доминантой и знаками купеческой культуры. Именно здесь, в Харбине, встретились Петербург и Москва, именно здесь окончен был извечный спор двух столиц и нашла успокоение двойственность русской души и ее всемирная отзывчивость. Когда о Харбине говорят как о «Восточной Москве», вспоминают о его по-купечески хлебосольной жизни и русских храмах, которые строились в каждом районе города. Исследователи отмечают радиальный характер планировки города, как в Москве и других русских городах (в противовес квадратной или прямоугольной, положенной в основу китайских градостроительных схем) [см.: 3]. Об этом мы читаем и в литературных источниках: «Город строился и своими улицами и домами становился похож на все российские города понемножку – кусочек от Читы и кусочек от Владивостока, даже московский Кузнецкий мост можно найти в нем, если приглядеться. <...> И жилось в этом городе, как в российских городах: ходили на службу и ездили на извозчиках, стояли в церквях у обедни, и торговал на углу Новоторговой улицы магазин под куполом – вездесущего купца Чурина» [8].

Название «Восточный Париж» Харбин получил потому, что в первой трети прошлого века жил модной европейской жизнью. Периодика тех лет пестрила рекламой известных марок и брендов. Здесь ставили модные спектакли, работали магазины, варьете и кабаре, устраивались балы по принципу парижских. Так, Георгий Мелихов фиксирует, что к середине 1920-х гг. в Харбине насчитывалось 66 заводов и фабрик, более 150 ресторанов, кафе и столовых, 32 гостиницы, 3 театра, 8 кинотеатров, 25 (!) библиотек, крупные вузы [см.: 14].

Кроме того, еще в период начального строительства города к концу XIX в. здесь была крупная православная епархия, возведено множество храмов (а в период расцвета города, к середине 20-х гг., в нем насчитывалось более 20 православных храмов, без учета храмов и монастырей за его пределами), которые уживались в городском пространстве с протестантской церковью, китайскими пагодами, мусульманскими мечетями, григорианским армянским модельным домом, синагогой и во многом были построены по типу русских храмов (в частности, Софийский собор представлял уменьшенную копию храма на Гутуевском острове в Петербурге, а центральная церковь Нового города была возведена по образцу северорусских шатровых храмов). В то же время это петербургско-московское великолепие «разбавлял» небольшой поселок *Модягоу* (получивший название «Царское село» и практически зеркально отражающий облик русского уездного города, утопавшего в зелени). Двенадцать городских районов Харбина, представляющих сплав градостроительных традиций, сочетание модерна, неоклассики, культовой архитектуры, купеческого стиля в главной части города и вступающих в диалог с самостроем, бараками, типовыми домиками, китайскими постройками на периферии, отражали национальное мировосприятие и специфику социокультурного ландшафта города, его мозаичность, отмеченные в мемуарах эмиграции.

В поэтической форме это противоречивое разнообразие передал поэт Василий Логинов:

О, сунгарийская столица!
До гроба не забуду я
Твои мистические лица
И желтые твои поля,
Бегущего рысцою рикшу,
Твоих изысканных «куpez»,
Шелк платья, ко всему привыкший,
Твоих шаланд мачтовый лес,
И звонкой улицы Китайской
Движенья, шумы и огни...
И тяжкий скрип арбы китайской,
И солнечные в зимах дни,
И Фудзядяна смрадный запах
От опия и от бобов,
И страшных нищих в цепких лапах
Нужды и тягостных годов.

В. Логинов. О, сунгарийская столица!.. [19, с. 294]

Это поэтическое восприятие отражает все контрасты города, темные стороны которого впоследствии «смаковали» просоветски настроенные литераторы, в 1920-е гг. формирующие односторонние стереотипы о городе: «В Харбине живут самые опытные продавцы опиума, самые неуловимые импортеры морфия и кокаина, самые отчаянные торговцы живым товаром» [1, с. 20]. Впрочем, такие же характеристики были в свое время адресованы и Петербургу [см.: 15].

Возвращаясь к «петербургской» теме, отметим, что Харбин и Петербург объединяет генезис городов, рожденных грандиозной стройкой, воплощением глобальных в исторических условиях проектов (новой столицы – в Петербурге, железной дороги – в Харбине), осуществленных императорской волей соответственно в 1703 и 1898 гг. Переходя от владельца к владельцу, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), изначально собственность Российской империи (ее еще называли «полосой отчуждения»), стала историческим и культурным символом города, с которым была связана идея границы: вначале соединения двух российских городов (Чита – Владивосток), потом, после революции, а затем и после Второй мировой войны – разъединения (граница, разделившая народ на *своих* и *чужих*), лишь обнажавшего мифологическую природу дороги как перехода, границы между миром явным и миром «кромешным».

В связи с этим она приобрела статус мифологемы – от перехода беженцев, спасавшихся от революции и Гражданской войны, в свободный мир до утраты этой свободы в период принудительного перемещения бывших эмигрантов в Сибирь после 1945 г. Железная дорога была, таким образом, своеобразным индикатором, барометром жизни харбинцев – в зависимости от того, кто становился ее хозяином (Россия, Китай, СССР, Китай, Япония, опять Китай). Являясь формой сближения географических территорий, КВЖД сама выступала как специфическое ограниченное пространство с его аксиологией, укорененной в русском национальном сознании, с его особым ощущением дороги, порога «как воплощения выхода из прежнего состояния, перемены в жизни, разрыва с тем, что было, и сдвига в неопределенность» [12, с. 29].

В контексте семантической нагруженности железной дороги особую символический смысл в городском пространстве Харбина приобрел вокзал, образ которого в культуре отмечен амбивалентностью: с одной стороны, это воплощение земного хаоса, гибельности, безнадёжности, свойственных перекрестку как опасному месту, с другой – символ собирания, объединения разных культур, социальных слоев, судеб. На этом контрасте особенно остро воспринимались железная дорога и вокзал в сознании русской эмиграции. Вокзал (железная дорога) и Пристань (речной вокзал) в Харбине были «воротами» города – именно они обрели особую символическую отмеченность – как в архитектурном плане, так в пространственно-геометрическом, формируя две центральные точки, являвшиеся границами городской планировки – коммерческой, деловой, промышленной. Железная дорога и река Сунгари были основными артериями города, обеспечивающими жизнь ему и его жителям и обусловившими его градостроительную концепцию.

Множественность городских локусов соотносится и с множественностью идентичностей, что обусловило особенный социокультурный код города, связанный во многих своих проявлениях с притоком русской эмиграции в 20-е гг. (в 1921 г. она насчитывала около 300 тыс. и была самой значительной частью эмигрантов). Кроме русских, она включала украинцев, евреев, татар, башкир, бурятов и других народов [13].

Уникальной особенностью этого социокультурного кода явилось то, что при таком пестром многонациональном и социальном разнообразии в Харбине формировался своеобразный «плавильный котел» во всех сферах городской жизни, одновременное присутствие и сосуществование нескольких систем – государственных, финансовых, политических, религиозных, языковых, национально-этнических, что создавало впечатление некоего успешного социального эксперимента. Культура 22 национальностей, населяющих Харбин, политических партий и движений стала, по ощущению современников, «местом рождения и соревнования разных идеологий» [4, с. 2]. Отмечается, в частности, отсутствие непримиримой вражды между эмигрантскими организациями, советскими и эмигрантскими кругами, союзами и объединениями молодежи, политическими организациями (около 150 общественных организаций насчитывалось в Харбине в 1930-е гг.), что фиксируется исследователями харбинской эмиграции: «Когда СССР начал на паях с китайским правительством контролировать работу КВЖД и в Харбине появились советские служащие, даже и тогда атмосфера терпимости оставалась прежней» [9, с. 10–11].

Об этом же пишет и митрополит Нестор: «К числу отрадных явлений в Харбине надо причислить отсутствие непримиримой вражды между отдельными организациями. Несмотря на существующее дробление, все эмигрантские организации в ответственные моменты находят пути для совместных объединенных выступлений» [16, с. 242]. Их можно было увидеть на общих банкетах, за игрой в карты, пасхальных визитах, киносеансах и концертах, совместно проводимых праздниках. Именно поэтому в Харбине в 1920–1930-е гг. выходило более 300 газет и журналов и функционировало множество политических организаций.

В то же время взгляд со стороны мог свидетельствовать о прямо противоположных тенденциях. Вот, например, как атмосферу города описывает Е. И. Рерих, находившаяся в то время в Харбине вместе со своим мужем (художником и мыслителем Н. Рерихом) в составе Маньчжурской экспедиции: «Большая усталость и подавленность, велико и разъединение. Последнее обстоятельство очень прискорбно, ибо прежде всего указывает на незрелость сознания. Много бестолковых, ни на чем не основанных взаимных обвинений в принадлежности к разным обществам, масонским и т. д. Конечно, в обвинениях участвует самая невежественная часть общества, ибо именно они в силу этой невежественности служат лучшим проводником для внесения разложения в русской среде разными иноземцами и поддерживаемого ими всеми способами» (письмо Е. К. Святополк-Четвертинской от 31 октября 1934 г.) [19].

Еще одной важной особенностью культурного кода Харбина стало то, что именно русская культура и русский язык взяли на себя доминантную организующую и коммуникативную функцию в процессе объединения и развития других этносов, организации городской жизни, образовательном процессе, экономической, художественной, повседневной жизни.

Анализируя особенности этого феномена вообще, исследователи видят его в «сверхспособности» как особенности русского культурного кода, называя ее «паттерном народа-первопроходца», для которого характерно «объединение человеческих усилий с целью превращения Окраины, Пустоши в цивилизованную Ойкумену» [20, с. 32]. Об этом свидетельствует история многочисленных примеров освоения русскими новых земель.

В определенной степени здесь можно согласиться с китайской исследовательницей Л. Цуй в том, что в сознании харбинцев сохранение русскости было намного важнее идеи «всемирной отзывчивости», что и определило специфику харбинского мифа» [22, с. 95]. В этой связи следует обратить внимание на такой важный элемент визуального кода Харбина, как система визуально-языковых элементов, отраженных в урбанонимах как единицах образной системы города, определяющих устойчивость русского культурного кода в Харбине, проявляющуюся в том числе в названиях улиц, городских учреждений, в вывесках. Представленные на русском языке, они отражали не только актуальную информацию, но и выполняли символическую функцию. Примером может служить харбинская топонимика, в частности *годонимы* (обозначение названий улиц), которые были не только источником сохранения и трансляции национальной памяти и национального самосознания, но и выполняли коммуникативную, оценочную и даже идеологическую функции. Вот только часть из них, которые зафиксированы в ежегоднике «Весь Харбин» за 1926 г.: *Московская, Большой пр., 1-я и 2-я линии, Водопроводная, Арбат (Кузнецкий Мост), Царское Село* (район Модягоу, где селились эмигранты), *Аптекарская, Больничная, Ветеринарная, Водопроводная, Кладбищенская, Мостовая, Портловая, Почтовая, Пристанская, Ветеринарная, Инженерная, Кузнечная, Столярная, Владимировская, Максимовская, Михайловская, Надеждинская, Сергиевская, Татьянинская, Светланская, Олеговский переулок, Крестовоздвиженская, Сретенская, Благовещенская, Борисовская, Глебовская...* [20].

Все эти названия воспринимались харбинцами как специфическая микротопонимика, которая отражала их мировосприятие и определяла особый культурный ландшафт города. Вывески с названиями кафе и ресторанов тоже были своеобразным индикатором русской столичной и провинциальной культуры, при этом не только несли информативную функцию, но и служили украшением фасадов зданий, как в Москве или любом российском городе: *Сибирь, Ялта, Азиатский, Дарьял, Михалыч, Новый Казбек, Иверия, Яр, Пермь, Украина, Бессарабия, Татос* и другие. На побережье работали такие популярные кафе-рестораны, как *Пляж, Яхт-Клуб, Бар Лукулл*, и забегаловки с комичными названиями *Вася, заходи, Яша – свой человек*.

В то же время при доминирующей роли русскоязычного дискурса сложившиеся в ходе миграционных процессов общины евреев, татар, грузин, башкир, украинцев, армян и других национальностей, говорящих на 45 языках, получали возможность развивать свое образование, досуг, профессиональную и религиозную деятельность, сохраняя до определенного времени статус подданных Российской империи, которых сблизил общая судьба, даже на фоне принятия части из них советского гражданства после 1924 г.

Несмотря на радикальные исторические изменения второй половины XX в., приведшие к массовому исходу русских и представителей других диаспор из Харбина, культурные доминанты города оказались настолько устойчивыми, что сохранили свой след и в сегодняшнем Харбине – 12-миллионном мегаполисе. Это отразилось на особенностях быта харбинцев, моде, кухне, привычках и обычаях горожан, среди которых есть потомки смешанных русско-китайских семей. На фоне стандартных хайтековских небоскребов «русский след» особенно ошутим в историческом центре с его уникальной архитектурой и визуальной стилистикой.

У харбинцев так же, как и сто лет назад, популярны русские игры и забавы (зимние русские горки, ледовые скульптуры, моржевание на реке, летом – городки, лапта, русские качели и др.), гастрономические пристрастия (к мороженому, торту-медовику и пельменям, сливочному маслу, черному хлебу и шоколаду), сохранились некоторые русские вывески кафе, названия некоторых улиц, переименованные на китайский лад, русская баня, особый облик новых зданий, в которых иногда отмечают черты русского стиля, сохранилась библиотека, носящая имя Гоголя. В рамках русско-китайских культурных связей в Харбине функционирует Русский культурный центр, проводятся конференции и форумы бывших харбинцев и их

потомков, продолжают исследоваться архивы эмиграции. И наконец, Харбин оставил в качестве наследия уникальный опыт функционирования социума в условиях культурного трансфера, опыт, который может быть успешно использован в современных социокультурных условиях.

Список литературы

1. Алымов С. Я. Харбин / публ. и коммент А. А. Левченко // Левченко А. А. Харбин – путаный город (Очерк С. Я. Алымова «Харбин») // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 7. Культура и литература дальневосточной эмиграции в архивах, письмах воспоминаниях : сб. науч. работ / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск : Изд-во Амурского гос. ун-та, 2017. С. 18–23.
2. Вернувшийся домой: жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова) : в 2 т. Т. 1 / авт.-сост. О. В. Косик. М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2005. 574 с.
3. Гао Чуньюй. Влияние русской эмиграции на городскую культуру Харбина // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 5А. С. 53–58.
4. Гинс Г. Харбин, эмиграция и культура // Заря (Харбин). 1938. 10 июля. № 180. С. 2.
5. Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : [в 14 т.] Т. 8. Статьи. 1952. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 177–190.
6. Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М. : Вече, 2009. 256 с.
7. Забияко А. А., Забияко А. П., Лешошко С. С., Хисамутдинов А. А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А. П. Забияко. Благовещенск : Амурского гос. ун-та, 2015. 462 с.
8. Кравченко Л. Пейзаж с эвкалиптами // Земля за холмом. Пейзаж с эвкалиптами. Романы. Новосибирск : Новосибирское кн. изд-во, 1988. 522 с. URL: <https://flibusta.club/b/373316/read>.
9. Крейд В. «Все звезды повидава чужие...» // Русская поэзия Китая : антология / сост. В. Крейд, О. Бакич. М. : Время, 2001. 718 с.
10. Кротова М. В. Феномен Харбина как полифоничного города // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 2. С. 765.
11. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1992. Т. 2. 478 с.
12. Мартишина Н. И. Аксиология дороги в российской культуре и её философско-художественная репрезентация // Гуманитарные исследования. 2020. № 2 (27). С. 28–33.
13. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М. : ИРИ, 1997. 245 с.
14. Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М. : Русский путь, 2003. 438 с.
15. Непарадный Петербург в очерках дореволюционных писателей : в 3 т. Т. 3 / сост. В. Введенский, И. Погонин, Н. Свечин. СПб. : Аврора : Стройиздат. 2003. 380 с. URL: <https://flibusta.su/book/30688-neveradnyy-peterburg-v-ocherках-dorevoljucionnyh-pisateley/read/>.
16. Несмелов А. Стихи о Харбине // Русская поэзия Китая : антология / сост. В. П. Крейд и О. М. Бакич. М. : Время. 2001. 720 с.
17. Новости жизни (Харбин). 1925. 27 марта. URL: <http://www.emigrantica.ru/item/novosti-zhizni-kharbin-19141929>.
18. Переслегин С. Цивилизации в людях и кодах // Изборский клуб. Русские стратегии. 2020. № 9 (85). С. 24–34.
19. Рерих Е. И. Письма : в 9 т. Т. II (1934 г.). URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-ii>.
20. Сергей Илья. Четыре времени года // 50 лет спустя: письма, воспоминания, биографии бывших учеников харбинских школ конца 1940-х – начала 1950-х годов. Сидней : The editors of “50 Years Later”, 2009. С. 187–195.
21. Тернавский С. Т. Весь Харбин на 1926 год. Адресная и справочная книга. Харбин : Типография Китайской железной дороги, 1926. 882 с. URL: <https://archive.org/details/Ves Harbin> (дата обращения 14.12.2022).
22. Цуй Лу. Харбинский миф в поэзии русской дальневосточной эмиграции 1920–1940-х гг. // Культура и текст. 2018. № 4 (35). С. 85–98.

Harbin: cultural code of the city in the context of the fate of Russian emigration

Osipova Nina Osipovna¹, Golenok Marina Petrovna²

¹Doctor of Philological Sciences, professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9247-9279. E-mail: nina.osipova@list.ru

²PhD in Cultural Studies, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-8812-9655. E-mail: gmp0889@yandex.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of Harbin in the system of urban cultural codes, formed, among other things, under the influence of the Russian emigration of the 20s: historical-genetic, natural, socio-cultural, artistic, festive, codes of everyday life, etc. The formation of the cultural mythology of the city is traced, in particular, the connection with the "Petersburg text", the system of national symbol-forming factors. The features of the functioning of urban life, ideological, religious and cultural tolerance are presented. A unique feature of Harbin is noted, which consists in the fact that with a motley multinational and social diversity, a kind of "melting pot" of multiculturalism was formed in Harbin in all spheres of urban life. The simultaneous presence and functioning of various systems – state, financial, political, religious, linguistic, national-ethnic – over a relatively short time interval created the impression of a kind of successful social experiment and made Harbin a place of cultural transfer.

Keywords: Russian emigration, cultural code of the city, "Harbin" text.

References

1. Alymov S. Ya. *Harbin* [Harbin] / publ. and comment by A. A. Levchenko // *Levchenko A. A. Harbin – putnyj gorod (Ocherk S. Ya. Alymova "Harbin")* [Harbin – a confused city (Essay by S. Ya. Alymov "Harbin")] // *Russkij Harbin, zapечатlennyj v slove. Vyp. 7. Kul'tura i literatura dal'nevostochnoj emigracii v arhivah, pis'mah vospominaniyah : sb. nauch. rabot* – Russian Harbin, imprinted in the word. Is. 7. Culture and literature of the Far Eastern emigration in archives, letters of memoirs: collection of scientific works / ed. by A. A. Zabayko, G. V. Efendieva. Blagoveshchensk. Publishing House of the Amur State University. 2017. Pp. 18–23.
2. *Vernuvshijsya domoj: zhizneopisanie i sbornik trudov mitropolita Nestora (Anisimova) : v 2 t. T. 1* – Returned home: biography and collection of works of Metropolitan Nestor (Anisimov) : in 2 vols. Vol. 1 / author-comp. O. V. Kosik. M. Publishing House of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. 2005. 574 p.
3. Gao Chunyu. *Vliyanie russkoj emigracii na gorodskuyu kul'turu Harbina* [The influence of Russian emigration on the urban culture of Harbin] // *Kul'tura i civilizaciya* – Culture and civilization. 2019. Vol. 9. No. 5A. Pp. 53–58.
4. Gins G. *Harbin, emigraciya i kul'tura* [Harbin, emigration and culture] // *Zarya (Harbin)* – Sunrise (Harbin). 1938. July 10. No. 180. P. 2.
5. Gogol' N. V. *Peterburgskie zapiski 1836 goda* [Petersburg notes of 1836] // *Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij : [v 14 t.] T. 8. Stat'i* [Complete works : [in 14 volumes] Vol. 8. Articles]. 1952. M.; L. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 1952. Pp. 177–190.
6. Goncharenko O. G. *Russkij Harbin* [Russian Harbin]. M. Veche. 2009. 256 p.
7. Zabayko A. A., Zabayko A. P., Levoshko S. S., Hisamutdinov A. A. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: the experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier] / ed. by A. P. Zabayko. Blagoveshchensk. Amur State University. 2015. 462 p.
8. Kravchenko L. *Pejzazh s evkaliptami* [Landscape with eucalyptus trees] // *Zemlya za holmom. Pejzazh s evkaliptami. Romany* – Land behind the hill. Landscape with eucalyptus trees. Novels. Novosibirsk. Novosibirsk publishing house. 1988. 522 p. Available at: <https://flibusta.club/b/373316/read>.
9. Krejd V. "Vse zvezdy povidav chuzhie..." ["All the stars having seen strangers..."] // *Russkaya poeziya Kitaya : antologiya* – Russian poetry of China : an anthology / comp. V. Krejd, O. Bakich. M. Vremya (Time). 2001. 718 p.
10. Krotova M. V. *Fenomen Harbina kak polifonichnogo goroda* [The phenomenon of Harbin as a polyphonic city] // *Historia Provinciae – Zhurnal regional'noj istorii* – Historia Provinciae – Journal of Regional History. 2019. Vol. 3. No. 2. P. 765.
11. Lotman Yu. M. *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* [The symbolism of St. Petersburg and the problems of semiotics of the city] // *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i : v 3 t.* [Selected articles : in 3 volumes]. Tallinn. Alexandra. 1992. Vol. 2. 478 p.
12. Martishina N. I. *Aksiologiya dorogi v rossijskoj kul'ture i eyo filosofsko-hudozhestvennaya reprezentaciya* [Axiology of the road in Russian culture and its philosophical and artistic representation] // *Gumanitarnye issledovaniya* – Humanitarian studies. 2020. No. 2 (27). Pp. 28–33.
13. Melihov G. V. *Rossijskaya emigraciya v Kitae (1917–1924 gg.)* [Russian emigration in China (1917–1924)]. M. IRI. 1997. 245 p.

14. Melihov G. V. *Belyj Harbin. Seredina 20-h* [White Harbin. Mid-20s]. M. Russkiy put' (Russian way). 2003. 438 p.
15. *Neparadnyj Peterburg v ocherkah dorevoljucionnyh pisatelej* : v 3 t. T. 3 – Non-parade Petersburg in the essays of pre-revolutionary writers : in 3 vols. Vol. 3 / comp. V. Vvedensky, I. Pogonin, N. Svechin. SPb. Aurora : Stroyizdat. 2003. 380 p. Available at: <https://flibusta.su/book/30688-neparadnyiy-peterburg-v-ocherkah-dorevoljutsionnyih-pisateley/read/>.
16. Nesmelov A. *Stihi o Harbine* [Poems about Harbin] // *Russkaya poeziya Kitaya : antologiya* – Russian poetry of China : an anthology / comp. V. P. Kreid and O. M. Bakich. M. Vremya (Time). 2001. 720 p.
17. *Novosti zhizni (Harbin). 1925. 27 marta* – Life News (Harbin). 1925. March 27. Available at: <http://www.emigrantica.ru/item/novosti-zhizni-kharbin-19141929>.
18. Pereslegin S. *Civilizacii v lyudyah i kodah* [Civilizations in people and codes] // *Izborskij klub. Russkie strategii* – Izborsky Club. Russian strategies. 2020. No. 9 (85). Pp. 24–34.
19. Roerich E. I. *Pis'ma : v 9 t. T. II (1934 g.)* [Letters : in 9 vols. Vol. II (1934)]. Available at: <https://roerich-lib.ru/index.php/e-i-rerikh/pisma-e-i-rerikh-tom-ii>.
20. Sergius Ilya. *Chetyre vremeni goda* [Four seasons] // *50 let spustya: pis'ma, vospominaniya, biografii byvshih uchenikov harbinskih shkol konca 1940-h – nachala 1950-h godov* – 50 years later: letters, memoirs, biographies of former students of Harbin schools of the late 1940s – early 1950s. Sydney. The editors of "50 Years Later", 2009. Pp. 187–195.
21. Ternavskij S. T. *Ves' Harbin na 1926 god. Adresnaya i spravochnaya kniga* [The whole of Harbin for 1926. Address and reference book]. Harbin. Printing House of the Chinese Railway, 1926. 882 p. Available at: <https://archive.org/details/Ves-Harbin> (date accessed: 14.12.2022).
22. Cui Lu. *Harbinskij mif v poezii ruskoj dal'nevostochnoj emigracii 1920–1940-h gg.* [Harbin myth in the poetry of the Russian Far Eastern emigration of the 1920s–1940s] // *Kul'tura i tekst* – Culture and Text. 2018. No. 4 (35). Pp. 85–98.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 1 (29) (2023)

16+

Редактор *Ю. Н. Болдырева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 28.05.2023 г.
Дата выхода в свет 27.06.2023 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 20,46. Тираж 100 экз. Заказ № 210.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36